Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026 Том 30 № 2

DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-2
http://journals.rudn.ru/law

Научный журнал
Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор
Ястребов Олег Александрович,
доктор юридических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Руководство производством журнала, техническое и организационное обеспечение, формирование редакционной политики, взаимодействие и контакты с партнерами и официальными структурами.
E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Власенко Николай Александрович,
доктор юридических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Научная политика, организация отбора статей, качество публикуемых материалов, формирование выпусков.
E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь
Никитина Валентина Сергеевна,
кандидат юридических наук, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Переписка с авторами, документооборот журнала, информационная инфраструктура журнала, организация рецензирования материалов.
E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Андреева Полина Николаевна, кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан
Варламова Наталия Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения
Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика
Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан
Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция
Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Пьетробон Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия
Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт Петербург, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Единый государственный перечень научных изданий (Белый список), РИНЦ, Russian Science Citation Index (RSCI), перечень ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, DOAJ, Dimensions*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: http://journals.rudn.ru/law

Редакторы *К.П. Перегудова, К.В. Зенкин*
Редактор-переводчик *В.В. Степанова*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Адрес редакции:
115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru
Почтовый адрес редакции:
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru
Подписано в печать 20.06.2026. Выход в свет 30.06.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 21,18. Тираж 500 экз. Заказ 552. Цена свободная.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2026

RUDN JOURNAL OF LAW

2026 VOLUME 30 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-2

http://journals.rudn.ru/law

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

Editor-in-Chief
Oleg A. Yastrebov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.
Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.
E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief
Nikolay A. Vlasenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.
Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.
E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary
Valentina S. Nikitina,
Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.
Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.
E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Editorial Board

***Aslan Kh. Abashidze*,** Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Polina N. Andreeva, Candidate of Legal Sciences, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan
Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan
Natalia V. Varlamova, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia
Rima Y. Dzhansarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan
Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation
***Andrey A. Klishas*,** Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Sandra Liebenberg, LLD (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa
Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan
***Marina V. Nemytina*,** Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece
***Roman Yu. Pochekaev*,** Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation
***Alessandra Pietrobon*,** PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy
Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA
Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly
Publication languages: Russian, English
The Journal is indexed: *White List of RCSI, Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

• to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,

• to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,

• to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,

• to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,

• to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: http://journals.rudn.ru/law.

Editors *K.P. Peregudova, K.V. Zenkin*
Editor-translator *V.V. Stepanova*
Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Алферова Е.В., Скурко Е.В. Международные и национальные особенности правового регулирования искусственного интеллекта: опыт России, Китая, Индии 215

Зинковский С.Б. Социальная структура в цифровую эпоху в контексте типологической характеристики влияния государства на общественные процессы 233

Степанова В.В. Искусственный интеллект в помощь юристам-исследователям: опыт редактора 250

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аллалыев Р.М. Проблемы методологии социально-правовых исследований в области верховенства права 274

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовой режим: теоретические основы и современная структура в условиях глобализации 289

Корженяк А.М. Международно-правовой механизм легитимации военной операции США и их союзников в Сирии: для учета в международно-правовой политике России 310

Abdelkader Y. DNA Fingerprinting and Genetic Privacy in Algerian and French Law: A Comparative Study 331

Одинцов С.В., Грибановская М.С. Регулирование в Австралийском Союзе цифровых активов в контексте проблем формирования конкурсной массы 349

Мильчакова О.В. Современные подходы зарубежных стран к допуску иностранных инвестиций в национальную экономику 365

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Алехина Е.С. Идеологические источники гражданского права: аксиологическое измерение регулятивных механизмов гражданского общества 381

Джиджавадзе Л.Г. Право на отключение или право на офлайн как ограничение в трудовом праве 395

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Дружинин А.В. Дебюрократизация высшего образования в России: законодательные новации, организационные вызовы, международный опыт 408

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бритвак Н. Организационное, правовое регулирование и материально-техническое обеспечение государственной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан 425

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ. РЕЦЕНЗИИ

Никитина В.С. XIII Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Современные теоретические ориентиры правовой науки» – к 85-летию Валерия Васильевича Лазарева 445

Кузнецова О.А., Клебанов Л.Р. Рецензия на лекцию: А.В. Федоров «Уголовная ответственность юридических лиц как новое направление развития законодательства за рубежом», г. Москва, юридический институт РУДН, 6 марта 2026 года 451

CONTENTS

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Elena V. Alferova, Elena V. Skurko. International and National Features of Legal Regulation of Artificial Intelligence: The Experience of Russia, China, India ……. 215

Sergey B. Zinkovskiy. Social structure in the digital era: Typological characteristics of state influence on social processes …….. 233

Valentina V. Stepanova. Leveraging Artificial Intelligence in legal research: Editor's insights …. 250

METHODOLOGY OF LEGAL RESEARCH

Ruslan M. Allalyev. Methodological Issues in Socio-Legal Research on the Rule of Law …….. 274

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

Aslan Kh. Abashidze, Vladislav S. Malichenko. International Legal Regime: Theoretical Foundations and Contemporary Structure in the Context of Globalization …… 289

Anastasia M. Korzhenyak. International Legal Mechanism for Legitimizing the Military Operation of the United States and its Allies in Syria: Implications for Russia's International Legal Policy ……... 310

Y. Abdelkader. DNA Fingerprinting and Genetic Privacy in Algerian and French Law: A Comparative Study …….. 331

Stanislav V. Odintsov, Maria S. Gribanowskaya. Regulation of Digital Assets in the Commonwealth of Australia in the Context of Bankruptcy Estate Formation …… 349

Olesya V. Milchakova. Modern approaches of foreign countries to admitting foreign investments into the national economy …… 365

CIVIL LAW

Ekaterina S. Alekhina. Ideological sources of civil law: Axiological measurement of civil society regulatory mechanisms …… 381

Levan G. Dzhidzhavadze. The right to disconnect or the right to offline as a restriction of the employer's rights ……. 395

EDUCATIONAL LAW

Andrei V. Druzhinin. Debureaucratization of Higher Education in Russia: Legislative Innovations, Organizational Challenges, International Experience …… 408

FORENSIC SCIENCE, FORENSIC ACTIVITIES, OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Nikita Britvak. Organizational, Legal Regulation and Maintenance of State Fingerprint Registration in the Republic of Kazakhstan …… 425

SCIENTIFIC FORUMS. REVIEWS

Valentina S. Nikitina. 13th All-Russian Annual Meeting of Legal Theorists 'Modern Theoretical Orientations of Legal Science': Dedicated to the 85th Anniversary of Valery V. Lazarev …… 445

Olga A. Kuznetsova, Lev R. Klebanov. Review of the lecture: A.V. Fedorov "Criminal Liability of Legal Entities as a New Direction in the Development of Foreign Legislation", Law Institute of RUDN University, Moscow, March 6, 2026 …….. 451

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 215–232
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232
EDN: DBTINJ

Научная статья / Research Article

Международные и национальные особенности правового регулирования искусственного интеллекта: опыт России, Китая, Индии

Е.В. Алферова, Е.В. Скурко✉

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
✉ealf@list.ru

Аннотация. Развитие правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) – актуальная задача для большинства современных государств. Вместе с тем прогресс в этой области идет неравномерно, и мало кто продвинулся достаточно далеко, чтобы утверждать, что достигнут баланс между развитием технологий ИИ и правами человека, верховенством права, национальной безопасностью в вопросах внедрения ИИ в социальной и публичной практике. Цель исследования – сформировать научно обоснованные правовые знания об искусственном интеллекте и его применении в различных сферах общественной жизни; изучить ключевые тенденции и основные направления регулирования ИИ. Рассмотрен национальный и международный опыт правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае и Индии. Методология исследования основана на комплексном анализе законодательных и научных источников, позволяющих изучить особенности правового режима использования ИИ, достижения и пробелы в его регулировании, а также риски и угрозы, связанные с ИИ. Сделан вывод, что законодательство каждой из представленных в исследовании стран отражает особенности регулирования ИИ, базирующиеся на национальных приоритетах и общепризнанных международных нормах и принципах, идет поиск развития инноваций и одновременно преодоления рисков в области безопасности и нарушения основных прав человека. Прослеживается стремление государств стать конкурентоспособными и занять лидирующие позиции в глобальной технологической гонке в сфере ИИ.

Ключевые слова: международное право, национальные стратегии, национальное законодательство, цифровое право, киберпространство, роботизация

© Алферова Е.В., Скурко Е.В., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Вклад авторов: Алферова Е.В. – общая концепция статьи, аннотация, введение, ключевые тенденции развития искусственного интеллекта и его правового регулирования, основные направления правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации, Китай, заключение, список литературы, общая редакция. Скурко Е.В. – введение, ключевые тенденции развития искусственного интеллекта и его правового регулирования, Индия, заключение. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 13 мая 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Алферова Е.В., Скурко Е.В. Международные и национальные особенности правового регулирования искусственного интеллекта: опыт России, Китая, Индии // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 215–232. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232 EDN: DBTINJ

International and National Features of Legal Regulation of Artificial Intelligence: The Experience of Russia, China, India

Elena V. Alferova, Elena V. Skurko✉

Institute of Scientific Information for Social Sciences, *Moscow, Russian Federation*
✉ealf@list.ru

Abstract. The development of legal regulation of artificial intelligence (AI) represents an urgent priority for most contemporary states. However, progress remains uneven, with few nations achieving a balance between AI technological advancement and protections for human rights, the rule of law, and national security in public applications. The article examines the national and international experiences in AI legal regulation, drawing on cases from Russia, China, and India. The research aims to generate evidence-based legal knowledge on AI and its integration across public life spheres, while identifying key trends and primary regulatory directions. The methodology employs comprehensive analysis of legislative and scholarly sources to examine disctinctive features of AI legal regimes, achievements and shortcomings, and associated risks and threats. In conclusion, the legislation of each examined country reflects nationally specific AI regulation, grounded on domestic priorities alongside recognized international norms and principles. These frameworks pursue innovation while mitigating security risks and human rights violations, positioning nations competitively in the global AI technological race.

Key words: international law, national strategies, national legislation, digital law, cyberspace, robotics

Authors' contribution: Alferova E.V. – overall concept, abstract, introduction, key trends in AI development and legal regulation, primary directions of AI legal regulation in the Russian Federation and China, references, general editing; Skurko E.V. – introduction, key trends in AI development and legal regulation, India, conclusion. Both authors reviewed and approved the final manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 13th May 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Alferova, E.V., Skurko, E.V. (2026) International and National Features of Legal Regulation of Artificial Intelligence: The Experience of Russia, China, India. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 215–232. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-215-232 EDN: DBTINJ

Введение

Одним из главных элементов эффективного становления любых новых технологий является грамотно выстроенная система регулирования. Только она способна адекватно реагировать на их стремительное развитие. В полной мере это относится к искусственному интеллекту (далее – ИИ). Многие страны активно разрабатывают и вводят в действие новое законодательство, регламентирующее использование ИИ в различных сферах жизни человека, общества, государства.

Изучение опыта правового регулирования применения ИИ – одна из важных научно-аналитических задач для ученых разных специальностей, в том числе юристов. Это обусловлено тем, что вопросы исследования правовой политики в сфере регулирования ИИ являются острыми и злободневными: крайне сложно определить баланс между, с одной стороны, гарантиями безопасного использования ИИ, основанными на требованиях сохранения незыблемости принципов прав человека и верховенства закона, и, с другой стороны, стимулированием с помощью правовых средств разработки и внедрения технологий ИИ. Опираясь на универсальные принципы, многие государства различными темпами стремятся найти конкурентоспособные решения, разработанные в том числе на основе ИИ, в целях как недопущения экономического и технологического отставания, так и обеспечения своего доминирования на международной арене. Достижение этих ориентиров предполагает создание нормативных правовых основ внедрения интеллектуальных систем и технологий, а также исследование вопросов морально-этического характера в области внедрения инновационных проектов и решений.

Практически во всех национальных стратегических документах современных государств, посвященных развитию ИИ, вопросы регулирования технологий ИИ рассматриваются как наиболее важные. Так, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ[1] (далее – Стратегия), предусматривает развитие ИИ и создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с внедрением ИИ, «в целях обеспечения роста благосостояния и качества жизни населения Российской Федерации, обеспечения национальной безопасности и правопорядка, достижения устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области искусственного интеллекта»[2].

Правовое регулирование ИИ, согласно данной Стратегии, призвано защищать права и свободы граждан через безопасное внедрение инноваций, одновременно не

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
[2] Там же. П. 23.

препятствуя развитию технологий. Однако задача найти этот баланс является непростой. Страны мира в поиске баланса подошли по-разному к решению этой задачи, что нашло отражение в многочисленных книгах и статьях, раскрывающих законодательный опыт регулирования применения технологий ИИ в различных сферах жизни (Atabekov & Yastrebov, 2024; Minbaleev, 2023; Kerrigan, 2022; Burgess, 2024; Zekos, 2023; Smuha, 2025; et al.).

Среди них выделяется новое комплексное исследование доктринальных и нормативных подходов к регулированию ИИ для целей публичного права России А.Р. Атабекова и О.А. Ястребова (Atabekov & Yastrebov, 2024). На основании проведенного сравнительно-правового анализа ключевых подходов к регламентации ИИ, его применения в судебной и правоприменительной практике в России и зарубежных странах (показан опыт Великобритании, Израиля, Канады, Китая, Нидерландов, ОАР, Саудовской Аравии, Сингапура, США, ФРГ, Франции, Эстонии, ЮАР, Японии и др.) была сформулирована концептуальная модель стратегического позиционирования ИИ в сфере государственного управления.

Интерес также представляет российское исследование, содержащее компактный сравнительный анализ законодательного опыта 43 юрисдикций и 18 международных организаций в сфере ИИ, описанный в книге «Глобальный атлас регулирования ИИ. Вектор БРИКС» (Neznamov, 2024). В ней проанализированы тысячи различных зарубежных и российских нормативных источников и представлен правовой опыт регулирования ИИ в странах БРИКС, а также в более чем в 21 стране мира и в международных организациях (ООН и ее специализированных учреждениях, таких как ВОЗ, ВОИС, ЮНЕСКО; ШОС, СНГ, ОБСЕ, ОЭСР и др.).

Ключевые тенденции развития искусственного интеллекта и его правового регулирования

Динамика законодательного прогресса в сфере регулирования ИИ в разных государствах позволяет ученым выделить ключевые тенденции развития ИИ:

1) *извлечение, представление и использование инновационных знаний*. Речь идет об обработке огромных массивов накопленной информации, машинном обучении, компьютерном зрении, создании экспертных систем различного назначения, в том числе в области юриспруденции;

2) *игры и творчество*. В этой сфере ИИ заявил о себе наиболее ярко и убедительно. Это шахматные компьютеры, устройства для игры в Го, покер и др. Искусственный интеллект постепенно осваивает сферу художественного творчества: пишет стихи, художественную прозу, рисует картины, сочиняет музыку;

3) *анализ и обработка языка.* Все человеческие знания зашифрованы в знаках языка. Поэтому ИИ привлекается для создания пользовательских компьютерных интерфейсов, энциклопедий и справочников, машинных переводов, реферирования и аннотирования источников, извлечения фактов из массивов больших данных;

4) *обучение и самообразование.* Это одна из приоритетных и быстро растущих сфер применения ИИ. Искусственный интеллект используется для оптимизации образовательных систем и учебных программ, формирования творческих команд, коммуникативных навыков, разработки учебных заданий и оценки полученных знаний;

5) *разработка систем ИИ нового поколения.* Разработчики подошли к рубежу, когда не всегда понимают логику действий ИИ. С этим багажом трудно двигаться

дальше, к созданию систем ИИ новых поколений. Поэтому источником новых идей и разработок все чаще становится сам искусственный интеллект (Isakov, 2025:7–8).

6) у*силение международной кооперации по вопросам управления ИИ.* Данная тенденция находит выражение, в частности, в том, что на международном уровне, к настоящему времени, были приняты:

– март 2024 г. – *Резолюция ГА ООН* «*Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития*» (Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy AI Systems for sustainable development)[3]. Резолюция призывает государства сосредоточить усилия в сфере технологий ИИ на вопросах международного сотрудничества, управления данными, развитии безопасных и надежных систем ИИ;

– июль 2024 г. – *Резолюция ГА ООН* «*Об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала искусственного интеллекта*» (On Enhancing International Cooperation on Capacity-building of AI)[4], призывающая мировое сообщество создать «свободную, открытую, инклюзивную и недискриминационную» деловую среду как среди развитых, так и развивающихся стран для разработки и внедрения ИИ;

– сентябрь 2023 г. – решение Группы семи *«Хиросимский процесс генеративного искусственного интеллекта в G7»* (G7 Hiroshima AI Process)[5], призывающее страны-участницы своевременно реагировать на риски, связанные с развитием генеративного ИИ, и обеспечить им условия для извлечения максимальных возможностей от технологического прогресса;

– ноябрь 2023 г. – *Декларация по безопасному применению искусственного интеллекта / Декларация Блетчли* (The Bletchley Declaration on AI Safety)[6], принятая 28 государствами и ЕС на Саммите по безопасному применению ИИ;

– май 2024 г. – *Рамочная конвенция Совета Европы «Об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве закона*» (Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law)[7], принятая Комитетом министров Совета Европы и др.;

– апрель 2025 г. – *Модельный закон СНГ о технологиях ИИ*[8], утвержденный Межпарламентской ассамблеей СНГ;

7) *осторожный подход к законодательному регулированию ИИ.*

Анализ национальных и региональных нормативных правовых актов показал, что в 2023–2025 гг. наблюдается тенденция осторожного подхода к ИИ. В развитии

[3] Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/265 от 21 марта 2024 г.

[4] Об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала искусственного интеллекта : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/311 от 1 июля 2024 г.

[5] Заявление лидеров G7 о Хиросимском процессе искусственного интеллекта : документ G7 от 30 октября 2023 г. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/g7-leaders-statement-hiroshima-ai-process (дата обращения: 31.03.2025).

[6] Декларация по безопасному применению искусственного интеллекта (Декларация Блетчли) : документ стран-участниц Саммита по безопасности искусственного интеллекта от 1 ноября 2023 г. URL: https://www.gov.uk/government/publications/ai-safety-summit-2023-the-bletchley-declaration/the-bletchley-declaration-by-countries-attending-the-ai-safety-summit-1-2-november-2023 (дата обращения: 31.03.2025).

[7] Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве закона : Конвенция CETS № 225 от 5 сентября 2024 г.

[8] О технологиях искусственного интеллекта : модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ : принят постановлением № 58-8 от 18 апреля 2025 г.

правового регулирования идет поиск ответов на такие вызовы, как: ответственность в сфере ИИ; определение нормативных требований к организациям-разработчикам ИИ; воздействие ИИ на человека; установление критериев для «запрещенных» систем ИИ – с общей целью создания и внедрения этичных, надежных, ответственных систем ИИ, с уважением к правам и законным интересам человека и общества.

На сегодняшний день специальные законы об ИИ приняты в Южной Корее и Евросоюзе. Это – Базовый закон о развитии ИИ и создании Фонда обеспечения надежности, принятый в Южной Корее (Basic Act on the Development of Artificial Intelligence (AI) and the Establishment of Foundation for Trustworthiness (AI Basic Act))[9]; Закон (Регламент) ЕС об искусственном интеллекте (The AI Act) (Regulation (EU) 2024/1689 Laying Down Harmonised Rules on AI)[10]. В России принят Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“»[11].

В ряде стран – например, КНР, Великобритании и других, – в повестке дня – принятие законов об ИИ.

8) *определение нормативных требований по маркировке ИИ-контента*.

Тенденция характеризуется тем, что в ряде стран принимаются нормативные правовые акты с требованием маркировки ИИ-контента. В их числе: Положение об администрировании информационных сервисов на основе глубокого синтеза в сети Интернет (Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services)[12] (КНР); Декларация об ответственной разработке и использовании сервисов в сфере генеративного искусственного интеллекта[13] (РФ); Исполнительный

[9] Основополагающий закон о развитии искусственного интеллекта и создании основы для доверия = 인공지능 발전과 신뢰 기반 조성 등에 관한 기본법 : Закон Республики Корея № 20676 от 21 января 2025 г. (вступ. в силу с 22 января 2026 г.) Текст : электронный // Национальный центр законодательной информации Республики Корея. URL: https://www.law.go.kr/법령/인공지능발전과신뢰기반조성등에관한기본법 (дата обращения: 31.03.2025).

[10] Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. об установлении гармонизированных правил в области искусственного интеллекта (Регламент об искусственном интеллекте) // Официальный журнал Европейского Союза. 2024. L 1689. 12 июля. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 31.03.2025).

[11] О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

[12] Положение об администрировании информационных сервисов на основе глубокого синтеза в сети Интернет = Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services : постановление Управления киберпространства Китая, Министерства промышленности и информатизации, Министерства общественной безопасности КНР от 25 ноября 2022 г. № 12 (вступ. в силу с 10 января 2023 г.). URL: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 31.03.2025).

[13] Декларация об ответственной разработке и использовании сервисов на основе генеративного искусственного интеллекта : подписана на выставке-форуме «Россия» 13 марта 2024 г. участниками Альянса в сфере искусственного интеллекта (Сбер, Яндекс, МТС ИИ, Сколтех, МФТИ, Университет ИТМО, Университет Иннополис, Институт системного программирования РАН, НИУ ВШЭ, ННГУ им. Н.И. Лобачевского). URL: https://a-ai.ru/?page_id=2358 (дата обращения: 31.03.2025).

указ «О безопасной и надежной разработке и использовании ИИ» (США) (Executive Order on the Safe, Secure and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence)[14] (США);

9) *введение этических норм в сфере технологий искусственного интеллекта в качестве одного из ключевых инструментов регулирования*. По данному направлению примерами могут служить: «О применении принципов регулирования ИИ Великобритании: базовое руководство для регуляторов» Департамента науки, инноваций и технологий (Implementing the UK's AI Regulatory Principles. Initial Guidance for Regulators)[15] (2024) (Великобритания); Руководство по управлению и этике ИИ АСЕАН (ASEAN Guide on AI Governance and Ethics)[16] (2024); Международные руководящие принципы в области ИИ (International Guiding Principles on Artificial Intelligence)[17] и Кодекс поведения для организаций, разрабатывающих ИИ (Code of Conduct for AI developers)[18]; Концепция этического ИИ (Ethical Artificial Intelligence Framework) Управления по вопросам цифровой политики Гонконга (Digital Policy Office)[19] (2024); Принципы этики в сфере ИИ (AI Ethics Principles) Саудовской Аравии [20](2023) (Neznamov, 2024:344–354).

Среди основных тенденций правового регулирования ИИ выделяются следующие: сочетание различных механизмов социального регулирования использования ИИ (правового, этического, технического, локального); создание принципиально новых синтезированных механизмов регулирования, основанных на многоуровневой системе действия норм; обязательность обеспечения безопасности человека и его прав при использовании ИИ, исключение рисков уничтожения человечества; сочетание концептуального регулирования всестороннего применения ИИ и наиболее острых, требующих немедленного решения проблем по отдельным его технологиям (например, беспилотный транспорт, использование роботов в сфере услуг, телемедицина, обработка больших данных, навигация и др.) (Minbaleev, 2018:85).

[14] Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence : Executive Order 14110 of October 30, 2023 // Federal Register. 2023. Vol. 88, No. 210 (November 1). P. 75191–75226. URL: https://www.federalregister.gov/d/2023-24283 (дата обращения: 31.03.2025).

[15] Implementing the UK's AI regulatory principles: initial guidance for regulators [Реализация принципов регулирования ИИ в Великобритании: первоначальное руководство для регуляторов] : guidance from the Department for Science, Innovation and Technology. London, 2024. Published 6 February 2024. URL: https://www.gov.uk/government/publications/implementing-the-uks-ai-regulatory-principles-initial-guidance-for-regulators (дата обращения: 01.04.2025).

[16] ASEAN Guide on AI Governance and Ethics [Руководство АСЕАН по управлению и этике в сфере искусственного интеллекта] : endorsed at the 4th ASEAN Digital Ministers' Meeting, Singapore, 1–2 February 2024. URL: https://asean.org/book/asean-guide-on-ai-governance-and-ethics/ (дата обращения: 01.04.2025).

[17] Recommendation of the Council on Artificial Intelligence : OECD/LEGAL/0449. Adopted 22 May 2019. Amended 3 May 2024. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 01.04.2025).

[18] Hiroshima Process International Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems [Хиросимский процесс: международный кодекс поведения для организаций, разрабатывающих передовые системы ИИ] : документ G7 от 30 октября 2023 г. URL: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page5e_000076.html (дата обращения: 01.04.2025).

[19] Ethical Artificial Intelligence Framework [Рамки этического искусственного интеллекта] : руководство Управления по вопросам цифровой политики Гонконга. Версия 1.4. Июль 2024 г. URL: https://www.digitalpolicy.gov.hk/en/ (дата обращения: 01.04.2025).

[20] AI Ethics Principles [Принципы этики в сфере искусственного интеллекта] : документ Саудовского управления по данным и искусственному интеллекту (SDAIA). Версия 2.0. Приняты 14 сентября 2023 г. URL: https://dga.gov.sa/en/AI-Ethics-Principles (дата обращения: 01.04.2025).

Анализ национального законодательства государств показывает, что на сегодняшний день большинство стран мира находится на начальной стадии разработки нормативных правовых актов, регулирующих применение технологий ИИ, и с разной скоростью продвигаются в этом направлении.

Основные направления правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации: взгляд российских и зарубежных исследователей

Опыт Российской Федерации по внедрению и правовому регулированию цифровых технологий, в том числе ИИ, привлекает внимание как российских, так и зарубежных ученых. По мнению Джемин Ли, профессора юридического факультета Сеульского национального университета, Россия в сфере ИИ придерживается принципа «осторожного использования ИИ» и учитывает потенциальное влияние ИИ на национальную безопасность. Примером может служить проект «Безопасный город», ключевым компонентом которого являются общенациональные системы видеонаблюдения, оснащенные функцией автоматической передачи информации, и московский проект установления камер видеонаблюдения, большинство из которых имеют функцию распознавания лиц, успешно себя зарекомендовавший как в период пандемии COVID-19, так и находящий эффективное применение в целях предупреждения нарушений общественного порядка (Lee, 2022:28–29).

Важным достижением является реализация в России проекта «Умный город 2030», направленного на предоставление гражданам персонализированного доступа к цифровым услугам в сфере здравоохранения, образования, окружающей среды и другим ключевым элементами функционирования городского правительства, как это характерно для Москвы (Lee, 2022:29–30).

В последние пять лет в России принят ряд программных и нормативных правовых актов, позволяющих говорить о серьезных успехах в правовом регулировании ИИ в стране. Среди них:

– Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[21];

– Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“»[22];

[21] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. : утв. Указом Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 (в ред. от 15 февр. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).

[22] О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“ : Федеральный закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ (в ред. от 8 авг. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).

– Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[23], который устанавливает режим регуляторных «песочниц» в области цифровых инноваций;

– Концепция регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р[24];

– Перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, включая ИИ, утвержденный постановлением Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750[25], и др.

Анализ научных публикаций показывает, что зарубежные исследователи с интересом изучают российскую Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (Lund et al., 2025). Однако данная Стратегия до сих пор не подкреплена комплексным федеральным законом об ИИ, в котором должны найти отражение четкая регламентация сферы его действия, научно обоснованный понятийный аппарат, система принципов и порядок территориального действия закона, а также этические аспекты использовании технологий ИИ (Polyakova & Troyan, 2024). Важными направлениями правового регулирования ИИ, по мнению российских ученых, признаются: выработка доктринальных подходов к правовому регулированию применения технологий ИИ; проведение экспертно-аналитической работы в сфере совершенствования процессов регламентации отношений в сфере ИИ; формирование концепции и правовых моделей конвергенции ИИ и цифровых технологий в системе отечественного права; развитие прикладных правовых исследований, ориентированных на повышение качества образовательного процесса (Atabekov & Yastrebov, 2024:87).

Среди перспективных направлений применения технологий ИИ в государственном управлении Российской Федерации можно выделить следующие: автоматизация отчетности и документооборота, в том числе смарт-контракты; предотвращение нарушений за счет оценки рисков, мониторинга транзакций; оптимизация инспекций (за счет автоматического скоринга и определения приоритетов); проверка контрагентов/потенциальных поставщиков на благонадежность; защищенный сбор, хранение и анализ персональных и конфиденциальных данных; машиночитаемое и машинопроектируемое законодательство; цифровые суды для удаленного разрешения споров (Minbaleev et al., 2024).

Существует также несколько сфер государственного управления, для которых характерно активное внедрение технологий ИИ. К числу таких сфер относят здравоохранение, образование, управление транспортными потоками, управление миграционными потоками и др. (Atabekov & Yastrebov, 2024).

[23] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5017 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).

[24] Концепция регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники : утв. распоряжением Правительства РФ от 19 авг. 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 34. Ст. 5492.

[25] Перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций : постановление Правительства РФ от 28 окт. 2020 г. № 1750 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 44. Ст. 6989.

Китай

С 2015 г. Китай добился значительного прогресса в области ИИ благодаря стратегическим планам и инициативам. Правительство Китая разработало ряд проектов и государственных стратегий, направленных на поддержку компаний, занимающихся внедрением ИИ в различных областях, таких как подготовка кадров, инкубация стартапов, закупка вычислительных мощностей и инфраструктуры, инвестиционные схемы, налогообложение, вывод продуктов на рынок и другие сопутствующие аспекты. Правительство страны координирует деятельность и сотрудничает с местными органами власти, а также с китайскими цифровыми гигантами, такими как Baidu, Alibaba и Tencent, – что составляет уникальную особенность экономического управления в Китае в условиях цифровизации. Развитая цифровая сетевая среда позволяет правительственным учреждениям Китая собирать и обрабатывать информацию и данные в больших объемах и эффективным образом. Относительно низкий уровень защиты конфиденциальности и личной информации, а также сильная регулирующая власть центрального правительства, по мнению специалистов, позволили Китаю занять прочное положение и лидирующее место в цифровой экономике и цифровом обществе[26] (Lee, 2022:26; Parasol, 2021:21–24; Li, 2023:255–256).

«Стартовой точкой» в формировании общей стратегии промышленного и технологического развития КНР признается национальная Стратегия «Сделано в Китае–2025», утвержденная Госсоветом КНР в 2015 г. и предлагавшая в качестве направления модернизации производства его высокую автоматизацию.

Последующими шагами для стимулирования развития отрасли ИИ стало принятие таких документов, как *«План действий по содействию развитию больших данных»*[27] и *«План развития искусственного интеллекта нового поколения»*[28]. Руководство КНР рассматривает ИИ как приоритетную и стратегическую технологию: Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно заявлял, что развитие ИИ является важным стратегическим ориентиром для Китая, а также стратегическим ресурсом, который позволит сделать рывок во всестороннем развитии науки и технологий[29].

В период с 2018 г. в КНР были приняты: *Совместное публичное заверение о самодисциплине индустрии ИИ* (Joint Pledge on AI Industry Self-Discipline)[30] Отраслевым альянсом ИИ (AI Industry Alliance) (2019); *Пекинские принципы ИИ* (Beijing

[26] Матвеенков К. Искусственный интеллект с китайской спецификой: станет ли Китай мировым лидером в сфере ИИ к 2030 году? // Российский совет по международным делам : [сайт]. 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyy-intellekt-s-kitayskoy-spetsifikoy-stanet-li-kitay-mirovym/ (дата обращения: 01.04.2025).

[27] План действий по содействию развитию больших данных : утверждён Госсоветом КНР 30 авг. 2015 г. Пекин, 2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-09/05/content_10137.htm (дата обращения: 01.04.2025).

[28] План развития искусственного интеллекта нового поколения : утверждён Госсоветом КНР 8 июля 2017 г. Пекин, 2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 01.04.2025).

[29] Xi urges promoting healthy and orderly development of AI : [сообщение информагентства Xinhua] // The State Council of the People's Republic of China : [сайт]. 2025. 29 апр. URL: https://english.www.gov.cn/news/202504/29/content_WS68100ef1c6d0868f4e8f2275.html (дата обращения: 01.04.2025).

[30] Joint Pledge on AI Industry Self-Discipline // AI Industry Alliance (AIIA) : [сайт]. 2019. URL: http://www.aiia.org.cn (дата обращения: 01.04.2025).

AI Principles) Пекинской академии ИИ (Beijing Academy of AI)[31] (2019); *Белая книга по управлению ИИ* (AI Governance White Paper)[32] Китайской академии информационно-коммуникационных технологий совместно с Отраслевым альянсом ИИ (2020); *Пекинские принципы по использованию ИИ для детей* (AI for Children: Beijing Principles)[33] Пекинской академии ИИ (Beijing Academy of AI) (2020); *Руководство по укреплению ответственного регулирования алгоритмов информационных сервисов Интернет* (Guidance on Strengthening the Comprehensive Governance of Internet Information Service Algorithms) Управлением киберпространством Китая (China Cyberspace Administration)[34] (2021); *Белая книга по безопасности ИИ* (White Paper on AI Security) Китайской академии информационно-коммуникационных технологий (2022)[35]. В 2021 г. в Китае был принят национальный *Кодекс этики в сфере ИИ* (AI Code of Ethics)[36], в котором изложены шесть основополагающих принципов для всех видов деятельности, связанных с ИИ: повышение благосостояния людей, обеспечение справедливости, защита конфиденциальности и безопасности, контроль над ИИ и доверие к нему, подотчетность, этическое использование[37].

Таким образом, в КНР в течение короткого времени были разработаны нормативные документы в сфере технологий ИИ, которые кардинально изменили ландшафт управления ИИ в стране. Особенного внимания заслуживают, в частности, *Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта*[38] (2023), определяющие, что поставщики услуг генеративного ИИ, влияющего

[31] Beijing AI Principles // Beijing Academy of Artificial Intelligence (BAAI). 2019. URL: https://www.baai.ac.cn/english/baai-ai-principles.html (дата обращения: 01.04.2025).

[32] 中国信息通信研究院，中国人工智能产业发展联盟. 人工智能治理白皮书 [Белая книга по управлению ИИ] // China Academy of Information and Communications Technology (CAICT) : [сайт]. 2020. 27 сент. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202009/t20200928_347546.htm (дата обращения: 01.04.2025).

[33] 北京智源人工智能研究院 [Пекинская академия искусственного интеллекта (BAAI)] и др. 面向儿童的人工智能北京共识 [Пекинские принципы по использованию ИИ для детей] // 智源社区 (BAAI Hub) : [сайт]. 2020. 15 сент. URL: https://hub.baai.ac.cn/view/2197 (дата обращения: 01.04.2025).

[34] Guidance on Strengthening the Comprehensive Governance of Internet Information Service Algorithms // Cyberspace Administration of China (CAC). 2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-09/17/c_1635342084086231.htm (дата обращения: 01.04.2025).

[35] 中国信息通信研究院. 人工智能白皮书（2022年）[Белая книга по безопасности ИИ] // China Academy of Information and Communications Technology (CAICT) : [сайт]. 2022. 12 апр. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202204/t20220412_399752.htm (дата обращения: 01.04.2025).

[36] 新一代人工智能伦理规范 [Кодекс этики искусственного интеллекта нового поколения] / 国家新一代人工智能治理专业委员会 [Государственный комитет по управлению этикой искусственного интеллекта нового поколения] // 中华人民共和国科学技术部 [Министерство науки и технологий КНР] : [сайт]. 2021. 25 сент. URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (дата обращения: 01.04.2025).

[37] AI Regulatory Landscape and Development Trends in China 2025-2026 // ICLG.com : [сайт] / Global Legal Group. London, 2025. 21 July. URL: https://iclg.com/practice-areas/data-protection-laws-and-regulations/02-ai-regulatory-landscape-and-development-trends-in-china (дата обращения: 01.04.2025).

[38] 生成式人工智能服务管理暂行办法 [Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services] : 国家互联网信息办公室、中华人民共和国国家发展和改革委员会、中华人民共和国教育部、中华人民共和国科学技术部、中华人民共和国工业和信息化部、中华人民共和国公安部、国家广播电视总局令第15号. 2023. 10 июля. URL: http://www.gov.cn/gongbao/2023/issue_10666/202308/content_6900864.html (дата обращения: 01.04.2025).

на общественное мнение или способного к «социальной мобилизации», должны проходить оценку безопасности, соответствовать законодательству и нормам общественной морали, а также избегать манипулирования информацией и общественным мнением[39] (Li, 2023).

Согласно ст. 3 Временных мер государство придерживается принципов равной важности развития и безопасности, а также сочетания содействия инновациям и управления ими на законной основе. Положения, предусмотренные этим документом, содержат требования к контенту, созданному с помощью ИИ, к самому ИИ и организациям, внедряющим ИИ, в частности устанавливается, что использование систем генеративного ИИ не должно нарушать политические и идеологические ориентиры Китая, не допускается генерация контента, направленного на подрыв государственной власти, свержение социалистического режима, нанесение ущерба безопасности, интересам и имиджу государства, разрушение национального единства и социальной стабильности (ст. 4). Контент должен создаваться исключительно на основе данных законного происхождения (п. 1 ст. 7) и содержать маркировку (ст. 12), а поставщики обязаны обеспечивать безопасность, стабильность систем (ст. 13) и механизмы рассмотрения жалоб на услуги и контент, созданный ИИ (ст. 15).

В Китае пока не существует общего закона об ИИ. Тем не менее, в 2023 г. Государственный совет Китая включил в план законодательной деятельности его разработку. В том же году инициативная группа ученых из Китайской академии социальных наук разработала первый проект закона об ИИ, опубликованный как «Модельный закон об искусственном интеллекте, версия 1.0 (проект экспертного предложения)» для Китая.

Следует также отметить, что в КНР к настоящему времени принят ряд нормативных правовых актов, предусматривающих регулирование генеративного ИИ, дипфейков и рекомендательных сервисов, сферы данных, беспилотных автомобилей, применения ИИ в здравоохранении и других областях. Особое внимание неизменно уделяется этическому регулированию ИИ. В частности, в 2021 г. Национальный специальный комитет Китая по управлению ИИ нового поколения, подведомственный Министерству науки и технологий КНР, принял Кодекс этики ИИ нового поколения[40].

Следует отметить, что в сфере ИИ в Китае активно разрабатываются стандарты безопасности ИИ: издана Белая книга по стандартизации безопасного ИИ; анонсирован план по разработке 50 стандартов в сфере ИИ в 2026 г.; Министерством промышленности и информационных технологий КНР совместно с рядом правительственных органов в 2024 г. выпущено *Руководство по формированию комплексной системы стандартизации для национальной индустрии ИИ* (Guidelines for the

[39] Тонких Е. Опыт Китая в регулировании ИИ: между Сциллой и Харибдой // Российский совет по международным делам : [сайт]. 2025. 20 марта. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-regulirovanii-ii-mezhdu-stsilloy-i-kharibdoy/ (дата обращения: 01.04.2025).

[40] 新一代人工智能伦理规范 [Кодекс этики искусственного интеллекта нового поколения] / 国家新一代人工智能治理专业委员会 [Национальный комитет по управлению этикой искусственного интеллекта нового поколения] // 中华人民共和国科学技术部 [Министерство науки и технологий КНР] : [сайт]. 2021. 25 сент. URL: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html (дата обращения: 01.04.2025).

Construction of a National Artificial Intelligence Industry Comprehensive Standardization System)[41].

Специалисты высоко оценивают широко применяемую в КНР технологию распознавания лиц, используемую правоохранительными органами страны. Сегодня в Китае создана обширная национальная база данных о лицах (facial data), которая позволяет государственным учреждениям идентифицировать граждан за несколько секунд, что значительно повышает эффективность работы.

При этом особенное внимание уделяется вопросам безопасности данных. Например, закон Китая о кибербезопасности требует, чтобы сетевые операторы и предприятия в «критических секторах» вне зависимости от формы собственности подвергались проверкам и мониторингу на предмет потенциального ущерба или несанкционированного доступа к национальной информационной сети, фактически охватывающим как государственный сектор (т.е. правительство и его учреждения), так и связанный с государством сектор (т.е. государственные предприятия – ГП) (Lee, 2022:27; Parasol, 2021).

По мнению российских ученых, китайский подход к регулированию ИИ отличается гибкостью, которая дает возможность содействовать развитию ИИ в Китае и снижать барьеры для разработчиков. Подходы КНР в сфере регулирования ИИ позволяют стимулировать экспорт ИИ в пространстве «Глобального Юга» и в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (Filipova, 2024:66).

Китайские ученые выделяют следующие тенденции развития ИИ в стране: инновации в сфере технологий ИИ рассматриваются основным ориентиром преобразований в различных областях экономики; совершенствование алгоритмов в целях повышения качества и точности информации; усиление внимания к защите цифрового суверенитета страны и стандартизированному применению генеративного ИИ (Li, 2023:260, 262, 264); резкое усиление контроля за соблюдением национальных и местных законов в области ИИ; совершенствование национальных и отраслевых нормативных стандартов; адаптация транснациональных корпораций к китайской экосистеме ИИ[42].

Таким образом, в настоящее время законодательство КНР о внедрении ИИ содержит много конкретных нормативных правовых правил, защищающих цифровой суверенитет страны и безопасность больших и персональных данных.

Индия

Индии еще предстоит создать специализированное законодательство в области ИИ. Сегодня регулирование использования ИИ осуществляется посредством рекомендаций, руководящих принципов и правил, разработанных в этой сфере.

---

[41] 国家人工智能产业综合标准化体系建设指南 (2024版) [Руководство по формированию комплексной системы стандартизации для национальной индустрии искусственного интеллекта (версия 2024)] / 工业和信息化部, 中央网络安全和信息化委员会办公室, 国家发展和改革委员会, 国家标准化管理委员会 [Министерство промышленности и информатизации КНР, Канцелярия Комитета по вопросам киберпространства Китая, Государственный комитет по развитию и реформам КНР, Государственный комитет по стандартизации КНР]. 2024. 5 июня. URL: https://www.miit.gov.cn/zwgk/zcwj/wjfb/tz/art/2024/art_e8ebf5600ec24d3db644150873712c5f.html (дата обращения: 01.04.2025).

[42] AI Regulatory Landscape and Development Trends in China // Data Protection Laws and Regulations 2025–2026 / Global Legal Group. London, 2025. URL: https://iclg.com/practice-areas/data-protection-laws-and-regulations/02-ai-regulatory-landscape-and-development-trends-in-china (дата обращения: 01.04.2025).

1 марта 2024 г. правительство страны выпустило директиву, требующую от цифровых платформ получать разрешение Министерства электроники и информационных технологий (Ministry of Electronics and Information Technology – MeitY) перед внедрением непротестированных систем ИИ или больших языковых моделей (LLM) для широкой общественности. Эта директива обязывает организации, внедряющие ИИ, избегать предвзятости, поддерживать честность и маркировать контент, произведенный ИИ.

После общественных дискуссий правительство частично пересмотрело директиву, отменив необходимость в отчетности компаний, работающих в сфере ИИ, но сохранив обязательства по предупреждению пользователей о непроверенных моделях ИИ и маркировке контента «дипфейк».

Нормативная база Индии в области ИИ основана на нескольких базовых инициативах. Это – Национальная стратегия по искусственному интеллекту[43], получившая название #AIFORALL и запущенная Национальным институтом преобразований Индии (National Institution for Transforming India – NITI Aayog) в 2018 г. Особое внимание в ней уделяется здравоохранению, сельскому хозяйству, образованию и транспорту в качестве основных областей для развития, основанного на ИИ. Эта Стратегия привела к повышению качества данных и созданию предварительных структур для обеспечения кибербезопасности и защиты данных. Опираясь на это, NITI Aayog разработал «Принципы ответственного ИИ» (Principles for Responsible AI) в 2021 г. по семи ключевым областям: безопасность, прозрачность, подотчетность, инклюзивность, конфиденциальность, равенство и укрепление позитивных общественных ценностей (Lund et al., 2025).

Дальнейшее развитие правовой политики Индии в сфере ИИ было связано с принятием в августе 2023 г. Закона о защите цифровых персональных данных (Digital Personal Data Protection (DPDP) Act)[44], который нацелен на безопасность цифровых данных и защиту личной информации. Наряду с этим Руководящие принципы в сфере информационных технологий (Промежуточное руководство и Кодекс этики в цифровых медиа)[45] (Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules), обновленные в апреле 2023 г., формируют нормативную базу для надзора за социальными сетями, цифровыми медиапосредниками и другими цифровыми платформами, укрепляя систему ответственного использования ИИ в Индии.

Индия, кроме того, приняла обязательства оказать значительную финансовую поддержку ИИ, недавно одобрив выделение 103 млрд индийских рупий (около 1,25 млрд долл. США) на развитие инфраструктуры ИИ в течение пяти лет, поддержку создания больших языковых моделей, продвижение инноваций в области искусственного интеллекта среди стартапов. Национальный офис по управлению

[43] National Strategy for Artificial Intelligence : #AIFORALL / NITI Aayog, Government of India. New Delhi, 2018. URL: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2021-02/National-Strategy-for-Artificial-Intelligence.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

[44] Digital Personal Data Protection Act, 2023 : Act No. 22 of 2023 / Ministry of Law and Justice, Government of India. New Delhi, 2023. URL: https://egazette.gov.in/WriteReadData/2023/247915.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

[45] Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules, 2023 : S.O. 1396(E) / Ministry of Electronics & Information Technology, Government of India. New Delhi, 2023. URL: https://www.meity.gov.in/writereaddata/files/Intermediary_Guidelines_and_Digital_Media_Ethics_Code_Rules_2023.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

данными (National Data Management Office – NDMO) осуществляет сотрудничество и координирует взаимодействие правительственных ведомств в сфере ИИ, уделяя особое внимание повышению качества и доступности данных для приложений искусственного интеллекта в государственном секторе (Lund et al., 2025).

Для устранения потенциальных рисков, связанных с появлением технологий ИИ, Министерство электроники и информационных технологий Индии и Бюро индийских стандартов (Bureau of Indian Standards) совместно работают над созданием национальных стандартов в области ИИ. Разработка стандартов в сфере ИИ нацелена на создание всеобъемлющих руководящих принципов по этике и безопасности ИИ. Хотя в Индии нет законодательных актов, непосредственно направленных на борьбу с дипфейками, т.е. контентом, манипулируемым ИИ, влияющим на личное и общественное доверие, Закон об информационных технологиях (Information Technology Act)[46] (2000), а также ряд статей Уголовного кодекса Индии[47] предусматривают средства правовой защиты и ответственности за дипфейки. Например, ст. ст. 66E и 66D Закона об информационных технологиях направлены на борьбу с вмешательством в частную жизнь и злоупотреблением цифровыми ресурсами, а ст. 509 и 499 Уголовного кодекса защищают от таких правонарушений, как клевета, диффамация и дезинформация.

15 марта 2024 г. Министерство электроники и информационных технологий выпустило обновленные рекомендации, в которых подчеркивается необходимость ответственного управления созданным и измененным с помощью ИИ контентом со стороны посреднических организаций. В этих рекомендациях содержится призыв к цифровым платформам предотвращать предвзятость, поддерживать честность и маркировать сгенерированный искусственным интеллектом контент постоянными метаданными. Несоблюдение Закона об информационных технологиях или связанных с ним руководств в сфере ИТ могут привести к юридическим последствиям для платформ, посредников и их пользователей (Lund et al., 2025).

Следует отметить, что особенное внимание законодателей Индии приковано к стандартизации в сфере ИИ (Lund et al., 2025). Это не случайно: правовое регулирование стандартизации инструментов и алгоритмов ИИ сегодня становится самостоятельным предметом исследований (Högberg, 2024; Ferrari, 2023). Примечательно, что Россия и Индия совместно разрабатывают проект «Белой книги», в которой будут отражены согласованные двумя государствами цели и задачи оценки соответствия технологий ИИ, существующих на российском и индийском рынке ИИ в пилотных отраслях. В качестве пилотных проектов выбраны применение технологий ИИ в здравоохранении и сельском хозяйстве[48].

[46] Information Technology Act, 2000 : Act No. 21 of 2000 / Ministry of Law and Justice, Government of India. New Delhi, 2000. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1316?sam_handle=123456789/1362 (дата обращения: 01.04.2025).

[47] Bharatiya Nyaya Sanhita, 2023 : Act No. 45 of 2023 / Ministry of Law and Justice, Government of India. New Delhi, 2023. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/20049 (дата обращения: 01.04.2025).

[48] Россия и Индия развивают сотрудничество в сфере стандартизации ИИ // ComNews. 2024. 10 января. URL: https://www.comnews.ru/content/230954/2024-01-10/2024-w02/1011/rossiya-i-indiya-razvivayut-sotrudnichestvo-sfere-standartizacii-ii (дата обращения: 01.04.2025).

Заключение

Проблема правового регулирования в сфере ИИ связана с необходимостью поиска баланса стимулирования инноваций и охраны прав человека, принципа верховенства права, обеспечения национальной безопасности. Приоритетные цели разработки и использования технологий ИИ в большинстве стран мира, в том числе в России, заявлены в национальных стратегических документах и законах. Их появление на практике обусловлено цифровыми достижениями, а также рисками и угрозами, исходящими от ИИ.

Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации, Китая и Индии, а также других стран мира и международных организаций свидетельствует о важности задач, стоящих перед национальными государствами как по решению отдельных, наиболее актуальных вопросов, связанных с применением ИИ и робототехники, так и по глобальному определению перспектив системного регулирования использования ИИ в различных сферах общественной жизни – в экономике, социальном секторе, государственном управлении, медицине, образовании, правосудии и др. Особое внимание уделяется правовому регулированию вопросов обеспечения безопасности личности, общества и государства от возможных угроз выхода ИИ из-под контроля человека.

Каждая страна разрабатывает собственный подход к регулированию ИИ, учитывающий национальные приоритеты и международную конкуренцию. Например, Китай делает акцент на усилении контроля над данными и этике использования ИИ, одновременно стремясь занять лидирующие позиции в глобальной технологической гонке, Россия – на цифровом суверенитете и безопасности ИИ, высоком качестве законодательных инициатив в вопросах применения ИИ, в Индии – на правительственном администрировании и активных попытках развития стандартизации в сфере ИИ. В рассмотренных юрисдикциях на сегодняшний день отсутствуют специальные законы об ИИ. Вместе с тем их разработка и принятие стоит в повестке дня, например, в России и Китае. С определенной долей условности можно отметить, что подходы к правовому регулированию ИИ в Российской Федерации наиболее схожи с подходами КНР – и обладают потенциалом взаимного обогащения.

В общих чертах основные тенденции в регулировании использования ИИ в рассматриваемых странах идентичны. Внимание законодателей и правительств государств сосредоточено на создании различных механизмов регулирования ИИ (правового, этического, технического и др.), в том числе на принципиально новых механизмах, отвечающих инновационным цифровым технологиям, применяемым в различных секторах и сферах общественной жизни; обеспечении безопасности человека и защите его прав при использовании ИИ; доктринальном (стратегическом) позиционировании ИИ; регулировании наиболее критически важных областей экономики государства; стандартизации применяемых алгоритмов и инструментов ИИ. Различия в подходах к регулированию ИИ обусловлены национальными особенностями правовых систем.

References / Список литературы

Atabekov, A.R. & Yastrebov, O.A. (2024) *Strategic planning of artificial intelligence in the field of public administration and the practice of legal regulation*. Moscow, UNITY-DANA Publ. (In Russian). EDN: LZXXJT.

Атабеков А.Р. Стратегическое позиционирование искусственного интеллекта в сфере государственного управления и практика правового регулирования : монография / А.Р. Атабеков, О.А. Ястребов. М. : Юнити-Дана, 2024. 447 с. EDN: LZXXJT.

Burgess, P. (2024) *AI and the Rule of Law. The Necessary Evolution of a Concept.* Oxford, HART Publ.

Ferrari, F., van Dijck, J. & van den Bosch, A. (2023) Observe, inspect, modify: Three conditions for generative AI governance. *New Media & Society*. 27 (5), 2788–2806. https://doi.org/10.1177/14614448231214811 EDN: PPBSRB.

Filipova, I.A. (2024) Legal regulation of artificial intelligence: China's experience. *Journal of Digital Technologies and Law.* (2 (1)), 46–73. (In Russian). https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4 EDN: AWEFAY.

Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2 (1). С. 46–73. https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4 EDN: AWEFAY.

Högberg, C. (2024) Stabilizing Translucencies: Governing AI Transparency by Standardization. *Big Data & Society*. January–March, 1–14. https://doi.org/10.1177/20539517241234298 EDN: HQJBTA.

Isakov, V.B. (2025) Prospects of Artificial Intelligence in Law (Review). *Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Ser.4: The State and law.* (3), 7–15. (In Russian). https://doi.org/10.31249/iajpravo/2025.03.04 EDN: UNQIEH.

Исаков В.Б. Перспективы искусственного интеллекта в праве (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2025. № 3. С. 47–62. https://doi.org/10.31249/iajpravo/2025.03.04 EDN: UNQIEH.

Kerrigan, C. (ed.) (2022) *Artificial Intelligence. Law and Regulation.* Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited. http://dx.doi.org/10.4337/9781800371729

Lee, J. (2022) *Artificial Intelligence and International Law.* Singapore, Springer Publ.

Li, Yao. (2023) Specifics of Regulatory and Legal Regulation of Generative Artificial Intelligence in the UK, USA, EU and China. *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 16 (3), 245–267. (In Russian). https://doi.org/:10.17323/2072-8166.2023.3.245.267

Ли Яо. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 245–267. https://doi.org/:10.17323/2072-8166.2023.3.245.267

Lund, B., Orhan, Z., Mannuru, N.R. et al. (2025) Standards, frameworks, and legislation for artificial intelligence (AI) transparency. *AI and Ethics*. 5, 3639–3655. https://doi.org/10.1007/s43681-025-00661-4 EDN: QOIJNV.

Minbaleev, A.V., Dobrobaba, M.B., Efremov, A.A. & Shchitov, A.A. (2024) *Legal problems of using AI: Analytical report.* Available at: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_4-AD-_Pravovye-problemy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta.pdf (accessed: 01st February 2025). (In Russian).

Правовые проблемы использования ИИ : аналитический доклад / А.В. Минбалеев, М.Б. Добробаба, А.А. Ефремов, А.А. Щитов. 2024. Available at: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_4-AD-_Pravovye-problemy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

Minbaleev, A.V. (2018) Problems of regulating artificial intelligence. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law.* 18 (4), 82–87. (In Russian). https://doi.org/10.14529/law180414 EDN: VMXZXV.

Минбалеев А.В. Проблемы регулирования ИИ // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право». 2018. Т. 18. № 4. С. 82–87. https://doi.org/10.14529/law180414 EDN: VMXZXV.

Minbaleev, A.V. (ed.) (2023) *Promising Areas of Legal Regulation of Artificial Intelligence.* Saratov, Amirit Publ. (In Russian). EDN: ZZMOPK.

Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта : монография / А.В. Минбалеев, Т.А. Полякова, М.Б. Добробаба и др. ; под ред. А.В. Минбалеева. Саратов : Амирит, 2023. 442 с. EDN: ZZMOPK.

Neznamov, A.V. (ed.) (2024) *The Global Atlas of regulation and the BRICS Vector.* 3rd ed. Moscow, Profsuvenir Publ. (In Russian).
Глобальный атлас регулирования ИИ. Вектор БРИКС / Васин Е.О., Гвоздырева А.Д., Замулина А.Ю., Дейнека А.П. и др.; гл. ред. Незнамов А.В. 3-е изд., доп. и перер. М. : Профсувенир, 2024. 377 с.

Parasol, M. (2021) *AI Development and the 'fuzzy logic' of Chinese cyber security and data laws.* Cambridge, Cambridge University Press.

Polyakova, T.A. & Troyan, N.A. (2024) Legal issues of the use of artificial intelligence technologies in the information society and in public administration. *The rule of law: theory and practice.* 20 (3(77)), 85–93. (In Russian). https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.3.10 EDN: NSLARY.
Полякова Т.А., Троян Н.А. Правовые вопросы использования технологий искусственного интеллекта в информационном обществе и в государственном управлении // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20. № 3 (77). С. 85–93. https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.3.10 EDN: NSLARY.

Smuha, N. A. (ed.) (2025) *The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence.* Cambridge, Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781009367783

Zekos, G.I. (2023) *Artificial Intelligence and Competition. Economic and Legal Perspectives in the Digital Age.* Cham, Springer Publ.

Сведения об авторах:

Алферова Елена Васильевна – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-код: 8179-7888

e-mail: ealf@list.ru

Скурко Елена Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID: 0009-0004-1139-951X; SPIN-код: 8707-2496

e-mail: e.skurko@mail.ru

About the authors:

Elena V. Alferova – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Jurisprudence, Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences; 51/21 Nahimovskij avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-code: 8179-7888

e-mail: ealf@list.ru

Elena V. Skurko – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences; 51/21 Nahimovskij avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-1139-951X; SPIN-code: 8707-2496

e-mail: e.skurko@mail.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 233–249
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-233-249
EDN: DDTWRH

Научная статья / Research Article

Социальная структура в цифровую эпоху в контексте типологической характеристики влияния государства на общественные процессы

С.Б. Зинковский

Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
Одинцовский филиал МГИМО МИД России, *г. Одинцово, Российская Федерация*
✉ zinkovskiy-sb@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются основные характеристики социальной структуры с точки зрения их значения для выявления места и роли государства в общественных процессах в цифровую эпоху. Методологической основой исследования стало сочетание элементов классовой и стратификационной теорий структуры общества, что позволило охарактеризовать социальные группы с позиций их неоднородности, различий в идейных основах их организации и функционирования. Обоснован тезис о том, что в разные исторические периоды ресурсы, предопределяющие характер и основания социальной структуры, обладают неодинаковым дифференцирующим потенциалом. Отсюда – заложенные в ней диспропорции становятся основой для ее потенциальной конфликтности, которая преодолевается изменением роли государства в обществе, степени его вмешательства в общественные процессы и влияния на формирование и развитие социальных групп. Государство, являясь механизмом, интегрирующим общество, меняет существующие в нем системы ценностей с целью согласовать различные группы социальных интересов и не допустить усиления общественных сил, представляющих угрозу для государственного суверенитета. Исследование показывает, что цифровая эпоха демонстрирует сочетание критериев построения системы социально-экономического неравенства и соответствующей ей социальной структуры – от в чистом виде экономических до статусных, политико-правовых и социокультурных. Цифровая эпоха демонстрирует бОльшую поляризацию и разобщенность социальных групп, меньшие возможности для вертикальной социальной мобильности, ярко выраженную закономерность подчинения социальной структуры интересам усиления государства и его принудительного воздействия на общество. В работе обосновывается тезис о постепенном отчуждении основной массы людей в цифровую эпоху от влияния на общественные процессы. Идейным фундаментом для этого становится деградация системы прав и свобод человека, изменение концептуальной основы взаимодействия государства, общества и индивидов, а также правовых форм такого взаимодействия, происходящие в контексте общего кризиса антропоцентричных начал социальной, политической и правовой организации общества.

Ключевые слова: типология права, сущность права, кризис антропоцентризма

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

© Зинковский С.Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 17 февраля 2026 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Зинковский С.Б. Социальная структура в цифровую эпоху в контексте типологической характеристики влияния государства на общественные процессы // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 233–249. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-233-249 EDN: DDTWRH

Social structure in the digital era: Typological characteristics of state influence on social processes

Sergey B. Zinkovskiy

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
Odintsovo branch, MGIMO University, *Odintsovo, Russian Federation*
✉ zinkovskiy-sb@rudn.ru

Abstract. This article analyzes key characteristics of social structure and their significance for identifying the place and role of the state in social processes during the digital era. The methodological foundation integrates elements of class and stratification theories of social structure, enabling characterization of social groups by their heterogeneity and divergent ideological bases of organization and functioning. The study substantiates that resources shaping the nature and foundations of social structure exhibit varying differentiating power across historical periods. Consequently, differentiation of social structure and its disparities form the basis for conflict potential, overcome through changes in the state's role, degree of intervention in social processes, and influence on social group formation and development. The state, as a mechanism integrating society, modifies existing value systems to harmonize social interests and prevent threats to sovereignty from opposing forces. The study shows that the digital era combines criteria for socioeconomic inequality and social structure — from purely economic ones to status-based, political, legal, and sociocultural. It features greater polarization and disunity among social groups, reduced upward social mobility, and subordination of social structure to state-strengthening interests and coercive influence. The article substantiates the gradual alienation of most people from influencing social processes in the digital era. This rests on degradation of human rights and freedoms, shifting conceptual and legal bases for state-society-individual interactions, amid a crisis of anthropocentric principles of the social, political, and legal organization of society.

Key words: typology of law, essence of law, crisis of anthropocentrism

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 17th February 2026
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Zinkovskiy, S.B. (2026) Social structure in the digital era: Typological characteristics of state influence on social processes. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 233–249. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-233-249 EDN: DDTWRH

Введение

Социальная структура и интересы различных социальных групп на протяжении всей истории человечества выполняли роль индикатора, отражающего результаты процессов, трансформирующих общество (Ermakov, 2014:18). Будучи сформированными в результате этих процессов, они, находя свое отражение в праве конкретной эпохи, предопределяли его сущность и в этом смысле выступали в качестве одного из факторов, на основе которых формировались исторические типы права.

Основу социального деления и дифференциации социальных интересов составляют ресурсы во всем их многообразии – от материальных до временных, человеческих, властных и т.д. – от отношения к которым зависит социальный статус лица. При этом в разные исторические моменты ресурсы обладают неодинаковой дифференцирующей силой – отсюда право в зависимости от эпохи может отражать различную степень однородности социальной структуры, ее потенциальной конфликтности и скрытых в ней диспропорций. Поскольку право в любую историческую эпоху призвано выполнять роль фактора, интегрирующего общество, механизмы, посредством которых оно способно реализовывать эту функцию, индивидуальны для каждой из эпох. Как следствие, конкретные типы права характеризуются выраженными в этих механизмах разными системами ценностей и его специфическом социальном назначении, позволяющими праву находить «точки соприкосновения» между различными группами социальных интересов, полярность которых находится в прямой зависимости от степени однородности социальной структуры.

С учетом этой логики, ***цель исследования*** – определить, как эволюционирует структура общества и соответствующие ей социальные интересы, предопределяющие типологические характеристики права в цифровую эпоху.

Методология и материалы

Для исследования динамики изменений социальной структуры в цифровую эпоху представляется возможным использовать два сложившихся в науке подхода – классовую и стратификационную теории структуры общества, которые рассматривают неодинаковые ее аспекты и отражают разные срезы системы социально-экономического неравенства.

С позиций теории социальной стратификации (градационного подхода) интерес представляют взгляды на критерии (статусные признаки) деления общества на социальные слои (страты), спектр которых оказывается довольно широким – от строго экономических (доход, собственность) до политико-правовых (авторитет, власть) и социокультурных (престиж, образование, образ жизни, образ мышления) – и на иерархичность социальных страт. Эта теория имеет значение для исследования социальной структуры в цифровую эпоху, поскольку предлагаемая ею модель стратификации непосредственно связана с господствующей в обществе системой ценностей, лежащей в основе нормативных критериев оценки видов человеческой деятельности, социальных ролей человека, их ранжирования и закрепления результатов этих операций в праве.

В науке сформировались следующие основные подходы к объяснению социальной стратификации, который могут быть использованы при анализе динамики социального деления в цифровую эпоху.

Подход Р. Дарендорфа, развивавшего собственную теорию социального конфликта (Darendorf, 2002), исходит из того, что критерием социальной стратификации

выступает политическое понятие «авторитет», а сама структура общества делится на управляемых и управляющих. Эти элементы социальной структуры неоднородны – так, управляемые, в свою очередь, включают в себя рабочую аристократию – привилегированный слой работников, которые в силу высокой квалификации, позиции в структуре производства или организационного потенциала добиваются более выгодных условий своего участия в процессе производства; и группу обычных рабочих. Группа управляющих также делится на собственников и несобственников. Р. Дарендорф также описывает характеристики так называемого «нового среднего класса», включающего в себя представителей свободных профессий (врачей, юристов, ученых, учителей и т.д.); этот класс не обладает ни управленческим потенциалом, ни потенциалом физически влиять на процесс производства и движения капитала (далее по тексту представлен альтернативный взгляд на содержание понятия «новый средний класс», содержание которого обусловлено реальными общественными процессами, характеризующими цифровую эпоху, однако, основные характеристики этого явления, предложенные Р.Дарендорфом, находят свое выражение и в авторской интерпретации этого понятия).

Американский социолог У.Л. Уорнер среди критериев социального деления называет характеристики образования, уровень дохода, престиж профессии и этническую принадлежность индивида (Warner, Meeker & Eells, 1949; Warner & Lunt, 1941:14; Warner, 1997). Описанная У.Л. Уорнером система классов, где каждому из классов – высшему, среднему и низшему – соответствовали по две подкатегории, основывалась на идее о том, что класс – это группа людей с одинаковым статусом в оценке окружающего их сообщества. Этот вывод был сделан после обнаружения того, что уже во второй половине XX века обладание большим объемом материальных благ не гарантировало высоких социальных позиций – то есть социальное положение человека не всегда напрямую связано с его экономическим и профессиональным положением. Оценка человека со стороны сообщества формируется, главным образом, на основе его образа жизни и особенностей его поведения в обществе. Типы поведения людей позволили У.Л. Уорнеру создать обобщенный показатель оценки социального класса – индекс статусных характеристик (Index of Status Characteristics) (Baturenko, 2022:119–136), который и был положен в основу выстроенной им социальной стратификации.

В основу социальной стратификации другого американского социолога – Б. Барбера – легли такие критерии, как особенности профессии, престиж, уровень доходов, уровень образования, степень религиозности, статус родственников и этническая принадлежность (Barber, 1957; Wearne, 2002). Еще один представитель американской социологической школы – П. Блау – назвал параметры, определяющие положение индивида в обществе, выделив среди них номинальные (пол) и ранговые (должность и область деятельности, возраст, особенности происхождения, престиж, материальные ресурсы, доход, этническая, расовая, языковая и религиозная принадлежность, место жительства) (Blau, 1981).

Французский ученый А. Турен предложил в качестве критерия социальной стратификации возможность доступа к информации у представителей различных социальных групп. Чем такой доступ шире – тем более высокие позиции в социальной структуре занимает социальная группа (Turen, 1986).

Функционалистская теория стратификации (У. Мур и К. Девис) исходит из того, что существование и развитие общества зависит от полноты и правильности реализации различных социальных ролей его членами. Эти роли неодинаковы по

своей социальной значимости и функциональным особенностям. Сложность реализации таких ролей требует стимулирования исполнителей к развитию их навыков – создание стимулов происходит как в материальной форме, так и в форме признания за такими людьми высокого социального статуса или престижа (Davis & Moore, 1945; Davis, 1942). Отметим, что такое представление о социальной стратификации имеет универсальный характер, поскольку культурные особенности общества не влияют на его потребности в замещении таких социально значимых ролей.

Эволюционная теория социальной стратификации видит ее причины в постепенном усложнении культуры общества, что приводит к специализации и разделению труда, а шире – всех форм социальной деятельности, а на ее основе – к усложнению социального деления. Виды социальной деятельности неодинаковы по своему значению – часть из них имеют повышенную социальную значимость, а часть – меньший удельный вес. Последние имеют массовый характер и легко заменяемы. С развитием общества выстраивается иерархия видов социальной деятельности и основанная на ней социальная стратификация, системообразующее значение для которой имеет сложившийся консенсус ценностей властвующих и подвластных.

Эволюционная теория социальной стратификации получила развитие в 70–80-х гг. XX в. в работах американских социологов П. Нолана и Г. Ленски (Nolan & Lenski, 1974; Lenski, 2005). Особый интерес представляет методология, предполагающая исследование социальной стратификации сквозь призму биологических идей – адаптации, конкуренции, отношений взаимозависимости внутри и между популяциями, а также к взаимодействию популяций с их окружением. Значительная роль в развитии социальной стратификации признается за технологическими изменениями, составляющими основу социокультурной эволюции. Среди таких изменений наиболее значимым является изменение характеристик, параметров информации, на основе которой осуществляется управление материальным и духовным миром.

По мнению Г. Ленски человеческий вид обособился от животного мира, от природы благодаря скачку в способах передачи и использования информации, часть которой передается генетически, а наиболее значимая часть усваивается исключительно индивидуально. Дальнейшее накопление и изменение характеристик информации может привести к тому, что человечество на ее основе будет стремиться контролировать собственную эволюцию. Таким образом, решение технологических проблем приобретает для общества значение базы для поиска новых форм социального управления, манипулирования, социальной инженерии – то есть предопределяет тенденции развития общества, социальной структуры, человеческой истории, их политических и правовых форм.

Классовый подход (relational approach) рассматривает социально-экономические группы с точки зрения их места в общественном разделении труда. Классовый подход не отражает реальные позиции представителей конкретных социальных групп в социальной иерархии, однако объясняет через особенности межклассовой коммуникации а) социально-экономические (структурное (теоретическое) направление – его содержанием является изучение структуры классовых позиций, анализ содержания отдельных позиций и форм связи между ними, процесса превращения экономических отношений в социальные структуры) (Giddens, 1981:105), б) демографические (в центре исследования – люди, занимающие определенные классовые позиции, их мобильность; преимущественно это эмпирические исследования) и в) общекультурные (культурное направление – характеризуется разнородностью

предмета исследования – от классового сознания до стилей жизни и т. п.; основной вопрос: как люди через свою культуру воспроизводят классовую структуру?) причины неодинакового положения социальных групп в системе разделения труда и правовые формы построения этой системы.

В основе классовой интерпретации социального развития лежат идеи двух ее основоположников – К. Маркса и М. Вебера. При всей разнице между их представлениями о классовом делении общества их концепции, скорее, взаимно дополняют друг друга, основу для чего создает а) схожая интерпретация понятия «класс» как социально-экономической группы; б) признание роли собственности как критерия классового деления общества. Сочетание подходов К. Маркса и М. Вебера при анализе социального деления в цифровую эпоху позволит обратить внимание на следующие факторы классообразования: 1) динамическая концепция К. Маркса нацелена на объяснение того, откуда берется экономический потенциал одних классов и отсутствие такового у других; 2) сочетание поляризованного представления К. Маркса о структуре общества с идеями М. Вебера о многообразных формах неравенства и о так называемом «среднем классе» позволит рассмотреть динамику социального расслоения в цифровую эпоху и понять, как трансформируется средний класс, какие альтернативные классы формируются в обществе и как это меняет соотношение социальных интересов, определяющее сущность права; 3) наконец, внимание К. Маркса к капиталу (средствам производства, самовозрастающей стоимости) как основной движущей силе классообразования и более широкий подход М. Вебера, где в качестве такой силы рассматривается более широкое понятие – собственность, позволит понять, что становится капиталом в цифровую эпоху и как на современную динамику классообразования влияют такие общекультурные факторы, как образ жизни, образ мышления, поведенческие стереотипы, в том числе и в сфере потребления и т.д.

Классовый анализ – продукт западной политической и правовой культуры. Однако он имеет определенный потенциал к универсальности – так, восточные общества, охваченные современными процессами цифровизации, даже при сохранении традиционного «пласта» культуры не могут избежать развития социальных процессов, в основе которых лежат объективные закономерности общественного развития, характеризующие классовые общества, помноженные на императивы цифрового развития, ведущие к постепенной утрате антропоцентричных начал социальной, политической и правовой организации и, как следствие – к гомогенизации основных трендов общественного развития. Среди таких трендов необходимо учесть следующие: 1) в современных экономических отношениях основным субъектом является не индивидуальный собственник, а обезличенный – корпорация; 2) в эпоху цифровизации проявил себя кризис среднего класса, который обострил проблему социального неравенства и актуализировал охранительную функцию правового регулирования; 3) по мнению Дж. Маршалла, «классовые неравенства в индустриальных странах остались более или менее неизменными на протяжении всего XX века Поэтому центральной проблемой классовой теории является совсем не то, что предполагали поколения критиков, говорившие об исчезновении социальных классов в развитых обществах. Реальной проблемой является объяснение их сохранения как потенциальной социальной силы» (Marshall, 1997); 4) объем понятия «капитал» в современных условиях предполагает включение в него не только денег и средств производства, но и более широкого круга явлений, обозначаемых в научной литературе такими терминами, как «человеческий», «организационный»,

«информационный», «когнитивный», «культурный» капитал: общим у всех его интерпретаций остается одно – как у К. Маркса, так и по сей день капитал – это процесс, содержанием которого является возрастание стоимости (Marks & Ehngel's, 1987), увеличение экономического потенциала, открывающее возможности для политического господства в различных формах и для правового закрепления привилегий экономически и политически господствующих классов; 5) наконец, универсальным трендом общественного развития становятся особенности институционализации в цифровую эпоху соотношения категорий «капитал» и «ресурс» – капитал – это всегда ресурс, но не каждый ресурс является капиталом; этот тезис позволяет объяснить, почему собственники схожих ресурсов могут занимать разное место в классовой структуре, почему объем ресурсов не всегда и не в каждом обществе конвертируется в общественное развитие, почему капитал, предопределяющий социальную структуру, неравномерно распределен в обществе и почему разные по характеру виды капитала имеют различный потенциал влияния на общество.

Результаты исследования и дискуссия

Применение элементов описанных методологий исследования динамики социального деления позволило прийти к следующим результатам.

Цифровая эпоха демонстрирует сочетание критериев построения системы социально-экономического неравенства и соответствующей ей социальной структуры – от в чистом виде экономических до статусных, политико-правовых и социокультурных.

В современную эпоху социально-классовое деление выражается в существовании и следующих социальных групп.

Во-первых, это рабочий класс – носители ресурса – труда. Уровень технологического развития конкретного общества создает условия для дифференциации рабочего класса на группы квалифицированных и неквалифицированных работников. Они различаются по наличию у них альтернативных ресурсов – а) культурного, то есть уровня квалификации, являющегося следствием не их природного потенциала, а требований специфики производства, его технологической оснащенности и сложности; б) временнОго – количества времени, затраченного на приобретение соответствующей квалификации. Ресурсы, которыми располагает представитель рабочего класса – это его внутренние ресурсы, формирование которых и конвертация которых в капитал напрямую от него не зависит. Соответственно, социальный интерес представителя рабочего класса выражается не только в получении денежного эквивалента за свой труд, но и в обеспечении доступа к средствам повышения квалификации при разумных затратах временнОго ресурса и последующей конвертации полученных знаний и навыков в капитал. Отдельного внимания заслуживает появившийся в XX веке феномен конторского пролетариата – наемных работников, занятых простыми формами умственного труда (расчетчик заработной платы, работник, ведущий учет имущества, поставленного на складское хранение, делопроизводитель и т.д.). Эти индивиды имеют аналогичные обычным рабочим социальные интересы и также несамодостаточны в развитии собственных ресурсов и их конвертации в капитал.

Во-вторых, это буржуазия – индивиды, статус которых зависит от внешних по отношению к ним ресурсов – денег, земли, средств производства и т.д., которые они конвертируют в капитал. С одной стороны, социальные интересы этой группы населения не поменялись со времен буржуазных революций в Европе и выражаются

в приумножении капитала и его защите при снижении издержек. С другой стороны, во-первых, развитие информационных технологий делает главным ресурсом для развития информацию, отсутствие контроля за которой существенно сужает возможности представителей «классической» буржуазии влиять на общественные процессы. Во-вторых, объем материальных ресурсов, которыми располагает «классическая» буржуазия в цифровую эпоху не гарантирует им доступ к власти. В-третьих, дифференциация современной буржуазии на собственников и несобственников (менеджеров высшего звена) порождает уникальный феномен – когда один и тот же индивид в какой-то момент становится одновременно и менеджером и собственником, а следовательно, носителем интересов и одного, и другого, часто противоречащих друг другу; тем самым он оказывается в уязвимой позиции, а эффективность использования им капитала, в том числе и в части получения на его основе власти и контроля над общественными процессами, снижается.

В-третьих, это цифровая (технологическая) олигархия, которую можно рассматривать как «новую» буржуазию, являющуюся продуктом новой формы социального устройства, названной М. Кастельсом «информациональным капитализмом» (Kastels, 2000:40, 497). По его мнению, «в новом, информациональном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации» (Kastels, 2000:39). Следовательно, контроль за этой технологией предопределяет реальные возможности лица воздействовать на социальные процессы. В описанной М. Кастельсом модели капитализма «традиционные» виды экономической деятельности (производство, потребление и т.д.) зависят от технологий информационного взаимодействия их участников – лицо, в руках которого находятся инструменты, посредством которых это взаимодействие осуществляется, контролирует экономическую деятельность.

Таким образом, цифровая (технологическая) олигархия занимает «доминирующее положение в системе производства будущего» (Ermakov, 2014:19), то есть верхушка социальной структуры – это те лица, которые имеют в своем распоряжении средства производства, связанные с созданием или переработкой информации. Цифровая эпоха порождает новые формы социального неравенства – деление общества на технологически развитое меньшинство с технологической олигархией во главе и технологически ограниченное большинство – социальные группы с разными интересами и разными возможностями влияния на общественные процессы.

Цифровые (технологические) олигархи – это относительно небольшая группа лиц, чей экономический потенциал сформирован в IT-индустрии, а политическое и общекультурное влияние приобрело тотальный характер по следующим причинам.

Во-первых, производимой ими продукцией пользуется весь мир, следовательно, через нее они способны влиять на жизнь и развитие человечества в целом.

Во-вторых, цифровые (технологические) олигархи контролируют не только патенты на IT-технологии, но и инфраструктуру, на которой эти технологии работают. Современный мир и сфера человеческой деятельности не ограничивается только физической реальностью. Постепенно все бОльшая часть человеческой активности как минимум соприкасается с виртуальной реальностью, а подчас полностью в нее уходит. Технологическая олигархия контролирует как само пространство виртуальной реальности, так и обеспечивающие его функционирования операционные системы, облачные серверы и т.д.

К 2025 году согласно статистическим данным частью экосистемы Facebook* были зарегистрированы 2,28 млрд активных пользователей[1]. То есть, на всех этих людей владельцы экосистемы могут оказывать непосредственное влияние; личная жизнь, карьера, психика, убеждения, мотивы поведения пользователей могут испытывать манипулятивное воздействие от решений, принимаемых менеджментом экосистемы. Технологии такого воздействия во многом невосприимчивы к культурным различиям – они унифицированы для Востока и Запада, для религиозных и светских обществ, для мононациональных и многонациональных государств и т.д.

Другой пример тотального контроля в виртуальном пространстве – Amazon, чьи облачные серверы (а это примерно треть мощности всех облачных систем) арендуют крупнейшие экономические игроки, государство США, а также ООН.

Наконец, целые сферы человеческой деятельности постепенно ставятся в зависимость от IT-технологий, которые активно в них проникают в силу своей эффективности и способности снизить издержки. Ключевым из таких IT-инструментов в настоящее время является искусственный интеллект, все глубже интегрирующийся во все сферы жизни общества и инфраструктуру человеческой деятельности – от социальных сетей до финансовых рынков и военной области.

В-третьих, начало XXI века ознаменовалось тем, что политические процессы стали затрагивать интернет-пространство – политическая сфера стала объектом контроля цифровой (технологической) олигархии. Государство, его органы стали клиентом IT-индустрии, а народ – объектом политических манипуляций, осуществляемых с использованием интернет-технологий. Социальные сети, которые ранее могли разрушить жизнь простого обывателя, теперь стали инструментом как построения, так и завершения карьеры политических деятелей (примером может служить судьба Д. Трампа, который в 2016 году стал президентом благодаря Facebook*, а затем столкнулся с тем, что его политическая карьера в 2021 году оказалась под угрозой в том числе и из-за решения цифровых (технологических) олигархов заблокировать его доступ в социальные сети), инструментом управления избирательным процессом, протестной активностью населения и т.д.

В-четвертых, цифровые (технологические) олигархи предпринимают попытки внедрения в легальный законотворческий процесс. Примером может служить так называемое «Предложение 22». Предыстория такова, что в 2020 году ряд политиков в Калифорнии выступили с инициативой приравнять доставщиков и таксистов, сотрудничающих с приложениями Uber, Lyft и т.д., к наемным работникам со всеми вытекающими из такого статуса последствиями и социальными обязательствами работодателей-платформ, грозящими им снижением прибыли. Оперативно этими платформами была создана альтернатива в виде поправки, в соответствии с которой по факту наемные работники назывались не сотрудниками, а независимыми подрядчиками, что снимало с платформ какие-либо социальные обязательства перед ними. Затем была профинансирована (более чем наполовину – за счет средств Uber и Lyft) широкая лоббистская и пропагандистская кампании и тем самым обеспечена

* Решением Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022 деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации социальных сетей Facebook и Instagram признана запрещенной на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

[1] Facebook Global Users Statistics 2025 | FB Demographics // The Global Statistics. URL: https://www.theglobalstatistics.com/facebook-global-users-statistics/ (дата обращения: 15.01.2026).

поддержка народом «Предложения 22». Предложение было принято, хотя впоследствии его конституционность и была оспорена в суде. Результатом стал скачок в стоимости Uber и Lyft, что в несколько раз окупило их расходы на лоббистскую и пропагандистскую кампании.

Возрастание влияния цифровой (технологической) олигархии на экономику и политику не может остаться без внимания государства. Понимая угрозы, которые создает его суверенитету деятельность технологических компаний, оно активно применяет ограничительные меры в тех ситуациях, в которых оно наиболее уязвимо. Примером могут служить усилия по созданию «суверенного интернета» в России и КНР, идеи о дифференциации трансграничных и национальных моделей искусственного интеллекта для целей правового регулирования и выбора соответствующего им режима правовых ограничений.

Кроме того, государство подчас претендует на роль своеобразного «публичного цифрового олигарха», оказывая влияние на информационную экономику как в национальном (примером может служить блокирование банковских операций внутри национальной банковской системы), так и в международном масштабах (примером может служить использование системы международных банковских переводов как инструмента политического и экономического давления на другие страны).

В цифровую эпоху государство получает гораздо более широкие возможности по сравнению с прошлыми периодами исторического развития в части влияния на капитал той социальной группы, которая претендует на власть, – цифровой (технологической) олигархии. Если ограничение прав «традиционного» капиталиста-собственника – это болезненный процесс, способный поставить под угрозу саму концепцию организации экономики, то ограничения прав цифровой (технологической) олигархии может происходить в гораздо более простых формах и с четким идеологическим обоснованием, которое выражается в идеях цифрового и технологического суверенитета государства. Это коренным образом меняет модель взаимодействия государства и социальных групп, претендующих на власть, – государство в любой момент может создать в национальных рамках условия, фактически «обнуляющие» эти претензии и потенциал воздействия цифровой (технологической) олигархии на общественные процессы.

Четвертая группа – это традиционный средний класс. Капитал его представителей часто сочетает рабочую силу с различными своими организационными и культурными формами. Нередко он дополняется средствами производства и денежным капиталом. Представители «традиционного» среднего класса – работники, непосредственно предоставляющие услуги или товары, мелкие производители и коммерсанты, представители интеллектуального поля – адвокаты, врачи, менеджеры низшего и среднего уровней, IT-специалисты низкой и средней квалификации, банковские служащие, люди творческих профессий и т.д.

Тенденции развития среднего класса, наблюдаемые в цифровую эпоху, имеют свои корни еще в последней четверти XX века – в мировом масштабе доходы представителей среднего класса начали падение с 70-х годов прошлого века и продолжают снижаться[2]. Цифровая эпоха оказывается несовместимой с идеологией среднего класса – залогом успеха человека является образование и упорный труд. Цифровизация девальвирует значение образования, а экономический рост в цифровую

[2] Коровкин В. Конец работы: почему в мире будущего нет места для среднего класса. // Forbes.ru. URL: https://www.forbes.ru/biznes/403801-konec-raboty-pochemu-v-mire-budushchego-net-mesta-dlya-srednego-klassa (дата обращения: 15.01.2026).

эпоху не связан напрямую с эффективностью труда – он связан с эффективностью контроля за общественными процессами. Следствием повышения удельного веса такого контроля со стороны государства становится изменение характера его взаимодействия с обществом и индивидами, что требует корректировки идейной основы государственной деятельности. В доцифровую буржуазную эпоху средний класс, отличительной чертой которого были навыки защиты собственных прав, сферы своей свободной активности, был опорой государства и социальных сил, поддерживающих идею о сервисном характере публичной власти. Усиление принудительного воздействия государства на общественные процессы, являющееся неизбежным и необходимым для сохранения государственного суверенитета в условиях конкуренции государственных структур с представителями цифровой (технологической) олигархии, делает средний класс лишним, создающим угрозу для модели государственного управления, продиктованной цифровизацией.

Действительно, исторически формирование «традиционного» среднего класса можно связать с эпохой Великой французской революции, а сам он был неразрывно связан с идеями о правах и свободах человека, о формальном равенстве, о ценности собственного труда. Внедряемые в общественную жизнь инструменты цифровой среды (например, цифровые деньги, системы социального рейтинга, основанные на технологиях искусственного интеллекта, цифровой профиль лица для его идентификации при получении социальных услуг, цифровизация и роботизация отдельных профессий, традиционно служивших полем профессиональной деятельности представителей среднего класса и т.д.) нацелены на создание механизмов контроля за обществом. Так, например, цифровые деньги способны разрушить саму идею владения и распоряжения материальными благами (а это – материальная основа существования среднего класса) – в любой момент эти деньги могут быть заблокированы на виртуальном счете или превратиться в нули. В этих условиях исчезнет стимул к владению – зачем владеть тем, что ты не контролируешь. Тем самым цифровые технологии могут разрушить один из столпов системы прав и свобод человека – право собственности. Политические тенденции, характеризующие развитие современных государств, – демонстрируют признаки заката эпохи демократии и либерализма и, как следствие, деградацию концепции прав и свобод человека и отрицание человеческого начала в самом человеке.

Кризису системы прав и свобод как идейной основы «традиционного» среднего класса способствует и специфика экономики цифровой эпохи – доцифровая экономика потребления и альтернативные модели экономики доцифровой эпохи учитывали интересы людей, имели определенное гуманистическое начало. Цифровая экономика нацелена на манипулирование человеком, на игнорирование его ценности как человека – человек – это машина внутри процесса общественного производства. А рассмотрение человека как машины, то есть вне связи с имеющимся у него культурным капиталом, приводит к утрате значимости для государства, права и общества таких его атрибутов, как квалификация, психика, духовность. То есть речь идет о постепенной деградации антропоцентристских начал в регулировании общественных отношений как об особой типологической характеристике права цифровой эпохи.

Эти процессы не могут не вызвать у представителей среднего класса неудовлетворенности государством и деятельностью общественных институтов, опосредующих социальные трансформации в цифровом обществе – в научных исследованиях это явление получило наименование «социальное разочарование

среднего класса». Усиливающемуся государству цифровой эпохи такой средний класс, представляющий собой системообразующее ядро гражданского общества, невыгоден по следующим причинам. Во-первых, финансовая независимость среднего класса от бюджетных денег и понимание его представителями ценности свободы и автономии личности от общества и государства снижает степень их управляемости. Во-вторых, сервисная ценность государства, укорененная в политическом и правовом сознании среднего класса, несовместима с идеей о расширении сферы и возможностей принудительного вмешательства государства в общественные процессы. В-третьих, средний класс выполняет по отношению к обществу важную роль социального образца, конкурирующего с правящей элитой, что подрывает социальный престиж последней и создает ей конкуренцию. Наконец, большой удельный вес среднего класса не вписывается в параметры кризиса социального государства в подавляющем большинстве стран мира – в частности, он несовместим с получающей все большее распространение идеей о минимальном базовом доходе, поскольку материальная основа существования среднего класса – это не базовый доход, а возможность осуществлять траты на более широкий спектр нужд, помимо базовых.

Думается, что основным направлением трансформации «традиционного» среднего класса в цифровую эпоху станет углубление следующей наметившейся тенденции – государство будет активно способствовать «замещению» его политически и социально активных представителей более приемлемыми для него фигурами. Это выражается в постепенном вытеснении из среднего класса людей со специальным профессиональным образованием и активной жизненной позицией и приходе на их место чиновников, «силовиков» – то есть носителей иной идеологии, базирующейся на своего рода сакрализации государства и легитимации расширения сфер его принудительного вмешательства в общественные процессы[3].

Пятая группа – это так называемый «новый» средний класс. Представители этого класса – это наемные работники, основным капиталом которых является культурный капитал. Рабочая сила, труд как капитал при характеристике представителей «нового» среднего класса отходит на вторые позиции – основной доход эти люди получают за особенности своей экспертности, которую они предоставляют работодателю/заказчику и от сложности которой зависит ее дефицитность и цена.

Отличие представителей «нового» среднего класса от рабочего класса состоит в том, что для последнего культурный капитал – не основной источник дохода, таковым для него является его рабочая сила.

Для государства развитие такого «нового» среднего класса выгодно как минимум по той причине, что искусственно воздействовать на востребованность того или иного культурного ресурса (создавая условия для его конвертации в капитал или, наоборот, препятствуя этому) проще, чем в случае с рабочей силой или во взаимодействии с «традиционным» средним классом, капитал которого предполагает сочетание культурных и организационных компонентов. Негативное воздействие на спрос какого-либо культурного ресурса (например, через лицензирование, иные меры ограничительного и разрешительного характера) способно ослабить представителей «нового» среднего класса и оставить его социальную активность в рамках исключительно экономической сферы, если не Уже – сферы выживания.

[3] Селина М.В. Будущее под санкциями : ситуация на рынке труда, а также социальные процессы в России в грядущие десять лет могут развиваться по разным сценариям… // IQ Media : бренд-медиа НИУ ВШЭ. 21.03.2023. URL: https://iq-media.ru/archive/821709241.html (дата обращения: 15.01.2026).

Характеристики культурного капитала «нового» среднего класса подтверждают тенденцию к девальвации образования, которое само по себе культурным капиталом не является. Человек с образованием может в одном случае конвертировать его в капитал и войти в «новый» средний класс, а в другом случае – пополнить ряды рабочего класса. Для государства это также создает возможности оперативно управлять региональным развитием – когда в одних частях страны человеку предоставляется при поддержке со стороны публичной власти возможность конвертировать образование в капитал, а в другой – нет.

В современных зарубежных классовых концепциях понятие «нового» среднего класса встречается довольно часто, однако, его содержание в разных исследованиях неодинаково. Например, у Дж. Голдторпа он получает наименование сервисного класса или салариата (service-class или salariat) и включает в себя работающих по найму администраторов и менеджеров, получающих сравнительно высокую заработную плату, имеющих социальные гарантии и автономию в реализации повседневных профессиональных задач (Goldthorp, Llewellyn & Payne, 1987; Goldthorp & Erikson, 1992; Goldthorp, 1995). Э.О. Райт относит к «новому» среднему классу экспертов-менеджеров, экспертов-супервайзеров, экспертов-неменеджеров (Wright, 1985; Wright, 2001, Wright, 1997).

В России понятие «нового» среднего класса получило специфическое содержательное наполнение. Так, о его формировании в России было публично заявлено на Всероссийской банковской конференции в 2024 году старшим управляющим директором-главным аналитиком Сбербанка М. Матовниковым[4]. Он связал появление «нового» среднего класса с ростом зарплат в трех отраслях экономики – в обработке, IT и строительстве – а также с ожиданиями специфического потребительского поведения представителей этих отраслей (они были названы «новым классом заемщиков», у которых «много денег и потребности изменились»). Эта точка зрения была поддержана представителями научного сообщества[5]. Признаками представителей «нового» среднего класса назвали а) проживание в регионах РФ, б) опыт резкого скачка доходов за короткий период, в) демонстративные, иррациональные траты, г) отсутствие социального опыта финансового планирования. То есть, речь идет о формировании абсолютно уязвимой, зависимой от внешнего влияния социальной группы, не обладающей навыками самостоятельного обеспечения стабильности и прочных экономических основ своей жизнедеятельности, – идеальный вариант для целенаправленного воздействия и манипулирования.

Шестая группа – это так называемый прекариат. Понятие прекариата как класса было впервые введено в научный оборот П. Бурдье. Подробное исследование прекариата как класса провел Г. Стэндинг (Stending, 2014). Прекариат в цифровую эпоху – это класс, представители которого характеризуются следующими чертами (Manokhina & Mityaeva, 2022:137–144): а) нестабильная занятость, б) отсутствие долгосрочных гарантий, социальных льгот, в) волатильность дохода и как следствие отсутствие твердой материальной базы для существования и социальной активности, г) утрата профессиональной идентичности, д) психологическая уязвимость

[4] *Морозова А.* В «Сбере» рассказали о появлении «нового среднего класса» в России // Forbes.ru. 23.05.2024. URL: https://www.forbes.ru/society/513122-v-sbere-rasskazali-o-poavlenii-novogo-srednego-klassa-v-rossii (дата обращения: 15.01.2026).

[5] *Лебединская О.* Новый средний класс в России: кто он. Доцент Лебединская рассказала, кто относится к новому среднему классу в России. Текст : электронный // ИА REX. 24.05.2024. URL: https://iarex.ru/news/131105.html (дата обращения: 15.01.2026).

и неуверенность в будущем. Прекариат – это, по сути, класс «новых бедняков», людей, занимающихся низкостатусным трудом, не способных обеспечить более высокий уровень образования себе и своим потомкам, скованных в возможностях вертикальной мобильности.

Прекариат приобретает все большее значение как для общественного производства, так и для иных общественных процессов. Включение прекариата в построенную в исследовании систему социальных групп цифровой эпохи во многом условно – в него входит абсолютно неоднородная масса людей: от фрилансеров до временных рабочих-мигрантов. Однако всех их характеризует одна общая черта – определяющее значение для институционализации этих людей в понятии прекариата имел переход к цифровой экономике.

Причинами усиления прекаризации общества в цифровую эпоху можно считать: а) платформизацию трудовых процессов – цифровые платформы стали причиной реструктуризации рынка труда, появления новых форм занятости (фриланс, дистанционная работа, аутстаффинг и др.), природа которых предполагает нестабильность; б) сокращение рабочих мест из-за автоматизации и роботизации; в) внедрение систем искусственного интеллекта в различные сферы трудовой деятельности, что создает состояние непредсказуемости в сфере занятости, может влиять на условия труда и уровень контроля над работниками; г) неоднородность и хаотичность процессов в цифровой экономике усиливают прекаризацию; д) расширение так называемой гигономики – экономики краткосрочных контрактов.

Причины прекаризации общества предопределяют характерные черты прекариата цифровой эпохи.

Зависимость от цифровых платформ и алгоритмов, на которых они основаны, усиливает подконтрольность представителей прекариата и обеспечивает их лояльность собственникам цифровых ресурсов без какой-либо встречной ответственности с их стороны. Поведение представителей прекариата подчинено алгоритмическому управлению, что в целом подтверждает тренд на алгоритмизацию социального и, в частности, правового регулирования.

Алгоритмизация регулирования делает представителей прекариата уязвимыми перед самими алгоритмами, оценивающими их деятельность по заранее заданным собственником платформы параметрам[6]. Отсюда – возможности манипулировать этими людьми.

Юридическое размывание статуса работника в отношениях, опосредованных цифровой платформой, приводит к ослаблению социального контракта и недоверию представителей прекариата к государственным институтам. Такое недоверие создает угрозу социального недовольства и коллективных деструктивных действий со стороны этих людей, особенно, если их активность будет координироваться заинтересованными лицами.

Заключение

Обзор основных тенденций развития социальной структуры в цифровую эпоху показал, что средства производства во всем их многообразии и иные критерии социального деления имеют различный дифференцирующий потенциал. И в этом контек-

[6] *Зотин А.* Экономика протеста: прекариат цифровой эпохи // Коммерсантъ. 2018. 8 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3674787 (дата обращения: 15.01.2026).

сте цифровая эпоха демонстрирует бОльшую поляризацию и разобщенность социальных групп, меньшие возможности для вертикальной социальной мобильности, ярко выраженную закономерность подчинения социальной структуры интересам усиления государства и его принудительного воздействия на общество.

Однако проанализированные аспекты формирующейся социальной структуры доказывают ее диспропорциональность, отчуждение основной массы людей от влияния на общественные процессы. В ближайшей или среднесрочной перспективе это может спровоцировать конфликты между описанными сложноорганизованными социальными общностями. Думается, что идейной основой этих конфликтов могут стать как минимум следующие факторы: а) деградация системы прав и свобод человека и, как следствие, изменение концептуальной основы взаимодействия государства, общества и индивидов, а также правовых форм такого взаимодействия; б) изменение содержания критериев социального деления и их соотношения – если в доцифровую эпоху относительно четко вырисовывалась зависимость между объемом материальных ресурсов, которыми располагало лицо, и степенью его доступа к власти, то цифровая эпоха выдвигает на первый план иные формы капитала, среди которых информация занимает ключевую позицию (French & Raven, 1959) и во многом предопределяет возможность пользоваться властью (Grishaeva & Kulikova, 2018).

Исследование подтвердило идею, высказанную американским социологом Э. Харгиттаи, которая утверждала, что цифровые факторы станут основой для новой социальной дифференциации и соответствующей социальной структуры (Hargittai, 2011:936–944). Эти факторы проявили себя следующим образом: а) использование цифровых технологий создало новые ограничения социального плана, предопределившие эволюцию социальной структуры (ключевыми из таких ограничений стали доступ и владение цифровыми технологиями и контроль за их использованием); б) информационные технологии изменили характер, доступность и способы получения социальных услуг, усугубив социальную дифференциацию; в) необходимость усиления регулирующей роли государства как реакция на политические притязания цифровой (технологической) олигархии потребовало ослабления социальных групп, которые в доцифровую эпоху выполняли роль «противовеса» государственному вмешательству в различные сферы жизни общества.

Исследование позволяет предположить, что дальнейшая эволюция социальной структуры в цифровую эпоху неизбежно будет сопровождаться поиском государством новых форм социального управления, манипулирования, социальной инженерии, активным его влиянием на динамику классообразования через воздействие на экономические основы человеческой жизнедеятельности, образ жизни, образ мышления людей. Думается, что доминантой в таком поиске будет деградация антропоцентричных начал социальной, политической и правовой организации общества.

References / Список литературы

Barber, B. (1957) *Social stratification; a comparative analysis of structure and process.* New York, Harcourt, Brace and company Publ.

Baturenko, S.A. (2022) Social stratification in W.L. Warner research. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science.* 28 (2), 86–98. (In Russian). https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-2-119-136 EDN: PGWEVT.

Батуренко С.А. Социальная стратификация в исследованиях У.Л. Уорнера // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 2. С. 86–98. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-2-119-136 EDN: PGWEVT.

Blau, P.M. (1981) Introduction: Diverse Views of Social Structure and Their Common Denominator. In: Blau, P.M. & Merton, R.K. (eds.) *Continuities in Structural Inquiry*. London, Beverly Hills Publ., pp. 1–26.

Darendorf, R. (2002) *Contemporary Social Conflict: An Essay on the Politics of Freedom.* Trans. Pantina, L.Yu. Moscow, ROSSPEHN Publ. (In Russian).
Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2002. 288 с.

Davis, K. (1942) A conceptual analysis of stratification. *American Sociological Review.* 7 (3), 309–321. https://doi.org/10.2307/2085360

Davis, K. & Moore, W. (1945) Some principles of stratification. *American Sociological Review.* 10 (2), 242–249.

Ermakov, M.A. (2014) Social structure of the information society: A synthetic model. *Society and Power.* (4 (48)), 18–24. (In Russian). EDN: SQRYTP.
Ермаков М.А. Социальная структура информационного общества: синтетическая модель // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 18–24. EDN: SQRYTP.

French, J.R.P. & Raven, B. (1959) The bases of social power. In: Cartwright, D. (ed.) *Studies in social power.* Ann Arbor, MI, Institute for Social Research Publ., pp. 150–167.

Giddens, A. (1981) *The Class Structure of the Advanced Societies.* 2nd ed. London, Hutchinson Publ.

Goldthorp, J. (1995) The Service Class Revisited. In: Savage, M. & Butler, T. (eds.) *Social Change and the Middle Classes.* London, UCL Press.

Goldthorp, J. & Erikson, R. (1992) *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies.* Oxford, Clarendon Press.

Goldthorp, J., Llewellyn, C. & Payne, C. (1987) *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain.* Oxford, Clarendon Press.

Grishaeva, S.A. & Kulikova, O.A. (2018) Socio-psychological features of the process of transformation of the social structure of society and the process of communication in the digital space. *Digital sociology.* 1 (1), 29–34. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-29-34 EDN: VQPXMM.
Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. Т. 1. № 1. С. 29–34. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-29-34 EDN: VQPXMM.

Hargittai, E. (2011) The Digital Reproduction of Inequality. In: Grusky, D.B. (ed.) *The Inequality Reader.* 2nd ed. London, Routledge, pp. 936–944. https://doi.org/10.4324/9780429494468-69

Kastels, M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture.* Trans. Shkaratan, O.I. (ed.) Moscow, GU VShJe Publ. (In Russian).
Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 609 с.

Lenski, G. (2005) *Ecological-Evolutionary Theory: Principles and Applications.* Boulder, Paradigm Publishers.

Manokhina, N.V. & Mityaeva, N.V. (2022) Precarization of employment in the digital economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law.* 22 (2), 137–144. (In Russian). https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-137-144 EDN: JAHUOW.
Манохина Н.В., Митяева Н.В. Прекаризация занятости в цифровой экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 2. С. 137–144. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-137-144 EDN: JAHUOW.

Marks, K. & Ehngel's, F. (1987) *Selected essays.* Vol. 7. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 7. М. : Политиздат, 1987. 811 с.

Marshall, G. (1997) *Repositioning Class: Social Inequality in Industrial Societies*. London, SAGE Publication.

Nolan, P. & Lenski, G. (1974) *Human Societies: An Introduction to Macrosociology.* 2nd ed. New York, Mcgraw-Hill New York Company Publ.

Stending, G. (2014) *Precariat: A New Dangerous Class.* Trans. Usova, M. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian).
Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

Turen, A. (1986) From Exchange to Communication: The Birth of a Programmable Society. In: Leont'ev, V.M. (ed.) *A new technocratic wave in the West.* Moscow, Progress Publ., pp. 410–430. (In Russian).
Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. В.М. Леонтьева. М. : Прогресс, 1986. С. 410–430.

Warner, W.L. (1997) Social class and social structure. *Rubezh : Al'manakh sotsial'nykh issledovanii.* (10-11), 42–57. (In Russian).
Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1997. № 10-11. С. 42–57.

Warner, W.L. & Lunt, P.S. (1941) *The social life of a modern community.* Vol. 1. New Haven, Yale university press.

Warner, W.L., Meeker, M. & Eells, K. (1949) *Social class in America: A manual of procedure for the measurement of social status.* Chicago, Science research associates Publ.

Wearne, B.C. (2002) Bernard Barber's social system theory. *The American Sociologist.* 33, 86–104. https://doi.org/10.1007/s12108-002-1004-4

Wright, E. (1985) *Classes.* London, Verso Editions.

Wright, E. (2001) A General Framework for the Analysis of Class Structure. In: Grusky, D. (ed.) *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Boulder, Westview Press, pp. 383–423.

Wright, E. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis.* Cambridge, Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Зинковский Сергей Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры публичного права, Одинцовский филиал МГИМО МИД России; Российская Федерация, 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-код: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845
e-mail: zinkovskiy-sb@rudn.ru

About the author:

Sergey B. Zinkovskiy – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Law, Odintsovo branch, MGIMO University; 3 Novosportivnaya str., Moscow region, Odintsovo, 143007, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-code: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845
e-mail: zinkovskiy-sb@rudn.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 250–273
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-250-273
EDN: DEUIZB

Научная статья / Research Article

Искусственный интеллект в помощь юристам-исследователям: опыт редактора

В.В. Степанова

Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
✉stepanova-vv@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу возможностей и ограничений использования искусственного интеллекта (ИИ), прежде всего крупных языковых моделей, в юридических исследованиях и редакторской практике с позиции редактора академического журнала. Цель работы – показать, каким образом ИИ способен ускорять выполнение рутинных научных и редакторских задач (поиск и отбор источников, подготовка фактического материала, предварительное структурирование и редактирование текста), одновременно порождая методологические, этические и связанные с ответственностью автора вопросы. Методологически исследование опирается на качественный, аналитико-описательный подход, основанный на собственном редакторском опыте автора работы с ИИ-инструментами, целенаправленных «пробных» взаимодействиях с нейросетями по типичным задачам юридического исследования, а также выборочном анализе открытых материалов, иллюстрирующих риски и практики применения ИИ. Приводятся примеры коммуникации исследователя с генеративной системой искусственного интеллекта в качестве иллюстративного материала формирования промпта и анализа ответов ИИ на различных этапах подготовки юридической научной статьи. Показано, что ИИ может существенно сокращать время на поиск и анализ больших объемов правовой информации и помогать приводить формальное качество рукописи (структура, стиль, фактчекинг) в соответствие с высокими редакционными стандартами, однако генерируемый им текст остается лишь промежуточным, вспомогательным продуктом, требующим верификации по первичным источникам, а также проверки корректности терминологии и контекста (особенно в переводе с одного языка на другой). Особое внимание уделяется неопределенности и возможным ошибкам при формировании эмпирического материала с помощью ИИ (например, при агрегировании межюрисдикционных данных об использовании ИИ в судах), а также опасности некритичного доверия автоматически сгенерированному содержанию. В заключение обосновывается, что ИИ следует рассматривать как инструмент поддержки и усиления исследовательских и редакторских компетенций, а не как их замену. Автор несет полную ответственность за содержание статьи.

Ключевые слова: юридические исследования, поиск и отбор источников, структурирование и редактирование текста, методологические ограничения, нейросети в юриспруденции, качество рукописи

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Степанова В.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Поступила в редакцию: 02 февраля 2026 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Степанова В.В. Искусственный интеллект в помощь юристам-исследователям: опыт редактора // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 250–273. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-250-273 EDN: DEUIZB

Leveraging Artificial Intelligence in legal research: Editor's insights

Valentina V. Stepanova ✉

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉stepanova-vv@rudn.ru

Abstract. The article examines the potential and limitations of using artificial intelligence (AI), primarily large language models, in legal research and editorial practice from the perspective of an academic journal editor. Its purpose is to show how AI can accelerate routine scholarly and editorial tasks (search and selection of sources, preparation of factual background, structuring and preliminary editing of texts), while simultaneously raising methodological, ethical and responsibility-related questions for the human author. Methodologically, the study relies on a qualitative, analytic-descriptive approach, grounded in the author's own editorial experience with AI tools, targeted test interactions with neural networks for typical tasks of a legal researcher, and selective analysis of open materials illustrating risks and practices of AI use. The article presents examples of interactions between the researcher and a generative artificial intelligence system, serving as illustrative material for the formulation of prompts and the analysis of AI-generated responses across various stages in the preparation of a legal scholarly article. The article demonstrates that AI can significantly reduce the time needed to search and analyze large volumes of legal information and to bring the formal quality of a manuscript (structure, style, fact-checking) in line with high editorial standards, but that AI-generated output remains only an intermediate, auxiliary product that must be verified against primary sources and checked for the correctness of terminology and context (especially when translating from one language into another). Particular attention is paid to the uncertainty and potential error in empirical material compiled with AI assistance (for example, when aggregating cross-jurisdictional data on AI in courts), as well as to the dangers of uncritical reliance on automatically generated content. The conclusion argues that AI should be treated as an instrument supporting and enhancing the researcher's and editor's competencies rather than replacing them: the final decisions concerning content, interpretation and publication, as well as responsibility for the accuracy and reliability of the text, rest unequivocally with the human author.

Key words: legal research, search and selection of sources, structuring and editing of text, methodological limitations, neural networks in law, manuscript quality

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 02nd February 2026
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Stepanova, V.V. (2026) Leveraging Artificial Intelligence in legal research: Editor's insights. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 250–273. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-250-273 EDN: DEUIZB

Доля работников, имеющих навыки использования технологий искусственного интеллекта, в общей численности работников в 2030 г. должна вырасти не менее чем до 80 % по сравнению с 5 % в 2022[1]. В 2025 г. на реализацию федерального проекта «Искусственный интеллект» было выделено 7,7 млрд рублей.

Согласно опросу Legal Insight только 14,5 % юристов активно используют инструменты генеративного ИИ, а 33 % планируют использовать эти инструменты в будущем[2].

Введение

С появлением в ноябре 2022 г. новой версии чат-бота ChatGPT (Generative Pre-Trained Transformer) искусственный интеллект (ИИ) уверенно занял позиции практически во всех сферах человеческой деятельности. Сегодня трудно представить отрасль, где бы ИИ не пустил свои корни. Эффективность государства оценивается по уровню применения ИИ, темпам развития и перспектив, а правительства развивают цифровые услуги для получения информации, оплаты счетов, льгот и бизнеса, не выходя из дома. Значительное влияние ИИ ощущается во всех сферах, включая медицину, образование, градостроение, транспорт, производство и менеджмент; наука получила инструменты, о которых ранее лишь мечтала (Pshinnik, 2025). В работе рассматриваются возможности ИИ для исследовательской работы в юриспруденции.

Научная деятельность юриста-исследователя сталкивается с множеством вызовов: обширная проблематика, множество законов, подзаконных актов и судебных решений, регулирующих законность, порядок и жизнедеятельность государства. Из огромного массива информации трудно выбрать релевантные факты, позволяющие всесторонне изучить поставленный вопрос; еще труднее подобрать соответствующие дела из судебной практики или найти нужную цитату авторитетных правоведов для иллюстрации отдельных аспектов темы. Ручные исследовательские процедуры крайне трудоемки; их неэффективность может подорвать качество научной работы и существенно увеличить затраты. Использование передовых алгоритмов искусственного интеллекта позволяет значительно оптимизировать юридические исследования: анализировать и классифицировать обширные юридические массивы, подбирать релевантные дела из судебной практики, эффективно извлекать необходимую информацию. ИИ снижает риски, связанные с человеческим фактором, такие как ошибки, опора на устаревший материал или смещение фокуса на второстепенные детали. Обеспечивая сложные аналитические задачи, ИИ дает возможность сосредоточиться на стратегических и сложных элементах работы, что способствует улучшению результатов научной деятельности[3]. Несомненным преимуществом ИИ является также его доступность, возможность общения на русском языке, а также адаптация к конкретным юридическим запросам и юрисдикциям.

Все вышесказанное позволяет говорить об *актуальности заявленной темы,* а *практическая направленность исследования* носит образовательный характер

[1] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 15.01.2026). П. 28 (1) ж.

[2] *Ярко Е., Кучкарова Д.* Искусственный интеллект для юристов: как развивается сфера Legal AI // РБК Тренды. 15.07.2025. URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/687110ec9a79478fa6d8db5a (дата обращения: 15.01.2026).

[3] AI for legal research: Applications, architecture, benefits, tools and development. 2024. Available at: https://www.leewayhertz.com/ai-for-legal-research [Accessed 30th January 2026].

и может быть полезна для распространения лучших практик организации исследовательского процесса в условиях новых правовых и технологических вызовов.

Цель исследования – на примере конкретных сценариев показать, как ИИ может интегрироваться в исследовательскую и редакторскую практику, и обозначить связанные с этим методологические и этические ограничения. При этом уже на стадии постановки вопроса важно учитывать риски недостоверности, искажения данных и этические ограничения, сопровождающие использование нейросетей в праве.

Новизна исследования состоит в сочетании позиции редактора академического журнала, поэтапного анализа рабочих процессов юриста-исследователя и включения реальных примеров коммуникации с генеративными моделями как учебного материала по работе с ИИ.

Исследователи выделяют пять основных подходов к использованию ИИ: (1) ИИ как технический инструмент автора (генерация идей, редактирование); (2) ИИ как партнер автора (совместная работа на равных); (3) ИИ как имитатор автора (воспроизведение стиля); (4) ИИ как рассказчик сюжетных шаблонов (создание базовых нарративов); (5) ИИ как генератор оригинального контента (максимально автономное создание текста). Соответственно, авторы используют ИИ на разных стадиях творческого процесса с различной интенсивностью и для специфических задач (Vodolazka et al., 2024).

Настоящая работа адресована тем исследователям, которые хотят познакомиться с возможностями использования ИИ в научном процессе. Предполагается, что базовые рекомендации по взаимодействию с передовыми технологиями могут существенно упростить ключевые этапы исследовательской работы.

Методология исследования

Методологическая основа исследования носит качественный и аналитико-описательный характер и вытекает из ее задач – продемонстрировать потенциальные возможности и ограничения использования ИИ в юридических исследованиях и редакторской практике. В качестве исходного материала использовались:

- Авторский редакторский опыт работы с крупными языковыми моделями при подготовке научного текста;
- Результаты целенаправленных «пробных запросов» к ИИ-системам по типичным задачам юриста-исследователя (поиск источников, генерация вариантов формулировок, подбор примеров, языковая правка, формирование таблицы фактического материала) в качестве вспомогательных средств;
- Выборочные открытые источники (интервью, аналитические материалы, кейсы), отражающие риски и практики применения ИИ, в том числе резонансное дело Mata v. Avianca, Inc[4].

Применялись следующие методы:

- Качественный анализ ответов ИИ-систем (содержательной состоятельности, полноты, стилистического уровня, соответствия запросу);
- Аналитико-описательное обобщение выявленных преимуществ и рисков использования нейросетей в научной работе и редакторской деятельности;

[4] Прецедентное решение федерального суда США (2023 г.), в котором адвокаты были оштрафованы за использование ИИ ChatGPT для составления процессуальных документов и представление суду несуществующих судебных прецедентов.

- Критический анализ проблем достоверности и интерпретации данных, в том числе при работе с разнородными вторичными источниками и англоязычной терминологией, что отражено в обсуждении таблицы и разделе о погрешности фактического материала.

В целях демонстрации практики взаимодействия исследователя с генеративным ИИ в исследовании сохранены фрагменты диалога «человек-система», используемые как иллюстративный и учебный материал. Они не подменяют авторский текст и не рассматриваются как самостоятельный результат исследования, а служат для анализа стратегий постановки задач и формулирования промптов в научном контексте.

Осознано подчеркиваются методологические ограничения: результаты, полученные с помощью ИИ, рассматриваются как промежуточный, вспомогательный продукт, требующий проверки по первичным источникам, уточнения формулировок и контекста, а также явного проговаривания допущений при работе со статистическими данными, извлеченными из разнородных вторичных ресурсов. Такой дизайн методологии позволяет трактовать ИИ как инструмент поддержки исследовательской и редакторской деятельности, не снимающий с автора ответственности за достоверность, интерпретацию и научную новизну выводов.

Генеративный ИИ-ассистент Perplexity привлекался для написания аннотации, структурирования раздела „Методология исследования“, поддержки поиска релевантной литературы, стилистического редактирования текста и проверки эквивалентности перевода на английский язык.

Определение области исследования и темы с поддержкой ИИ

Контекст исследования и постановка проблемы

Опыт работы в качестве английского редактора юридического журнала показывает, что большинство поступающих рукописей требует серьезной доработки. Это касается практически всех компонентов научной статьи: заголовка, структуры, логики изложения, аргументации, стиля, формулировок выводов и заключения. Тексты часто выглядят спешно подготовленными, без авторской или редакторской правки. При двуязычной публикации (на русском и английском языках) проблемы усугубляются некачественным переводом и слабым владением нормами англоязычного академического дискурса, включая цитирование, работу с первоисточниками и языковое оформление текста. Показательна статья, посвященная англоязычной правовой классике (философии права) без источников на английском языке: это свидетельствует о том, что цитаты фактически подвергаются двойному переводу (с английского на русский, а затем обратно через онлайн переводчик), что искажает оригинал.

Современные цифровые технологии, описанные в статье, позволяют в значительной мере нивелировать указанные проблемы и повысить качество академического текста. Эффективное их использование предполагает, однако, предварительное знакомство с возможностями соответствующих платформ и формирование базовых навыков работы с ними. В этих целях может быть полезным обучение на специализированных курсах по применению технологий искусственного интеллекта либо целенаправленное самостоятельное освоение принципов взаимодействия с цифровыми ассистентами.

Автор настоящего исследования прошла обучение в онлайн-университете «Зерокодер», получив практические навыки применения различных технологий ИИ

для работы с текстами на русском и английском языках. В 2025 г. они разработали образовательный курс по использованию ИИ в юридической практике и научной деятельности, ориентированной на юристов-практиков и исследователей. Настоящая работа опирается на этот опыт и направлена на его распространение среди специалистов, заинтересованных в повышении профессиональной компетентности и адаптации к новым технологическим вызовам.

Отдельного внимания заслуживает качество промптов (запросов к нейросетям), от которых напрямую зависят точность, глубина и воспроизводимость получаемых результатов (Kirpichev, 2024). В ряде работ промпт-инжиниринг рассматривается как новая сквозная компетенция XXI века, включающая умение ясно формулировать задачу, задавать контекст и ограничения, а также критически оценивать полученный отклик (Federiakin et al., 2024). Исследования, посвященные использованию генеративных моделей в академическом письме (Nguyen et al., 2024) и правовых исследованиях[5], показывают, что структурированные запросы с указанием роли модели (например, юрист-исследователь), формата ответа, ссылок на источники и логики рассуждений существенно повышают качество результата и позволяют интегрировать большие языковые модели (LLM) в научный рабочий процесс более ответственно и эффективно (Giray, 2023).

Работа поэтапно рассматривает наиболее трудоемкие стадии научной работы и соотносит их с цифровыми инструментами, способными повысить качество конечного продукта. Используются текстовые платформы на базе генеративного ИИ: Merlin, GPTunnel, Chad AI/ChadGPT, Perplexity, а также встроенный ИИ-ассистент доступные в России на бесплатной или условно-платной основе. Эти системы на протяжении нескольких лет последовательно применяются автором для решения задач, связанных с академическим письмом, и в целом демонстрируют высокий уровень функциональности. Дополнительно, рассматривается платформа Consensus, позиционирующая себя как инструмент, ориентированный преимущественно на научные исследования и образование и предлагающий широкий набор функций для работы с научным контентом. Среди российских разработок особое значение в контексте юридической науки и практики приобретают системы YandexGPT и GigaChat, которые активно интегрируются в отечественную цифровую экосистему.

Роль ИИ-ассистента на этапе выбора темы

Приведем несколько отобранных фрагментов взаимодействия исследователя с генеративной системой искусственного интеллекта, рассматриваемые в качестве иллюстративного материала. Эти фрагменты не подменяют авторский научный текст и не рассматриваются как самостоятельный результат исследования; они служат эмпирическими примерами построения промптов и анализа ответов ИИ на различных этапах подготовки юридической научной статьи.

Пример 1. Определение области исследования и темы с использованием интеллектуального помощника

Запрос автора:

Я работаю над темой использования ИИ в юридических исследованиях и судебной практике. Предложи несколько конкретных и реализуемых тематик статьи, ориентированной на практикующих юристов и академическое сообщество.

[5] *MacSweeney G. The* best AI tools for legal research in 2025. Available at: https://www.legalfly.com/post/best-ai-tools-for-legal-research-in-2025 [Accessed 30th January 2026].

Ответ ИИ (фрагмент):

1. ИИ-поддержка юридических исследований: интеграция генеративных моделей в работу с традиционными правовыми базами данных (Westlaw, LexisNexis, российские справочные системы).

2. «Галлюцинации» в юридических ИИ-инструментах: риски, стратегии верификации и роль исследователя как критического фильтра.

3. Использование ИИ-платформ при подготовке двуязычных юридических статей; от выбора темы до перевода и контроля терминологии.

Комментарий:

Данный фрагмент демонстрирует, как исходный, довольно общий исследовательский интерес трансформируется в несколько более сфокусированных и практически реализуемых тем. ИИ-ассистент не подменяет авторский выбор, а используется как инструмент генерации вариантов и экспликации возможной структуры будущего исследования; окончательное решение о теме и ее уточнении принимает исследователь с учетом научных целей и требований журнала.

Современные технологии и инструменты искусственного интеллекта

Понимание и определение искусственного интеллекта

В настоящем исследовании под платформами генеративного ИИ понимаются крупные языковые модели и сервисы на их основе, представленные в разных юрисдикциях (включая ChatGPT, Perplexity, DeepSeek, YandexGPT, GigaChat и др.), которые обеспечивают сопоставимый базовый функционал для задач научного и юридического письма. Для юриста-исследователя это, прежде всего, инструменты поддержки правового поиска, чернового анализа текста, подготовки справок, аннотаций и предварительного редактирования рукописей.

Поскольку ИИ является сложной междисциплинарной технологией (Atabekova, 2024), общепринятое универсальное определение до сих пор не сложилось (Kukshev, 2020; Dyakonova, 2024). В научной литературе подчеркиваются разные аспекты: моделирование человеческого интеллекта (Mainzer, 2020), способность интерпретировать внешние данные и использовать извлеченные знания (Haenlein & Kaplan, 2019), принятие решений высокой когнитивной сложности (Abràmoff, Tobey & Char, 2020), выполнение задач и коммуникация, логически подобная человеческой (Gil de Zúñiga, Goyanes & Durotoye, 2024), имитация умственных способностей человека в прикладных сервисах[6]. В прикладном юридическом контексте целесообразно рассматривать ИИ как совокупность технологий, позволяющих автоматизировать отдельные интеллектуальные функции (анализ текста, поиск по смыслу, обобщение, построение аргументации), не подменяя при этом профессиональное правовое мышление.

Регламент Европейского союза об ИИ (EU AI Act 2024/1689) подчеркивает такие свойства систем, как автономность и адаптивность. ИИ-система определяется как машинная система, функционирующая с различными уровнями автономности, способная адаптироваться после развертывания и на основе поступающих данных формировать выводы (предсказания, контент, рекомендации или решения), влияющие на физические или виртуальные среды. Для юридических исследований это важно тем, что именно такие характеристики – обучение на данных, вмешательство

[6] *Тамразян Г.* Лучшие сервисы на основе искусственного интеллекта для вашего бизнеса. 14.09.2023. URL: https://simtechdev.ru/blog/ai-servisy (дата обращения: 30.01.2026).

в процессы принятия решений, влияние на судебную и административную практику – лежат в основе правовых рисков и вопросов распределения ответственности между разработчиками, пользователями и государством.

Классы ИИ-инструментов, значимые для юриста-исследователя

Для научной работы в сфере права наибольшее значение имеют несколько групп инструментов ИИ.

Во-первых, *поисковые и справочные системы* с элементами ИИ для улучшения качества поиска и семантической обработки запросов. К ним относятся общие поисковые системы (Yandex, Google), и специализированные правовые базы данных (Westlaw, LexisNexis, КонсультантПлюс, Гарант, Кодекс ТЕРРА) с функциями контекстного и «умного» поиска по судебной практике и законодательству. Они позволяют юристу-исследователю быстро находить релевантные нормативные акты, судебные решения и доктринальные источники по сложным фактическим и правовым ситуациям.

Во-вторых, текстовые платформы на основе больших языковых моделей (LLM) – ChatGPT, YandexGPT, DeepSeek, Perplexity, Merlin, GPTunnel, Chad AI и др. Они используются для:

- генерации и уточнения формулировок темы и исследовательских вопросов;
- предварительного структурирования разделов статьи;
- подготовки черновых аннотаций, обзоров литературы, справок;
- языковой правки и двуязычной сверки терминологии (русский/английский).

Полученные тексты требуют проверки по первичным источникам, редактирования автором и соответствия требованиям журнала.

В-третьих, отраслевые решения в сфере Legal AI для интеграции ИИ в правовые процессы: e-discovery, анализ договоров, управление рисками и комплаенсом, аналитика судебной практики. Примеры – Thomson Reuters Westlaw Edge, российские Casebook, Caselock, GigalLegal, ЮРАЙТ: LEGAL AI, LawAI. Для исследователя они служат:

- источниками эмпирических данных (массивы дел, позиции судов, динамика споров);
- объектом критического анализа автоматизации юридических операций, вопросов обоснованности алгоритмов и прозрачности критериев поиска и классификации.

Отдельную группу составляют инструменты *Document AI* для автоматического чтения и анализа документов. Они быстро просматривают большие массивы контрактов, судебных решений и нормативных актов, выявляют ключевые положения, риски и формируют резюме для дальнейшего авторского анализа. Академические работы по Document AI отмечают сочетание методов обработки естественного языка и машинного обучения для *due diligence* и комплексных обзоров практики (Cui Lei et al., 2021).

Наконец, особое значение для научных задач имеют подходы с генерацией и поиском по профильным корпусам – так называемая *генерация с расширением поиска* (Retrieval-Augmented Generation, RAG) и режимы *глубокого исследования* (Deep Research). В RAG-подходе большая языковая модель формирует ответы на основе извлеченных из заданного корпуса документы (судебные решения,

нормативные базы, внутренние репозитории), повышая точность и снижая галлюцинации (Niu et al., 2024). Deep Research, реализованный в новых поколениях ИИ-ассистентов, предполагает многошаговую работу агента: построение плана, последовательное обращение к источникам, сравнение данных из разных юрисдикций и формирование структурированного отчета со ссылками[7]. Подобные агентные подходы к «рассуждающим» моделям, сочетающим использование инструментов и внешних источников, подробно анализируются в недавних работах[8] (Wu, Zhu & Liu, 2025). Такие инструменты полезны для сравнительно-правовых обзоров, междисциплинарных исследований и обзоров практики по новым категориям дел, но требуют строгой верификации и описания методологических ограничений (Niu et al., 2024; Magesh et al., 2025).

В совокупности эти инструменты образуют «технологический слой» над традиционными методами юридического исследования: ускоряют поиск и обработку информации, расширяют аналитический инструментарий, улучшают качество оформления рукописи, но не заменяют работу с первоисточниками, критическую интерпретацию данных и авторскую ответственность.

Интеграция ИИ в рабочие процессы юриста-исследователя

Российская и зарубежная инфраструктура LegalTech и Legal AI

В настоящее время наблюдается *широкая интеграция инструментов искусственного интеллекта в юридические рабочие процессы с целью их оптимизации*. Машинное обучение (machine learning, ML), использующее алгоритмы и статистические модели, позволяет системам обучаться на данных и повышать качество решений по мере накопления и расширения массивов данных. Глубокое обучение (Deep Learning) как разновидность ML опирается на многослойные нейронные сети и большие объемы разнородных данных, последовательно извлекает более абстрактные представления и обеспечивает высокую точность решений даже при сложной и непредсказуемой входной информации[9].

Российский рынок цифровых технологий динамично развивается, включая сегменты LegalAI (искусственный интеллект в праве) и LegalTech (правовые технологии). Эти решения поддерживают юристов в поиске информации, подготовке документов, анализе судебной практики и управлении правовыми рисками. К ключевым элементами инфраструктуры относятся крупные правовые поисковые и справочные системы (КонсультантПлюс, Гарант, Кодекс, ТЕРРА), специализированные базы данных и сервисы проверки контрагентов (СПАРК, Контр.Фокус), а также инструменты автоматизации документооборота и договорной работы (ТурбоКонтракт, DocZilla, FreshDoc). Важную роль в развитии онлайн-правосудия играют электронные сервисы арбитражных судов, прежде всего платформа «Мой Арбитр» (my.arbitr.ru), обеспечивающая дистанционную подачу документов и участие в процессе без личной явки. Сервисы анализа судебной практики (Casebook, Caselook)

[7] *Колесников П.* OpenAI выпустила ИИ-исследователя: делает научную работу самостоятельно. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/121951-openai-vypustila-ii-issledovatelya/ (дата обращения: 30.01.2026).

[8] Vintti. The best legal research software for advanced practitioners: A review. 2025. Available at: https://www.vintti.com/blog/the-best-legal-research-software-for-advanced-practitioners-a-review [Accessed 30th January 2026].

[9] *Thomson Reuters.* Westlaw Edge features: Advanced legal research. 2025. Available at: https://legal.thomsonreuters.com/en/products/westlaw-edge/features [Accessed 30th January 2026].

и специализированные Legal AI-решения (GigalLegal, GigaChat, ЮРАЙТ: LEGAL AI) дополняют эту инфраструктуру, углубляя обработку данных и автоматизируя отдельные юридические операции.

В 2023 г. на российский рынок был выведен виртуальный юрист LawAI, бета-версия которого реализует базовые функции правовой поддержки: поиск нормативных актов и судебных решений, подбор релевантных статей кодексов и формулирование определений ключевых правовых понятий. Аналитические обзоры указывают, что одной из ключевых тенденций развития российского IT-рынка в 2025–2026 гг. является дальнейшее внедрение ИИ, рост спроса на облачные решения и автоматизацию бизнес-процессов, включая юридическую деятельность, что связано с необходимостью повышения эффективности и снижения издержек на рутинные операции[10].

Особое внимание уделяется внедрению ИИ в судебную деятельность и сферу публичного управления. В Послании Президента Федеральному Собранию от 19 февраля 2024 г. и в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» сформулированы стратегические ориентиры цифровой трансформации и использования ИИ, в том числе в системе правосудия. Среди приоритетов – развитие онлайн правосудия (электронная подача документов, дистанционное участие в заседаниях, получение судебных актов в электронном виде) и автоматизация внутренних процедур судов. С 2019 г. в арбитражных судах и судах общей юрисдикции действует система автоматизированного распределения дел между судьями, что рассматривается как важный этап цифровизации судебной системы и предпосылка для внедрения более сложных ИИ-инструментов (Morhat, 2024).

ИИ в судебных системах: краткий сравнительный обзор (Китай, Сингапур, Эстония и др.)

Наиболее далеко в использовании цифровых технологий и элементов ИИ в судопроизводстве продвинулись государства с развитой онлайн-инфраструктурой правосудия. В Китае это система интернет-судов и национальная правовая ИИ-платформа, обрабатывающая большие массивы судебных данных и поддерживающая судей при классификации дел и подготовке проектов решений. Согласно разъяснениям Верховного народного суда Китая, к 2025 г. все суды должны внедрить компетентные ИИ-системы при сохранении окончательной роли судьи[11].

В Сингапуре и ряде государств ЕС (включая пилотные проекты в Эстонии) ИИ чаще используется как вспомогательный инструмент: для анализа загруженности судов, подготовки справочных материалов, поддержки онлайн-разрешения споров (ODR) и прототипов рекомендательных систем для судей. В Сингапуре генеративный ИИ тестируется в малозначительных спорах и трибуналах, помогая самопредставляющимся участникам ориентироваться в процедуре и магистратам – суммировать позиции сторон[12]. В Эстонии цифровизация правосудия сочетается

[10] IT-тренды 2025: главные направления цифровой трансформации. 10.03.2025. URL: https://www.cnews.ru/reviews/cnews_it-trendy_2025 (дата обращения: 31.01.2026).

[11] China launches artificial intelligence platform to boost judicial efficiency // english.court.gov.cn. 05.12.2024. Available at: https://english.court.gov.cn/2024-12/05/c_1053706.htm [Accessed 30th January 2026].

[12] *Heaphy M.* How are courts adopting AI in the Asia-Pacific region. 17.07.2025. Available at: https://insight.thomsonreuters.com/sea/legal/posts/how-are-courts-adopting-ai-in-the-asia-pacific-region [Accessed 30th January 2026].

с проектами «робота-судьи» для мелких исков и инициативами по ИИ-аналитике в e-justice, что формирует технологическую базу для дальнейшего внедрения аналитических систем в судебную деятельность (Härmand, 2023).

Дополнительный эмпирический материал дают исследовательские датасеты по делам, связанным с ИИ (например, AI on Trial), показывающие, как вопросы ответственности за использование ИИ и допустимости автоматизированного анализа данных становятся предметом судебных споров в разных юрисдикциях. ИИ в судах выступает не только технологическим инструментом, но и объектом правового разбирательства, что следует учитывать при построении сравнительных обзоров и анализе практики (Strebkova, 2021).

При этом доступные данные об использовании ИИ в судебных системах остаются фрагментарными: это статистические отчеты, описания пилотных проектов и выборочные массивы дел. Поэтому количественные сопоставления между странами могут носить лишь ориентировочный характер и требуют аккуратного указания методологических ограничений.

Практическое использование ИИ в научной работе юриста

Поиск и верификация источников: сочетание ИИ-платформ и библиотечных баз данных

Российскую инфраструктуру ИИ-для-права дополняет широкий спектр зарубежных ресурсов. Среди англоязычных правовых баз данных ключевыми являются Westlaw (доступ к Westlaw Academic открыт в научной библиотеке РУДН с 2025 г.) и LexisNexis, предоставляющие массивы законодательств, судебных решений, прецедентов и аналитики по праву стран общего права. Доступ к большинству зарубежных научных ресурсов осуществляется по подписке и вне институциональных лицензий является платным, однако научная библиотека РУДН по корпоративной подписке обеспечивает доступ к широкому кругу баз данных и журналов ведущих издательств (Springer Nature, Taylor & Francis, Wiley и др.), что существенно расширяет источниковую базу юридических исследований.

Для иллюстрации возможностей традиционных баз данных был выполнен поисковый запрос по ключевой фразе «AI in court proceedings». Результаты включали несколько десятков страниц записей разной степени релевантности; поиск велся на английском языке, при этом часть публикаций была на русском. Для каждой записи предоставлялись библиографические данные, аннотация с возможностью перевода на русский язык, и, в ряде случаев, полный текст статьи. В отобранный корпус вошли работы по цифровизации судебного разбирательства и внедрению ИИ в судопроизводство, включая исследования эволюции цифрового правосудия в разных юрисдикциях и ответственности за использование ИИ в суде.

Показательно, что перечни публикаций, полученные с помощью нейросетевых инструментов и при поиске в базах данных научной библиотеки РУДН, лишь частично совпали. Это подтверждает, что генеративный ИИ следует рассматривать как дополнение к традиционным академическим ресурсам: он расширяет поле поиска и подсказывает новые направления, но требует обязательной последующей верификации найденных источников в авторитетных базах данных. На сайте библиотеки, в том числе в разделе информационной поддержки публикационной деятельности, доступны сервисы для поиска литературы, автоматизированного оформления библиографии, проверки текста, анализа стиля, подготовки аннотаций и иллюстративных материалов, что заметно облегчает подготовку рукописи к публикации.

Использование генеративного ИИ на этапе поиска литературы сопряжено с риском так называемых *галлюцинаций* – случаев, когда модель создает правдоподобные, но фактически несуществующие источники, искаженные цитаты или некорректные библиографические записи (Ji et al., 2022). Исследования показывают, что такие ошибки обусловлены статистической природой работы больших языковых моделей и отсутствием у них «понимания» фактического содержания, а не только качеством обучающих данных (Bender et al., 2021). Поэтому роль исследователя как критического фильтра информации сохраняет принципиальное значение, даже при использовании продвинутых систем с режимами «рассуждения», которые способны лишь частично уменьшить частоту галлюцинаций, но не устраняют их полностью (Magesh et al., 2025).

Составление таблиц и графиков с использованием ИИ

Подготовка наглядных материалов традиционно требует значительных временных и интеллектуальных затрат: исследователь собирает данные из разных источников, анализирует их, определяет цель визуализации (отображение тренда, сравнение, распределение), выбирает тип представления (линейный или столбчатый график, таблица) и реализует его в конкретном программном продукте. Инструменты искусственного интеллекта позволяют заметно сократить эти затраты: при корректной постановке задачи значительная часть рутинных операций по структурированию данных и подбору формата визуализации может быть автоматизирована, при этом ключевым остается качество формулировки запросов и умение выстраивать последовательный диалог с системой.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть задачу визуализации данных о количестве судебных дел с участием ИИ-систем в Китае и других юрисдикциях в 2021–2025 гг. Для таких задач подходят столбчатые или составные диаграммы, где по оси X располагаются страны (Китай, Сингапур, Южная Корея, Эстония, пилотные проекты в государствах ЕС), а по оси Y количественные или относительные использования ИИ в судопроизводстве; визуализация может строиться по абсолютным значениям (число дел, рассматриваемых с использованием онлайн-платформ и «умных» подсистем) и по категориям (полностью автоматизированные мелкие споры, поддержка судей ИИ-системами, использование онлайн-платформы разрешения споров (ODR).

Для технической реализации визуализации могут применяться офисные решения (PowerPoint, Keynote, Canva – для презентационных диаграмм; Excel, Google Sheets – для числовых данных и анализа), а также специализированные ИИ-инструменты, автоматически предлагающие типы графиков и настраивающие их по описанию задачи. При этом единой официальной сводки по количеству дел с ИИ участием по странам пока нет, поэтому автор опирается на фрагментарные данные: статистические отчеты судов, описания пилотных проектов, выборочные кейсы и исследовательские датасеты, что требует явного указания источников, показателей и ограничений интерпретации.

Для сравнительного анализа практики различных юрисдикций целесообразно использовать структурированные таблицы, где для каждой страны фиксируются: состояние цифровой и онлайн-инфраструктуры, и стратегий по внедрению ИИ, фактическое использование ИИ как вспомогательного инструмента, наличие и динамика дел, в которых ИИ выступает предметом спора. Таблица может дополняться колонками о годе запуска решений, типах дел (административные, гражданские,

уголовные, мелкие иски), уровне автономности ИИ (поддержка, рекомендация, первичное решение), методе измерения (официальная статистика, исследовательский датасет, экспертная оценка) и краткой характеристикой источника.

Важно подчеркнуть, что структура таблицы или эскиз диаграммы, полученные с помощью ИИ, не могут рассматриваться как окончательный результат: необходима проверка корректности источников и показателей, уточнение терминологии и параметров, а также приведение формата визуализации в соответствие с требованиями конкретного журнала или издательства.

Таблица 1. **Основные модели использования ИИ в судебных системах отдельных юрисдикций (с акцентом на Китай) в 2021–2025 гг.**

Страна	Год / этап	Тип дел	Уровень ИИ	Показатель (кратко)	Метод измерения	Источник
Китай (нац. «умные суды»)	Стратегическая цель: к 2025 г. внедрить ИИ-системы поддержки во всех судах (без указания числа дел)	Все уровни судов (национальная система «умных судов»)	Вспомогат. роль (поддержка судьи, анализ дел, подбор практики)	Стратегическая цель: к 2025 г. внедрить ИИ-системы поддержки во всех судах (без указания числа дел)	Стратегический документ и официальные материалы (качественные целевые ориентиры без количественных показателей по ИИ-делам)	Supreme People's Court, 2022[13] Supreme People's Court of China[14]
Китай (онлайн-инфраструктура)	2021	Онлайн-дела (широкий спектр)	Инфраструктура + ИИ-модули	> 11,43 млн дел, поданных через онлайн-платформы в 2021 г.; доля дел с использованием ИИ-модулей не выделена отдельно	Официальная статистика Верховного народного суда по числу онлайн-дел	Supreme People's Court of China[15]
Китай (уголовные дела, «206» и др.)	Массово к 2020-му	Уголовные дела (преимущественно в Шанхае, далее распространение на другие регионы)	По экспертным оценкам, сотни тысяч уголовных дел ежегодно проходят через системы аналитической обработки и рекомендаций	Массовое использование ИИ-систем (в т.ч. «206») в уголовных делах к началу 2020-х гг.	Экспертная оценка на основе эмпирических исследований и описаний внедрения системы «206» и сходных ИИ-решений в	Empirical studies and analytical overviews of China's "206" system and AI-assisted criminal proceedings; When Algorithms Meet Justice: A

[13] Supreme People's Court of China. Chinese courts must implement AI system by 2025 // Beijing Internet Court / SPC News. 2022. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2022-12/12/c_593.htm [Accessed 30th January 2026].

[14] Supreme People's Court of China. Smart courts: Digital empowerment of judicial work // Official SPC portal. Available at: https://english.court.gov.cn/SmartCourtsDigitalEmpowerment.html [Accessed 30th January 2026].

[15] Supreme People's Court of China. Chinese courts must implement AI system by 2025 // Beijing Internet Court / SPC News. 2022. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2022-12/12/c_593.htm [Accessed 30th January 2026].

Продолжение табл. 1

Страна	Год / этап	Тип дел	Уровень ИИ	Показатель (кратко)	Метод измерения	Источник
			(без официальных агрегированных данных по всей стране)		уголовном процессе (без официальной разбивки по числу «ИИ-дел»)	Deep Dive into AI-assisted Criminal Proceedings in China[16]; (Papagianneas & Junius, 2023; Zhiyuan & Yang, 2025)
Китай (интернет-суды)	2025	Онлайн-споры (e-commerce, ИС, данные, цифровые активы и др.)	Вспомогательная роль; Инфраструктурный уровень (онлайн-процедуры, платформы, возможные ИИ-модули)	Пересмотр компетенции интернет-судов по делам, связанным с цифровой экономикой, (данные, виртуальные активы, недобросовестная конкуренция и др.)	Нормативные акты и официальные сообщения о корректировке юрисдикции интернет-судов (без статистики по ИИ-делам)	Supreme People's Court of China[17]; China IP Law Update, 2025[18]
39 стран (AI on Trial)	2021–нач. 2025	Дела, в которых ИИ выступает в качестве предмета спора	Суд рассматривает споры, в которых ИИ является предметом	500 дел, в которых ИИ является предметом судебного или административного спора; рост числа дел в категории "legal profession": 3 (2021) → 32 (2024) → 28 (начало 2025)	Исследовательский датасет AI on Trial: ручная классификация 500 дел по 39 странам (суды и административные органы), фокус на делах, в которых ИИ играет материально значимую роль	AI on Trial dataset; TechPolicy Press 2025[19]

[16] *Wu W., Lin X.* When Algorithms Meet Justice: A Deep Dive into AI-assisted Criminal Proceedings in China. Available at: https://blog.uni-koeln.de/eclrhub/2026/01/15/when-algorithms-meet-justice-a-deep-dive-into-ai-assisted-criminal-proceedings-in-china/ [Accessed 30th January 2026].

[17] New regulation adjusts jurisdiction of internet courts // Beijing Internet Court : [сайт]. 13.10.2025. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2025-10/13/c_817.htm [Accessed 30th January 2026].

[18] *Wininger A.* China's Supreme People's Court Releases 2025H1 Data – IP Cases Up 36%. Available at: https://www.chinaiplawupdate.com/2025/07/chinas-supreme-peoples-court-releases-2025h1-data-ip-cases-up-36/ [Accessed 30th January 2026].

[19] *Assunção I.V.* Beyond Regulation: What 500 Cases Reveal About the Future of AI in the Courts. Available at: https://www.techpolicy.press/beyond-regulation-what-500-cases-reveal-about-the-future-of-ai-in-the-courts [Accessed 30th January 2026].

Продолжение табл. 1

Страна	Год / этап	Тип дел	Уровень ИИ	Показатель (кратко)	Метод измерения	Источник
Сингапур (гайд по GenAI)	2024–2025	Все категории дел (подготовка процессуальных документов)	ИИ как инструмент сторон (юристов, прокуроров, *pro se* истцы) при подготовке документов; ответственность за содержание полностью несут люди.	Гайд по использованию генеративного ИИ пользователями судов (2024-2025)	Нормативное руководство судов по использованию генеративного ИИ (policy-document; качественные требования без количественных данных по числу дел)	In the Supreme Court of Singapore, 2024[20]
Сингапур (ИИ для малых исков)	Запуск пилота: 2025 г. (сентябрь, поэтапное внедрение)	Малые иски (Small Claims Tribunals, SCT); потребительские и иные споры в пределах юрисдикционного лимита SCT	Вспомогательный ИИ-сервис для суммаризации материалов дела; используется для подготовки к рассмотрению дел, решение по существу принимает судья (Tribunal Magistrate)	Пилотный ИИ-сервис суммаризации материалов дел в судах по малым искам (Small Claims Tribunals, SCT); количественные показатели (число дел/запросов к ИИ-сервису) не раскрываются; сервис развернут поэтапно, сначала для магистратов, затем для сторон	Официальные пресс-релизы и сообщения судов, описывающие пилотный проект ИИ-суммаризации в SCT (без статистики по числу дел)	Singapore Courts, Media Release[21]
Эстония (“robot judge” пилот)	с 2019, пилот к 2025	Мелкие иски до 7000 €	Частично автономный (первичное решение ИИ)	Пилотный проект “robot judge” для разрешения мелких исков до 7000 евро: (первичное решение формируется ИИ, подлежит	Медийные и экспертные описания пилотного проекта (Wired/WEF-пересказы, аналитические обзоры, IPS-X-case),	IPS-X case “AI Robot Judge for small claims in Estonia”; media reports and expert commentary[22]

[20] Supreme Court of Singapore. Registrar's Circular No. 1 of 2024: Guide on the Use of Generative Artificial Intelligence Tools by Court Users. 23.09.2024. Available at: https://www.judiciary.gov.sg/news-and-resources/registrar's-circulars/circular-details/registrar's-circular-no.-1-2024-family-justice-courts [Accessed 31st January 2026].

[21] State Courts of Singapore. New Generative AI powered Case Summarisation Tool to Help Small Claims Tribunals Users: media release. 09.09.2025. Available at: https://www.statecourts.gov.sg/... [Accessed 31st January 2026].

[22] World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2018. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf [Accessed 310th January 2026]; Algorithm Watch. Automating Society Report 2020. Available at: https://automatingsociety.algorithmwatch.org/ [Accessed 31st January 2026].

Окончание табл. 1

Страна	Год / этап	Тип дел	Уровень ИИ	Показатель (кратко)	Метод измерения	Источник
				проверке и может быть изменен/отклонен человеческим судьей	без официальной сводной статистики	
Эстония (e-justice)	С середины 2000-х, активное развитие в 2010-е → 2020-е	Широкий спектр гражданских, административных, уголовных дел; единая система для всех судов, общий e-File для судов и правоохранительных органов	Более 90% коммуникаций судов с участниками ведется в электронном виде; почти все документы подписываются цифровой подписью	Развитая система e-File и других ИКТ-решений в судах как инфраструктурная основа для последующих ИИ-проектов (2010-е → 2020-е); систематические данные по делам с ИИ отсутствуют	Официальные доклады и обзорные материалы ЕС и национальных органов о цифровизации судов (e-justice), без выделения отдельной статистики по делам с ИИ	Estonian Ministry of Justice[23]; EU e-Justice/e-Estonia materials[24]

Источник: таблица составлена В.В. Степановой, структура таблицы разработана В.В. Степановой с использованием рекомендаций генеративного ИИ-ассистента Perplexity.

Table 1. **Main AI use models in the judicial systems of selected jurisdictions (with a focus on China) in 2021–2025**

Country	Year / Stage	Case type	Level of AI use	Indicator (short)	Measurement method	Source
China (National "Smart courts" program)	Strategic goal: to implement AI support systems in all courts by 2025 (without specifying the number of cases)	All levels of courts (national "smart courts" system)	Auxiliary tool (judge support, case analysis, practice selection)	Strategic goal: to implement AI-support systems in all courts by 2025 (without specifying the number of AI-related cases)	Strategic document and official materials (qualitative targets without quantitative indicators for AI cases)	Supreme People's Court, 2022[25] Supreme People's Court of China[26]

[23] Estonian Ministry of Justice. Digitalization of Courts in Estonia (presentation for the European Parliament). Available at: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/294297/Item%207_ICM_Estonia_MoJ_digitalization_of_courts_notes_EN.pdf [Accessed 31st January 2026].

[24] EU e-Justice / e-Estonia materials. National justice systems. Estonia. Available at: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-systems-eu-and-national/national-justice-systems/ee_en [Accessed 31st January 2026].

[25] Supreme People's Court of China. Chinese courts must implement AI system by 2025 // Beijing Internet Court / SPC News. 2022. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2022-12/12/c_593.htm [Accessed 30th January 2026].

[26] Supreme People's Court of China. Smart courts: Digital empowerment of judicial work // Official SPC portal. Available at: https://english.court.gov.cn/SmartCourtsDigitalEmpowerment.html [Accessed 31st January 2026].

Continuation of the Table 1

Country	Year / Stage	Case type	Level of AI use	Indicator (short)	Measurement method	Source
China (online-infrastructure)	2021	Online-cases (wide range)	Infrastructure + AI-modules	>11.43 million cases filed through online-platforms in 2021; the share of cases using AI modules is not reported separately	Official statistics of the Supreme People's Court on the number of online cases	Supreme People's Court of China[27]
China (criminal cases, "206" system, etc.)	Mass deployment by 2020	Criminal cases by 2020 (initially concentrated in Shanghai, then extended to other regions)	Expert estimates suggest that hundreds of thousands of criminal cases are processed annually through analytical and recommendation systems (without official aggregated data for the entire country)	Mass use of AI systems (including "206" system) in criminal cases by the beginning of the 2020s.	Expert assessment based on empirical studies and descriptions of the implementation of the "206" system and similar AI solutions in criminal proceedings (without official breakdown by the number of "AI cases")	Empirical studies and analytical overviews of China's "206" system and AI-assisted criminal proceedings[28]; (Papagianneas & Junius, 2023; Zhiyuan & Yang, 2025)
China (Internet-courts)	2025	Online-disputes (e-commerce, IP, data, digital assets, etc.)	Supporting role; infrastructure layer (online procedures, platforms, possible AI modules)	Review of the jurisdiction of Internet courts in cases related to the digital economy (data, virtual assets, unfair competition, etc.)	Regulations and official reports on the adjustment of the jurisdiction of Internet courts (without statistics on AI-related cases)	Supreme People's Court of China[29]; China IP Law Update[30]

[27] Supreme People's Court of China. Chinese courts must implement AI system by 2025 // Beijing Internet Court / SPC News. 2022. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2022-12/12/c_593.htm [Accessed 30th January 2026].

[28] Wu W., Lin X. When Algorithms Meet Justice: A Deep Dive into AI-assisted Criminal Proceedings in China. Available at: https://blog.uni-koeln.de/eclrhub/2026/01/15/when-algorithms-meet-justice-a-deep-dive-into-ai-assisted-criminal-proceedings-in-china/ [Accessed 31st January 2026].

[29] New regulation adjusts jurisdiction of internet courts // Beijing Internet Court. 13.10.2025. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2025-10/13/c_817.htm [Accessed 31st January 2026].

[30] China IP Law Update. China Issues the 2025 Intellectual Property Nation Building Promotion Plan to Accelerate the Construction of a Powerful Intellectual Property Country. Available at: https://www.chinaiplawupdate.com/2025/05/china-issues-the-2025-intellectual-property-nation-building-promotion-plan-to-accelerate-the-construction-of-a-powerful-intellectual-property-country/ [Accessed 31st January 2026].

Continuation of the Table 1

Country	Year / Stage	Case type	Level of AI use	Indicator (short)	Measurement method	Source
39 countries (AI on Trial)	2021-early 2025	Cases in which AI is the subject of a dispute	The court hears disputes in which AI is the subject of the case	500 cases in which AI is the subject of a judicial or administrative dispute; increase in the number of cases in the "legal profession" category": 3 (2021) → 32 (2024) → 28 (early 2025)	AI on Trial Research dataset: manual classification of 500 cases in 39 countries (courts and administrative authorities), focusing on cases where AI plays a material role	AI on Trial dataset; TechPolicy Press 2025[31]
Singapor (GenAI Guide for court users)	2024-2025	All categories of cases (preparation of procedural documents)	AI as a tool for parties (lawyers, prosecutors, self-represented litigants) in preparing documents; responsibility for the content remains fully with humans	Guide on the use of generative AI tools by court users (2024-2025)	Regulatory guidance by the courts on the use of generative AI (policy document with qualitative requirements without quantitative data on the number of cases)	In the Supreme Court of Singapore, 2024[32]
Singapore (AI for small claims)	Pilot launch: 2025 (September, phased implementation)	Small Claims Tribunals (SCT); consumer and other disputes within the SCT's jurisdictional limit	Auxiliary AI service for summarizing case materials; used to prepare for the hearing, while the decision on the merits is made by the	Pilot generative-AI service for summarizing case materials in the Small Claims Tribunals; quantitative indicators (number of	Official press releases and court announcements describing the AI case-summation pilot project in the SCT (without statistics on	Singapore Courts, Media Release[33]

[31] Assunção I. V. Beyond Regulation: What 500 Cases Reveal About the Future of AI in the Courts. Available at: https://www.techpolicy.press/beyond-regulation-what-500-cases-reveal-about-the-future-of-ai-in-the-courts [Accessed 31st January 2026].

[32] Supreme Court of Singapore. Registrar's Circular No. 1 of 2024: Guide on the Use of Generative Artificial Intelligence Tools by Court Users. 23.09.2024. Available at: https://www.judiciary.gov.sg/news-and-resources/registrar's-circulars/circular-details/registrar's-circular-no.-1-2024-family-justice-courts [Accessed 31st January 2026].

[33] State Courts of Singapore. New Generative AI powered Case Summarisation Tool to Help Small Claims Tribunals Users: media release. 09.09.2025. Available at: https://www.statecourts.gov.sg/... [Accessed 31st January 2026].

Ending of the Table 1

Country	Year / Stage	Case type	Level of AI use	Indicator (short)	Measurement method	Source
			Tribunal Magistrate	cases or AI-summary requests) are not disclosed; the service is deployed in stages, first for magistrates, then for parties	the number of cases)	
Estonia (“robot judge” pilot)	Since 2019; pilot status as of 2025	Small claims up to €7,000	Partially autonomous AI solution	Pilot “robot judge” project for resolving small claims up to €7,000: the initial decision is generated by AI and is subject to review and possible modification or rejection by a human judge	Media and expert descriptions of the pilot (Wired/WEF-reports, analytical reviews, IPS-X case), without official summary statistics	IPS-X case “AI Robot Judge for small claims in Estonia”; media reports and expert commentary[34]
Estonia (e-justice)	Since the mid-2000s; active development in the 2010s → 2020s	Wide range of civil, administrative, criminal cases; one system for all courts; a common e-File for courts and law enforcement agencies	More than 90% of court communications with parties are conducted electronically; almost all documents are digitally signed	A developed e-File system and other ICT solutions in courts form the infrastructural basis for subsequent AI-projects (2010s → 2020s); no systematic data on “AI cases” are available	Official reports and reviews by EU and national authorities on court digitalization (e-justice), without separate statistics on cases involving AI	Estonian Ministry of Justice[35]; EU e-Justice/e-Estonia materials[36]

Source: The Table is compiled by Valentina V. Stepanova; the table structure is developed by Valentina V. Stepanova using recommendations from Perplexity (generative AI assistant).

[34] World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2018. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf [Accessed 31st January 2026]; Algorithm Watch. Automating Society Report 2020. Available at: https://automatingsociety.algorithmwatch.org/ [Accessed 31st January 2026].

[35] Laanet K. Digitalization of Courts in Estonia. Available at: https://www.europarl.europa.eu/cms-data/294297/Item%207_ICM_Estonia_MoJ_digitalization_of_courts_notes_EN.pdf [Accessed 31st January 2026].

[36] EU e-Justice / e-Estonia materials. National justice systems. Estonia. Available at: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-systems-eu-and-national/national-justice-systems/ee_en [Accessed 31st January 2026].

Методические рекомендации по работе с ИИ-моделями для юридических задач

Интеграция инструментов ИИ в научную работу юриста может происходить на разных этапах – от выбора темы до оформления ссылок; при этом особое значение приобретают качество промптов, верификация результатов и корректное описание ограничений исследования. В данном разделе рассматриваются примеры использования ИИ при структурировании текста, работе с источниками и составлении таблиц и графиков, а также подчеркиваются риски галлюцинаций и неоднородности данных, которые необходимо явно фиксировать в методологической части.

Пример 2. Коррекция структуры раздела с использованием ИИ-ассистента

Запрос автора:

Предложи более логичную структуру этого раздела для научной статьи: нужно развести по подпунктам (1) поиск литературы, (2) работу с источниками, (3) визуализацию данных, (4) обсуждение рисков и ограничений ИИ. Сохрани академический стиль и ориентацию на юридическую аудиторию.

Ответ ИИ (фрагмент):

2.1. Поиск и предварительный отбор научных источников с использованием ИИ и традиционных баз данных.

2.2. Работа с текстами источников: аннотирование, проверка ссылок, двуязычная сверка и автоматизированное оформление библиографии.

2.3. Подготовка наглядного материала: таблицы и графики, созданные с поддержкой ИИ-инструментов.

2.4. Ограничения и риски использования генеративного ИИ (галлюцинации, неполнота выборки, необходимость верификации данных).

Комментарий: Данный пример демонстрирует использование ИИ-ассистента не для генерации содержательного текста, а для оптимизации композиции раздела. На основе исходного, относительно общего абзаца модель предлагает иерархию подпунктов, отражающую ключевые стадии научной работы (поиск литературы, анализ источников, визуализация, обсуждение ограничений) и делающую структуру более прозрачной для читателя; окончательная формулировка заголовков и наполнение подпунктов остаются в компетенции автора, который адаптирует предложенную структуру к целям исследования и требованиям журнала.

Пример 3. Обсуждение погрешностей и ограничений данных, представленных в сравнительной таблице.

Запрос автора к ИИ-ассистенту:

В таблице об использовании ИИ в судебных системах разных стран я опираюсь на разнородные источники: официальную статистику Верховного суда Китая об онлайн-делах, исследовательский датасет по делам, связанным с ИИ (AI on Trial), нормативные документы и пресс-релизы по пилотным проектам в Сингапуре и Эстонии. Насколько корректно говорить о погрешности таких данных и какие именно виды неопределенности мне нужно описать в разделе о методологических ограничениях?

Ответ ИИ (фрагмент):

В данном случае корректнее говорить не о «проценте погрешности» в строгом статистическом смысле, а о типах неопределенности и ограничениях данных. Минимальная неопределенность характерна для официальной статистики (например, числа онлайн-дел в Китае) при условии корректного понимания показателя. Существенно выше неопределенность там, где используются: (1) исследовательские датасеты с потенциальной неполной выборки и селективностью включенных кейсов (как в проекте AI on Trial); (2) медийные и экспертные описания пилотных проектов,

не содержащих систематических данных. Отдельный источник ошибок связан с переводом и интерпретацией категорий (*cases filed, cases handled, online cases, AI-related cases):* если сводить их под общую формулу «дела, решенные с помощью ИИ», возникает риск неверных обобщений. В разделе о методологических ограничениях целесообразно явно указать для каждой строки таблицы тип источника, характер показателя (официальная статистика, оценка, качественное описание) и подчеркнуть, что сравнения между юрисдикциями носят ориентировочный, а не строго количественный характер.

Такой пример показывает, что модель не вычисляет истинную погрешность данных, а помогает артикулировать типы неопределенности и корректно оформить раздел об ограничениях исследования.

На уровне методологии можно выделить несколько групп ограничений. Во-первых, ограничения генеративного ИИ: результаты, полученные с его помощью, следует рассматривать как промежуточный, вспомогательный продукт, подлежащий проверке по первичным источникам, уточнению формулировок и контекста, а также явному проговариванию допущений при работе с разнородными статистическими данными; это позволяет трактовать ИИ как инструмент поддержки, не снимающий с автора ответственности за достоверность и интерпретацию выводов. Во-вторых, ограничения эмпирического материала: источники и показатели неоднородны по странам, данные фрагментарны и ориентировочны и не предполагают строгого количественного сопоставления. В-третьих, ограничения репрезентативности снижают строгость обобщений, однако цель таблицы состоит в иллюстрации основных моделей использования ИИ в судебных системах, а не в построении исчерпывающей статистической картины, что нужно прямо зафиксировать в разделе «Ограничения исследования».

Практика показывает, что качество ответов ИИ-систем напрямую зависит от качества постановки задачи пользователем: выбора подходящей модели, формулировки промпта и степени описания контекста. В связи с этим целесообразно предложить следующие методические рекомендации.

- При выборе модели следует учитывать ее назначение, актуальность правовой базы, режим обработки данных и уровень конфиденциальности (on-premise-решения, закрытые корпоративные контуры и т.п.).
- Промпт должен быть развернутым: задавать предполагаемую роль модели (например, «помощник судьи», «юрист-исследователь»), требуемый формат и структуру ответа, язык и целевую аудиторию.
- Необходимо максимально ясно описывать контекст: юрисдикцию, вид и стадию производства, тип документа (судебный акт, научная статья, правовое заключение), а также обозначать ограничения (запрет на выдуманные ссылки, необходимость опоры только на перечисленные/академические источники и др.).
- Для повышения надежности результата рекомендуется разбивать сложные задачи на этапы (сначала запросить план или схему аргументации, затем детализацию по разделам), использовать перекрестные запросы к модели для самопроверки и обязательно сопоставлять полученные ответы с первичными источниками.

Заключение

Представленные размышления редактора о возможном участии искусственного интеллекта в научном процессе позволяют сделать несколько обобщающих выводов.

Привлечение нейросетей существенно сокращает время на поиск и первичный анализ материала: ИИ быстро обрабатывает большие массивы правовой информации, отыскивает актуальные судебные решения и нормативные акты, и может

формировать основу для прогнозных рассуждений о развитии регулирования на базе анализа доктрины и правоприменения.

Автоматизация отдельных этапов научной работы и оформления текста (структура и компоновка материала, текстовая правка и стиль, фактчекинг, включая этические и правовые проверки, генерация и доработка контента) позволяет достигать *формально безупречного результата*, соответствующего высоким требованиям ведущих изданий. При этом такие инструменты поддержки не заменяют содержательную работу исследователя: полностью сгенерированный ИИ текст не может считаться подлинно авторским и не обеспечивает самостоятельного научного вклада.

Значимы и риски некритичного использования ИИ. Показательный пример – дело *Mata v. Avianca, Inc*, где нью-йоркский адвокат Стивен А. Шварц (Steven A. Schwartz) представил в федеральный суд процессуальный документ с вымышленными прецедентами, сгенерированными ChatGPT, что привело к санкциям и широкому общественному резонансу. Этот случай является убедительным аргументом в пользу прозрачного раскрытия использования ИИ и проверочных процедур. К подобным рискам следует отнести и методологические ограничения работы с данными: различия в терминологии, переводе, достоверность источников, а также фрагментарность доступной статистики требуют явного проговаривания допущений, описания неопределенности и предельной осторожности при количественных оценках.

Вся информация, полученная с помощью нейросетей, должна проходить тщательную проверку на качество, точность и релевантность выбранной исследовательской задаче; окончательные решения о содержании и публикации принимает автор, несущий личную ответственность за надежность текста. Разумное использование интеллектуальных технологий опирается на профессиональный опыт и компетентность пользователя: в центре остается критическое правовое мышление, тогда как языковые модели выступают вспомогательным инструментом, усиливающим, но не подменяющим аналитические способности юриста.

Системное освоение ИИ предполагает развитие практических навыков: понимания принципов работы и ограничений систем, умения формулировать промпты и осознанно выбирать цифровые инструменты под конкретные научные задачи. Нейросети в этом контексте выступают мультипликатором исследовательских и редакторских возможностей, а ключевой компетенцией юриста-исследователя становится сочетание автоматизации с источниковедением, критическим мышлением и ответственностью за конечный результат.

Наконец, нельзя игнорировать нормативно-этическое измерение, риски и правовое регулирование цифровой сферы, которые активно обсуждаются в современной доктрине и ставят острые вопросы о границах допустимого использования ИИ.

До сегодняшнего дня считалось, что ИИ не в состоянии написать качественную научную работу в силу ограниченности конечного объёма данных, параметров и мощностей. Но с вводом *архитектуры размышления* (генерация ответа, его проверка, переосмысление и улучшенный ответ), интеграции кода и многошаговых стратегий, модель усилила способность к поиску решений сложных задач, что расширяет горизонты использования ИИ. В своем чате Кирилл Пшинник, Генеральный директор Зерокодера, на основе конкретного примера решения моделью *ChatGPT Pro* ранее нерешенных математических задач (Задачи Эрдеша) утверждает, что «нейросети перестают быть просто генераторами текста. Они становятся инструментом для поиска новых решений там, где человек их еще не нашел». Это требует нового осмыслению роли ИИ и человека в современной жизни.

Все концептуальные решения, интерпретации, выводы и окончательная редакция статьи остаются в ответственности автора.

References / Список литературы

Abràmoff, M.D., Tobey, D. & Char, D.S. (2020) Lessons learnt about autonomous AI: Finding a safe, efficacious and ethical path through the development process. *American Journal of Ophthalmology.* 214, 134–142. https://doi.org/10.1016/j.ajo.2020.02.022 EDN: PYNLIB.

Atabekova, A.A. (2024) *Generative artificial intelligence in the contemporary university: educational policy, practice. Language and translation teaching*. Moscow, UNITY-DANA Publ. (In Russian). EDN: LRFXOB.
Атабекова А.А. Генеративный искусственный интеллект в современном университете. Образовательная политика и практика, обучение иностранным языкам и переводу: монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 143 с. EDN: LRFXOB.

Bender, E.M., Gebru, T., McMillan-Major, A. & Shmitchel, S. (2021) On the dangers of stochastic parrots: Can language models be too big? In: *Conference on Fairness, Accountability, and Trans-parency (FAccT '21), March 3–10, 2021, Virtual Event, Canada*. NewYork, ACM Publ., pp. 610–623. https://doi.org/10.1145/3442188.3445922

Cui Lei, C., Yiheng, X., Tengchao, L. & Furu, W. et al. (2021) Document AI: Benchmarks, models and applications. *Computer Science: Computation and Language.* 1–23. https://doi.org/10.48550/arXiv.2111.08609

Gil de Zúñiga, H., Goyanes, M. & Durotoye, T. (2024) A scholarly definition of artificial intelligence (AI): Advancing AI as a conceptual framework in communication research. *Political communication.* 41 (2), 317–334. https://doi.org/10.1080/10584609.2023.2290497 EDN: CWZPKY.

Dyakonova, O.G. (2024) On the concept of artificial intelligence technologies. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* (3), 52–63. (In Russian). https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.115.3.052-063 EDN: QFZSSI.
Дьяконова О.Г. К вопросу о понятии технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 52–63. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.115.3.052-063 EDN: QFZSSI.

Federiakin, D., Molerov, D, Zlatkin-Troitschanskaia, O. & Maur, A. (2024) Prompt engineering as a new 21st century skill. *Frontiers in Education*. 9, 1–14. https://www.doi.org/10.3389/feduc.2024.1366434 EDN: OGIEFS.

Giray, L. (2023) Prompt engineering with ChatGPT: A guide for academic writers. *Annals of Biomedical Engineering.* 51, 2629–2633. https://doi.org/10.1007/s10439-023-03272-4 EDN: TCTWHA.

Haenlein, M. & Kaplan, A. (2019) A brief history of artificial intelligence: On the past, present, and future of artificial intelligence. *California Management Review*. 61 (4), 5–14. https://doi.org/10.1177/0008125619864925

Härmand, K. (2023) AI systems' impact on the recognition of foreign judgements: The case of Estonia. *Juridica International*. 32, 107–118. https://doi.org/10.12697/JI.2023.32.09 EDN: MHPJDB.

Ji, Z., Lee, N., Frieske, R., Yu, T. et al. (2022) Survey of hallucination in natural language generation. *ACM Computing Surveys.* 1 (1), 1–59.

Kirpichev, A.E. (2024) Prompts for generative artificial intelligence in legal discourse. *RUDN Journal of Law.* 28 (4), 906–918. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918 EDN: ILOQXB.

Kukshev, V.I. (2020) Classification of artificial intelligence systems. *Economic Strategies.* (6), 58–67. (In Russian). https://www.doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67 EDN: KPAUJJ.
Кукшев В.И. Классификация систем искусственного интеллекта // Экономические стратегии. 2020. № 6. С. 58–67. https://www.doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67 EDN: KPAUJJ.

Magesh, V., Surani, F., Dahl, M., Suzgun, M., Manning, C. & Ho, D. (2025) Hallucination-free? Assessing the reliability of leading AI legal research tools. *Journal of Empirical Legal Studies.* 22, 216–242. https://doi.org/10.1111/jels.12413 EDN: DMPWEL.

Mainzer, K. (2020) Introduction: What is AI? In: *Artificial Intelligence – When Do Machines Take Over?* Berlin, Springer Publ., pp. 1–5. https://doi.org/10.1007/978-3-662-59717-0_1

Morhat, P.Yu. (2024) Comparative-legal study of the positioning of artificial intelligence in court proceedings. *Legal Studies*. (7), 13–21. (In Russian). https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.7.71263 EDN: TBOCPB.

Морхат П.Ю. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе // Юридические исследования. 2024. №. 7. С. 13–21. https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.7.71263 EDN: TBOCPB.

Niu, C., Wu, J., Zhu, J., Zhang, X., Sun, X., Zhou, S. & Shang, L. (2024) RAGTruth: A hallucination corpus for developing trustworthy retrieval-augmented language models. In: *Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL 2024),* pp. 10862–10878. Available at: https://aclanthology.org/2024.acl-long.585.pdf (accessed: 30th January 2026).

Nguyen, A. et al. (2024) Human–AI collaboration patterns in AI-assisted academic writing. *Studies in Higher Education.* 49 (5), 847–864. https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2323593

Papagianneas, S. & Junius, N. (2023) Fairness and justice through automation in China's smart courts. *Computer Law & Security Review*. 51, 105897. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105897 EDN: VGPWIE.

Pshinnik, K.V. (2025) *Artificial intelligence: The road to a new world.* Moscow, AST Publ. (In Russian).

Пшинник К.В. Искусственный интеллект. Путь к новому миру. М. : Издательство АСТ, 2025. 140 с.

Strebkova, E.G. (2021) Judicial protection of rights and freedoms in the era of INDUSTRY 4.0. *Vestnik Saratov State Law Academy.* (4 (141)), 26–34. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-4-25-33 EDN: JXYYCB.

Стребкова Е.Г. Судебная защита прав и свобод в эпоху Индустрии 4.0 // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 26–34. https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-4-25-33 EDN: JXYYCB.

Vodolazka, S., Krainikova, T., Ryzhko, O. & Sokolova, K. (2024) Authors versus AI: Approaches and challenges. *Current Issues of Mass Communication.* 35, 73–89. https://doi.org/10.17721/CIMC.2024.35.73-89 EDN: PSKVMQ.

Wu, J., Zhu, J. & Liu, Y. (2025) Agentic reasoning: Reasoning LLMs with tools for deep research. In: Che, W., Nabende, J., Shutova, E. & Mohammad Taher, P. (eds.) *Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers),* pp. 28489–28503. https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.04644

Zhiyuan, G. & Yang, J. (2025) The application of artificial intelligence in China's criminal justice system. *Legal Issues in the Digital Age*. 6 (1), 83–104. https://doi.org/10.17323/2713-2749.2025.1.83.104 EDN: OQTFGW.

Сведения об авторе:

Степанова Валентина Витальевна **–** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-0495-0962; SPIN-код: 7794-4622; Researcher ID: H-9968-2016

e-mail: stepanova-vv@rudn.ru

About the author:

Valentina V. Stepanova **–** PhD in Linguistics, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID: 0000-0003-0495-0962; SPIN-code: 7794-4622; Researcher ID: H-9968-2016

e-mail: stepanova-vv@rudn.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 274–288
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

METHODOLOGY OF LEGAL RESEARCH

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-274-288
EDN: DEXDFD

Научная статья / Research Article

Проблемы методологии социально-правовых исследований в области верховенства права

Р.М. Аллалыев

Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, *г. Москва, Российская Федерация*
allalyev-rm@rudn.ru

Аннотация. В условиях глобальной дискуссии о верховенстве права наблюдается методологический кризис эмпирических исследований, связанный с проблемой операционализации понятия, культурной предвзятостью индексов и разрывом между формальными институтами и реальными практиками. Цель работы – проанализировать эволюцию подходов к изучению верховенства права в социологии права, выявить методологические ограничения каждого из трех поколений исследований и определить перспективы синтеза методов. Исследование основано на обзоре ключевых работ в области социально-правовых исследований (Р. Абель, М. Гэлантер, М. Хертог, Н. Чизман, Т. Гинзбург), а также анализе методологий глобальных индексов (WJP, WGI). Применен историко-социологический и сравнительно-правовой анализ. В ходе исследования установлено, что первое поколение исследований («gap studies») выявило системную неэффективность правовых реформ без учета контекста. Второе поколение (индексы) столкнулось с зависимостью от экспертных оценок, эндогенностью данных и риском симуляции реформ. Третье поколение (этнография, правосознание) продемонстрировало культурную обусловленность представлений о праве, но показало сложность обобщения качественных данных. Сделан вывод, что для преодоления методологического тупика необходима интеграция количественных, качественных и теоретических подходов в рамках единой междисциплинарной программы, ориентированной на ограничение произвола в конкретных социополитических контекстах.

Ключевые слова: эмпирические исследования, легитимация, политическая идеология, этнография, критика права

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

© Аллалыев Р.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 12 февраля 2026 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Аллалыев Р.М. Проблемы методологии социально-правовых исследований в области верховенства права // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 274–288. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-274-288 EDN: DEXDFD

Methodological Issues in Socio-Legal Research on the Rule of Law

Ruslan M. Allalyev ✉

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
named after I.M. Gubkin, *Moscow, Russian Federation*
✉allalyev-rm@rudn.ru

Abstract. The global debate on the rule of law is undergoing a methodological crisis in empirical research, manifested in problems of operationalization, cultural bias in indices, and a persistent gap between formal institutions and actual practices. This article aims to trace the evolution of approaches to the rule of law in legal sociology, identify the methodological limitations of three successive "generations" of studies, and outline prospects for synthetic methodology. The analysis draws on key works in socio-legal studies (R. Abel, M. Galanter, M. Hertogh, N. Cheesman, T. Ginsburg) and on a critical reading of global index methodologies (World Justice Project, Worldwide Governance Indicators). Methodologically, it employs historical-sociological and comparative-legal approaches. The first generation of empirical research – classic "gap studies" – demonstrated the systemic failure of legal reforms that ignore the social context, revealing the divergence between official legal norms and everyday normative orders. The second generation, centered on quantitative indices, made the rule of law measurable across countries but produced new difficulties, including expert dependence, data endogeneity, and the risk that governments use indicators to simulate reform rather than constrain power. The third generation, associated with ethnography and studies of legal consciousness, demonstrated the cultural embeddedness and plurality of legal meanings, while also exposing the challenges of aggregating and generalizing qualitative findings for comparative assessment. Overcoming the current methodological impasse requires a multi-dimensional research design that integrates quantitative assessment of institutions, qualitative analysis of legal consciousness, and everyday legality, and sustained theoretical reflections on law's relationship to power. Such an interdisciplinary program should focus not on abstract rankings, but on the concrete ways in which arbitrary power is constrained (or legitimated) within specific socio-political contexts.

Key words: empirical studies, legitimation, political ideology, ethnography, legal criticism

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 12th February 2026
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Allalyev, R.M. (2026) Methodological Issues in Socio-Legal Research on the Rule of Law. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 274–288. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-274-288 EDN: DEXDFD

Введение

На протяжении долгого времени идея верховенства права рассматривалась в научном дискурсе преимущественно в рамках философии и общей теории права, оставаясь на периферии социологических изысканий. Такая ситуация была обусловлена тем, что представления о верховенстве права сформировались задолго до того, как в арсенале социальных наук появился необходимый методологический инструментарий для их эмпирической верификации. Если философско-правовая мысль была нацелена на нормативное обоснование и повышение значимости данной идеи в теоретических дискуссиях, то социологический подход фокусируется на анализе её реальной роли и функционала в общественной практике. Более того, реализация данной идеи представляет собой воплощение идеальной конструкции, по своей природе не способной существовать в абсолютно «чистом» виде. Вследствие этого в социологии права дихотомический вопрос о наличии или отсутствии верховенства права является методологически некорректным, так как такого рода исследования ориентированы не на поиск бинарных ответов, а на оценку степени его реализации в конкретном социальном контексте.

Если уже ставшие традиционными подходы к верховенству права рассматривают его как некий «чек-лист», то социологический подход не задается вопросом «что такое верховенство права?», а «правит ли право на самом деле?». Он фокусируется на социальных основаниях права: на том, как право проявляется в повседневной жизни людей, считают ли они его авторитетным и соблюдают ли правовые нормы. В этом случае ключевым становится вопрос методологии, используемой для подобных измерений.

Первое поколение: почему правовые реформы терпят неудачу?

Первое поколение эмпирических исследований было сосредоточено на проблеме «разрыва» (gap) между правом «в книгах» и правом «в действии» (Hertogh, 2024:37). В фокусе внимания «gap studies» находились вопросы соблюдения законодательства и эффективности правовых реформ, в частности в постконфликтных обществах. Изначально количество подобных исследований оставалось ограниченным, что было обусловлено фундаментальной трудностью операционализации понятия «верховенство права», любая трактовка которого носит дискуссионный характер.

Одни из самых ранних работ в этой области (Abel, 1980; Feeley, 1976), использовавшие эмпирические данные для сопоставления «правовых предположений» с «правовой реальностью», основывались на «вере в то, что разрыв (между нормой и её реализацией), будучи выявленным, может и должен быть устранён» (Abel, 1973). Вероятно, одним из лучших примеров такой работы является знаковая статья профессора Висконсинского университета в Мадисоне Марка Гэлантера (Galanter, 1974), которая по существу опровергла идею о том, что все люди имеют равный доступ к системе правосудия. В скором времени множество других исследований подтвердили этот вывод, и «доступ к правосудию» даже развился в отдельную область

изучения (Albiston & Sandefur, 2013; Rhode, 2004; Sandefur, 2021). Однако в большинстве подобных исследований связь с проблемой верховенства права оставалась подразумеваемой, и в массе своей они носили узконаправленный характер. В большинстве своём фокус был направлен на изучение процессов либерализации уголовного законодательства или законов о банкротстве корпораций (Halliday & Carruthers, 2007), изменения правительственных структур (Kim, Jang & Hwang, 2002) и трансформации институтов общественной безопасности (Deflem, 2002; Suchman & Eyre, 1992; Eyre & Suchman, 1996; Hironaka, 2009; Swiss, 2011; Shor, 2017; Jepperson, Wendt & Katzenstein, 1996). Тем не менее, отправной точкой для всех исследований была идея о том, что существует некая общая модель верховенства права, которая уже в какой-то части распространилась в одних странах и является «ожидаемыми институциональными трансформациями» в других.

Ученые из Стенфордского университета Эрик Дженсен и Томас Хеллер, возможно, стали первыми, кто представил эмпирическое исследование верховенства права как центральную тему своей монографии (Jensen & Heller, 2003). На протяжении всей книги они критиковали сильный «нормативный» уклон в реформах верховенства права и недостаток эмпирических знаний об эффекте этих программ. В этом тезисе их поддержал ведущий американский эксперт в области изучения демократии и верховенства права Томас Каротерс, выдвинув схожий аргумент, связанный с «проблемой знания». По его мнению, сторонники программ по типу Law & Development часто заявляют, что верховенство права будет способствовать укреплению экономики и что, например, суды играют решающую роль в его продвижении, однако такие «продвиженцы верховенства права на самом деле мало знают о том, как и почему верховенство права возникает или не возникает в конкретных обществах...» (Carothers, 2003:18).

Основным выводом социально-правовых исследований первого поколения была констатация того, что амбициозные юридические реформы часто терпят неудачу, так как не учитывают местный контекст, и после пары десятилетий фокуса на «разрыве» между теорией и практикой верховенства права этот тип исследований перестал приносить сколько-нибудь значимые открытия. Часть социологов пришла к выводу, что помощь стран-доноров была неэффективной в содействии верховенству права. Более того, ряд исследователей обнаружили, что потоки помощи имеют значительную отрицательную связь с различными реформами в сфере верховенства права, то есть помощь контрпродуктивна, а ее эффект пагубен (Rajan & Subramanian, 2007; Knack, 2001; Young & Sheehan, 2014).

По поводу бесперспективности дальнейшего изучения эффективности права в рамках данного подхода красноречиво выразился заслуженный профессор права в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе Ричард Абель. По его мнению, уже во время формулирования гипотезы «мы заранее знаем, что право будет в значительной степени неэффективно»; следовательно, вопрос состоит в том, «как долго мы можем сохранять позу наивного изумления?» (Abel, 1980:827).

Второе поколение: эра индексов и количественных измерений

Второе поколение исследований поставило перед собой задачу рассмотреть верховенство права «в цифрах» (Jakab & Kirchmair, 2024), используя количественные показатели для его измерения (Botero & Ponce, 2011). Такой инновационный подход позволил бы исследователям продемонстрировать не только природу, но и масштаб

«разрыва» между правом «на бумаге» и «в действии». Для создания индекса верховенства права необходимо было принять четкое концептуальное определение, затем операционализировать его, подобрать измеримые индикаторы для каждого компонента определения, а затем классифицировать страны по этим индикаторам. Поэтому производство индикаторов эффективности правовых систем является сложным процессом, часто осуществляемым сетями акторов (ученые, НПО, МФО, частные фирмы).

В 2002 году Генеральный советник Всемирного банка Ко-Юн Тунг пояснил, что ни «человеческое достоинство», ни «рост частного сектора» невозможны без верховенства права[1]. Поэтому спустя три года Всемирный банк впервые предложил концепцию «Индекса верховенства права», определив его как показатель готовности общества соблюдать законы и соответственно уровня доверия к правовой системе страны (Wang et al., 2019). Такой акцент на верховенстве права как принципе проектирования правовых институтов привёл к появлению целой индустрии частных и государственных индексов для измерения его качества. Наиболее популярными на сегодняшний день являются индексы Всемирного банка (*Worldwide Governance Indicators*), Всемирного проекта правосудия (*WJP Rule of Law Index*), фонда «Наследие» (*Heritage Foundation*), Freedom House (*Freedom in the World*) и фонда Бертельсмана (*Bertelsmann Transformation Index*)[2].

Ближе всех к эмпирическим исследованиям в области оценки состояния верховенства права оказались «тонкие» (формальные) концепции верховенства права, в виду того, что представляли собой более четкие требования к объекту исследования, по примеру тех, что были предложены Л. Фуллером или Дж. Разом[3]. Несмотря на то что эти списки в первую очередь сосредоточены на качествах, которыми должна обладать правовая система, они основаны на предположениях, касающихся отношений между правовой системой и ее адресатами (Taekema, 2021). Например, история Л. Фуллера о попытке Рекса регулировать поведение людей полностью основана на их способности подчиняться нормам права, а Дж. Раз утверждал, что право прежде всего должно быть «способным направлять своих субъектов» (Raz, 1979:213). Тем не менее, необходимо отметить очень слабую связь между методологией создания индексов и популярными научными концепциями верховенства права. Именно поэтому показатели, измеряющие разные аспекты верховенства права, зачастую плохо коррелируют между собой и с контекстуальными переменными (Haggard, Macintyre & Tiede, 2008).

К примеру, глобальный индекс верховенства права WJP — это попытка сбалансировать формальное и сущностное понимания верховенства права, чтобы индекс

[1] Аналитики Банка в большей степени опирались на исследования 1990-х гг., предполагавшие, что «правовое происхождение» нации (особенно её связь с английским общим правом) определяет экономический рост и иностранные инвестиции. На практике же последующие инвестиции Всемирного банка концентрировались на пересмотре экономического регулирования. Это часто означало снижение регуляторной нагрузки на бизнес и расширение частных рынков. В середине 1990-х гг. Банк начал требовать от стран-должников реформировать правила отбора судей, отдавая предпочтение меритократическому назначению, кодексам судейской этики и финансовой автономии судов.

[2] На характеристики индикаторов влияют доступность данных, ресурсы создателей, а также стремление избежать или спровоцировать полемику, так как мотивация создания таких индексов носит не только экономический, но и политический характер.

[3] Сущностные же концепции, затрагивающие как содержание правовых норм, так и социо-культурный контекст правопорядка, вводят более широкий спектр требований, направленных на различие между «плохими» и «хорошими» законами. Естественно, такой подход будет уводить исследования дальше в лоно изучения разного рода социологических предпосылок (в третье поколение исследований).

можно было применять в различных социальных и политических системах (Gutiérrez et al., 2020). По заверениям сотрудников WJP, подразумевалось, что с таким подходом индекс будет учитывать разнообразие правовых традиций и культур, избегая западного этноцентризма (Dougherty, Gryskiewicz & Ponce, 2018). Так, индекс опирается на два типа опросов в качестве источников данных для оценки:

1) опрос населения (General Population Poll) проводится через национальные репрезентативные опросы, которые включают 127 вопросов, основанных на восприятии, и 213 вопросов, основанных на личном опыте, чтобы оценить представления обычных граждан. Анкеты переводятся на местные языки и проводятся национальными polling-компаниями в каждой стране каждые несколько лет на репрезентативной выборке в 1000 респондентов;

2) опрос квалифицированных респондентов (Qualified Respondents' Questionnaire) проводится ежегодно среди местных практиков и экспертов (юристов, ученых), которые часто взаимодействуют с государственными институтами. Анкета содержит закрытые вопросы о восприятии и гипотетические сценарии, призванные дополнить данные опроса населения. Анкетирование проводится на шести языках, в котором в среднем участвуют 26 экспертов в каждой стране.

Профессор юридического факультета Университета Лос-Андеса (Венесуэла) Рене Уруэнья считает, что индекс верховенства права WJP можно рассматривать как технологию глобального управления. Р. Уруэнья утверждает, что подобные индикаторы – не просто неолиберальные инструменты, а устойчивые элементы ландшафта права и развития. Они формируют «сообщество практикующих специалистов», задающих нормативные критерии оценки соблюдения верховенства права и создающих пространства для дискуссий и выработки политики. Анализ Р. Уруэньи представляет Индекс WJP как палку о двух концах: он упрощает сложные правовые идеалы до данных, но и демократизирует дискурс, позволяя требовать транснациональной подотчётности (Urueña, 2015). Следуя этой логике, сила индекса верховенства права выражается не в нейтральности, а в способности переопределять то, как общества осмысливают или оспаривают верховенство права.

Однако представители WJP, описывая трудности, с которыми столкнулись при разработке показателей для оценки верховенства права, отметили, что процесс начинается с глубокой теории, с определения концептуальной основы измерения, так как эта основа в последующем определит выбор методологии проведения исследования. На этом этапе у них возникли две ключевые проблемы: установление концептуальной глубины измеряемого объекта и разработка определения, адекватно отражающего его многомерную природу[4]. Дело в том, что определение «глубины» дефиниции, в конечном счёте, является ценностным выбором исследователя, тогда как уровень многомерности чаще выступает практической задачей, обусловленной требуемой степенью детализации измерений.

[4] Камило Гутьеррес работал во Всемирном проекте по правосудию (WJP) с 2016 до начала 2019 года, курируя анализ данных для Индекса верховенства права. До прихода в WJP занимал должности профессора и научного сотрудника в Университете Анд (Богота, Колумбия). Джоэл Мартинес — директор по взаимодействию с партнёрами WJP. До работы в проекте занимался правоприменением антидискриминационного законодательства в Комиссии по борьбе с дискриминацией штата Массачусетс, специализируясь на работе с малоимущими сообществами. Алехандро Понсе — доктор экономических наук (Стэнфорд), главный научный сотрудник WJP, — один из создателей Индекса верховенства права. До прихода в проект работал исследователем в Йельском университете, экономистом в Всемирном банке и Комиссии по банковскому делу и ценным бумагам Мексики. Лесли Солис присоединилась к WJP в 2016 году после пяти лет работы аналитиком по уголовному правосудию в аналитическом центре México Evalúa (Мехико).

Ключевой методологической проблемой многих индексов является их сильная зависимость от мнений экспертов, зачастую зависящих от СМИ и стереотипов (например, такой подход может быть выражен в занижении оценок России из-за политического контекста). Как показано в обзорной работе профессора Орхусского университета (Дания) Свенд-Эрика Скаанинга, посвященной инструментам количественной оценки верховенства права, практически все они либо полностью полагаются на результаты опросов юристов-экспертов, либо придают им существенно больший вес в общей агрегации данных (Skaaning, 2009:454). Профессор Университета Вирджинии Мила Верстиг и профессор Чикагского университета Том Гинзбург пришли к выводу, что несмотря на, казалось бы, разные концептуальные подходы, индексы WGI, Heritage и WJP чрезвычайно сильно коррелируют ($r > 0.95$)[5]. Хотя Индекс верховенства права WJP — единственное исследование, которое также включает мнение населения, оценки последнего «в конечном итоге оказывают незначительное влияние на общий индекс» (Versteeg & Ginsburg, 2017:120). На основании этого Верстиг и Гинзбург заключают, что «стратегия измерения [делающая больший акцент на мнениях экспертов, чем на общественном мнении], а не концептуализация, по-видимому, является доминирующим фактором, определяющим показатели верховенства права» (Versteeg & Ginsburg, 2017:125).

Действительно, общее сходство индикаторов верховенства права объясняется не их концептуальной точностью, а методологическими ограничениями: зависимостью от экспертных восприятий, использованием одних и тех же источников и процедур агрегации (Versteeg & Ginsburg, 2017). Это ставит под сомнение их валидность как инструментов измерения верховенства права в строгом смысле. Неслучайно руководство WJP предостерегало от использования индексов в качестве готовых ответов, а не инструментов анализа, отмечая, что их ценность может проявить себя только в сочетании с качественными исследованиями. Они служат косвенными заместителями (*proxy*), требующими контекстуальной интерпретации. Так, к примеру, количество убийств на душу населения отражает не только уровень преступности, но и качество здравоохранения[6]**.** Другими словами**,** индекс WJP предлагает стандартизированную рамку для сравнения стран, но его данные требуют учёта контекстных ограничений (Botero & Ponce, 2011).

Другая проблема связана с эндогенностью и ненадёжностью данных. Индикаторы правового развития оказывают существенное влияние на восприятие стран донорами, инвесторами и СМИ, распределение ресурсов в виде помощи или инвестиций и стимулирование политических реформ (Davis, 2014). С одной стороны, это влияние часто объясняется простотой, доступностью и отсутствием альтернатив таким рейтингам, с другой – важность количественного показателя для принятия решений увеличивает стимул для его манипуляции. Этот своего рода «закон Кэмпбелла» порождает логичный итог: инструменты, созданные для укрепления верховенства права, сами провоцируют подрывающее его стратегическое поведение (Campbell, 1979). На практике же это приводит к симуляции реформ, где правительства создают «карманные» суды или принимают точечные законы, улучшая

[5] Freedom House отличается по уровню корреляции от остальных индексов, но не намного (r = 0,79 – 0,83).

[6] Хуан Карлос Ботеро на момент публикации – директор Всемирного проекта правосудия (World Justice Project, WJP). Роберт Нельсон – профессор социологии и права в Северо-Западном университете (США), директор Американского фонда правовых исследований. Кристин Пратт – специалист по исследовательским методам в World Justice Project. См.: (Botero, Nelson & Pratt, 2011).

формальные показатели. Страны со «средним» рейтингом могут демонстрировать разрыв между формальными институтами и реальными практиками, маскируя отсутствие подлинного прогресса (Reátegui & Albujar, 2020).

Безусловно, агрегирование информации снижает погрешность, однако лишь при условии независимости источников, что на практике часто не соблюдается. Например, опросы систематически искажены: страны со слабыми институтами склонны завышать самооценки, тогда как развитые – занижать. Именно поэтому профессор Принстонского университета Ким Лейн Шеппели и её коллега из Оксфорда Калипсо Николаидис критикуют современные методы оценки верховенства права через чек-листы и индикаторы. Указывая на современные так называемые «нелиберальные демократии» (*illiberal democracy*), они подчеркивают, что такие подходы часто упускают ключевой аспект — взаимодействие между элементами правовой с истемы, которое может превратить внешне законные механизмы в инструменты авторитаризма (Scheppele, 2013).

Ряд ученых использовали данные Всемирного проекта правосудия (WJP) для разработки собственных методологических подходов к изучению верховенства права. Так, П. Гаудер, например, использовал этот проект для создания альтернативной методики количественных исследований в этой области. Он критикует существующие метрики, основанные на многомерной конструкции, называя их «странной составной идеей, включающей в себя набор факторов, которые примерно отслеживают мешанину идей, более или менее традиционно связываемых с верховенством права» (Gowder, 2016:179). В противоположность этому, он рассматривает верховенство права как «одномерное понятие», используя данные WJP для проверки «работоспособности» своей собственной шкалы.

Доцент кафедры конституционного права Карлова университета Филип Хорак и научный сотрудник в области социологии права Карлова университета Давид Лацко считают, что индекс WJP измеряет *де-юре* параметры (наличие законов), но игнорирует *де-факто* реализацию (Horák & Lacko, 2023). В отличие от П. Гаудера, Ф. Хорак и Д. Лацко используют элементы проекта WJP для разработки более комплексного подхода. Следуя призыву С. Таэкемы (Taekema, 2021) к совмещению различных методологических подходов, они объединяют три разных «измерения» верховенства права: концептуализацию в теориях верховенства права (Bedner, 2018), инструменты количественной оценки проекта WJP и «эмпирически измеримый конструкт правового сознания» (Horák & Lacko, 2023:192). В результате получается детализированный список пунктов опроса, который можно использовать для эмпирического измерения «реального уровня верховенства права среди различных групп населения» (Horák & Lacko, 2023:213).

Эмпирическое исследование экономических и институциональных детерминантов верховенства права на глобальной выборке из 103 стран (1970–2015 гг.) с использованием методов машинного обучения были проведены польскими учеными (Lewkowicz, Byler & Litwiniuk, 2021). Однако данная работа также проводилась не на основе первичных данных[7], поэтому несмотря на использования инновационного метода для этой сферы, результаты сопоставимы с результатами других подобных исследований.

[7] В исследовании использовалась общедоступная база данных «Varieties of Democracy», содержащая переменные, характеризующие качество демократии в глобальном масштабе, а также данные «World Uncertainty Index» – индикатор измерения неопределенности, основанный на текстовом анализе (text mining) страновых отчетов Economist Intelligence Unit.

Так как большинство индикаторов остаются своего рода «снимком» на момент измерения, игнорирующим устойчивость правовых институтов, группой ученых из Университета Иллинойса была разработана новая концептуальная основа и измеримые индикаторы для исследования верховенства права в динамике. По их мнению, существующие индикаторы смешивают ядро верховенства права (инструментальные/процедурные аспекты), средства его реализации (ресурсы судов), предполагаемые результаты (законопослушность, отсутствие насилия) и нормативные ценности (права человека). В ответ на это они предложили различать два ключевых понятия «правовой порядок» (*legal order*), выражающий инструментальные, процедурные и формальные аспекты верховенства права и «правовой режим» (*legal regime*), представленный нормативными ценностями и целями, встроенными в правовой порядок (напр., либеральные права человека, социалистическое равенство, исламские принципы), т.е. если правовой порядок говорит о том как право работает, то правовой режим – о том, какие ценности продвигает система. Такое разделение позволяет четче определить предмет измерения и избежать концептуальной путаницы. Индикаторы уже были использованы для анализа связи правовых институтов с экономическим ростом и гражданскими беспорядками после климатических катастроф, показав свою полезность (Nardulli, Peyton & Bajjalieh, 2013).

Профессор Университета Ричмонда Сандра Джойреман критикует основные популярные индексы, потому что они не замеряют, по её мнению, самое важное для стабильного развития институтов и экономического роста – предсказуемость права (Joireman, 2004:64). В этой связи профессор Университета штата Джорджия Райан Карлин предлагает вместо создания линейного индекса применять иерархический агломеративный кластерный анализ. Таким образом можно рассматривать верховенство права в виде набора различных конфигураций (профилей). По мнению Р. Карлина, страны могут демонстрировать сильные стороны в одной области (например, стабильность) и оставаться крайне слабыми в другой (например, права человека или независимость судов) (Carlin, 2010). Предполагается, что такой подход дает более тонкий инструмент для исследования, который позволяет изучать не только «уровень» верховенства права, но и его тип[8]. Его исследование также продемонстрировало, что между демократией, богатством и верховенством права нет простой линейной связи[9].

[8] Анализ Раяна Карлина выявил пять устойчивых кластеров, которые он называет «типами» верховенства права: Полное верховенство права (Full Rule of Law): высокие показатели по всем измерениям. Примеры: большинство стран ОЭСР, некоторые постсоциалистические государства (Чехия, Польша). Неполное верховенство права (Incomplete Rule of Law): Хорошие показатели по институциональному и социальному измерениям, но серьезные проблемы с равенством в позитивных правах (дискриминация). Примеры: Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Кувейт. Мирное отсутствие верховенства права (Peaceful Unrule of Law): Относительный мир в обществе, но крайне слабые институты (подконтрольная судебная система) и массовые нарушения прав граждан. Примеры: Китай, Мексика 1990-х, многие страны Африки. Нестабильное беззаконие (Unstable Lawlessness): очень слабые институты, нарушения прав, а также наличие незначительных вооруженных конфликтов. Редкий и нестабильный тип. Примеры: некоторые страны СНГ (Грузия, Кыргызстан) и Африки (Чад) в отдельные годы. Полное отсутствие верховенства права (Violent Unrule of Law): Наихудший тип. Открытые вооруженные конфликты (войны), на фоне которых рушатся все остальные аспекты верховенства права. Примеры: Алжир, Перу, Шри-Ланка, Руанда 1990-х.

[9] Например, «неполное верховенство права» может существовать как в богатых авторитарных обществах, так и в бедных демократиях.

В конечном счете, критика использования косвенных показателей, насыщенных ошибками измерений, чрезмерной сосредоточенности на правовых нормах, имеющих отношение к бизнесу, а также растущие методологические проблемы охладили первоначальный энтузиазм в отношении этого типа эмпирических исследований. Некритическое использование индексов создаёт риск подмены реальных изменений их симуляцией (Reátegui & Albujar, 2020), а преодоление этой проблемы потребовало разработки более совершенных и устойчивых к манипуляциям методов оценки, которые фокусируются не на «улучшении цифр», а на измерении глубинных институциональных изменений.

Одновременно с этим, кажутся небеспочвенными призывы отказаться от глобальных рейтингов в пользу отраслевых замеров (Ginsburg, 2018). Так, к примеру, Т. Гинзбург предлагает сфокусироваться на институтах и измерять их конкретные выражения (независимость судов, исполнение контрактов и т.д) вместо абстрактного «верховенство права», а также анализировать последовательные изменения в одной стране (напр., реформы судебной системы Грузии 2004–2012 гг.), так как такой подход надежнее кросснациональных рейтингов. Также он говорит о том, что нужно сконцентрироваться на использовании объективных метрик (число судебных исков против государства, сроки рассмотрения дел).

Третье поколение: правосознание и этнография как выход из тупика

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что в силу различий во времени и месте понимание феномена «верховенства права» культурно обусловлено (Hadfield & Weingast, 2014). Профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и активный критик индексомании Рэндалл Пиренбум утверждает, что игнорирование культурного контекста превращает верховенство права в инструмент неоколониализма, который препятствует диалогу между правовыми традициями – реальному пути к эффективным реформам (Peerenboom, 2003). С ним соглашается Марк Хертог, считая евроцентричность основной проблемой социологических исследований в этой области (Hertogh, 2016). Действительно, индексы, как правило, отражают западные стандарты, маргинализируя модели верховенства права в странах Азии или исламского права.

Одновременно с этим стало очевидно, что индексы редуцируют сложные явления к упрощенным метрикам, зависящим от субъективных восприятий, а инструменты эмпирического измерения должны естественным образом фокусироваться на общей популяции (т.е. на адресатах) при измерении уровня верховенства права, а не на мнении экспертов (Hertogh, 2016). Подобный подход мог бы также решить и трудности оценки «неоднозначных» правовых норм и скрытого характера многих практик, так как проблема социологических исследований проявляется не столько в грубых нарушениях (которые легко измерить), сколько в систематических отклонениях, злоупотреблениях, неравном применении закона, которые трудно уловить стандартными метриками индексов.

Поэтому вслед за растущим интересом к мнениям широкой публики и этнографии возникло третье поколение эмпирических исследований верховенства права. Эти исследования анализируют верховенство права «снизу» (Buyse et al., 2021), фокусируясь на «субъективных измерениях права» (Holzer, 2013:873) и «разрыве между целями и предпосылками правовой системы и реальностью, переживаемой и желаемой [гражданами]» (Polzer, 2007:22).

Отходя от количественных исследований, растущее число исследований третьего поколения можно охарактеризовать как новые формы «этнографии верховенства права» (Cheesman, 2018), основанные на качественных методах исследования, таких как наблюдения и полуструктурированные интервью. Для облегчения «измерения» верховенства права третье поколение исследований сконцентрировалось на междисциплинарной детерминанте, основанной на эмпирической методологии. Справедливее всего, было отталкиваться от общества, от того, как обычные люди понимают право в своей повседневной жизни. Поэтому логично было сделать такой междисциплинарной детерминантой термин «правосознание». В отличие от предыдущих поколений, этот тип исследования не зациклен на заранее заданном определении верховенства права и не фокусируется на фиксированном наборе показателей. Вместо этого создается своего рода открытая модель верховенства права, в центре которой вопрос: что сами люди считают наиболее желательными отношениями между личностью, обществом и государством? Каковы их нормативные представления о справедливости, власти и подотчетности? Другими словами, подобные исследования не рассматривают различные конфликтующие представлений о верховенстве права как «неудобства, которые необходимо устранить» (Cheesman, 2018:170). Напротив, эти различные взгляды являются «возможностями глубже понять, как идеи и деятельность, вероятно подпадающие под категорию верховенство права, формируются в ходе борьбы за смыслы» (Cheesman, 2018:170).

В некоторой степени примером «переходного» типа исследований является работа профессора Университета Хьюстона Джеймса Гибсона и профессора Университета Огайо Грегори Калдейры (Gibson & Caldeira, 1996), посвященная изучению европейских правовых культур. Всё ещё характерное для второго поколения, их исследование основано на массовых опросах во всех государствах-членах Европейского Союза. Однако в отличие от большинства предыдущих исследований (и что более типично для исследований третьего поколения), они явно фокусируются на правосознании людей. Их исследование изучает популярные мнения о различных аспектах права: отношение к верховенству права, восприятие нейтральности закона и относительную ценность, придаваемую индивидуальной свободе.

Если говорить о качественных исследованиях, то к систематическим ошибкам в кросс-культурных сравнениях, как правило относят проблему интерпретации людьми из разных культур смысла одного и того же вопроса, а также различную культурную значимость измеряемого конструкта, так как сам конструкт может иметь разное значение или проявляться по-разному в разных культурах (Lacko et al., 2022). Поэтому ключевой вывод, к которому пришло третье поколение исследований, сложился вокруг тезиса о том, что представления людей о праве часто сильно отличаются от установленных норм и конкурируют с другими системами ценностей. Однако результаты исследований о социальных ценностях почти всегда неоднозначны и утверждения о безусловной приверженности тем или иным из них следует интерпретировать с большой долей скепсиса.

Профессор Университета штата Аризона Стефани Линдквист, критикуя Рональда А. Касса (Cass, 2001:214), считает, что в современных исследованиях о верховенстве права аргументы опираются на труды самих судей и теоретиков, а не на системные поведенческие данные (например, исследования мотивов судей или влияния институционального контекста). Рассуждая о верховенстве права Касс игнорирует работы, изучающие, почему судьи следуют праву (например, труды Ларри Баума о целях судей или Мелинды Ганн Холл – о роли выборов) (Lindquist, 2003).

По мнению Хертога, необходим сдвиг от оценки соответствия эталонам к изучению «социальных определений» права, а также фокус на гражданах как пользователях права, а не на чиновниках или институтах. В рамках методологических изменений он предлагает отдать приоритет качественным этнографическим исследованиям вместо индексов и рейтингов (Hertogh, 2016). В этом с ним соглашается Пол Берджесс, считающий, что для исследования верховенства права необходим эмпирический, контекстуальный, выстроенный «снизу вверх» подход. Он призывает «идти в поле», наблюдать и разговаривать с людьми, чтобы выявить реально действующие правила и практики.

Заключение

В настоящее время социология права столкнулась с несколькими вызовами. Первый из них связан с проблемой нейтральности и объективности исследований верховенства права. В этом плане, пожалуй, необходимо сочетать личную вовлеченность с готовностью быть опровергнутым фактами. Ещё одна проблема связана с определением верховенства права в социологических исследованиях, так как необходимо изучать не только то, как люди следуют праву, но и как они сами его определяют. Третья проблема связана с отсутствием теоретических изысканий при огромном количестве накопленного эмпирического материала.

Очевидно, что для создания более эффективной модели исследования, где ключевым индикатором становится способность права ограничивать произвол в конкретных социополитических контекстах, необходимо объединить теоретические наработки, количественные исследования в оценке эффективности правовых институтов (статистика по судебным решениям, коррупции, доступности правосудия) и качественные исследования восприятия права гражданами, включая доверие к институтам и готовность соблюдать законы (глубинные интервью для анализа правового сознания). На завершающем этапе нужна перекрестная проверка результатов через разные источники.

Безусловно, использование индексов верховенства права в качестве объективной аналитики, которая была бы применима ко всем странам, независимо от политико-правовых культур или идеологии, было бы значительным шагом в сторону понимания мировых тенденций в праве. Для этого нужен некий новаторский мост между теорией и эмпирикой. Поэтому изучение правовых индикаторов следует рассматривать как единую исследовательскую область, требующую междисциплинарного подхода. Мировой кризис верховенства права нельзя решить только политико-правовыми мерами. Чтобы понять эту тенденцию, необходимо развивать последовательную социальную науку о верховенстве права, которая интегрировала бы все три подхода (сопоставление, измерение и понимание).

References / Список литературы

Abel, R. (1973) Law books and books about law. *Stanford Law Review.* 26, 188.

Abel, R. (1980) Redirecting social studies of law. *Law & Society Review.* 14 (3), 805–829.

Albiston, C.R. & Sandefur, R.L. (2013) Expanding the empirical study of access to justice. *Wisconsin Law Review.* (1), 101–120.

Bedner, A. (2018) The promise of a thick view. In: May, C. & Winchester, A. (eds.) *Handbook on the Rule of Law.* Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 34–47. https://doi.org/10.4337/9781786432445.00008

Botero, J.C., Nelson, R.L., & Pratt, C.S. (2011) Indices and Indicators of Justice, Governance, and the Rule of Law: An Overview. *Hague Journal on the Rule of Law.* 3 (2), 153–169. https://doi.org/10.1017/S1876404511200010 EDN: ZRYLPA.

Botero, J. & Ponce, A. (2011) Measuring the rule of law. *SSRN Electronic Journal.* https://doi.org/10.2139/ssrn.1966257

Buyse, A., Fortin, K., McGonigle Leyh, B. & Fraser, J. (2021) The rule of law from below – a concept under development. *Utrecht Law Review.* 17 (2), 1–7. https://doi.org/10.36633/ulr.771 EDN: KVGBHU.

Campbell, D.T. (1979) Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning.* 2 (1), 67–90.

Carlin, R.E. (2010) Rule of law profiles in contemporary polities. *SSRN Electronic Journal.* https://doi.org/10.2139/ssrn.1669493

Carothers, T. (2003) The problem of knowledge. In: Carothers, T. (ed.) *Promoting the Rule of Law Abroad: In Search of Knowledge.* Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publ., pp. 15–28.

Cass, R.A. (2001) *The Rule of Law in America.* Baltimore, Johns Hopkins University Press.

Cheesman, N. (2018) Rule-of-law ethnography. *Annual Review of Law and Social Science*. 14, 167–184. https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-101317-030900

Davis, K.E. (2014) Legal indicators: The power of quantitative measures of law. *Annual Review of Law and Social Science.* 10, 37–52. https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-110413-030857

Deflem, M. (2002) *Policing World Society: Historical Foundations of International Police Cooperation.* Oxford, Oxford University Press.

Dougherty, A., Gryskiewicz, A. & Ponce, A. (2018) Measuring the rule of law: The World Justice Project's Rule of Law Index. In: Malito, D., Umbach, G. & Bhuta, N. (eds.) *The Palgrave Handbook of Indicators in Global Governance.* Cham, Palgrave Macmillan, pp. 255–276. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62707-6_11

Eyre, D.P. & Suchman, M.C. (1996) Status, norms, and the proliferation of conventional weapons: An institutional theory approach. In: Katzenstein, P.J. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York, Columbia University Press, pp. 79–113.

Feeley, M. (1976) The concept of laws in social science: A critique and notes on an expanded view. *Law & Society Review.* 10, 497–523.

Galanter, M. (1974) Why the haves come out ahead: Speculations on the limits of legal change. *Law & Society Review.* 9 (1), 95–160.

Gibson, J.L. & Caldeira, G.A. (1996) The legal cultures of Europe. *Law & Society Review*. 30 (1), 55–86.

Ginsburg, T. (2018) Difficulties with measuring the rule of law. In: May, C. & Winchester, A. (eds.) *Handbook on the Rule of Law.* Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 48–56. https://doi.org/10.4337/9781786432445.00009

Gowder, P. (2016) *The Rule of Law in the Real World.* Cambridge, Cambridge University Press.

Gutiérrez, C., Martinez, J., Ponce, A. & Solís, L. (2020) Measuring the rule of law in Mexico. In: Le Clercq, J. & Abreu Sacramento, J. (eds.) *Rebuilding the State Institutions*. Cham, Springer, pp. 57–77. https://doi.org/10.1007/978-3-030-31314-2_4

Hadfield, G.K. & Weingast, B.R. (2014) Microfoundations of the rule of law. *Annual Review of Political Science.* 17, 21–42. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-100711-135226

Haggard, S., Macintyre, A.J. & Tiede, L.B. (2008) The rule of law and economic development. *Annual Review of Political Science.* 11, 205–234. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.081205.100244

Halliday, T.C. & Carruthers, B.G. (2007) The recursivity of law: Global norm making and national lawmaking in the globalization of corporate insolvency regimes. *American Journal of Sociology.* 112 (4), 1135–1202.

Hertogh, M. (2016) Your rule of law is not mine: Rethinking empirical approaches to EU rule of law promotion. *Asia Europe Journal.* 14, 43–59. https://doi.org/10.1007/s10308-015-0434-x EDN: TCQDXK.

Hertogh, M. (2024) Empirical approaches to the rule of law: Contours and challenges of a social science that does not quite yet exist. *Annual Review of Law and Social Science.* 20, 35–51. https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-041822-044308 EDN: JUJECX.

Hironaka, A. (2009) *Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War*. Cambridge, MA, Harvard University Press.

Holzer, E. (2013) What happens to law in a refugee camp? *Law & Society Review*. 47 (4), 837–866. https://doi.org/10.1111/lasr.12041

Horák, F. & Lacko, D. (2023) Triangulation of theoretical and empirical conceptualizations related to the rule of law. *Hague Journal on the Rule of Law.* 15, 191–216. https://doi.org/10.1007/s40803-022-00181-x EDN: KIMOIP.

Jakab, A. & Kirchmair, L. (2024) The rule of law in numbers: How to use indices to measure adherence by the Member States and the EU itself. In: Wouters, J. et al. (eds.) *Upholding the Rule of Law in the EU.* Oxford, Oxford University Press. (Forthcoming).

Jensen, E.G. & Heller, T.C. (eds.) (2003) *Beyond Common Knowledge: Empirical Approaches to the Rule of Law.* Stanford, CA, Stanford University Press.

Jepperson, R.L., Wendt, A. & Katzenstein, P.J. (1996) Norms, identity, and culture in national security. In: Katzenstein, P.J. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics.* New York, Columbia University Press, pp. 33–75.

Joireman, S.F. (2004) Colonization and the rule of law: Comparing the effectiveness of common law and civil law countries. *Constitutional Political Economy.* 15 (4), 315–338. https://doi.org/10.1007/s10602-004-7766-7 EDN: VDKMXA.

Kim, Y.S., Jang, Y.S. & Hwang, H. (2002) Structural expansion and the cost of global isomorphism: A cross-national study of ministerial structure, 1950–1990. *International Sociology.* 17 (4), 481–503. EDN: JMVVWT.

Knack, S. (2001) Aid dependence and the quality of governance: Cross-country empirical tests. *Southern Economic Journal*. 68 (2), 310–329. https://doi.org/10.2307/1061596 EDN: DSNQSJ.

Lacko, D. et al. (2022) The necessity of testing measurement invariance in cross-cultural research: Potential bias in cross-cultural comparisons with individualism–collectivism self-report scales. *Cross-Cultural Research.* 56 (2-3), 228–267. https://doi.org/10.1177/10693971211068971 EDN: NJLKEP.

Lewkowicz, J., Byler, J. & Litwiniuk, P. (2021) Economic and institutional determinants of the rule of law: A new empirical exploration. *Studia Iuridica.* 88, 237–254. https://doi.org/10.31338/2544-3135.si.2021-88.12 EDN: KMRGGU.

Lindquist, S.A. (2003) Review of The Rule of Law in America by Ronald A. Cass. *The Journal of Politics.* 65 (2), 615–617. https://doi.org/10.1111/1468-2508.00652_16

Méndez Reátegui, R. & Sumar Albujar, O. (2020) Rule of law versus soft rule of law. *Revista de Derecho Político*. 1 (109), 373–400. https://doi.org/10.5944/rdp.109.2020.29065 EDN: FYOWYG.

Nardulli, P.F., Peyton, B. & Bajjalieh, J.W. (2013) Conceptualizing and measuring rule of law constructs, 1850–2010. *Journal of Law and Courts*. 1 (1), 139–192. https://doi.org/10.1086/668543

Peerenboom, R. (2003) Varieties of rule of law: an introduction and provisional conclusion. In: Peerenboom, R. (ed.) *Asian Discourses of Rule of Law*. London, Routledge, pp. 1–53. https://doi.org/10.2139/ssrn.445821

Polzer, T. (2007) Adapting to changing legal frameworks: Mozambican refugees in South Africa. *International Journal of Refugee Law*. 19 (1), 22–50. https://doi.org/10.1093/ijrl/eem001 EDN: IYBCJZ.

Rajan, R. & Subramanian, A. (2007) Does aid affect governance? *American Economic Review.* 97 (2), 322–327.

Raz, J. (1979) The rule of law and its virtue. *The Authority of Law.* Oxford, Clarendon Press.

Rhode, D.L. (2004) *Access to Justice.* Oxford, Oxford University Press.

Sandefur, R.L. (2021) Access to justice. In: Talesh, S., Mertz, E. & Klug, H. (eds.) *Research Handbook on Modern Legal Realism*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., pp. 324–335.
Scheppele, K.L. (2013) The rule of law and the Frankenstate: Why governance checklists do not work. *Governance.* 26 (4), 559–562. https://doi.org/10.1111/gove.12049
Shor, E. (2017) The spatial diffusion of counterterrorist legislation, 1970–2011. *Social Problems*. 64 (1), 106–132. https://doi.org/10.1093/socpro/spw028
Skaaning, S.-E. (2010) Measuring the rule of law. *Political Research Quarterly.* 63 (2), 449–460. https://doi.org/10.1177/1065912909346745
Suchman, M.C. & Eyre, D.P. (1992) Military procurement as rational myth: Notes on the social construction of weapons proliferation. *Sociological Forum.* 7 (1), 137–161. EDN: DIMVOT.
Swiss, L. (2011) Security sector reform and development assistance: Explaining the diffusion of policy priorities among donor agencies. *Qualitative Sociology*. 34 (2), 371–393. https://doi.org/10.1007/s11133-011-9194-0
Taekema, S. (2021) Methodologies of rule of law research: Why legal philosophy needs empirical and doctrinal scholarship. *Law and Philosophy.* 40, 33–66. https://doi.org/10.1007/s10982-020-09388-1 EDN: RHMHVS.
Urueña, R. (2015) Indicators and the law: A case study of the Rule of Law Index. In: Merry, S., Davis, K. & Kingsbury, B. (eds.) *The Quiet Power of Indicators.* Cambridge, Cambridge University Press, pp. 75–102. https://doi.org/10.1007/9781139871532.003
Versteeg, M. & Ginsburg, T. (2017) Measuring the rule of law: A comparison of indicators. *Law & Social Inquiry.* 42 (1), 100–137. https://doi.org/10.1111/lsi.12175
Wang, H., Wang, Zh., Chen, J., Chen, J., Guan, N. & Li, G. (2019) Development of rule of law index for state land and resources in China. *Land Use Policy.* 81, 276–290. https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2018.10.053
Young, A.T. & Sheehan, K.M. (2014) Foreign aid, institutional quality, and growth. *European Journal of Political Economy.* 36, 195–208. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2014.08.003

Сведения об авторе:

Аллалыев Руслан Мурадович **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности, факультет комплексной безопасности ТЭК, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина; Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 65, стр. 1

ORCID: 0000-0002-0334-6862; SPIN-код: 4109-5931

e-mail: allalyev-rm@rudn.ru

About the author:

Ruslan M. Allalyev **–** Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public and International Legal Support for National Security, Faculty of Fuel and Energy Complex Integrated Security, Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin; 65, Building 1, Leninsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0334-6862; SPIN-code: 4109-5931

e-mail: allalyev-rm@rudn.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 289–309
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-289-309
EDN: DFOSTY

Научная статья / Research Article

Международно-правовой режим: теоретические основы и современная структура в условиях глобализации

А.Х. Абашидзе[1], В.С. Маличенко[2]

[1]Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
[2] Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, *г. Москва, Российская Федерация*
aslan.abashidze@gmail.com

Аннотация. Эволюция механизмов международно-правового регулирования различных сфер общественных отношений и расширение круга субъектов, участвующих в формировании международной повестки, обусловили тенденцию к обособлению новых отраслей межгосударственного сотрудничества. Данная тенденция закономерно поставила перед доктриной задачу концептуализации данных автономных сфер, что привело к активному внедрению в научный оборот категории «международно-правовой режим». Констатируя востребованность данного понятия, следует отметить отсутствие в российской науке международного права фундаментального труда, посвященного системному анализу его сущности и пределов применения. В работе рассматриваются понятие и сущность международно-правового режима как важного элемента современной системы международного права. Авторы анализируют эволюцию теоретических подходов к определению режима в науках международных отношений, международного права и теории права. Основное внимание уделяется специфике формирования и функционирования международно-правовых режимов в контексте современных глобальных тенденций: глобализации и фрагментации международных отношений. Использован комплекс методов, позволяющий всесторонне изучить феномен международно-правового режима: от исторического генезиса и теоретического осмысления до анализа конкретных примеров и системного моделирования. В частности, историко-правовой метод используется для анализа эволюции категории международно-правовых режимов, их становления в контексте глобализации и фрагментации международного права. Авторы отмечают, что появление специализированных, функционально автономных режимов (в области охраны окружающей среды, международной торговли, прав человека и др.) является ответом на усложнение предмета правового регулирования и необходимость специализированных

© Абашидзе А.Х., Маличенко В.С., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

механизмов для решения транснациональных угроз и вызовов. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления подходов к определению «режима» в различных научных дисциплинах в рамках отечественной и зарубежной доктрины. Формально-юридический метод позволил сформулировать определения категории «международно-правовой режим», представить их классификацию, определить структурные компоненты.

Ключевые слова: автономный режим, международные отношения, отрасль права, фрагментация права, комплексный режим

Вклад авторов: *Абашидзе А.Х.* – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, утверждение окончательного варианта статьи; *Маличенко В.С.* – разработка концепции, научный анализ материалов, обобщение полученных результатов. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 26 января 2026 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовой режим: теоретические основы и современная структура в условиях глобализации // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 289–309. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-289-309 EDN: DFOSTY

International Legal Regime: Theoretical Foundations and Contemporary Structure in the Context of Globalization

Aslan Kh. Abashidze[1] ✉, Vladislav S. Malichenko[2]

[1]RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
[2]Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*
✉aslan.abashidze@gmail.com

Abstract. The progressive development of international legal regulation mechanisms across diverse domains of public relations, coupled with the expanding participation of non-state actors in shaping the international agenda, has fostered the emergence of distinct branches of interstate cooperation. This evolution presents a doctrinal challenge in conceptualizing these autonomous spheres, leading to the widespread scholarly adoption of the term “international legal regime”. Despite its utility, Russian international legal doctrine lacks a comprehensive study systematically examining the substantive nature and scope of application of this concept. The article examines the concept and essence of the international legal regime as a key element of the contemporary international legal system. It traces the evolution of theoretical approaches to defining “regime” in international relations, international law, and legal theory, with primary focus on the formation and functioning of international legal regimes amid globalization and fragmentation of international law. The analysis employs a multifaceted methodological framework, encompassing historical genesis, theoretical conceptualization, case studies, and systemic modeling. The historical-legal method traces the evolution of international legal regimes in the context of globalization and fragmentation. The study posits that specialized, functionally autonomous regimes – in domains such as environmental protection, international trade, human rights – emerge as responses to the growing complexity of regulated subject matter and the imperative for tailored mechanisms to address transnational challenges. Comparative legal analysis juxtaposes definitional approaches across domestic

and foreign doctrines, while formal juridical methods yield precise definitions, classifications, and structural components of international legal regimes.

Key words: autonomous regime, international relations, branch of law, fragmentation of law, complex regime

Authors' contribution: Abashidze A.Kh. – scientific supervision, theoretical foundation, final approval; Malichenko V.S. – conceptual development, material analysis, results synthesis. Both authors reviewed and approved the final manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 26th January 2026
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Abashidze, A.Kh., Malichenko, V.S. (2026) International Legal Regime: Theoretical Foundations and Contemporary Structure in the Context of Globalization. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 289–309. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-289-309 EDN: DFOSTY

Введение

Начиная с 70-х гг. прошлого столетия под влиянием процессов глобализации и возникновения новых направлений международного сотрудничества происходит постепенное изменение институционального взаимодействия и формирование новых подходов к регулированию общественных отношений на международном уровне.

В середине 80-х гг. по инициативе ГА ООН сформировалась концепция «всеобъемлющей системы международного мира и безопасности», охватывающая невоенные угрозы благосостоянию государств и человека[1]. Масштаб вызовов человечеству в лице экологических угроз, инфекционных пандемий, торговых войн и др. постепенно трансформировали систему международного сотрудничества. Восприятие «суверенитета государств» меняется, так как глобализация процессов ограничивает возможность государств самостоятельно формировать адекватные меры противодействия. Постепенно происходит усиление положения глобальных инициатив международных неправительственных организаций и государственно-частных партнерств. Под влиянием увеличения числа различных институциональных объединений, традиционно не определявшихся в качестве участников международных отношений, в научной литературе все большее внимание стало уделяться концептуальному осмыслению представлений об использовании международного права для координации их деятельности.

Формирование новых направлений международного сотрудничества и тенденция к их обособлению под влиянием формирования международных правовых механизмов и деятельности различных субъектов международных отношений укрепили стремление ученых-правоведов обозначить отдельные сферы межгосударственного сотрудничества, регулируемые международным правом, в качестве «международно-правового режима». Вместе с тем в отечественной науке международного права

[1] Establishment of a comprehensive system of international peace and security: resolution / adopted by the General Assembly. 1986. A/RES/41/92. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/496/00/img/nr049600.pdf?token=ITTg5dZs4jSTQ9uSWt&fe=true (дата обращения: 25.12.2025).

отсутствует фундаментальный труд, всесторонне разъясняющий суть «международно-правового режима».

На современном этапе развития правоведения оформилась концептуальная триада, отражающая различные уровни регуляторного порядка: «режим», «правовой режим» и «международный режим». В авторитетном юридическом словаре Блэка предлагаются следующие дефиниции данных категорий[2]. «Режим» трактуется в наиболее широком смысле как система правил, регламентов или форма управления. «Правовой режим» определяется как совокупность правил, политик и поведенческих норм, охватывающих конкретную правовую проблематику и способствующих выработке договоренностей для ее разрешения в рамках национального правопорядка. «Международный режим» характеризуется как комплекс норм поведения, правил или политик, регулирующих вопросы международного характера и содействующих формированию соглашений между государствами.

Определение режима в науке международных отношений

Усиление динамики международного взаимодействия и возникновение качественно новых механизмов координации взаимодействия между суверенными государствами и международными организациями обусловили теоретическое осмысление феномена «международного режима» в доктрине начала 1980-х гг.

Среди пионеров данного направления следует выделить Дж. Рагги, интерпретировавшего режим, как комплекс согласованных ожиданий участников, нормативных предписаний, регуляторных механизмов, программных установок, ресурсов и финансовых обязательств, добровольно принимаемых государствами-участниками (Ruggie, 1975). Определяющее значение для становления теоретических основ концепции режима имеют исследования С. Краснера, квалифицировавшего международный режим как совокупность принципов, нормативных установок, правил и процедурных механизмов принятия решений, определяющих ожидания участников международно-правовых отношений в конкретной предметной области. Несмотря на то, что сформулированное С. Краснером определение послужило концептуальной основой для целого поколения исследований, оно не избежало серьезной критики в академическом сообществе. Основной вектор критики, развитый в том числе в работах О. Янга, был направлен на методологическую расплывчатость и ограниченную применимость данного подхода. Ключевым аргументом стало отсутствие в определении четких и верифицируемых критериев, позволяющих эмпирически идентифицировать международный режим в конкретных сферах общественных отношений и отграничить от других форм международного сотрудничества или просто совпадающих интересов государств. Таким образом, концепция, призванная объяснять практику, испытывала значительные сложности с применением на практике (Young, 1986).

В дальнейшем на доктринальном уровне последовательно формировалась позиция о взаимосвязи научных направлений международных отношений и международного права в вопросе осмысления содержания категории международного режима. Отдельного внимания заслуживает работа К. Эббота, который констатировал существующий «разрыв» между двумя научными дисциплинами и утверждал, что развитие теории режимов и смежных подходов к международному сотрудничеству

[2] *Garner B.A.* Black's Law Dictionary. 12th ed. St. Paul, MN : Thomson Reuters, 2024.

открывает «давно ожидаемую возможность» для их интеграции (Abbott, 1989). Вклад Р. Кеохейна в развитие теории международных режимов характеризуется последовательным смещением акцента в сторону формально-правового измерения. В его трудах международный режим рассматривается сквозь призму функционального значения международных договоров в системе регулирования межгосударственных отношений. Под международно-правовым режимом автор понимает институт регулирования определенных вопросов международных отношений в рамках правил, сформулированных правительствами в международных соглашениях (Keohaner, 1989). В более ранней работе автора было предложено широкое определение режима как «набора регулирующих механизмов», интегрирующего свод правил, норм и процедур, функция которых заключается в регламентации поведения субъектов международных отношений и контроле за последствиями их действий.

В продолжение идеи О. Янга, Дж. Бейлис и С. Смит концептуализируют международные режимы как социальные институты, базирующиеся на согласованных правилах, нормах, принципах и процедурах принятия решений, обеспечивающие взаимодействие различных государственных и негосударственных субъектов в проблемных сферах, таких как окружающая среда или права человека (Baylis, Smith & Owens, 2008).

В отечественной юридической науке категория международного режима подверглась самостоятельному теоретическому осмыслению. Так, П.А. Цыганков, анализируя генезис данной концепции, отмечает, что ее активное оформление в 1980-е гг. не было прямым следствием развития международного права, а стало ответом на потребность в теоретическом осмыслении новых форм отраслевого регулирования[3]. В качестве иллюстрации он приводит такие прикладные сферы, как режимы международной торговли, нераспространения оружия массового поражения и морского судоходства, подчеркивая тем самым их отраслевую (функциональную) природу, возникающую поверх традиционных политико-правовых структур. В исследовании П.А. Цыганкова также отмечается, что современная система международных отношений не ограничивает участие различных субъектов, не являющихся формальными организациями в регулировании международных процессов.

В работе А.В. Торкунова подчеркивается, что главное предназначение международных режимов заключается в институциональном упорядочивании межгосударственных отношений. Их формирование рассматривается как рациональный ответ на международные вызовы, позволяющий минимизировать риски недопонимания и конфликтов через выработку общепризнанных правил игры[4].

В качестве основной характеристики понятия «международный режим» В.Е. Петровский приводит совокупность четко выраженных либо предполагаемых законов, принципов, норм и правил, ориентированных на реализацию общей для участников режима парадигмы в соответствующей сфере двустороннего или многостороннего межгосударственного сотрудничества (Petrovsky, 1998).

Э.Я. Баталов квалифицирует международные режимы как относительно устойчивые модели практик субъектов международных отношений, регламентируемых нормами международного права и иными конвенциональными правилами, детерми-

[3] *Цыганков П.А.* Теория международных отношений : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2003. 590 с.
[4] *Торкунов А.В.* Современные международные отношения : учебник. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 584 с.

нирующими согласованный и стабильный характер совместной деятельности участников в конкретной сфере международного общения (Batalov, 2016). Присоединясь к международному режиму, государства тем самым выражают готовность подчинить индивидуальную деятельность, направляемую национальным интересом, совместной деятельности на обеспечение общего интереса и регулируемой принципами и нормами. Расширение взаимосвязей между субъектами международных отношений и увеличение внешних вызовов, требующих согласования и объединения усилий для их решения, формирует основу постоянного возникновения новых и корректировки существующих международных режимов.

Обобщая проведенный анализ следует констатировать, что категория «международный режим» сформировалась в доктрине международных отношений в 1980-х гг. в ответ на усложнение системы межгосударственного взаимодействия и не являлась изначально правовой конструкцией. Переход от теории международных отношений к правовому осмыслению режимов происходил постепенно через признание значения договорных механизмов и институциональных особенностей международного сотрудничества. Отечественная доктрина акцентировала внимание на нормативно-поведенческой природе режимов, что сблизило понятие «международного режима» с концепцией правового порядка.

Понятие правового режима в теории права

Проведенный анализ категории международного режима позволяет перейти к рассмотрению категории правового режима в ее классическом понимании, которое сформировалось в общей теории права. В отечественной правовой доктрине под правовым режимом понимают специфику юридического регулирования отдельной сферы общественных отношений, достигаемую посредством целенаправленного сочетания и применения различных правовых средств, методов, механизмов и гарантий.

Согласно данной теоретической конструкции, правовой режим отражает диалектическую взаимосвязь правовой формы и социального содержания регулируемых отношений. Он служит механизмом, через который законодатель, учитывая качественное своеобразие той или иной сферы (экономической, экологической, социальной), придает правовому воздействию необходимую направленность и интенсивность. Таким образом, правовой режим демонстрирует глубокое социально-функциональное значение права, позволяя решать конкретные управленческие и охранительные задачи в прямой и неразрывной связи с природой регулируемых общественных отношений, что отличает его от более широкой концепции международного режима.

Ключевую роль в формировании общепризнанной доктринальной конструкции правового режима сыграли работы выдающегося ученого-правоведа С.С. Алексеева. В его трактовке правовой режим представляет особый порядок правового регулирования, который находит свое выражение в специфическом, целостном комплексе юридических средств. Этот комплекс характеризуется уникальным, сбалансированным сочетанием взаимодействующих правовых дозволений, запретов и предписаний, что в совокупности и создает особую модальность правового воздействия[5].

[5] *Алексеев С.С.* Общая теория права : курс в двух томах. М. : Юридическая литература, 1981. Т. I. С. 294–295.

Раскрывая данное определение, автор подчеркивает, что правовой режим является не просто совокупностью норм, а целостной системой регуляторного воздействия[6]. Его системность проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах: особый порядок формирования субъективных прав и юридических обязанностей; специфический характер санкций и мер защиты; наличие единых руководящих принципов, пронизывающих соответствующую совокупность правовых норм и придающих ей внутреннее единство и логику.

Дальнейшее развитие теоретической дискуссии о правовых режимах, акцентирующее их прикладное измерение, представлено в работах В.Ю. Панченко и И.В. Пикулевой (Panchenko & Pikuleva, 2015). Авторы формулируют теоретический подход, в основе которого лежит анализ правоприменительной деятельности. В соответствии с предложенной ими интерпретацией, правовой режим надлежит рассматривать как отражение реального состояния правового регулирования, выраженного в системе юридических средств и методов, обеспечивающих достижение нормативно установленных целей воздействия на общественные отношения. Для раскрытия системной роли правового режима авторы обращаются к категориальному аппарату смежных социальных наук, проводя методологическую параллель с понятием политического режима. Правовой режим определяется ими как особая юридическая конструкция, которая формируется над совокупностью действующих правовых институтов и устанавливает специфический порядок их взаимодействия и применения в соответствующей сфере общественных отношений.

Фундаментальной основой для понимания правового режима в национальном правопорядке служит отраслевая структура права. Отрасль права является базовым структурным элементом системы, объединяющим нормы, регулирующие качественно однородный и обособленный вид общественных отношений, чье специфическое экономическое и социально-политическое содержание объективно требует целостного и специализированного нормативно-правового воздействия. Поскольку различные сферы общественной жизни обладают внутренним своеобразием, они нуждаются в различном сочетании способов, методов и типов правового регулирования. Именно предмет правового регулирования, качественно особый вид общественных отношений, выступает первичным, объективным критерием для выделения отрасли. В свою очередь, каждая сформированная отрасль создает нормативную основу для выработки специфических правовых режимов, которые детализируют регулирование отдельных групп вопросов или институтов в рамках отрасли. Таким образом, как вся правовая система в целом, так и каждая отрасль в отдельности характеризуются присущим только им комплексом правовых режимов.

Отраслевой правовой режим обладает свойством замкнутости (автономности): составляющие его нормы, принципы и методы предназначены для регулирования внутриотраслевых отношений и, как правило, не применяются к отношениям, выходящим за ее предметные рамки. Формирование режима обеспечивается двумя взаимосвязанными компонентами. Специальный метод правового регулирования, под которым понимается совокупность характерных приемов юридического воздействия (дозволения, запрета, обязывания), их специфическое сочетание и иерархия, определяющие используемый в данной отрасли комплекс юридических механизмов. Собственные отраслевые принципы и общие положения, которые задают ценност-

[6] *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. 287 с.; Алексеев С.С. Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. 320 с.

ные ориентиры, цели и содержание регулирования, пронизывая всю систему отраслевых норм. Следовательно, правовой режим на отраслевом уровне можно определить как обусловленный предметом и методом отрасли устойчивый порядок регулирования, интегрирующий характерные средства, способы и гарантии для обеспечения специфического правового состояния в регулируемой сфере.

В.М. Корельский и В.Д. Перевалов предлагают двухкомпонентную характеристику правового режима[7]. В первом приближении правовой режим трактуется авторами как специфика нормативно-правового регулирования определенной сферы общественных отношений, достигаемая посредством применения особой совокупности юридических средств и способов воздействия. Во втором, расширенном понимании, акцентирующем регулирующую роль государства, правовой режим определяется как система юридических средств, целенаправленно устанавливаемых и гарантируемых публичной властью в целях упорядочения конкретных общественных отношений путем дифференцированного применения ограничительных и стимулирующих мер в отношении различных видов деятельности субъектов права.

Заслуживает внимания точка зрения А.Ф. Ноздрачева, определяющего правовой режим как «совокупность различного рода правил поведения субъектов общественных отношений, организационных мероприятий, гарантий их реализации, установленных для достижения поставленных целей» (Nozdrachev, 2017).

Значительный вклад в теоретическое осмысление категории правового режима вносят исследования А.В. Малько. В рамках методологии, предложенной А.В. Малько и И.С. Барзиловой, правовой режим определяется как специализированный регуляторный механизм, выполняющий функцию нормативного структурирования как единичных социальных ситуаций, так и масштабных общественных процессов, определяющих характер взаимодействия субъектов и объектов в правовом поле (Barzilova, 2012). В качестве системообразующего признака правового режима авторы обозначают целевую регламентацию конкретного сегмента общественных отношений посредством системы правовых норм, призванной обеспечить баланс и удовлетворение интересов как индивидуальных субъектов, так и их коллективных образований. Особую научную ценность представляет предложенная авторами развернутая типология правовых режимов, основанная на различных критериях: по предмету правового регулирования (отраслевая принадлежность); по содержанию и вектору воздействия; по субъекту, на который направлено регулирование; по территориальной или институциональной сфере применения.

В последующих работах А.В. Малько в соавторстве с Н.И. Матузовым акцент смещается с описания направленности регулирования на оценочную характеристику его условий для субъектов права (Matuzov & Malko, 1996). В рамках системного подхода А.В. Малько и О.В. Родионовым предложена комплексная характеристика правового режима через совокупность сущностных признаков, которая служит своеобразным доктринальным эталоном для идентификации данного явления (Malko & Rodionov, 2001). Согласно их позиции, правовой режим обладает следующими основными чертами. Режимы формируются в рамках конкретных отраслей права (гражданско-правовой, административно-правовой и др.), что обусловливает их связь с отраслевым методом и предметом регулирования. Правовые режимы устанавливаются нормативными правовыми актами и гарантируются силой государственного принуждения, что подчеркивает их публично-правовую природу

[7] Теория государства и права: учебник для вузов / ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. М. : НОРМА, 2000. 616 с.

и императивность. Каждый режим предназначен для регулирования строго определенного круга общественных отношений между конкретными субъектами права. Режим представляет собой целостную комбинацию приемов, средств, способов и методов правового регулирования (дозволений, запретов, обязываний). Ключевой качественной характеристикой этой комбинации является определенный уровень благоприятствования или ограничения, который создается для удовлетворения интересов субъектов и их объединений. Данный признак непосредственно связывает технико-юридическое содержание режима с его социальным назначением и результативностью.

В определении, предложенном С.Н. Братуновским, правовой режим рассматривается как целенаправленный порядок регулирования, представляющий системную совокупность правовых средств, выстроенных для достижения оптимального с точки зрения триады «личность, общество, государство» режима реализации субъектами своих законных интересов. В данном контексте «оптимальность» подразумевает не только эффективность, но и сбалансированность, справедливость и социальную приемлемость правового регулирования.

Особый вклад в упорядочивание терминологического аппарата вносит исследование Третьякова А.В., предлагающее трехуровневую систематизацию употребления термина «режим» в юридической науке и практике (Tretyakov, 2020): 1) «правовой режим» как общетеоретическую категорию, отражающую специфику регулирования; 2) «отраслевые правовые режимы», которые определяют методологическое своеобразие целых отраслей права (гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой режимы); 3) «специальные правовые режимы объектов или видов деятельности», детально регламентирующие статус отдельных феноменов (например, режим банковской тайны, государственной тайны, таможенной процедуры). Данная классификация позволяет перейти от абстрактно-теоретического осмысления к анализу конкретных нормативных конструкций, действующих в правовой системе.

Примечательно, что понятие «правовой режим» лишено дефиниции в основополагающих источниках российского права, оно не раскрывается ни в Конституции РФ, ни в федеральных законах. Вместе с тем законодатель широко использует данную конструкцию, формируя предписания об особых правовых режимах, направленных на регулирование критически важных или социально значимых сфер. К их числу относятся режимы в области охраны окружающей среды[8], использования атомной энергии[9], обеспечения общественной безопасности при чрезвычайных ситуациях, противодействия терроризму[10], осуществления космической деятельности и иные аналогичные области. Это указывает на то, что правовой режим функционирует в первую очередь как практический регуляторный механизм, содержание и параметры которого устанавливаются ситуативно, исходя из специфики регулируемых отношений и стоящих перед государством задач, а не из абстрактного теоретического определения.

[8] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации № 2 от 14 января 2002г., ст. 133.

[9] Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства Российской Федерации № 48 от 27 ноября 1995 г., ст. 4552.

[10] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации № 11 от 13 марта 2006 г., ст. 1146.

Проведенный анализ категории «правовой режим» в общей теории права позволяет констатировать, что она является фундаментальной и многогранной доктринальной конструкцией, отражающей социальную сущность права. Основное предназначение правового режима заключается в обеспечении целенаправленного, специализированного и эффективного регулирования качественно обособленных сфер общественных отношений. Это достигается не простым суммированием норм, а путем формирования целостного регуляторного порядка, основанного на сбалансированном и уникальном сочетании правовых средств, методов, дозволений, запретов и обязываний.

Отраслевая структура права выступает естественной основой для формирования правовых режимов. Сравнительный анализ доктринальных подходов демонстрирует консенсус относительно ключевых признаков правового режима: предметная определенность, отраслевая обусловленность, нормативно-государственная природа и специфический вектор воздействия. Предмет и метод правового регулирования, лежащие в основе деления на отрасли, предопределяют характер отраслевых режимов, обладающих свойством автономности. В свою очередь, внутри отраслей формируются специальные режимы для регулирования более узких институтов или видов деятельности, что демонстрирует иерархичность и гибкость данной категории. Таким образом, категория «правовой режим» представляет собой связующее звено между общей теорией права и отраслевой юридической практикой, позволяющее перейти от абстрактных норм к целенаправленному, системному и социально ориентированному регулированию, что подтверждает неоспоримую теоретическую и практическую значимость для национального правопорядка.

Определение режима в науке международного права

Международно-правовой режим является неотъемлемым элементом международного публичного права как самостоятельной правовой системы. В отечественной доктрине под системой международного права традиционно понимается комплекс взаимосвязанных юридических норм и принципов, которые регулируют международные отношения и выражают согласованную волю государств, как основных субъектов международного правотворчества. Воля объективно обусловлена закономерностями развития межгосударственного взаимодействия на конкретном историческом этапе. В результате подобного подхода к регулированию международные отношения приобретают качественно новое свойство, они становятся международно-правовыми отношениями, то есть урегулированными нормами международного права, порождающими взаимные права и обязанности для их участников.

Проблема генезиса и трансформации международно-правовых режимов в условиях параллельного действия двух ключевых тенденций современности, глобализации и фрагментации международных отношений, занимает центральное место в современных научных исследованиях. Этот процесс характеризуется одновременным усилением взаимозависимости, требующей универсальных регуляторных подходов, и ростом специализации, ведущей к созданию автономных нормативных подсистем.

Исторические предпосылки были обозначены еще в середине XX в. Так, У. Дженкс в 1953 г. обратил внимание на то, что развитие международного права изначально носило сегментированный, децентрализованный характер. Создание договоров происходило внутри относительно изолированных «групп» (профессиональных, функциональных, региональных) при отсутствии единого централизован-

ного института, способного обеспечивать универсальный, скоординированный нормотворческий процесс. Эта исторически сложившаяся структурная разрозненность заложила основу для последующей фрагментации международного правопорядка (Jenks, 1953).

В современных условиях указанное противоречие приобрело новое измерение. С одной стороны, глобализация стимулирует формирование универсальных и всеобъемлющих режимов, призванных решать транснациональные проблемы (климат, торговля, безопасность). С другой стороны, объективная фрагментация международных отношений и усложнение предмета регулирования ведут к появлению множества автономных, специализированных, а порой и конкурирующих правовых режимов, создаваемых различными субъектами в конкретных областях.

Возникновение новых правовых комплексов и международно-правовых режимов является не случайным, а функционально обусловленным процессом. Они формируются в ответ на объективную потребность отклониться от универсальных, но зачастую недостаточно специализированных механизмов регулирования, предлагаемых общими отраслями права. Появление таких режимов отражает стремление международного сообщества выработать адресные, высокоспециализированные механизмы для решения новых, комплексных вызовов, которые не могут быть эффективно урегулированы в рамках традиционных правовых парадигм[11]. Так, например, формирование международно-правового режима охраны окружающей среды было детерминировано растущей глобальной озабоченностью антропогенным воздействием на экосистемы и его последствиями для благосостояния человечества. Традиционное международное право, построенное вокруг принципов суверенитета и невмешательства, оказалось неспособным адекватно реагировать на трансграничный характер экологических угроз (изменение климата, загрязнение мирового океана), что потребовало создания новой, самостоятельной регуляторной системы, основанной на принципах предосторожности, устойчивого развития и общей, но дифференцированной ответственности. Развитие международно-правового режима регулирования торговых процессов представляет закономерный результат интенсификации трансграничной экономической деятельности и возникшей вследствие этого объективной потребности в создании унифицированных правовых подходов. Ключевой особенностью становления режима стала задача согласования разнонаправленных интересов государств, обладающих различным уровнем экономического развития и политического влияния.

Начиная с 1980-х гг., теоретические аспекты формирования и функционирования международно-правовых режимов стали предметом систематического рассмотрения в ежегодных докладах Комиссии международного права (КМП) ООН. Подобное внимание придало изучению режимов официальный, доктринальный статус в рамках процессов кодификации и прогрессивного развития международного права. Значительный вклад в формирование концептуального аппарата внес специальный докладчик КМП В. Рипфаген. Его подход основывался на понимании международного права как совокупности взаимосвязанных «подсистем». Система международного права в целом представляет собой упорядоченный набор первичных и вторичных правил поведения и процедур, образующих замкнутым правовым контуром. Подсистема (специальный режим) обладает аналогичными системными признаками

[11] *Koskenniemi M.* Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law. Report of the Study Group of the International Law Commission. 2006. UN Doc. A/CN.4/L.682. 256 p.

(собственные правила, процедуры), но характеризуется меньшей степенью замкнутости и тесной взаимосвязью с другими подсистемами. Для обозначения подсистем В. Рипфаген использовал термины «специальные режимы», «объективные режимы», «императивные подсистемы», подчеркивая их функциональную обособленность и нормативную силу[12]. Эволюция данной концепции в дальнейших докладах КМП и научной литературе привела к закреплению термина «автономный режим». Под автономным режимом понимается комплекс норм и институтов в определенной сфере, который обладает значительной степенью собственной нормативной и процедурной логики, развивается относительно независимо и обладает своими особыми механизмами имплементации и контроля. В числе примеров таких режимов КМП указывает режимы в области охраны окружающей среды, защиты прав человека и международной торговли.

Признание фрагментации в качестве одной из основных системных тенденций развития современного международного права побудило КМП ООН в 2002 г. учредить специальную Исследовательскую группу по фрагментации международного права. Итогом работы стал основополагающий доклад «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права»[13]. В докладе был сформулирован ключевой парадокс глобализации: процесс растущей унификации и взаимозависимости мировых экономических, социальных и технологических процессов закономерно порождает не единый правопорядок, а, напротив, растущую фрагментацию регулирования отдельных сфер международных отношений. Данный процесс является следствием необходимости создания все более специализированных, технически сложных и адресных нормативных комплексов (режимов) для управления такими процессами, как международная торговля, защита прав человека, охрана окружающей среды, киберпространство.

Однако в ответ на эту тенденцию, председатель Исследовательской группы, профессор Б. Симма, выдвинул принципиально важную доктринальную оговорку (Simma, 2004). Он подчеркнул, что не существует таких понятий, как полностью «автономные режимы» в абсолютном смысле, и что никакой специализированный международно-правовой режим не может быть создан или функционировать вне рамок и системных принципов общего международного права. Эта позиция утверждает, что фрагментация носит относительный и функциональный характер: специализированные режимы, несмотря на свою автономию в процедурных и материальных аспектах, остаются встроенными в единое нормативное поле. Они обязаны соблюдать иерархию норм (в частности, нормы jus cogens), руководствоваться общими принципами толкования и системной интеграции, а также разрешать коллизии через механизмы общего международного права.

Категория «международно-правовой режим» является предметом углубленного анализа преимущественно в рамках специализированных научных исследований диссертационного и монографического характера, а также в учебных курсах по меж-

[12] *Riphagen W.* Third report on the content, forms and degrees of State responsibility : part 2 of the draft articles. New York : UN, 1982. P. 46. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/32468 [Accessed 25th December 2025].

[13] *Koskenniemi M.* Study on the function and scope of the lex specialis rule and the question of "self-contained regimes" : preliminary report. Geneva : UN, 7 May 2004. P. 44. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/573157?ln=en&v=pdf [Accessed 25th December 2025].

дународному праву, что свидетельствует о ее фундаментальном значении для понимания отраслевой структуры и функциональной специфики международно-правового регулирования.

Значительная часть зарубежной доктрины подчеркивает первичную роль международного договора как основы формирования правового режима. Этой позиции, в частности, придерживается профессор Э. Ост[14]. Аналогичный подход, согласно которому режим определяется прежде всего договорными нормами, находит отражение в трудах таких авторитетных авторов, как Я. Броунли (Brownlie, 1977:359–360) и Р. Колб (Kolb, 2016:124–125).

Более развернутое определение предлагает В. Бредфорд, который понимает под международно-правовым режимом нормативно-институциональный комплекс (Bradford, 2001). Данный комплекс включает в себя, во-первых, свод правовых норм, основанных преимущественно на многосторонних договорных источниках, и, во-вторых, систему международных институтов (организаций, органов, процедур), созданных для администрирования этих норм и регулирования конкретных правоотношений в соответствующей сфере. Формирование международно-правового режима включает три ключевых процесса: разработку обязательного набора правил, предписывающих определенные модели поведения (нормотворчество); создание процедур выявления нарушений установленных правил (правоприменение и контроль); установление механизмов ответственности (санкций) за их нарушение (обеспечение соблюдения).

В фундаментальных работах по международному праву, принадлежащих перу таких авторитетных ученых, как Ф.Ф. Мартенс, И.И. Лукашук, Ю.М. Колосов, вопросы международно-правовых режимов занимают существенное место. Их анализ сосредоточен на сложившихся, исторически укорененных режимах, которые структурируют ключевые сферы межгосударственного взаимодействия. В качестве примеров можно привести детальное рассмотрение: пространственных режимов (правовой режим Арктики и Антарктики, режим морских пространств); режимов безопасности (режим нераспространения ядерного оружия); дипломатических и консульских режимов.

При этом научный дискурс не ограничивается описанием сложившихся конструкций. Он активно обращается к анализу характерных особенностей и динамики формирования режимов в сравнительно новых, развивающихся областях международно-правового регулирования. В фокус исследования попадают такие актуальные сферы, как: многосторонние торговые режимы (в рамках ВТО и региональных торговых соглашений); международно-правовой режим туризма; режим охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. Таким образом, изучение международно-правовых режимов охватывает широкий спектр предметных областей, от устоявшихся, «классических» сфер до новых, технологически и социально обусловленных вызовов.

Несмотря на значительный прогресс в изучении функциональной роли и отраслевых проявлений международно-правовых режимов, в научной литературе сохраняется заметный дефицит обобщающих теоретических конструкций. Парадоксальным образом даже в фундаментальных работах, детально анализирующих конкретные режимы (Арктики, морских пространств, нераспространения), практически

[14] *Aust A.* Handbook of international law. 2nd ed. Cambridge University Press, 2010. P. 63.

отсутствуют попытки сформулировать универсальное определение понятия «международно-правовой режим» или вывести его общесистемные принципы. Категория чаще используется как устоявшийся рабочий термин, а не как объект самостоятельной теоретической рефлексии[15].

Встречающиеся исключения лишь подтверждают общую тенденцию вариативности подходов. Так, И.И. Лукашук утверждает, что международный правовой режим может устанавливаться нормами, принятыми ограниченным кругом государств, однако в силу своего предмета и содержания эти нормы приобретают характер всеобщего значения, выходя за рамки первоначального круга участников[16].

Другое существенное наблюдение представлено в монографии И.П. Блищенко, где автор проводит функциональное разграничение (Blishchenko, 1960). Согласно позиции автора, нормы национального права, как правило, устанавливают общий правовой режим, в то время как международные договоры и создаваемые ими режимы вводят специальный (преференциальный или ограничительный) режим регулирования для конкретных субъектов, объектов или отношений. Данный подход акцентирует дополнительный и детализирующий характер многих международно-правовых режимов по отношению к национальному правопорядку, а также проблему их взаимодействия и соотношения.

Таким образом, отечественная доктрина, продемонстрировав глубокое понимание отдельных международно-правовых режимов, оставила открытым вопрос о разработке интегративной теории международно-правового режима как самостоятельного системного явления, что создает методологический вызов и определяет одно из перспективных направлений для дальнейших исследований.

Значительный вклад в изучение международно-правовых режимов вносят монографические исследования отечественных ученых, посвященных изучению конкретных международно-правовых режимов в различных отраслях международного права[17] (Vylegzhanin, 2001; Travnikov, 2014).

Важное методологическое разграничение понятий «международный режим» и «международно-правовой режим» предложено в диссертационном исследовании Е.А. Сидоровой, посвященном режиму нераспространения ядерного оружия. «Международный режим» охватывает комплекс разнородных регулятивных механизмов, действующих в глобальной межгосударственной системе (Sidorova, 2010). В его состав входят не только правовые, но и политические, технические, организационные и морально-этические нормы и договоренности, включая национальное законодательство. Такой режим понимается как компонент международных отношений, тесно связанный с общей категорией международного сотрудничества, и представ-

[15] Международное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Междунар. отношения», «Мировая экономика» / [Л.Н. Анисимов, К.Г. Борисов, Д.В. Иванов и др.] ; отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. М. : Междунар. отношения, 2001. 713, [2] с.; Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. Т. 1. 332 с.

[16] *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.

[17] Международное космическое право : учебник для вузов / В.С. Вещунов, Г.П. Жуков, Э.Г. Жукова, И.И. Котляров и др. ; отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М. : Международные отношения, 1999. 360 с.

ляет собой совокупность норм, правил, процедур принятия решений и иных механизмов координации поведения государств. «Международно-правовой режим» сформирован исключительно группой международно-правовых норм (договорных и обычных), которые на основе принципа суверенного равенства регулируют правоотношения между государствами и иными субъектами международного права в определенной сфере. Следовательно, под международно-правовым режимом следует понимать порядок отношений между субъектами международного права, регламентированный формальными международно-правовыми источниками.

В исследовании А.А. Данельяна рассматривается международно-правовой режим иностранных инвестиций, под которым понимается целостная многоуровневая система, интегрирующая в единый регуляторный механизм ряд элементов (Danelyan, 2016). В частности, нормативный уровень представлен международно-правовыми договорами и нормами национального законодательства. Институциональный уровень сформирован международными механизмами разрешения споров, такими как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, и национальными институтами, осуществляющими администрирование, контроль и правовую защиту в сфере инвестиций.

В диссертационном исследовании Д.К. Бекяшева, посвященном международно-правовому регулированию рыболовства, формулируются признаки, характерные для международно-правового режима: наличие у режима собственной, целостной правовой базы и специальных принципов регулирования, что соответствует ключевым признакам обособленной структурной единицы в системе права (Bekyashev & Bekyashev, 2020). Основываясь на исследовании автора, можно сформулировать определение международного-правового режима, под которым понимается системная совокупность международно-правовых принципов и норм, целенаправленно регулирующих весь комплекс правоотношений между субъектами международного права (государствами и международными организациями) в определенной сфере общественных отношений.

Анализ доктрины международного права выявляет парадоксальную ситуацию: при широком использовании термина «международно-правовой режим» в качестве устоявшегося рабочего понятия в науке отсутствует консенсусная дефиниция данной категории. Отечественная доктрина, обеспечив глубокую разработку отдельных режимов (морских пространств, нераспространения ядерного оружия, иностранных инвестиций), оставила открытым вопрос об интегративной теории международно-правового режима, что определяет ключевое направление дальнейших научных исследований.

Комплексный международно-правовой режим

Подобная взаимная интеграция международно-правовых режимов определила появление в научной литературе понятия сложного или комплексного режима. Ученые определяют «комплексный режим» как набор частично перекрывающихся и неиерархических институтов, сформированных несколькими международными организациями или международными соглашениями по функциональному или территориальному признаку. Концепция «комплексного режима» была впервые сформулирована в 2004 г. в работе Д. Виктора и К. Ростиала, которые определяли данный феномен, как «массив частично перекрывающихся и неиерархических институтов, управляющих конкретной проблемной областью» (Raustiala & Victor, 2004). Данная концепция получила дальнейшее рассмотрение в работах К. Алтера и С. Мойнира,

обративших внимание на сложность и отсутствие структурированности при взаимодействии различных режимов, регулирующих международные отношения (Alter & Meunier, 2009). В работе также была сформулирована концепция «комплексного режима», представляющего взаимоотношение нескольких режимов международных отношений и международного права, как дополняющих, так и противоречащих друг другу. Исследователи подчеркивают, что концепция «комплексного режима» является предметом междисциплинарного изучения специалистов в области международных отношений и международного права (Alter & Raustiala, 2018). В качестве примеров приводится подробный анализ следующих «комплексных режимов»: правовой режим беженцев, режим биологического разнообразия, территориально-правовой и институциональный комплекс региональных интеграционных режимов Африки.

В исследовании С. Хеннига и Т. Пратта под «комплексным режимом» понимается совокупность международных институтов, действующих в общей проблемной области, а также формальных и неформальных механизмов, которые их координируют (Henning & Pratt, 2023). Под институтами понимаются региональные и международные организации двустороннего и многостороннего характера. Не менее важной характеристикой «комплексного режима» является отсутствие иерархии между институтами и правилами. Различные международные организации и правовые нормы регулируют аналогичные сферы международных отношений, при этом в большинстве случаев невозможно определить основного координатора данного процесса. Определение иерархии международных организаций в контексте международно-правового регулирования не представляется возможным, так как деятельность любого участника «комплексного режима» может быть оспорена в соответствии с правилами и процедурами, установленными международными организациями. Как было справедливо отмечено К. Ростиалой, на сегодняшний день действует множество соглашений и международных организаций, что делает неизбежным возникновение правовых коллизий и пересечение сфер влияния (Raustiala, 2013).

Постепенно с формированием новых направлений международного сотрудничества и возникновения международно-правовых механизмов, регулирующих данные группы общественных отношений, в научной литературе все чаще стали появляться исследования, посвященные комплексным международно-правовым режимам. Первоначально, основное внимание уделялось развитию международно-правовых режимов, обеспечивающих управление глобальными экологическими процессами. Впоследствии направленность исследований расширилась вопроса продовольственной безопасности, международной безопасности, торговли (Gomez-Mera, 2017) и интеллектуальной собственности (Muzaka, 2011).

Системный анализ теоретических подходов к понимаю международно-правовых режимов и их эволюции под влиянием современных особенностей развития международных отношений представлен в исследовании Р. Хеннинга и Т. Пратта (Henning & Pratt, 2023). Одним из значимых выводов исследования является констатация того, что иерархические отношения между международно-правовыми институтами в рамках комплексного режима возникают не исключительно на основании явных международно-правовых норм, но и посредством устойчивой практики отсылок одних международных институтов к нормативным правовым актам и документов других с последующим воспроизведением их стандартов в собственных документах. Данный вывод имеет принципиальное значение для доктрины международного права, подтверждая, что иерархия источников и их действия в рамках

режимного комплекса определяется не только формальными критериями, но и содержательными характеристиками международно-правовой практики, складывающейся в процессе межинституционального взаимодействия.

Отдельное внимание получила проблематика международно-правового регулирования применения искусственного интеллекта (ИИ). Исследования Э. Клайн и С. Патрика свидетельствует о том, что в сфере управления ИИ неизбежно складывается комплексный режим (Klein & Patrick, 2024). Данный вывод подтверждает общетеоретический тезис о том, что комплексные режимы возникают не как результат скоординированного нормотворчества, а как закономерная реакция международного сообщества на функциональную сложность и политическую неоднородность регулируемой сферы. Авторы устанавливают, что будущий комплексный режим ИИ структурируется не по субъектному, а по функциональному признаку, охватывая четыре ключевые области: формирование научного знания о возможностях и рисках ИИ; разработку общих стандартов и гармонизацию национальных регуляторных подходов; обеспечение широкого доступа к технологиям и справедливому распределению выгод; противодействие угрозам коллективной безопасности. Каждая из указанных функций предполагает собственную институциональную архитектуру с различным субъектным составом от универсальных межправительственных организаций до многосторонних партнерств с участием частного сектора. В совокупности проведенный анализ верифицирует фундаментальный теоретический тезис о функционально обусловленном характере образования режима в международном праве. Режим регулирования ИИ возникает не в результате целенаправленного нормотворческого замысла, а как ответ на объективную потребность международного сообщества в специализированных механизмах управления технологией, трансграничное воздействие которой не поддается адекватному регулированию в рамках традиционных правовых парадигм. Тем самым данный режим подтверждает общую закономерность: усложнение предмета регулирования и появление новых транснациональных угроз неизбежно влекут возникновение функционально автономных, но системно встроенных нормативных комплексов, то есть именно тех явлений, которые в доктрине международного права принято квалифицировать как международно-правовые режимы.

Концепция «комплексного режима» органично дополняет теорию автономных режимов, отражая реальность современного международного права, где одна проблемная область нередко регулируется несколькими конкурирующими или дублирующими друг друга институтами и нормативными системами.

Заключение

На основе проведенного комплексного анализа научных подходов в рамках теории международных отношений, международного права и теории права представляется возможным сформулировать обобщающую дефиницию и структурную модель международно-правового режима. Международно-правовой режим – институционализированный порядок правового регулирования, возникающий в рамках конкретной отрасли международного права и регламентирующий специфические правоотношения между его субъектами посредством системы международно-правовых источников, характеризуемый функциональной автономией и целенаправленным сочетанием регулятивных средств.

Международно-правовой режим характеризуется рядом основополагающих признаков. Во-первых, следует выделить предметно-отраслевую определенность и

функциональную замкнутость. Режим формируется для регулирования четко очерченной сферы общественных отношений в рамках конкретной отрасли международного права (например, морского, экологического, торгового). Нормы режима неприменимы к отношениям, выходящим за установленные предметные рамки, что обеспечивает содержательную целостность. Во-вторых, режим конституируется и развивается на основе формальных источников международного права, прежде всего международных договоров и международного обычая, выражающих согласованную волю государств. В-третьих, режим реализуется через специфическую комбинацию правовых средств, способов и методов регулирования, адаптированных к специфике регулируемой области. В завершении режим характеризуется заданным вектором правового воздействия, уровнем благоприятствования или ограничения для реализации интересов субъектов международного права, что определяет его стимулирующую или ограничительную природу.

Структурно международно-правовой режим формируется из трех взаимосвязанных компонентов. Субстантивный компонент является ядром режима, представляющим систему принципов, норм и правил, предписывающих конкретные модели поведения и устанавливающих права и обязанности субъектов в регулируемой сфере. Институциональный компонент представляет организационно-процедурный механизм, обеспечивающий функционирование режима. Данный компонент включает формальные и неформальные структуры сотрудничества (организации, комитеты, конференции), ответственные за нормотворчество, мониторинг соблюдения, толкование и разрешение споров. Адаптационный компонент фокусируется на ключевых проблемных областях в рамках режима и на механизмах его взаимодействия, координации и возможных коллизий с другими международно-правовыми режимами, обеспечивая эволюцию и встроенность в более широкий нормативный контекст.

Концепция «комплексного режима» органично дополняет теорию автономных режимов, отражая современную реальность, при которой одна проблемная область нередко регулируется несколькими конкурирующими или дублирующими институциональными системами. Это обстоятельство обусловливает необходимость разработки специальных правовых механизмов предотвращения и разрешения нормативных коллизий внутри режимных комплексов.

References / Список литературы

Abbott, K.W. (1989) Modern International Relations Theory: A Prospectus for International Lawyers. *Yale Journal of International Law*. 14 (2), 335–411.

Alter, K.J. & Meunier, S. (2009) The politics of international regime complexity. *Perspectives on Politics.* 7 (1), 13–24. https://doi.org/10.1017/S1537592709090033

Alter, K. & Raustiala, K. (2018) The rise of international regime complexity. *Annual Review of Law and Social Science.* 14, 329–349. https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-101317-030830

Barzilova, I.S. (ed.) (2012) *Legal Regimes: General Theoretical and Sectoral Aspects.* Moscow, Yurlitinform Publ. (In Russian). EDN: RESWFN.

Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / Агабалаев М.И. и др. ; под ред. И.С. Барзиловой. М. : Юрлитинформ, 2012. 409 с. EDN: RESWFN.

Batalov, E. (2016) New Institutionalization of World Politics. *International Trends*. 14 (1), 6–25. (In Russian). https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.1 EDN: VXDXCH.

Баталов Э. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 6–25. https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.1 EDN: VXDXCH.

Baylis, J., Smith, S. & Owens, P. (2008) *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. Oxford, Oxford University Press.

Bekyashev, K.A. & Bekyashev, D.K. (2020) On the issue of the modern legal regime of fisheries on the high seas. *Fisheries.* (4), 26–32. (In Russian). https://doi.org/10.37663/0131-6184-2020-4-26-32 EDN: LFAQHX.

Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. К вопросу о современном правовом режиме рыболовства в открытом море // Рыбное хозяйство. 2020. № 4. С. 26–32. https://doi.org/10.37663/0131-6184-2020-4-26-32 EDN: LFAQHX.

Blishchenko, I.P. (1960) *International and Domestic Law.* Moscow, Gosyurizdat Publ. (In Russian).

Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право. М. : Госюриздат, 1960. 239 с.

Bradford, W. (2001) International Legal Regimes and the Incidence of Interstate War in the Twentieth Century: A Cursory Quantitative Assessment of the Associative Relationship. *American University International Law Review*. 16 (3), 667–674.

Brownlie, Ya. (1977) *International Law (in Two Books).* Trans: Andrianova, S.N. Book 1. Moscow, Progress Publ. (In Russian).

Броунли Я. Международное право : в двух книгах / пер. с англ. С.Н. Андрианова. Кн. 1. М. : Прогресс, 1977. 535 с.

Danelyan, A.A. (2016) *International regime of foreign investments.* Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Moscow, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (In Russian). EDN: YRUYIX.

Данельян А.А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Дипломат. академия МИД РФ, 2016. 367 с. EDN: YRUYIX.

Gómez-Mera, L. (2017) The Global Governance of Trafficking in Persons: Toward a Transnational Regime Complex. *Journal of Human Trafficking.* 3 (4), 303–326. https://doi.org/10.1080/23322705.2016.1278344

Jenks, C. (1953) The Conflict of Law-Making Treaties. In: *The British year book of international law.* London, Oxford University Press, pp. 403–453.

Henning, C.R. & Pratt, T. (2023) Hierarchy and differentiation in international regime complexes: A theoretical framework for comparative research. *Review of International Political Economy*, 30 (6), 2178–2205. https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2259424 EDN: XNWRNW.

Keohaner, R.O. (1989) Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond. In: Keohaner, R.O. (ed.) *International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory*. Boulder, Westview Press, pp. 35–73.

Kolb, R. (2016) *Theory of International Law*. Portland, Hart Publ.

Klein, E. & Patrick, S. (2024) *Envisioning a global regime complex to govern artificial intelligence.* Available at: https://carnegieendowment.org/research/2024/03/envisioning-a-global-regime-complex-to-govern-artificial-intelligence (accessed: 10th February 2026).

Malko, A.V. & Rodionov, O.S. (2001) Legal Regimes in Russian Legislation. *Journal of Russian Law*. (9 (57)), 19–26. (In Russian). EDN: VDTGMX.

Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9 (57). С. 19–26. EDN: VDTGMX.

Matuzov, N.I. & Malko, A.V. (1996) Legal Regimes: Issues of Theory and Practice. *News from higher educational institutions. Law studies*. (1 (212)), 16–29. (In Russian). EDN: TPNNRH.

Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 16–29. EDN: TPNNRH.

Muzaka, V. (2011) Linkages, Contests and Overlaps in the Global Intellectual Property Rights Regime. *European Journal of International Relations.* 17 (4), 755–776. https://doi.org/10.1177/1354066110373560

Nozdrachev, A.F. (2017) *Administrative-Legal Regimes in Public Administration in the Russian Federation: Theory and Modern Practice.* Moscow, Kontrakt Publ. (In Russian).
Ноздрачев А.Ф. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография. М. : Контракт, 2017. 528 с.

Panchenko, V.Y & Pikuleva, I.V. (2015) Realistic understanding of the legal regimes: Establishing the problem. *Actual Problems of Russian Law*. (7 (56)), 15–20. (In Russian). EDN: UJWBJN.
Панченко В.Ю., Пикулева И.В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56). С. 15–20. EDN: UJWBJN.

Petrovsky, V.E. (1998) *Asian-Pacific Security Regimes after the Cold War: Evolution and Prospects for Russian Participation.* Moscow, Monuments of Historical Thought Publ. (In Russian).
Петровский В.Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. М. : Памятники исторической мысли, 1998. 264 с.

Raustiala, K. (2013) Institutional proliferation and the international legal order. In: *Interdisciplinary Perspectives on International Law and International Relations.* New York, Cambridge University Press, pp. 293–320. https://doi.org/10.1017/CBO9781139107310.015

Raustiala, K. & Victor, D. G. (2004) The regime complex for plant genetic resources. *International Organizarion*. 58 (2), 277–309.

Ruggie, J. (1975) International Responses to Technology: Concepts and Trends. *International Organization.* 29 (3), 557–583. https://doi.org/10.1017/S0020818300031696

Sidorova, E.A. (2010) *The international legal regime for the non-proliferation of nuclear weapons and legal issues of its strengthening.* Dissertation of Candidate of Legal Sciences. Moscow, RUDN. (In Russian). EDN: QEUPMR.
Сидорова Е.А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления: дис. ... канд. юрид. наук. М. : РУДН, 2010. 209 с. EDN: QEUPMR.

Simma, B. (2004) Fragmentation in a positive light. *Michigan Journal of International Law.* 25 (4), 845–847.

Travnikov, A.I. (2014) *Legal Regime of Airspace. Air Navigation and Safety.* Moscow, Prospekt Publ. (In Russian).
Травников А.И. Правовой режим воздушного пространства. Аэронавигация и безопасность : монография. М. : Проспект, 2014. 220 с.

Tretyakov, A.V. (2020) *Legal Regimes: Domestic and Alternative Models of Theory.* Moscow, Znanie-M Publ. (In Russian). EDN: CGQQBE.
Третьяков А.В. Правовые режимы: отечественная и альтернативная модели теории : монография. М. : Знание-М, 2020. 359 с. EDN: CGQQBE.

Vylegzhanin, A.N. (2001) *Marine Natural Resources (International Legal Regime).* Moscow, Informdinamo Publ. (In Russian).
Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М. : Информдинамо, 2001. 298 с.

Young, O.R. (1986) International Regimes: Toward a New Theory of Institutions. *World Politics.* 39 (1), 104–122. https://www.doi.org/10.2307/2010300

Сведения об авторах:

Абашидзе Аслан Хусейнович **–** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор юридического института, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0003-0012-8795; SPIN-код: 8944-1427
e-mail: aslan.abashidze@gmail.com

Маличенко Владислав Сергеевич **–** доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34

ORCID: 0000-0003-3136-8054; SPIN-код: 4939-0747

e-mail: vlad.malichenko@gmail.com

About the authors:

Aslan Kh. Abashidze **–** Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, Head of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0012-8795; SPIN-code: 8944-1427

e-mail: aslan.abashidze@gmail.com

Vladislav S. Malichenko **–** Doctor of Legal Sciences, Senior Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia Federation

ORCID: 0000-0003-3136-8054; SPIN-code: 4939-0747

e-mail: vlad.malichenko@gmail.com

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 310–330
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-310-330
EDN: DGBAFL

Научная статья / Research Article

Международно-правовой механизм легитимации военной операции США и их союзников в Сирии: для учёта в международно-правовой политике России

А.М. Корженяк

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, *г. Москва, Российская Федерация*
mihkor@gmail.com

Аннотация. С учётом повышения состязательности международно-правовых позиций государств внимательное изучение конкретных случаев разработки и воплощения зарубежными странами (прежде всего США) механизма легитимации вооружённых вторжений на территории иностранных государств является актуальным для обогащения отечественной науки и стимулирования разработки собственных новаторских идей в целях повышения качества международно-правовой политики России, в том числе международно-правового сопровождения СВО на Украине. Анализ опыта других стран позволяет выявить закономерности, способные облегчить прогнозирование дальнейших международно-правовых манёвров этих государств, обнаружить слабые места, противоречия, которые, во-первых, следует избегать самим, а, во-вторых, стратегически использовать для оказания надлежащего воздействия на преобладающее на данный момент прозападное международное правосознание. Цель исследования – выявить содержание международно-правового механизма легитимации военной операции США и их союзников в Сирии. Материалы исследования – документы международного и национального характера, международно-правовая литература, материалы СМИ. Применён интегративный подход с использованием методов юридического толкования, аналогии, институционального анализа, правового моделирования. В результате исследования предложено выделять три блока используемых США аргументов в пользу правомерности применения силы в Сирии начиная с 2014 г., развивавшихся ими на различных этапах развития конфликта: гуманитарная интервенция/терминология концепции «обязанности защищать» (R2P); право на (коллективную) самооборону; «предвосхищающая (упреждающая) гуманитарная интервенция». Развитие этих доводов подпитывается изобретательными международно-правовыми концепциями: «упреждающей самообороны», «неминуемой угрозы», «односторонних военных действий против государств, угрожающих международной безопасности», «национальной самообороны против неминуемой или постоянной угрозы», «критерием нежелания или неспособности», теориями «защиты граждан США за рубежом», «накопления событий». Таким образом, столь обширная и разнородная юридическая аргументация затмевает отсутствие формулирования Советом Безопасности ООН политики

© Корженяк А.М., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

по урегулированию кризиса путём вооружённого вмешательства и вывода о том, что он может быть урегулирован только посредством применения силы.

Ключевые слова: интервенция в Сирию, международно-правовая легитимация, гуманитарная интервенция, концепция «обязанности защищать», коллективная самооборона, упреждающая самооборона, предвосхищающая гуманитарная интервенция, «критерий нежелания или неспособности», доктрина «неминуемой угрозы»

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию:01 января 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Корженяк А.М. Международно-правовой механизм легитимации военной операции США и их союзников в Сирии: для учёта в международно-правовой политике России // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 310–330. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-310-330 EDN: DGBAFL

International Legal Mechanism for Legitimizing the Military Operation of the United States and its Allies in Syria: Implications for Russia's International Legal Policy

Anastasia M. Korzhenyak ✉

Moscow State Institute of International Relations (University), *Moscow, Russian Federation*
✉mihkor@gmail.com

Abstract. Given the increasingly adversarial character of states' international legal positions, a detailed case study of the development and implementation of mechanisms used by foreign states (primarily the United States) to legitimize armed incursions into foreign territory appears timely and warranted. Such an inquiry is relevant both for enriching Russian legal scholarship and for stimulating the development of innovative approaches aimed at improving the quality of Russia's international legal policy, including the international legal support of the special military operation in Ukraine. Analyzing the practice of other states makes it possible to identify patterns that may facilitate the prediction of their future international legal maneuvers and to reveal weaknesses and inconsistencies that should be avoided domestically and, where appropriate, used strategically to influence the currently prevailing pro-Western international legal consciousness. The purpose of this article is to identify and reconstruct the content of the international legal mechanism used to legitimize the military operation conducted by the United States and its allies in Syria. The research materials consist of international and national documents, international legal literature, and relevant media sources. Methodologically, the study employs an integrative approach, drawing on methods of legal construction, analogy, institutional analysis, and legal modeling. The analysis suggests that, since 2014, the United States has relied on three principal sets of arguments to defend the lawfulness of the use of force in Syria, elaborated at different stages of the conflict: (1) humanitarian intervention and the associated "responsibility to protect" (R2P) discourse; (2) the right to (collective) self-defense; and (3) "anticipatory (preemptive) humanitarian intervention". The development and refinement of these argument clusters have been underpinned by a large range of inventive international legal constructs, including "preemptive self-defense", "imminent threat", "rogue states", "national self-defense against an imminent or continuing threat", "the unwilling or unable test", "protection of US citizens abroad", and "the accumulation of events" theory. Taken together, this

extensive and heterogeneous body of legal reasoning tends to obscure the absence of any UN Security Council decision formulating a policy of armed intervention to resolve the Syrian crisis or a determination that the crisis could only be addressed through the use of force.

Key words: intervention in Syria, international legal legitimation, humanitarian intervention, responsibility to protect (R2P), collective self-defense; preemptive self-defense, anticipatory humanitarian intervention, "unwilling or unable" test, "imminent threat" doctrine

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 01st January 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Korzhenyak, A.M. (2026) International Legal Mechanism for Legitimizing the Military Operation of the United States and its Allies in Syria: Implications for Russia's International Legal Policy. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 310–330. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-310-330 EDN: DGBAFL

Введение

Как выразился бывший юрисконсульт Госдепартамента США, ныне профессор международного права Йельской школы права, Г. Х. Ко, «в обязанности юриста не входит просто повторять, что „правило есть правило", особенно когда так называемое „правило" не настолько чёрно-белое, как некоторые утверждают», поэтому всегда необходимо искать «лучший юридический ответ»[1] для легитимации поведения государства, его международно-правовой позиции[2].

Следует признать повышение изобретательности американских юристов при продумывании механизма международно-правовой легитимации вторжения в Сирию в 2014 г. по сравнению с интервенциями в Ирак в 2003 г. (Vylegzhanin & Korzhenyak, 2025a; Vylegzhanin & Korzhenyak, 2025b) и в Ливию в 2011 г. (Korzhenyak, 2025a; Korzhenyak, 2025b). Действительно, решение о применении силы в Сирии потребовало «новаторского доктринального обоснования» (Hughes, 2019:922), стимулированного в том числе оказанным прежде всего Россией и Китаем противодействием очередному использованию концепции «обязанности защищать» (*the responsibility to protect*, далее также – R2P)[3] в целях смены режима.

Было несколько факторов, обусловивших столь отличную от ситуации с Ливией реакцию Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) на сирийский кризис. Во-первых, уровень региональной поддержки был различный. Быстрое осуждение Лигой

[1] Koh H. H. Syria and the Law of Humanitarian Intervention (Part III – A Reply). Blog of the European Journal of International Law (October 12, 2013). URL: https://www.ejiltalk.org/syria-and-the-law-of-humanitarian-intervention-part-iii-a-reply/ (дата обращения: 12.07.2024).

[2] См. подробнее о вопросах толкования и применения понятия «международно-правовая легитимация»: (Korzhenyak, 2024:162–183).

[3] Letter dated 26 July 2002 from the Permanent Representative of Canada to the United Nations addressed to the Secretary-General, transmitting the Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty entitled "The Responsibility to Protect" (December 2001). A/57/303. URL: https://digitallibrary.un.org/record/474192?ln=fr&v=pdf (дата обращения: 16.09.2023); резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) от 16 сентября 2005 г. № 60/1 «Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.». URL: https://docs.un.org/A/RES/60/1 (дата обращения: 03.05.2024).

арабских государств (далее – ЛАГ) действий ливийского президента М. Каддафи и призывы к созданию бесполётной зоны в Ливии контрастировали с её первоначально осторожной реакцией на ситуацию в Сирии. Ливан, единственный тогда член ЛАГ в СБ ООН, настаивал на том, чтобы СБ принял меры в отношении Ливии, но при этом первоначально защищал сирийское правительство. ЛАГ начала играть ведущую роль в сирийском кризисе только во второй половине 2011 г. Во-вторых, в то время как значительное число ключевых ливийских чиновников отвернулось от режима и подало в отставку (включая руководство постпредства Ливии при ООН), в Сирии правящий режим сохранил официальную лояльность большинства высокопоставленных правительственных чиновников в первые месяцы кризиса. В-третьих, статус Ливии как «государства-изгоя», не имеющего влиятельных союзников, контрастирует с Сирией, поддерживающей тесные отношения с Россией и Ираном. В-четвёртых, публичные заявления Каддафи о том, что он «очистит» страну от «тараканов», были расценены как «подстрекательство к совершению преступлений против человечности», в то время как президент Б. Асад делал примирительные заявления о том, что «сирийская армия не нападает на мирных жителей, а только на террористов». Наконец, некоторым членам СБ ООН не хотелось ввязываться в ещё одну вооружённую интервенцию (Momani & Hakak, 2016:897).

С учётом описанной сложившейся ситуации проанализируем, какую международно-правовую квалификацию фактических обстоятельств предложили США, а также какие международно-правовые аргументы в пользу легитимности вооружённого вторжения в Сирию в зависимости от фактических обстоятельств на различных стадиях развития конфликта прорабатывались юристами Госдепартамента.

Предложенные США международно-правовые оценки фактов

Вашингтон активно продвигает на дипломатических площадках и в медиапространстве своё восприятие происходящих событий в Сирии и устраивающие их международно-правовые оценки этих фактических обстоятельств. Так, заявляется, что с марта 2011 г. правительство и оппозиционные группировки в Сирии находятся в состоянии вооружённого конфликта. Положило начало затянувшемуся кризису якобы «жестокое подавление» президентом Б. Асадом протестов в 2011 г., которое быстро переросло в вооружённый конфликт международного характера в масштабах всей страны, характеризующийся «массовыми зверскими преступлениями, включая применение химического оружия»[4]. «В районах, находящихся под контролем правительства, систематически происходят произвольные аресты, пытки, насильственные исчезновения и смерть в заключении; в районах, ранее удерживаемых оппозицией, правительство вводит произвольные ограничения на свободу передвижения и лишает людей их собственности»[5]. С 2011 г. зафиксировано более 130 тыс. случаев произвольных задержаний, похищений или исчезновений, в большинстве случаев «по вине правительства».

В ходе конфликта «сирийские правительственные войска были усилены российскими ВКС», авиаудары которых начались в сентябре 2015 г. С начала конфликта

[4] Как Сирию обвиняли в применении химического оружия. ТАСС, 9 апреля 2018 г. URL: https://tass.ru/info/5108148 (дата обращения: 03.06.2024).

[5] Комиссия по расследованию ситуации в Сирии: в этом конфликте нет участников с незапачканными руками. ООН, 15 сентября 2020 г. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/09/1385802 (дата обращения: 03.06.2024).

погибло не менее 580 тыс. человек, включая более 306 тыс. гражданских лиц, согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ). Почти 13 млн человек были вынуждены покинуть свои дома, включая 6,7 млн сирийских беженцев[6].

Как утверждается, тяжёлая ситуация в Сирии является «следствием неспособности Совета Безопасности ООН привлечь виновных к ответственности». С 2013 г. СБ ООН принял десятки резолюций по ситуации в Сирии, однако «ни одна из них не была выполнена в полном объёме, а сирийское правительство напрямую нарушило многие из них». Россия и Китай совместно наложили вето на десять проектов резолюций по Сирии, и отдельно РФ наложила вето ещё на восемь, «систематически выгораживая Сирию от привлечения к международной ответственности»[7]. Постоянный представитель США при ООН С. Райс заявила, что голосование отражает, что «два постоянных члена СБ ООН готовы защищать Асада до победного конца»[8].

Заявляется, что с каждой «неудачей СБ ООН» в привлечении сирийского правительства к ответственности за свои действия «силы президента Б. Асада применяли всё более жёсткие вооружённые меры». В результате Сирия превратилась в «худший в мире случай продолжающихся массовых зверств, перемещения гражданского населения и гуманитарной катастрофы» (Adams, 2015:5).

Представление и интерпретация фактов в подобном ключе продолжаются и по сей день. Так, в докладе УВКПЧ говорится, что задокументированы «нарушения и злоупотребления», в том числе совершённые сирийским правительством, среди них упомянуты «произвольные задержания, пытки и жестокое обращение, сексуальное и гендерное насилие, насильственные исчезновения и похищения»[9]. Делается особый акцент на том, что даже несмотря на принятое 16 ноября 2023 г. Международным Судом ООН (далее – МС ООН) постановление о временных мерах[10], обязывающее Сирию в соответствии со своими обязательствами по Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. принять все зависящие от неё меры для предотвращения таких актов, сирийское правительство якобы продолжает их совершать, в том числе «намеренно препятствует усилиям семей узнать о судьбе и местонахождении своих близких»[11].

---

[6] Syria. Global Centre for the Responsibility to Protect, Ralph Bunche Institute for International Studies, New York, May 31, 2024. URL: https://www.globalr2p.org/countries/syria/ (accessed: 03.06.2024).

[7] Remarks at a UN General Assembly Meeting, Ambassador Richard Mills, Deputy U.S. Representative to the United Nations "Following Russia's Veto of a UN Security Council Resolution on the Syria Cross-Border Humanitarian Mechanism" (July 21, 2022). URL: https://sy.usembassy.gov/remarks-at-a-un-general-assembly-meeting-following-russias-veto-of-a-un-security-council-resolution-on-the-syria-cross-border-humanitarian-mechanism/ (accessed: 15.03.2024).

[8] *Gladstone R. Friction* at the U.N. as Russia and China Veto Another Resolution on Syria Sanctions. The New York Times, July 19, 2012. URL: https://www.nytimes.com/2012/07/20/world/middleeast/russia-and-china-veto-un-sanctions-against-syria.html (accessed: 15.03.2024).

[9] См., напр.: Report by the UN Human Rights Office "The Dire Human Rights Situation Facing Syrian Returnees" (February 2024). URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/syria/20240209-report-syrian-returnees.docx (accessed: 15.03.2024).

[10] Application of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Canada and the Netherlands v. Syrian Arab Republic), Order of 16 November 2023. ICJ. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/188/188-20231116-ord-01-00-en.pdf (accessed: 07.08.2024).

[11] Syria. Op. cit. (May 31, 2024).

Особенно эффективен неутомимо применяемый приём «обличения» правительства Сирии в «грубых нарушениях международного права», продолжающихся «на протяжении более десяти лет», что выражается в совершении «бесчисленных нападений на мирных жителей и гражданскую инфраструктуру», «военных преступлений и преступлений против человечности», за что оно остаётся безнаказанным. «Убийства, пытки и сексуальное насилие» квалифицированы в качестве инструмента «*государственной политики*»[12].

Ниже по мере раскрытия использованной США международно-правовой аргументации для легитимации вооружённого вторжения в Сирию дополнительно приводятся подкрепляющие эти юридические доводы и переплетающиеся с ними примеры прагматичного толкования фактов.

Использованные США международно-правовые доводы в пользу легитимности вооружённого вторжения в Сирию

В международно-правовой литературе сирийский конфликт предлагается условно разделить на три этапа: 1) «мятеж гражданского населения и вооружённое восстание» (2011-2013 гг.); 2) вовлечение «Хизбаллы» и химические атаки (2013–2014 гг.); 3) активизация «Исламского государства*» (далее также – ИГ*, ранее до 29 июня 2014 г. – ИГИЛ*) и президентские выборы (с 2014 г.) (Momani & Hakak, 2016). С 8 декабря 2024 г., когда пал режим Асада после захвата оппозицией Дамаска[13], можно говорить о четвёртом этапе кризиса. К меняющимся фактическим обстоятельствам конфликта, разраставшегося за счёт вовлечения новых участников, приспосабливались и прорабатываемые международно-правовые обоснования допустимости применить силу.

Разработанная аргументация

I. После неудачной попытки в очередной раз воспользоваться концепцией «обязанности защищать» (R2P), которая была «успешно» задействована в Ливии (Korzhenyak, 2025a; Korzhenyak, 2025b), в целях получения санкции СБ ООН формально она (её составные элементы и руководящие принципы) всё же продолжает выступать основным аргументом в пользу правомерности применения силы в Сирии на первом и втором этапах развития кризиса. Иными словами, по сути, раскручивается аргумент «***гуманитарной интервенции»***, утверждающий, что государства могут использовать силу за рубежом для *предотвращения гуманитарной катастрофы или прекращения широкомасштабных и серьёзных нарушений прав человека **(граждан иностранного государства)***[14]. Однако сразу оговоримся: Белый дом придерживается стратегии не использовать этот термин прямо выраженным образом (зная, что натолкнётся на противодействие в СБ ООН, особенно после неудачи с

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[12] Syria. Op. cit. (May 31, 2024).

[13] CNN. December 8, 2024: Syria civil war news. URL: https://edition.cnn.com/world/live-news/syria-civil-war-12-08-2024/index.html (accessed: 09.12.2024).

[14] См.: *Williams P. R., Ulbrick J. T., Worboys J. P.* Preventing Atrocity Crimes in Syria: The Responsibility to Protect. New Atlanticist, September 10, 2012. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/preventing-atrocity-crimes-in-syria-the-responsibility-to-protect/ (accessed: 16.09.2023).

R2P), но, очевидно, что он продолжает опираться на отличительные признаки, обоснования, лежащие в основе этих смежных доктрин, пытаясь влиять на общее международное правосознание при помощи других площадок, в частности ГА ООН и Совета по правам человека (далее – СПЧ). Для продвижения «гибкого» толкования п. 4 ст. 2 Устава ООН расчёт делается на сочетание доводов о гуманитарной интервенции с другими правовыми основаниями (защитой жизни граждан за рубежом, осуществлением права на коллективную самооборону, в том числе в рамках региональных международных договоров в сфере безопасности и т. д.).

– Важным элементом обоснования становится наличие *предварительного решения Совета Безопасности ООН*, оценившего *серьёзность* конкретной ситуации и определившего её как «серьёзный кризис, угрожающий международному миру и безопасности»[15]: в резолюции СБ ООН № 2042 от 14 апреля 2012 г.[16] представлен «план из шести пунктов» К. Аннана, нацеленный на «немедленное прекращение насилия и нарушений прав человека», «обеспечение гуманитарного доступа», содействие «политическому переходу к демократической, плюралистической политической системе»; резолюцией СБ ООН № 2043 от 21 апреля 2012 г. создана Миссия ООН по наблюдению в Сирии, МООННС; в резолюции СБ ООН № 2118 от 27 сентября 2013 г. осуждается «убийство гражданского населения» в результате применения химического оружия, подтверждается, что «применение химического оружия является серьёзным нарушением международного права»; в резолюции СБ ООН № 2139 от 22 февраля 2014 г. выражена «серьёзная тревога по поводу значительного и быстрого ухудшения гуманитарной ситуации в Сирии, в частности ужасного положения сотен тысяч гражданских лиц, оказавшихся в осаждённых районах, большинство которых осаждены *сирийскими вооружёнными силами*»; в резолюции СБ ООН № 2165 от 14 июля 2014 г. осуждаются «непрекращающиеся повсеместные нарушения прав человека и норм международного гуманитарного права сирийскими властями»; в аналогичном ключе приняты резолюции СБ ООН № 2170 от 15 августа 2014 г., № 2178 от 24 сентября 2014 г. и последующие.

– Аргумент «гуманитарной интервенции» убедителен при расширительном толковании п. 4 ст. 2 Устава ООН: исключением из общего правила о воздержании от применения силы в международных отношениях называется защита прав человека, поскольку она *совместима с целями ООН* в силу п. 3 ст. 1 Устава ООН. Применено такое толкование п. 4 ст. 2 Устава ООН, когда в качестве существенного условия данного правового положения понимается «несовместимость с целями ООН».

Показательно, что этот тезис заявлен не впервые, как минимум ещё при интервенции НАТО в Югославию использовались те же самые доводы. Бывший судья Международного Суда ООН К. Гринвуд (Великобритания) писал, что «жёсткий подход к международному праву» как запрещающему применение силы в общем и гуманитарную интервенцию в частности игнорирует тот факт, что международное право и Устав ООН «не основываются исключительно на принципах невмешательства и уважения суверенитета государства»: «ценности, на которых зиждется меж-

[15] Условие наличия предварительной оценки СБ ООН серьёзности ситуации является важным улучшением британскими юристами доктрины гуманитарной интервенции, произведённым при разработке обоснования интервенции НАТО в Югославию в 1999 г. (Lowe, 2000:937–939).

[16] Здесь и далее документы ООН приводятся по сайту Security Council Report (UN Documents for Syria). URL: https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/syria/ (дата обращения: 05.05.2023).

дународно-правовая система, также включают в себя уважение прав человека и достоинства и ценности человеческой личности», «защита этих прав является одной из целей ООН и международного права», «***международное право не требует, чтобы уважение суверенитета и целостности государства во всех случаях имело приоритет над защитой прав человека и человеческой жизни***»[17].

– Обвинение правительства Сирии в попрании принципов и норм международного права, «обличение» его в «*грубых нарушениях международного права*», в частности, нарушении *прав человека* (особенно женщин и детей), а также в применении *химического оружия* (далее также – ХО)[18] *против собственного населения*, в частности в августе 2013 г.[19], следствием чего стало наличие или приближение «*неминуемой гуманитарной катастрофы*»[20].

– Использование эффекта, оказываемого продолжением задействования терминологии ***концепции R2P***: в документах, разрабатываемых Глобальным центром по вопросам обязанности защищать при Институте международных исследований им. Р. Банча в Нью-Йорке, «*обязанность защищать*» названа «*международной нормой*»[21], единогласно принятой главами государств и правительств на Всемирном саммите в 2005 г.[22] и направленной на «предотвращение и прекращение геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». Сирийское правительство «не выполняет эту обязанность» по отношению к своим гражданам, совершение им «зверских преступлений» (подразумеваются геноцид, преступления против человечности и военные преступления)[23] рассматривается как нарушение нормы *jus cogens*, концепция R2P предоставляет международному сообществу право вмешаться в целях прекращения или предотвращения совершения таких преступлений, а поскольку речь идёт об императивной норме общего международного права, этим могут оправдываться действия в том числе «в случае отсутствия санкции со стороны СБ ООН»[24].

США, может, и стараются в этом конфликте избегать буквального употребления термина R2P, но всё равно используют критерии и доводы, лежащие в основе обоснования правомерности этой концепции, в частности, применяют «***критерий нежелания или неспособности***» (“*the unwilling or unable test*”), а это, по сути, один

[17] Memorandum submitted by Christopher Greenwood QC, November 22, 1999, para 14. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm199900/cmselect/cmfaff/28/0020802.htm (accessed: 03.05.2024).
[18] Barack Obama warns Syria chemical arms a ‘game changer’. BBC News, 26 April 2013. URL: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-22318749 (accessed: 03.05.2024).
[19] См. резолюцию СБ ООН № 2118 от 27 сентября 2013 г.; Report of the UN Mission to Investigate Allegations of the Use of Chemical Weapons in the Syrian Arab Republic on the alleged use of chemical weapons in the Ghouta area of Damascus on 21 August 2013. S/2013/553. 13 September 2013. URL: https://digitallibrary.un.org/record/756814?v=pdf (accessed: 03.05.2024).
[20] Доклад Генерального секретаря об осуществлении резолюции 2139 (2014) Совета Безопасности. 22 мая 2014 г. S/2014/365. URL: https://docs.un.org/S/2014/365 (дата обращения: 05.05.2024).
[21] Global Centre for the Responsibility to Protect. R2P Monitor, Issue 69, 1 June 2024. Ralph Bunche Institute for International Studies, New York. URL: https://www.globalr2p.org/publications/r2p-monitor-issue-69-1-june-2024/ (accessed: 06.06.2024).
[22] Резолюция ГА ООН № 60/1, пп. 138-140.
[23] Letter dated 22 January 2016 from the Secretary-General of the United Nations addressed to the President of the General Assembly and the President of the Security Council. Annex “Framework of Analysis for Atrocity Crimes”. A/70/741–S/2016/71. 16 February 2016. URL: https://docs.un.org/A/70/741 (accessed: 16.03.2024).
[24] *Williams P. R., Ulbrick J. T., Worboys J. P.* Op. cit.

из основных принципов данной концепции[25] (*первый вариант* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии). Более того, этот критерий получит своё дальнейшее развитие, будет адаптирован к меняющимся реалиям и сыграет немаловажную роль в легитимационном процессе на последующих этапах, уже не в качестве стандарта гуманитарной интервенции и R2P, а в другом самостоятельном блоке аргументов, связанных с *террористической угрозой*.

– Указанный выше аргумент о совершении сирийским правительством международно-противоправных деяний получает подкрепление доводом о том, что спровоцированный этим *поток беженцев* в соседние страны[26] (Иордания и Ливан) представляет собой «*угрозу международному миру и безопасности*», поскольку создаёт экономические и политические трудности.

– Интервенция осуществляется на основе ***«согласия легитимного правительства»***: «Сирийский национальный совет» (оппозиция) политически признан США 12 декабря 2012 г. единственным *«легитимным представителем» сирийского народа* (Великобритания сделала это на несколько недель раньше – 20 ноября 2012 г., следуя примеру ряда других государств)[27].

После такого признания США могли бы рассчитывать на согласие Совета применить силу против Б. Асада (и его химического оружия), но в таком случае нужно, чтобы достаточно большое число государств отказалось продолжать признавать правительство Асада в качестве единственного легитимного представителя сирийского народа, также признание должно быть не просто политическим, а *юридическим.* Альтернативный подход заключается в признании оппозиции не просто «легитимным представителем» народа (но всё же негосударственной вооружённой группировкой), а в качестве «*фактического правительства*» Сирии. Тогда действия по оказанию помощи могут быть переквалифицированы в оказание поддержки сирийскому правительству[28].

Заявлялось также, что запрет на оказание поддержки оппозиционным группировкам не применяется в тех случаях, когда иностранные государства оказывают поддержку правительству, *вовлечённому в гражданскую войну*. Этот аргумент основан на ***противоречии*** поддержки правительства, теряющего власть, в разгар гражданской войны ***принципу самоопределения***. Помощь в условиях гражданской войны, однако, разрешена в тех случаях, когда имело место «*контрвмешательство*» со стороны иностранного государства в поддержку другой стороны конфликта. Поэтому прорабатывался и сценарий ожидаемого вмешательства России в поддержку

[25] См. п. 139 резолюции ГА ООН № 60/1.

[26] Potential Cross-Border Assistance from Turkey to Syria. Syria Needs Analysis Project, April 2014. 11 p.

[27] Obama Recognizes Syrian Opposition Group. ABC News, December 12, 2012. URL: https://abcnews.go.com/Politics/OTUS/exclusive-president-obama-recognizes-syrian-opposition-group/story?id=17936599 (accessed: 03.05.2024); Syria conflict: UK recognises opposition, says William Hague. BBC News, November 20, 2012. URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-20406562 (accessed: 03.05.2024).

[28] См.: *Akande D*. Self Determination and the Syrian Conflict – Recognition of Syrian Opposition as Sole Legitimate Representative of the Syrian People: What Does this Mean and What Implications Does it Have? Blog of the European Journal of International Law (December 6, 2012). URL: https://www.ejiltalk.org/self-determination-and-the-syrian-conflict-recognition-of-syrian-opposition-as-sole-legitimate-representative-of-the-syrian-people-what-does-this-mean-and-what-implications-does-it-have/ (accessed: 03.05.2024); *Akande D*. Would It Be Lawful for European (or other) States to Provide Arms to the Syrian Opposition? Blog of the European Journal of International Law (January 17, 2013). URL: https://www.ejiltalk.org/would-it-be-lawful-for-european-or-other-states-to-provide-arms-to-the-syrian-opposition/ (accessed: 03.05.2024).

сирийского правительства, которое позволило бы вмешаться в поддержку сирийской оппозиции[29]. Этот же аргумент может, однако, использоваться и для оправдания помощи правительству в случаях, когда иностранное государство оказывает помощь оппозиционной группировке, в целях укрепления принципа суверенитета и территориальной целостности этого государства.

– Довод об осуществлении ***права на самоопределение*** подтверждён в п. 15 резолюции СБ ООН № 2139 от 22 февраля 2014 г.

Во-первых, международное право допускает поддержку государством *группировок, борющихся за самоопределение*, в том числе предоставление им оружия. Подтверждающая это практика государств сложилась в 1960-1970-е гг. в период деколонизации, получила поддержку в ряде резолюций ГА ООН: государства поставляли оружие и другую военную помощь национально-освободительным движениям, ведущим борьбу за самоопределение против колониальных или расистских режимов. Как заявляется, в настоящее время принцип самоопределения не исчерпан и не ограничивается борьбой с колониальным или расистским господством, таким образом, указанный аргумент распространяется на все случаи самоопределения. В Сирии сложилась ситуация, когда народ «стремится осуществить своё право на самоопределение», и поэтому «правомерно поддерживать легитимных представителей этого народа, в том числе оружием»[30].

Во-вторых, оппозицию в Сирии можно рассматривать как часть народа, которому политический процесс «не позволил достичь внутреннего самоопределения», тогда право на самоопределение может быть реализовано иными способами[31], в данном случае *средством защиты права становится вооружённая борьба*[32].

Дополнительные аргументы

– Использована ссылка на подчинение применения силы в Сирии требованиям *необходимости и соразмерности*, являющимся ограничителями любого применения силы.

– Напоминается о ***«прецеденте» применения силы НАТО в Косово***: есть действительно «критические, хорошо обоснованные» случаи применения силы, на которые государства «должны идти, несмотря на формулировки Устава ООН», но их мало, и они не часто встречаются. Правительство США может, вероятно, справедливо полагать, что его не будут критиковать, если оно применит силу, чтобы «остановить неминуемое применение химического оружия диктатором против своих

[29] *Akande D*. Self Determination and the Syrian Conflict – Recognition of Syrian Opposition as Sole Legitimate Representative of the Syrian People: What Does this Mean and What Implications Does it Have? Blog of the European Journal of International Law (December 6, 2012). URL: https://www.ejiltalk.org/self-determination-and-the-syrian-conflict-recognition-of-syrian-opposition-as-sole-legitimate-representative-of-the-syrian-people-what-does-this-mean-and-what-implications-does-it-have/ (accessed: 03.05.2024); *Akande D*. Would It Be Lawful for European (or other) States to Provide Arms to the Syrian Opposition? Blog of the European Journal of International Law (January 17, 2013). URL: https://www.ejiltalk.org/would-it-be-lawful-for-european-or-other-states-to-provide-arms-to-the-syrian-opposition/ (accessed: 03.05.2024).

[30] Ibid.

[31] См.: Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 S.C.R. 217. URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do (accessed: 04.06.2024).

[32] *Akande D*. Op. cit. (December 6, 2012).

граждан», невзирая на международно-правовые нормы (Simma, 1999:1, 22; Franck, 2002; Schachter, 1991:126)[33].

– Также задействуется аргумент о том, что «*не существует практически осуществимой альтернативы применению силы*» по причине блокирования деятельности СБ ООН[34]. Заявляется, что после более чем годичных «тщетных дипломатических усилий» международное сообщество, похоже, «исчерпало все возможности». Череда мирных планов (таких как «План Кофи Аннана»), специальных посланников и санкций «не оказала никакого влияния на поведение режима Асада». Однако Совет Безопасности ООН «снова зашёл в тупик и неэффективен» в этом кризисе, поскольку Россия и Китай наложили вето на резолюции, «направленные на то, чтобы заставить режим Асада прекратить нападения на мирных жителей»[35].

В рамках первого блока аргументов можно выявить следующие *задачи*, которые должна была решить *гуманитарная интервенция*: 1) ***узкая гуманитарная задача*** – защита сирийцев от других химических атак; 2) ***задача сдерживания*** – сдерживание и ослабление потенциала дальнейшего применения химического оружия сирийским режимом. В рамках этой задачи в некоторых заявлениях США открыто обсуждаются два уровня сдерживания: *1-й уровень* – наказать режим Асада за применение ХО как сдерживающий фактор от его повторного использования и как предупреждение для будущих лидеров; *2-й уровень* – сдерживание гуманитарных нарушений *в будущих конфликтах*[36] (этот аргумент считается спорным даже в американских политических и научных кругах)[37]. 3) Очевидно, что была поставлена и ***масштабная задача*** в виде свержения режима Б. Асада, для решения которой необходимо продемонстрировать «лучшую альтернативу» либо хотя бы план по её созданию, чтобы наглядно доказать, что «смена режима» может быть «*приемлемой гуманитарной целью*» (в качестве примера приводится режим геноцида в Руанде в 1994 г.). К тому же, если это правительство готово использовать химическое оружие, то единственный способ остановить его от дальнейшего применения – это убрать его (по аналогии с аргументацией при вторжении в Ирак в 2003 г. и в Ливию в 2011 г.).

Бывший юрисконсульт МИД Великобритании Д. Бетлхем заявил, что с учётом гибели и получения ранений многих тысяч людей в Сирии, миллионов беженцев и внутренне перемещённых лиц и наличия реальной перспективы значительного увеличения их числа в случае применения химического оружия, есть «серьёзные

[33] См. также: *Deeks A.* Syria, Chemical Weapons, and Possible U.S. Military Action. Lawfare, December 10, 2012. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/syria-chemical-weapons-and-possible-us-military-action (accessed: 03.05.2024); Akande D. The Legality of Military Action in Syria: Humanitarian Intervention and Responsibility to Protect. Blog of the European Journal of International Law (August 28, 2013). URL: https://www.ejiltalk.org/humanitarian-intervention-responsibility-to-protect-and-the-legality-of-military-action-in-syria/ (accessed: 03.06.2024).

[34] Тоже по аналогии с Косово. Особенно это явно выражено в международно-правовой позиции Великобритании, но, на наш взгляд, с учётом некоторых допущений её можно рассматривать в одном ряду с американской позицией. См.: Prime Minister's Office. Policy paper. Syria Action – UK Government Legal Position (April 14, 2018), para (ii). URL: https://www.gov.uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position/syria-action-uk-government-legal-position (accessed: 03.05.2024).

[35] Williams P. R., Ulbrick J. T., Worboys J. P. Op. cit.

[36] См.: *S.J.Res*.21 (introduced September 6, 2013) – Joint Resolution to Authorize the Limited and Specified Use of the United States Armed Forces against Syria, Section 2(4)(a). URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-joint-resolution/21/text (accessed: 15.07.2023).

[37] Verdirame G. The Law and Strategy of Humanitarian Intervention. Blog of the European Journal of International Law (August 30, 2013). URL: https://www.ejiltalk.org/the-law-and-strategy-of-humanitarian-intervention/ (accessed: 03.05.2024).

основания считать гуманитарную интервенцию обоснованной причиной для любых действий». Хотя санкционирование СБ ООН на основании главы VII Устава ООН было бы предпочтительнее, это «не единственная доступная правовая основа для действий по устранению реальной и существенной угрозы применения химического оружия»[38].

По сути, Великобритания «пытается изменить действующее международное право», заявляя о своей международно-правовой позиции и ожидая реакции других субъектов международного права, которые, вполне возможно, тем или иным образом одобрят её мнение (даже молчаливо) или заявят о своей солидарности[39], тем самым способствуя формированию обычая как обоснования *ex post facto* (Crawford & Viles, 1994; Lowe, 2000:934). Делая заявление, которое «противоречит международному праву», она «парадоксальным образом действует в рамках системы международного права», настаивая на том, что её позиция уже сформирована в качестве международного обычая, и надеясь на то, что со временем это видение разделят и другие государства[40].

II. Аргумент о «совершении международно-противоправного деяния правительством Б. Асада» в виде «применения *химического оружия*», изначально прорабатывавшийся как основание для проведения гуманитарной интервенции (по терминологии концепции R2P это квалифицировано как совершение сирийским правительством военного преступления против собственного населения), параллельно получил развитие в виде основания для задействования права на ***(коллективную) самооборону***[41]. Так, помимо *первого аспекта* довода о применении химического оружия в виде наличия *опасности для сирийского населения*, был задействован *второй аспект* в виде представления «***непосредственной угрозы национальной безопасности США и соседних с Сирией стран***». Этот второй аспект был аргументирован следующим образом:

– применение химического оружия Сирией, скорее всего, затронет соседние (и дружественные) государства, в частности, Иорданию, Турцию, Израиль; в зависимости от географического места применения ХО и атмосферных условий отравляющее вещество может переместиться через государственные границы, и это будет считаться «*вооружённым нападением на соседнее государство*»;

– соседние государства могут учитывать готовность сирийского режима применить химическое оружие при анализе того, представляет ли будущая военная активность Сирии вблизи их границ «*непосредственную угрозу вооружённого нападения*» (например, если химическое оружие может распространиться за пределы сирийской границы), так что другое государство (государства) может действовать в порядке «***упреждающей самообороны***» (*preemptive self-defense*) как легитимной разновидности «*предвосхищающей* самообороны» (*anticipatory self-defense*);

---

[38] Bethlehem *D.* A Brief Reply on the Legal Bases for Intervention in Syria. Opinio Juris, in association with the International Commission of Jurists, December 08, 2012. URL: http://opiniojuris.org/2012/12/08/a-brief-reply-on-the-legal-bases-for-intervention-in-syria/ (accessed: 03.05.2024).

[39] Milanovic M. Breaking: UK Government Discloses Legal Rationale for Syria Intervention. Blog of the European Journal of International Law (August 30, 2013). URL: https://www.ejiltalk.org/breaking-uk-government-discloses-legal-rationale-for-syria-intervention/ (accessed: 03.05.2024).

[40] Akande D. Op. cit. (August 28, 2013).

[41] The White House. Letter from the President – War Powers Resolution Regarding Syria. September 23, 2014. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/23/letter-president-war-powers-resolution-regarding-syria (accessed: 03.05.2024); *Deeks A., Daskal J., Goodman R.* Strikes in Syria: The International Law Framework. Lawfare, September 24, 2014. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/strikes-syria-international-law-framework (accessed: 03.05.2024).

– в «*национальных интересах*» США необходимо: 1) обеспечить нераспространение оружия массового уничтожения (ОМУ); 2) защитить союзников (соседние и дружественные государства) и американские базы в регионе[42]. Эти задачи позволит выполнить доктрина «***предвосхищающей коллективной самообороны***» (*anticipatory collective self-defense*), особенно если соответствующие соседние государства уже *попросили США вмешаться от их имени*[43].

Параллельно с обвинениями сирийского правительства в жестоком обращении с собственным населением, в «неспособности и нежелании его защитить», а также с имеющейся вероятностью квалификации применения ХО в качестве «вооружённого нападения» на соседнее с Сирией государство, Вашингтон начинает подключать ещё один, более эффективный аргумент наличия ***террористической угрозы*** (*третий аспект*), сочетание которых образуют качественно новое международно-правовое обоснование, апробируемое на исследуемом кризисе.

Таким образом, США заблаговременно осуществляли юридическую проработку следующих прогнозных сценариев развития событий: 1) Сирия готовится применить химическое оружие против собственных граждан (гуманитарная интервенция/R2P); 2) потенциальная квалификация применения Сирией ХО в качестве «вооружённого нападения на соседнее(-ие) государство(-а)» (коллективная самооборона) либо в качестве «непосредственной угрозы вооружённого нападения» (упреждающая коллективная самооборона); 3) химическое оружие Сирии попадает в руки террористов и экстремистов, например, такой группировки, как «Хизбалла»[44] (коллективная самооборона/упреждающая самооборона). Эти три сценария развития событий легли в основу трёх аспектов аргумента о применении химического оружия в качестве оправдания применения силы (рис. 1).

Третий аспект стал продвигаться особенно интенсивно на втором и третьем этапах развития кризиса с вовлечением «Хизбаллы» и активизацией «Исламского государства[*]». Начиная с 2014 г. обоснование применения силы наличием террористической угрозы было усилено доводом о необходимости *борьбы с ИГ*[*], а также группировкой «Вилаят Хорасан[**]» (состоящей, по сообщениям, из боевиков «Аль-Каиды[***]»)[45]. Право на *коллективную самооборону* стало ключевым международно-правовым аргументом в пользу применения силы. Благодаря доводу о борьбе с терроризмом удалось заручиться *поддержкой других государств*, в частности, утверждалось следующее.

---

[*] Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[**] Структурное подразделение организации, признанной террористической решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С.

[***] Признана террористической организацией. Решение Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

[42] Deeks A. Chemical Weapons in Syria: Enough to Justify the Use of Force? Lawfare, April 26, 2013. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/chemical-weapons-syria-enough-justify-use-force (дата обращения: 03.05.2024); *Idem.* Op. cit. (December 10, 2012).

[43] «Просьба Турции в рамках НАТО <…> о предоставлении ЗРК «Пэтриот» для защиты от риска применения химического оружия Сирией предполагает возможность обоснования *коллективной самообороной* военного вмешательства с целью устранения такой угрозы». См.: Bethlehem D. Op. cit. (December 08, 2012).

[44] Выступала одним из союзников Б. Асада.

[45] U.S. Suspects More Direct Threats Beyond ISIS. The New York Times, September 20, 2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/09/21/world/middleeast/us-sees-other-more-direct-threats-beyond-isis-.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&version=HpHeadline&module=b-lede-package-region&region=top-news&WT.nav=top-news (accessed: 03.05.2024).

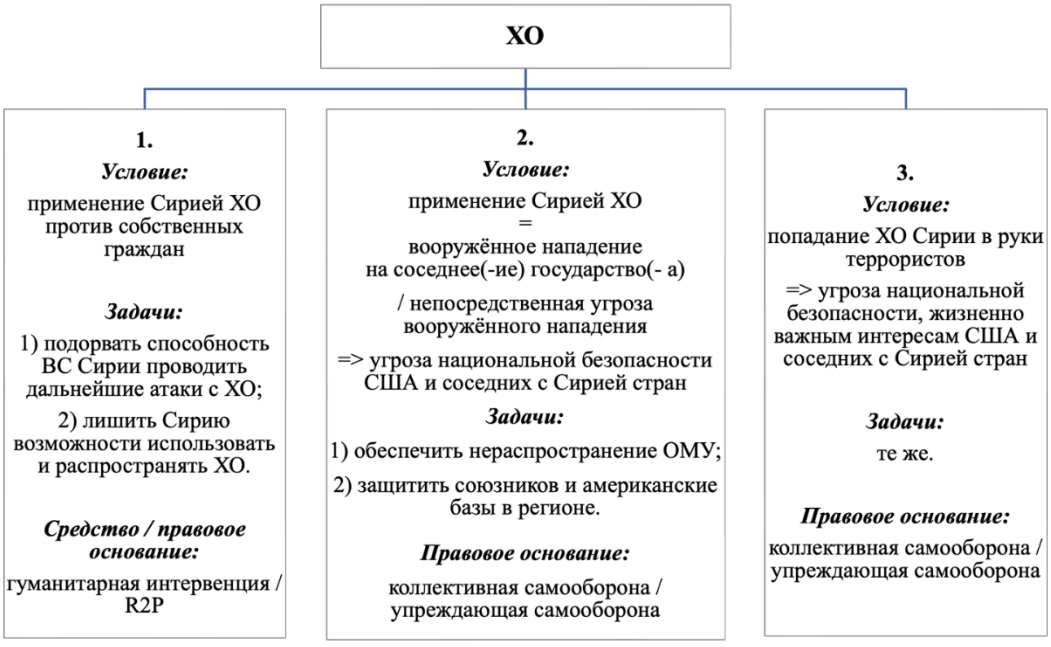

Рис. 1. Три аспекта довода о применении химического оружия, оправдывающего применение силы (на основе прогнозных сценариев)
Источник: схема разработана и создана А.М. Корженяк.

– Была *создана «международная коалиция»*: «к нам присоединились наши друзья и партнёры – Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Бахрейн и Катар», «Америка борется не в одиночку», «более 40 стран предложили свою помощь в этих всеобъемлющих усилиях по противостоянию террористической угрозе»[46].

– Помимо наличия *согласия и поддержки оппозиции*[47], в качестве обоснования приводится факт того, что сирийское правительство тоже «*не возражало* против ударов коалиции во главе с США против ИГИЛ[*]»[48].

Развитие аргументации в рамках «третьего аспекта» подпитывается рядом изобретательных международно-правовых концепций.

Во-первых, напоминается о ***концепции «упреждающей самообороны»***, нашедшей отражение в так называемой «*доктрине Буша*», согласно которой США остав-

[*] Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[46] The White House, *Statement by the President on Airstrikes in Syria.* (South Lawn. September 23, 2014. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/23/statement-president-airstrikes-syria (accessed: 03.05.2024).

[47] National Coalition of Syrian Revolution and Opposition Forces, Press Release "Airstrikes Against ISIS Positions Inside Syria" (September 23, 2014). URL: http://en.etilaf.org/press/airstrikes-against-isis-positions-inside-syria (дата обращения: 03.05.2024).

[48] Identical letters dated 25 May 2015 from the Permanent Representative of the Syrian Arab Republic to the United Nations addressed to the Secretary-General and the President of the Security Council. A/69/912–S/2015/371. URL: https://digitallibrary.un.org/record/794514?ln=ru&v=pdf (accessed: 03.05.2024); (Bannelier-Christakis, 2016:750–751).

ляют за собой право, не ожидая совершения на них вооружённого нападения, «*превентивно напасть на любую страну,* которая, по их мнению, представляет *значимую угрозу их национальной безопасности*»[49].

Во-вторых, акцент делается на лежащей в основе концепции «упреждающей самообороны» ***доктрине «неминуемой угрозы»*** (*imminent threat*), также иногда именуемой «*доктриной Обамы*» (Chesterman, 2011:282–284). Распространено мнение о том, что условие «неминуемости» делает «*упреждающую*» самооборону соответствующей международному праву и правомерной в отличие от концепции «*превентивной*» самообороны (не требующей наличия непосредственной угрозы) (Shiryaev, 2008:82–83; Brown, 2003:2–8). Критерий неминуемости и неотвратимости, по крайней мере в контексте боевых действий с участием террористических организаций, подразумевает «рассмотрение соответствующих возможностей для действий, оценку возможного вреда, который пропуск этих возможностей может нанести гражданскому населению, а также рассмотрение вероятности предотвращения будущих катастрофических атак на США»[50].

В этом контексте сделаны два концептуальных заявления: 1) если «Хизбалла» получит запас химического оружия, США будут рассматривать это как «неминуемую угрозу», учитывая, что «Хизбалла» уже совершала нападения на Соединённые Штаты; 2) США воспринимают и риск вооружённого нападения со стороны ИГ* как «неминуемую угрозу», поэтому они должны предпринять насильственные действия «до того, как эти нападения произойдут»[51]. Как мы видим, всячески подтягивается критерий «неминуемости», чтобы легитимировать «превентивные» действия, представив их в качестве «упреждающих», а значит – правомерных.

В-третьих, американцы продолжают продвигать ***концепцию «односторонних военных действий против государств, угрожающих международной безопасности (rogue states)»***, являющуюся продолжением и более узким, точечным применением концепции «предвосхищающей самообороны», подчёркивая, что «некоторые нормы международного права не вполне применимы к современным вызовам» в виде, в частности, террористической угрозы или угрозы, исходящей от правительств, нарушающих права человека своих граждан[52]. Здесь мы наблюдаем ловкое возвращение к выделенному нами «первому аспекту», сопряжённому с доктриной «гуманитарной интервенции» и концепцией R2P.

В-четвёртых, например, Э. Дикс (входящая в состав Консультативного комитета по международному праву Госдепартамента США и в 2021–2022 гг. являвшаяся

[49] Speech of G. Bush given at the United States Military Academy West Point, New York, June 1, 2002. URL: http://www.nytimes.com/2002/06/01/international/02PTEX-WEB.html (accessed: 03.12.2022).

[50] Remarks of John O. Brennan "Strengthening our Security by Adhering to our Values and Laws". Harvard Law School, September 16, 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/09/16/remarks-john-o-brennan-strengthening-our-security-adhering-our-values-an (accessed: 03.05.2024).

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[51] *Deeks A.* U.S. Airstrikes Against ISIS in Syria? Possible International Legal Theories. Lawfare, August 23, 2014. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/us-airstrikes-against-isis-syria-possible-international-legal-theories (accessed: 03.05.2024).

[52] Prepared Statement of John B. Bellinger III "The Use of Force: Strategic, Political, and Legal Considerations". Council on Foreign Relations, 2017. P. 6. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep29901 (accessed: 03.12.2022).

заместителем правового советника в Совете национальной безопасности) объединяет эти три указанные выше концепции в ***теорию «национальной самообороны против неминуемой или постоянной (сохраняющейся) угрозы»***[53] как разновидность осуществления права на индивидуальную самооборону.

В-пятых, продолжается раскрутка «***критерия нежелания или неспособности***» – одного из основных принципов R2P. Заявляется, что согласно этому стандарту государствам разрешается применять силу против представляющих угрозу и ответственных за нападения негосударственных военизированных группировок на территории суверенных государств, если они «не хотят или не могут предотвратить использование своей территории» этими группировками[54]. К этому обоснованию присоединились также Великобритания и Франция (Bethlehem, 2012)[55].

– Поскольку теперь речь шла прежде всего о военной операции против «Исламского государства*», при её проведении затрагивалась территория уже не только Сирии, но и Ирака (а затем и Ливии). Поэтому Вашингтон включил в механизм легитимации аргумент о том, что *правительство Ирака обратилось за помощью* в борьбе с ИГ*, следовательно, применение силы в Ираке оправдывается тем, что оно было осуществлено *с согласия и по просьбе иракского правительства*[56]. Это позволило сконструировать новую теорию в виде объединения ***«критерия нежелания или неспособности» с осуществлением права на коллективную самооборону с согласия и по просьбе правительства Ирака*** (*второй вариант* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии). Согласно этой теории, Соединённые Штаты помогают Ираку ответить на «*прямую и постоянную угрозу*», исходящую от ИГ*, совершающего нападения в Ираке из безопасных убежищ в Сирии[57]. Поэтому США утверждают, что им не нужно согласие сирийского правительства на нанесение авиаударов в Сирии, поскольку оно «*не может или не хочет*» бороться с ИГ* на своей территории. Эти авиаудары нанесены по районам, которые «больше не находятся под эффективным контролем сирийского правительства», они направлены против экстремистских группировок, которые «представляют непосредственную угрозу международному миру и безопасности»[58].

В-шестых, задействована ***теория «защиты граждан США»*** в Ираке в качестве дополнительного оправдания применения силы против ИГ* (менее убедительное обоснование, хотя и разрабатываемое в международно-правовой науке (Shiryaev,

[53] *Deeks A.* UK Air Strike in Syria (with France and Australia Not Far Behind). Lawfare, September 9, 2015. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/uk-air-strike-syria-france-and-australia-not-far-behind (accessed: 03.05.2024).

[54] A Letter to the Speaker of the House and President pro tempore of the Senate Consistent with the War Powers Resolution, February 27, 2021. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/27/a-letter-to-the-speaker-of-the-house-and-president-pro-tempore-of-the-senate-consistent-with-the-war-powers-resolution/ (accessed: 03.05.2024).

[55] См. также: *Deeks A.* Op. cit. (September 9, 2015).

[56] Letter dated 25 June 2014 from the Permanent Representative of Iraq to the United Nations addressed to the Secretary-General. S/2014/440. URL: https://digitallibrary.un.org/record/773863?v=pdf (accessed: 03.05.2024).

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[57] См. резолюции СБ ООН № 2170 от 15 августа 2014 г., № 2178 от 24 сентября 2014 г.

[58] Ban Ki-moon. Remarks at the Climate Summit press conference (including comments on Syria). September 23, 2014. URL: https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2014-09-23/remarks-climate-summit-press-conference-including-comments-syria (accessed: 03.05.2024).

2008:86–87), и, что примечательно, оно отсутствует в окончательном варианте письма, представленного в ООН)[59].

В-седьмых, повышению убедительности аргументации поспособствовала и так называемая ***доктрина «тактики укола иглой»*** (нем. *Nadelstichtaktik*, англ. *needle-prick theory* / *pin-prick doctrine*), также известная как «***теория накопления событий***» (*the accumulation of events theory*). Согласно этой доктрине, каждый конкретный террористический акт, хотя он и не может самостоятельно квалифицироваться как вооружённое нападение, может, принимая во внимание совокупность инцидентов, быть приравнен к вооружённому нападению, наделяющему государство-жертву правом ответить вооружённой силой (Shiryaev, 2008:95)[60]. Так, заявляется, что военные действия были предприняты в ответ не на «единичное нападение», а на «продолжающуюся серию нападений», количество которых «увеличивается в последние месяцы», для «пресечения и сдерживания таких нападений»[61].

III. Самым любопытным представляется объединение двух предыдущих блоков аргументов в аргумент в виде, по сути, нового вида гуманитарной интервенции – «***предвосхищающей (упреждающей) гуманитарной интервенции***» (*anticipatory (preemptive) humanitarian intervention*[62]), с одной стороны, в контексте геноцида, военных преступлений или преступлений против человечности (под которыми может подразумеваться применение ХО), в контексте *неминуемого* применения ХО (или оружия массового поражения в целом), а с другой – если есть достоверная информация о том, что ИГ* или группировка «Вилаят Хорасан**» планируют активные прямые атаки на США, то удары по ним могут быть оправданы в рамках теории «*упреждающей самообороны*» в сочетании с доказательством применимости к Сирии «*критерия нежелания или неспособности*».

Заключение

Такое внушительное количество обоснований, направленных на международно-правовую легитимацию вооружённого вторжения США и их союзников в Сирию в 2014 г., в целом затмевают отсутствие формулирования Советом Безопасности ООН такой политики по урегулированию кризиса, осуществление которой могло бы быть обеспечено или поддержано путём вооружённого вмешательства, равно как и вывода о том, что неминуемая гуманитарная катастрофа может быть предотвращена путём применения силы и только путём применения силы.

---

[59] Deeks A., Daskal J., Goodman R. Op. cit.

[60] См. также: McLaughlin M. Deterring the Next Invasion: Applying the Accumulation of Events Theory to Cyberspace. Opinio Juris, March 2, 2023. URL: http://opiniojuris.org/2023/03/02/deterring-the-next-invasion-applying-the-accumulation-of-events-theory-to-cyberspace/ (accessed: 28.02.2024).

[61] Engel S. A. Memorandum Opinion for the Counsel to the President "April 2018 Airstrikes Against Syrian Chemical-Weapons Facilities" (May 31, 2018). U.S. Department of Justice, Opinions of the Office of Legal Counsel in Volume 42, pp. 1-22. URL: https://www.justice.gov/olc/opinion/file/1067551/dl (accessed: 03.05.2024).

[62] Deeks A. Op. cit. (December 10, 2012); *Bethlehem D*. Op. cit. (December 08, 2012).

[*] Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[**] Структурное подразделение организации, признанной террористической решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С.

Нами было предложено выделить три блока аргументов, развивавшихся на различных этапах развития конфликта, в качестве трёх ключевых обоснований применения силы: (**I**) *гуманитарная интервенция / терминология концепции «обязанности защищать» – R2P* (защита сирийских граждан); (**II**) *право на (коллективную) самооборону*; (**III**) *«предвосхищающая (упреждающая) гуманитарная интервенция»*.

Первый (**I**) блок включает в себя следующие аргументы: 1) предварительная оценка СБ ООН серьёзности ситуации; 2) расширительное толкование п. 4 ст. 2 Устава ООН за счёт апеллирования к совместимости с целями ООН; 3) обвинение правительства Сирии в «грубых нарушениях международного права», в частности, нарушении прав человека, применении химического оружия против собственного населения (*первый аспект* довода о применении ХО в виде наличия опасности для сирийского населения); 4) продолжение задействования терминологии R2P, в том числе развитие *первого варианта* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии; 5) спровоцированный поток беженцев в соседние страны представляет собой «угрозу международному миру и безопасности»; 6) интервенция осуществляется на основе «согласия легитимного правительства» в силу признания оппозиции («Сирийского национального совета») единственным «легитимным представителем» сирийского народа с потенциалом признания в качестве «фактического правительства»; 7) осуществление права на самоопределение, оправдывающего оказание помощи оппозиции.

В качестве *дополнительных* усиливающих аргументов выступают: (1) подчинение требованиям необходимости и соразмерности; (2) «косовский прецедент»; (3) отсутствие иной практически осуществимой альтернативы применению силы по причине «блокирования деятельности СБ ООН» (исчерпание иных средств).

Второй (**II**) блок включает в себя следующие аргументы: 1) применение ХО Сирией может быть квалифицировано в качестве «вооружённого нападения на соседнее государство», что позволяет прибегнуть к *коллективной самообороне*, либо в качестве «*непосредственной* угрозы вооружённого нападения», что позволяет действовать в порядке «упреждающей самообороны» как одной из легитимных разновидностей «предвосхищающей самообороны», особенно если соседние государства уже попросили США вмешаться от их имени (*второй аспект* довода о применении ХО в виде представления «непосредственной угрозы национальной безопасности и национальным интересам США и соседних с Сирией стран»); 2) борьба с ИГ* и другими террористическими группировками (*третий аспект* довода о применении ХО в виде наличия террористической угрозы).

Второй аргумент во втором блоке подкрепляется доводами о (1) создании «международной коалиции», (2) наличии согласия и поддержки со стороны оппозиции в Сирии, (3) отсутствии протеста и возражений со стороны сирийского правительства, (4) наличии просьбы правительства Ирака оказать помощь в борьбе с ИГ*: согласие сирийского правительства не нужно, поскольку оно «не может или не хочет» бороться с ИГ* на своей территории (*второй вариант* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии).

Примечательна апробация на сирийском кризисе сочетания всех трёх аспектов довода о применении ХО, образовавших качественно новое международно-правовое обоснование. Развитие аргументации в рамках «*третьего аспекта*» подпитывается

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

при этом рядом изобретательных международно-правовых концепций: 1) концепцией «упреждающей самообороны», нашедшей отражение в так называемой «доктрине Буша»; 2) доктриной «неминуемой угрозы», лежащей в основе концепции «упреждающей самообороны» и иногда также именуемой «доктриной Обамы»; 3) концепцией «односторонних военных действий против государств, угрожающих международной безопасности»; 4) теорией «национальной самообороны против неминуемой или постоянной (сохраняющейся) угрозы»; 5) «критерием нежелания или неспособности» (включая вариант его объединения с осуществлением права на коллективную самооборону с согласия и по просьбе правительства Ирака); 6) теорией «защиты граждан США за рубежом»; 7) доктриной «тактики укола иглой», также известной как «теория накопления событий».

Самым любопытным представляется объединение двух предыдущих блоков аргументов в третий (**III**) блок в виде, по сути, нового вида гуманитарной интервенции – «предвосхищающей (упреждающей) гуманитарной интервенции». Усилению легитимационного эффекта способствовали резолюции СБ ООН, ГА ООН, документы СПЧ, а также воздействие на международное правосознание внутри США и государств-партнёров. Мощный легитимационный эффект оказало продолжение использования терминологии R2P, которая (несмотря на утверждения об обратном) пронизывает практически все релевантные документы ООН и аргументацию США.

Таким образом, глубокое исследование конкретных случаев разработки и практического воплощения зарубежными странами (прежде всего США) международно-правового механизма легитимации вооружённых вторжений на территории иностранных государств может не только обогатить отечественную международно-правовую науку, но и послужить источником или стимулом для разработки своих новаторских идей в целях повышения качества международно-правовой политики России, в том числе в ходе СВО на Украине. Анализ опыта других стран в конечном итоге нацелен на выявление закономерностей, которые позволят спрогнозировать их международно-правовые манёвры в будущем, а также изъянов, слабых мест и противоречий, которые должны быть учтены и использованы в стратегическом плане.

References / Список литературы

Adams, S. (2015) *Failure to Protect: Syria and the UN Security Council*. New York, Ralph Bunche Institute for International Studies Publ.

Bannelier-Christakis, K. (2016) Military Interventions against ISIL in Iraq, Syria and Libya, and the Legal Basis of Consent. *Leiden Journal of International Law*. 29 (3), 743–775. https://doi.org/10.1017/S0922156516000303

Bethlehem, D. (2012) Self-Defense Against an Imminent or Actual Armed Attack by Nonstate Actors. *American Journal of International Law*. 106 (4), 770–777. https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.106.4.0769

Brown, C. (2003) Self-Defense in an Imperfect World. *Ethics & International Affairs*. 17 (1), 2–8. EDN: GVHDNT.

Chesterman, S. (2011) "Leading from Behind": The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention after Libya. *Ethics & International Affairs*. 25 (3), 279–285. https://doi.org/10.1017/S0892679411000190

Crawford, J. & Viles, T. (1994) International Law on a Given Day. In: Ginther, K., Hafner, G., Lang, W., Neuhold, H. & Sucharipa-Behrmann, L. (eds.) *Völkerrecht zwischen normativem Anspruch und politischer Realität: Festschrift für Karl Zemanek zum 65. Geburtstag.* Berlin, Duncker und Humblot Publ., pp. 45–68.

Franck, T.M. (2002) What, Eat the Cabin Boy? Uses of Force that are Illegal but Justifiable. In: *Recourse to Force: State Action Against Threats and Armed Attacks. Hersch Lauterpacht Memorial Lectures*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 174–191.

Hughes, D. (2019) How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force. *Georgetown Journal of International Law*. 50 (4), 839–946.

Korzhenyak, A.M. (2024) Issues of Interpretation and Application of the Notion of "International Legal Legitimation". *Moscow Journal of International Law*. (4), 162–183. (In Russian). https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-162-183 EDN: RKOCPP.
Корженяк А.М. Вопросы толкования и применения понятия «международно-правовая легитимация» // Московский журнал международного права. 2024. № 4. С. 162–183. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-162-183 EDN: RKOCPP.

Korzhenyak, A.M. (2025a) The International Legal Mechanism for Legitimizing the Intervention of the USA and other NATO Countries in Libya in 2011. *Journal of Law and Administration*. 21 (1 (74)), 111–123. (In Russian). https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-1-74-111-123 EDN: HHVEGA.
Корженяк А.М. Международно-правовой механизм легитимации интервенции США и других стран НАТО в Ливию в 2011 г. // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 1 (74). С. 111–123. https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-1-74-111-123 EDN: HHVEGA.

Korzhenyak, A.M. (2025b) International Legal Legitimation of the 2011 Invasion of Libya: An Analysis of Foreign Approaches. *Journal of Law and Administration*. 21 (3 (76)), 30–41. (In Russian). https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-3-76-30-41 EDN: RHGWJK.
Корженяк А.М. Международно-правовая легитимация вторжения в Ливию в 2011 году: анализ зарубежных подходов // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 3 (76). С. 30–41. https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-3-76-30-41 EDN: RHGWJK.

Lowe, V. (2000) International Legal Issues Arising in the Kosovo Crisis. *International and Comparative Law Quarterly*. 49 (4), 934–943. https://doi.org/10.1017/S0020589300064757

Momani, B. & Hakak, T. (2016) Syria. In: Bellamy, A. J. & Dunne, T. (eds.) *The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect*. Oxford, Oxford Handbooks, pp. 895–910.

Schachter, O. (1991) *International Law in Theory and Practice*. Leiden, M. Nijhoff Publishers.

Shiryaev, Y. (2008) The Right of Armed Self-Defense in International Law and Self-Defense Arguments Used in the Second Lebanon War. *Acta Societatis Martensis*. 3, 80–97.

Simma, B. (1999) NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects. *European Journal of International Law*. 10 (1), 1–22. EDN: INWALZ.

Vylegzhanin, A.N. & Korzhenyak, A.M. (2025a) The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U.S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part one. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. (1), 111–126. (In Russian). https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206 EDN: LOWPWU.
Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. Механизм международно-правовой легитимации вооруженного вторжения США в Ирак в 2003 году: уроки на будущее. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 1. С. 111–126. https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206 EDN: LOWPWU.

Vylegzhanin, A.N. & Korzhenyak, A.M. (2025b) The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U.S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part two. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. (2), 370–386. (In Russian). https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206 EDN: WHQUZY.
Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. Механизм международно-правовой легитимации вооруженного вторжения США в Ирак в 2003 году: уроки на будущее. Часть вторая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 2. С. 370–386. https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206 EDN: WHQUZY.

Сведения об авторе:

Корженяк Анастасия Михайловна **–** кандидат юридических наук, научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

ORCID: 0000-0002-7162-2785; SPIN-код: 1499-5735; Scopus Author ID: 57394131300; Web of Science ResearcherID: GNH-5752-2022

e-mail: mihkor@gmail.com

About the author:

Anastasia M. Korzhenyak **–** Candidate of Legal Sciences, Researcher at the Laboratory for International Legal Studies, Moscow State Institute of International Relations (University); 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7162-2785; SPIN-code: 1499-5735; Scopus Author ID: 57394131300; Web of Science ResearcherID: GNH-5752-2022

e-mail: mihkor@gmail.com

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 331–348
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-331-348
EDN: DHITRT

Research Article / Научная статья

DNA Fingerprinting and Genetic Privacy in Algerian and French Law: A Comparative Study

Y. Abdelkader

Ammar Telidji University, *Laghouat, Algeria*
✉a.yekhlef@lagh-univ.dz

Abstract. The purpose of this study is to examine the role of DNA fingerprinting in establishing paternity and its application as evidence in criminal proceedings, alongside the legal and ethical challenges of protecting genetic privacy. It analyzes the evolution of the Algerian judicial system and the development of legal frameworks for resolving paternity disputes, including the influence of traditional kinship recognition methods on adopting modern scientific techniques like DNA fingerprinting. In criminal investigations, DNA fingerprinting have proven highly effective for identifying perpetrators, enhancing investigative accuracy, and promoting fairer justice administration. However, its use raises complex legal and ethical concerns regarding potential misuse of genetic data. The study concludes that a balanced legislative approach is essential to safeguard personal rights while preserving DNA fingerprinting as a reliable evidentiary tool, without undermining core privacy principles. It further proposes legislative solutions that meet justice requirements in paternity and criminal cases, incorporating stringent safeguards against genetic privacy violations.

Key words: Paternity Evidence, Biometric Identification, Criminal Investigation, Forensic Science, Genetic Identification

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 08th April 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Abdelkader, Y. (2026) DNA Fingerprinting and Genetic Privacy in Algerian and French Law: A Comparative Study. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 331–348. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-331-348 EDN: DHITRT

© Abdelkader Y., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

ДНК-дактилоскопия и генетическая конфиденциальность в алжирском и французском законодательстве: сравнительно-правовое исследование

Й. Абделькадер

Университет Аммара Телиджи, *Лагуат, Алжир*
✉ a.yekhlef@lagh-univ.dz

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть роль ДНК-дактилоскопии в установлении отцовства и ее использования в качестве доказательства в уголовном процессе, а также связанным с этим юридическим и этическим проблемам защиты генетической приватности. Анализируется развитие судебной системы Алжира и формирование правовых основ для разрешения споров об отцовстве, включая влияние традиционных способов признания родства на внедрение современных научных методов, в частности ДНК-дактилоскопии. В уголовном судопроизводстве данный метод подтвердил свою высокую эффективность для идентификации преступников, повышения качества расследований и обеспечения законности при отправлении правосудия. Однако его применение сопряжено со сложными правовыми и моральными вопросами относительно потенциальных злоупотреблений генетической информацией. Автор делает вывод о необходимости выработки взвешенного законодательного подхода, который гарантирует защиту личных прав и одновременно позволяет использовать ДНК-дактилоскопию как надежный и доступный для понимания инструмент, не поступаясь основополагающими принципами приватности. Предлагаются законодательные меры, учитывающие как требования правосудия по делам об установлении отцовства и уголовным делам, так и необходимость внедрения строгих гарантий для предотвращения нарушений генетической приватности.

Ключевые слова: доказательства отцовства, биометрическая идентификация, уголовное расследование, судебная экспертиза, генетическая идентификация

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 08 апреля 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Абделькадер Й. ДНК-дактилоскопия и генетическая конфиденциальность в алжирском и французском законодательстве: сравнительно-правовое исследование // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 331–348. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-331-348
EDN: DHITRT

Introduction

We are in a transformative scientific era, with laboratories advancing discoveries and racing to develop cutting-edge technologies. Machine automation reduces human effort in repetitive tasks, simplifying complex procedures, while communication technologies evolve rapidly.

At a deeper level, genetics and medicine are achieving unprecedented rigor. The 20th century emphasized experimental breakthroughs, particularly in biotechnology, culminating in the decoding of the human genome – often called the “Book of Life.” This milestone built on foundational work, starting with Gregor Mendel’s laws of inheritance in 1866, which paved the way for identifying DNA as life’s genetic blueprint. In 1953, Watson and Crick proposed the DNA double helix structure, revolutionizing genetics.

Today we are witnessing a biological revolution propelled by biotechnology and genetic engineering. Scientists can now edit genetic traits, with governments and societies recognizing its potential across diverse fields.

A key application lies in civil and criminal evidence, where genetic fingerprinting offers the most reliable identification method – yet it carries risks. Misuse of genetic data threatens privacy and individual freedoms, underscoring the urgent need for robust laws governing the collection, storiage, and use of genomic information. Without ethical and legal safeguards, unforeseen harms could arise.

The core issue driving this study is: To what extent has genetic fingerprinting been employed in evidentiary contexts, and what ethical and legal challenges does its use present?

To address these questions, this study employs multiple scientific approaches. The deductive method analyses the concept of genetic fingerprinting. We reviewed legal texts and court judgments to assess the judiciary's stance on this technology. Additionally, a comparative approach was adopted, given the recency of research in this area and the lack of detailed regulation in Algerian law. Thus, we consulted frameworks from comparative legal systems.

The Use of DNA Fingerprinting in Establishing Paternity

Amid the remarkable success of genetic engineering – particularly DNA fingerprinting – in proving paternity, it is essential to first outline its scientific foundations before examining its reception in Islamic law, Algerian legislation, and judicial practice.

Principles Governing DNA Fingerprinting

The use of genetic engineering as evidence relies on DNA fingerprint analysis, which identifies an individual's unique genetic profile through rigorous scientific protocols.

Defining DNA Fingerprinting

Historically, paternity testing compared genetic traits between a suspected father and child using methods like blood typing, enzyme analysis, and cell markers (Al-Rifai, 2013).

Physicians and biologists classify methods of establishing paternity into two categories. Definitive (conclusive) systems include DNA fingerprinting and the human leukocyte antigen (HLA) system. Presumptive (probabilistic) systems include ABO blood group testing, the MNS system, and various protein markers.

Advances in genetics – the study of hereditary trait transmission across generations – have revolutionized paternity testing. A breakthrough came in 1985 when British geneticist Alec Jeffreys identified specific nucleotide sequences in DNA strands, coining the term "DNA fingerprinting" or "genetic profiling" (Igourafa, 2010:73–74).

Scientific Basis of DNA Fingerprinting

Scientifically, a true DNA fingerprint is uniquely personal, revealing an individual's genetic charter and traits – much like an identity document, but private and unrelated to civil status details (e.g., name, surname, or domicile). It analises genetic components to create a unique identifier, distinguishing features such as eye color, skin tone, intelligence potenial, and general health status.

According to the Genetics and Genetic Engineering Symposium, DNA fingerprinting is defined as: "Each human being has a unique gene structure (hereditary material) that forms their genetic identity. This material, known as DNA, is primarily located mainly in

the nuclei – and to a lesser extent, mitochondria – of all living cells, from bacteria and fungi to plants, animals, and humans (Al-Qaradaghi, 2003:39).

Algerian Law No. 16-03 on the use of genetic fingerprinting in judicial procedures and personal identification[1] provides a legal definition in Article 2: DNA fingerprinting refers to non-coding DNA sequences. Its analysis rests on the principle that children inherit half their genetic material from each parent – one half from the father's sperm and half from the mother's egg – resulting in genetic features from both, per Mendel's[2] law of inheritance.

Every person's DNA fingerprint differs from others in length, thickness, and position, making it a true "fingerprint". Matches occur only in identical twins. Moreover, DNA can be extracted from tiny samples of human cells or tissues, including blood, bones, teeth, saliva, mucus, skin, semen, nails, hair, or any other biological material.

Under this milestone discovery, DNA fingerprinting has become an essential tool for resolving paternity disputes. It not only excludes paternity with 100% certainty but also confirms it with 99.99 % accuracy, enabling more effective resolution of related legal matters[3].

DNA Fingerprinting Analysis Methodology

DNA fingerprinting offers significant advantages as both the gold standard in biometric identification and a mechanism for linking parentlal responsibility to rights under the Islamic legal principle *al-ghurm bil-ghunm* (risk accompanies reward).

Additionally, it protects abandoned infants – often left at mosque doorsteps or beside trash bins – by establishing or refuting parental claims. Analysis is required whenever individuals assert or contest parenthood rights over a child.

DNA Fingerprinting Analysis Process

This technique analyses DNA fragments of varying lengths using restriction fragment length polymorphism (RFLP). It requires reference patterns derived from DNA samples of all parties involved (putative father, putative mother and child), which are then elecgtrophoretically separated from from smallest to the largest fragments.

Analysis involves:

1) restriction enzymes to cut DNA at specific sites;

2) electrophoresis aparatus to separate fragments by size.

Samples are collected from each party to generate these comparative profiles.

Electrophoresis separates DNA fragments following extraction of genetic material, generating laboratory results that can exclude paternity where no genetic relationship exists between the child and the alleged parent. In such cases, the exclusion is regarded as biologically and medically definitive, whereas inclusion is typically expressed as a high probability of paternity (often above 99%) (Al-Jundi & Al-Husseini, 2002:50).

If conventional analysis fails due to an insufficient sample, the polymerase chain reaction (PCR) serves as an alternative. Developed by American biochamist Kary B. Mullis

[1] Law No. 16-03 of 9 June 2016, concerning the use of genetic fingerprinting in judicial procedures and personal identification. *Official Gazette*, No. 37 of 2016.

[2] Gregor Mendel is considered the father of genetics, having achieved pioneering results in the field. His laws of inheritance state that hereditary traits in children are derived from one or both parents.

[3] François Enault, *Genomic and Structural Information*, Available at: www.sites.univ-provence.fr/cies/memoire/X_MemoireGenetique.pdf (accessed: 4th April 2025).

in 1983 (Nobel Prize in Chemistry), PCR amplifies specific DNA segments through repeated thermal cycles.

The process targerts microsatellite regions, replicating genetic sequences 20-25 times using controlled heating/cooling and chemical reagents. PCR offers advantages over RFLP: it requires smaller samples, accelerates analysis, and produces easily stored photographic results.

However, PCR is higly susceptible to contamination by foreign DNA, necessitating strict protocols. Only specialized laboratories should perform these procedures under rigorous guidelines (Umm al-Khair Buqra, 2010:80).

The Use of DNA Fingerprinting in Establishing Paternity

The Algerian legislator and judiciary have traversed two distinct phases in their approach to DNA fingerprinting in paternity cases. In the first phase, judicial practice rejected DNA analysis as evidence of biological lineage, prioritizing traditional Islamic evidentiary rules. Subsequent developments marked a shift toward embracing scientific methods alongside established legal traditions.

The Judiciary's Position on DNA Fingerprinting in Paternity Cases

The Algerian Judiciary progressed through two phases in addressing paternity disputes. Family court judges initially adhered rigidly to statutory language, rejecting scientific evidence. On February 15, 1999, the Supreme Court upheld a lower court's dismissal of blood tests for paternity, deeming such inquiries contrary to Islamic and jurisprudential evidentiary rules[4]. This stance ignored advances in medical science and evolving social realities, including declining reliance on oaths.

A landmark Court of Appeals decision accepting medical testimony and blood analysis for paternity cases signaled growing openness to science.

The turning point came on 5 March 2006, when the Supreme Court overturned two M'Sila court rulings that had excluded DNA evidence. Declaring the lower decisions null, the Supreme Court held DNA fingerprinting as conclusive proof of paternity.

In the case *R.F. vs. S.Sh.* (15 January 2009), the Supreme Court addressed DNA testing versus *li'ān* (mutual oaths denying paternity). While affirming DNA's reliability, it ruled that *li'ān* proceedings under Article 40 (as amended) take precedence for paternity denial, preventing subsequesnt contradictory claims (Tchouar, 2003:14).

The Legal Position on DNA Fingerprinting in Establishing Paternity

Pior to its amendment by Law No. 84-11, the Algerian Family Code excluded scientific evidence for proving or disproving paternity, relying solely on traditional methods outlined in Article 40. This left Algerian law lagging behind global legislative progress on DNA fingerprinting.

The primary gap lay in the absence of codified standards governing DNA evidence across all dimensions, leaving its judicial application without concrete legal guidance. Even the Public Health Law – among the closest related frameworks – failed to address DNA's applications for paternity cases in a comprehensive manner.

[4] Supreme Court Decision issued on 15/06/1999, Case No. 222674, Judges' Journal, Special Issue, 2001, p. 88.

Legislative Reform: Ordonnance No. 05-02 (2005)

Responding to advances in genetics and forensic biology, the Algerian legislator introduced Ordinance No. 05-02 to amend the Family Code, filling previous legal voids.

Key changes included adding a new paragraph to Article 40, which now recognized paternity through: marriage, admission, acknowledgement, evidential knowledge, doubtful marriage (*nikah al-shubah*), and any subsequent irrevocable marriage (per Articles 32, 33 and 34). Crucially, the reform authorises judges to use scientific methods to establish paternity tentatively.

Persistent Legislative Ambiguities

While this reform integrates scientific evidence with traditional proofs of paternity – seeking to balance the preservation of lineage (*pedigree protection*) and the protection of individual honour – the provision remains couched in very general terms. Critics highlight several shortcomings:

Lack of procedural specificity: No clear guidelines exist for invoking scientific methods or defining judicial discretion in cases containing such evidence.

Implicit DNA references: DNA fingerprinting is mentioned only indirectly as a "scientific method" without detailed implementation protocols.

No explicit denial provision: The Family Code lacks direct authorization for using DNA fingerprint to deny paternity.

However, Article 41 states: "Paternity may be questioned by proper means" (*islam dima wa tavaheer*). Legal scholars interpret the plural "means" as opening the door to modern scientific methods for challenging paternity, suggesting legislative openness despite the absence of explicit provisions.

Judicial Discretion and Comparative Perspectives

In the absence of explicit legislative guidance, Article 222 of the Family Code grants judges discrationary authority to order DNA fingerprinting for spouses and child in paternity disputes, provided a valid marriage contract exists. This aligns with Sharia-based jurisprudential principles (Tchouar, 2001:167).

Judges may thus exercise discretion to mandate DNA testing for husband, wife, and child when a legitimate marriage exists, as no legal prohibition prevents such orders. Moreover, DNA testing serves the public interest by preventing the mixing of legitimate and illegitimate lineage, thereby promoting marital and family stability.

Comparative law: French Civil Code

In contrast, French law explicitly regulates DNA testing for parentage under Articles 16-10 to 16-13 of the Civil Code (as amended by Law No. 2023-380 of May 19, 2023). Key provisions include:

Prior Consent: Genetic analysis for medical or scientific purposes requires explicit, written consent after full disclosure of the test nature, purpose, and potential incidental genetic findings.

Right to Withdraw: Individuals my withdraw consent fully or partially – at any time without formalities before, during, or after the analysis.

This comprehensive framework demonstrates clear procedural safeguards absent in Algerian legislation.

Furthermore, the Legal and Administrative Information Office's official interpretation of Article 16-13 (January 30, 2025) defines a paternity test as "a genetic examination establishing biological relationships between individuals." Such tests are permitted exclusively in judicial proceedings for: establishing or contesting parentage,

determining financial obligations (maintenance or allowances), identifying deceased persons in police investigations.

Testing must be conducted by accredited experts and technicians.[5]

Additionally, the French Penal Code imposes strict penalties for violations (Articles 226-27, 226-28, and 226-28-1, Code No. 2011-814 of 7 July 2011), including those breaching DNA testing safeguards (Igourafa, 2010:73–75). These deterrent measures – detailed later in the genetic privacy section – ensure rigorous compliance with the statutory safeguards.

The Use of DNA Fingerprinting Technology in Criminal Evidence

Historically, forensic investigations relied on traditional methods to pursue truth and identify criminals. While valuable, these approaches sometimes led to wrongful accusations due to limited accuracy.

A major advance came with Alec Jeffreys' development of DNA fingerprinting in 1984-1985, initially applied in immigration and paternity cases and soon adapted for criminal identification. This innovation transformed forensic medicine, enabling precise crime-solving.

Judicial Stance on DNA Fingerprinting in Criminal Evidence

The integration of DNA fingerprinting marked an irreversible turning point in forensic evidence. This technology identifies mutilated bodies, locates missing persons, and detects concealed offenders – even from a single strand of hair – illuminating the notion of the "unknown soldier" (Shaaban, 2008:375).

DNA profiling has become essential for criminal prosecutions, allowing police to charge the correct suspects and identify victims accurately. It significantly enhances criminal justice effectiveness and precision.

Even offenders who avoid direct contact leave biological traces. Fear-driven haste often causes criminals to overlook injuries – either their own or the victim's – leaving blood at scenes. Forensic experts also recover hair or skin cells beneath the victim's fingernails, enabling assailant identification.

Despite increasingly sophisticated criminal tactics, DNA profiling technology remains a reliable witness to truth, particularly as modern crimes grow more complex than those of the past (Hassan, 2012:72).

Landmark Cases Demonstrating DNA Fingerprinting's Impact

Dr. Sam Sheppard Case (USA)

In one of the most famous wrongful conviction cases, Dr. Sam Sheppard was convicted in 1954 by an Ohio court for the murder of his wife. Although acquitted in a 1966 retrial, doubts persisted until 1999-2000 when post-conviction DNA tesing on blood evidence exonerated him completely, demonstating genetic evidence's power to correct judicial errors.

Monica Lewinsky Scandal (USA, 1998)

DNA fingerprinting proved pivotal in high-profile sexual misconduct cases. Former White House intern Monica Lewinsky produced a blue dress bearing the President's semen,

[5] *Service Public* / Directorate of Legal and Administrative Information (2025) *Under what circumstances can a paternity test be carried out?* Available at: https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F14042 (accessed: 19th November 2025).

confirmed by forensic DNA analysis matching a sample from President Bill Clintom. This established DNA as legally binding evidence in the American judiciary's postmodern framework.

Child Abduction Case

DNA testing exposed systematic deception in a child abduction case where police discovered nine children claimed as biological offspring by an arrested woman. Forensic analysis revealed she was the biological mother of only three; the remaining six were relinguished to social welfare institution (Shaaban, 2008:391–392).

Algerian Murder-Robbery Case

Algerian authorities increasingky rely on DNA evidence in criminal investigations. In a residential robbery-murder, Judicial Police in Algiers recovered the victim's wallet containing papers and cards bearing suspicious red stains. The Central Forensic Police Laboratory's DNA analysis confirmed human male blood droplets, providing investigators with a crucial lead (Hassan, 2012:72; Igourafa, 2010:76).

The Legal Position on Genetic Data in Criminal Evidence

Until 2016, Algerian legislation lacked explicit provisions governing DNA fingerprinting in criminal matters. Article 212 of the Code of Criminal Procedure[6] grants criminal judges broad discretion to admit any evidence that contributes to their personal conviction, irrespective of its probative strength.

Article 143 authorises courts to consult medical experts in tehcnical matters, particularly relevant for violent crimes homicide, rape, and sexual assault. Amid advances in forensic science – including fingerprinting and DNA analysis – Algeria established a dedicated genetics laboratory within the Forensic Police Department on 22 July 2004, marking significant progress in modern forensic integration (Mohafezi, 2012:41).

However, Algerian law does not confer absolute evidentiary weight to DNA fingerprinting nor recognize it as conclusive proof in criminal proceedings. Its evidentiary value remains subject to judicial assessment, with courts evaluating reliability and significance case-by-case.

The French legislator has explicitly recognized DNA profiling through a comprehensive regulatory framework governing biological sample collection, analysis, integration into the Automated National DNA Database (FNAFD), and strict protocols for usage, retention periods, and data erasure. This balanced approach reconciles criminal investigation needs with fundamental individual rights protection.

Regarding biological sample collection, Article 706-56 of the Code of Criminal Procedure, as amended by Law No. 2023-22 of 24 January 2023, empowers judicial police officers to conduct or oversee "biological sampling" for individuals specified in Article 706-54. This includes persons convicted of serious crimes or misdemeanours punishable by ten years' imprisonment or more, those under investigation for such offences, and individuals deemed criminally irresponsible due to mental disorder, prior to DNA analysis and entry into the national database. Prior to proceding, civil registry data may be consulted solely to verify prior registration, preventing duplication and ensuring data integrity.[7]

[6] Ordinance No. 66-155 of Safar 18, 1386, corresponding to 8 June 1966, containing the Code of Criminal Procedure, *Official Journal*, 3rd year, No. 84, 1966.

[7] Code of Criminal Procedure, Article 706-56. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006138132/ (accessed: 20th November 2025).

The provision designates the entities authorised to perform the analysis. Persons qualified under Article 16-12 of the Civil Code[8] may perform such analyses without being registered on an expert list, provided that they take the oath prescribed by Article 60 of the Code of Criminal Procedure, unless they are affiliated with the scientific police services. Accredited laboratories within these services may receive direct assignments without oath for formal authorisation (Doutremepuich, 2012:1127), enabling swift investigative responses[9].

Article 706-56 further regulates national database entry, permitting analysts to register results via digital systems upon the request of competent authorities. Where direct sampling proves impossible, DNA may be obtained from naturally separated biological traces, extending investigative reach despite subject refusal or evasion.

Concerning coercion, Article 706-56 authorizes biological sampling without individual's consent upon public prosecutor's written request for serious offences punishable by ten years' imprisonment or more, or for individuals adjudged criminally irresponsible due to mental disorder (Articles 706-120 et seq.). Refusal constitutes a criminal offence, punishable by one year's imprisonment and 15,000-euro fine, rising to two years' imprisonment and 30,000-euro fine upon felony conviction – applied cumulatively primary penalties – demonstrating clear legislative deterrence. Substituting samples or providing another's biological material incurs up to three years' imprisonment and a 45,000-euro fine, safeguarding genetic evidence integrity.

The Automated National DNA Database (FNAFD), governed by Article 706-54 under specialised judicial oversight, mandates DNA collection from biological traces and offenders convicted of Article 706-55 offences[10] to facilitate identification. This extends to

[8] French Civil Code – Current Version as of 20 November 2025 [online]. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000006136513/ (accessed: 20th November 2025).

[9] Service Public / Directorate of Legal and Administrative Information (2025) *Under what circumstances can a paternity test be carried out?* Available at: https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F14042 (accessed: 19th November 2025).

[10] The Automated National DNA Database centralises all biological traces and DNA profiles related to the following offences:

- Sexual offences as per Article 706-47 of the Code of Criminal Procedure, Article 222-32 of the Penal Code, and offences under Articles 222-26-2, 227-22-2, and 227-23-1 of the same Code.
- Crimes against humanity, and crimes and misdemeanours committed intentionally against persons' lives, including torture, acts of barbarity, intentional violence, threats of assault, drug trafficking, violations of personal liberties, human trafficking, prostitution, exploitation of begging, and endangering minors, as provided in Articles 221-1 to 221-5, 222-1 to 222-18, 222-34 to 222-40, 224-1 to 224-8, 225-4-1 to 225-4-4, 225-5 to 225-10, 225-12-1 to 225-12-3, 225-12-5 to 225-12-7, and 227-18 to 227-24 of the Penal Code, as well as the offences referred to in Articles 221-5-6 and 222-18-4 of the same Code.
- Offences and misdemeanours related to theft, extortion, fraud, destruction, sabotage, damage to property, and threats of assault against property, as provided in Articles 311-1 to 311-13, 312-1 to 312-9, 313-2, and 322-1 to 322-14 of the Penal Code.
- Offences against the essential interests of the nation, terrorism, forgery, formation of criminal gangs, aiding criminal organisation, and war crimes, as set out in Articles 410-1 to 413-12, 421-1 to 421-6, 442-1 to 442-5, 450-1, 450-1-1, and 461-1 to 461-31 of the Penal Code.
- Misdemeanours under Articles 222-52 to 222-59 of the Penal Code, Articles L. 2339-2, L. 2339-3, L. 2339-4, L. 2339-4-1, L. 2339-10 to L. 2339-11-2, L. 2353-4, and L. 2353-13 of the Defence Code, and Articles L. 317-1-1 to L. 317-9 of the Internal Security Code.
- Offences relating to the seizure or laundering of proceeds derived from any of the crimes listed in points 1 to 5, as provided in Articles 321-1 to 321-7 and 324-1 to 324-6 of the Penal Code. Available at:

investigatory subjects declared criminally non-responsible due to mental disorder (Al-Rifai, 2013:319–320).

Moreover, the law permits the entry of DNA profiles of persons against whom serious and corroborative evidence involvement in offences listed in Article 706-55, on the decision of a judicial police officer or at the request of the public prosecutor or investigating judge, with such decision recorded in the case file. This mechanism formally incorporates suspects into the database under defined procedural safeguards.

The provision also distinguishes between temporary comparison and permanent registration, allowing a suspect's DNA profile to be checked against the database without systematic retention, thereby defferentiating one-off investigative use from institutional storage.

With regard to the technical architectre of the Automated National DNA Database, Article R53-9 of the Code of Criminal Procedure (Regulatory Part – Decrees of the Conceil d'État, as amended by Decree No. 2020-1777, 2021) assigns responsibility for establishing and managing the database's information system to the Minister of the Interior, acting through the National Scientific Police Service. Its objectives include identifying the perpetrators of offences listed in Article 706-55, locating missing persons and identified bodies.

Article R53-10 specifies the categories of data to be entered, according to the competent authority and the nature of the case, drawing a distinction in particular between criminal records and humanitarian records. Article R53-11 specifies the information accompanying each DNA profile – such as the requesting authority, date of the decision, offence category, and technical identifiers – while expressly prohibiting use of the legal classification of the offence as a search criterion, thus reinforcing data protection guarantees. Additionally, Articles R53-12 and R53-12-1 authorise the inclusion or comparison of DNA data transmitted by foreign law enforcement authorities or international cooperation bodies, under statutory conditions, integrating the database into broader international security cooperation frameworks[11].

The Necessity of Protecting the Right to Genetic Privacy

Providing genetic privacy rests on several key legal and ethical principles, most notably privacy, human dignity, and the principle of legality, which requires that any state interference with rights be clearly grounded in law.

In contrast, arguments based on public interest often treat genetic data as a resource whose use can serve individual and social justice, especially in fields such as health care and criminal justice.

The Concept of the Right to Genetic Privacy

Before analysing the right to genetic privacy, it is important to situate it within the broader spectrum of individual rights, particularly those linked to private life. For decades, lawyers have debated the nature and boundaries of the right to privacy before the courts,

https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006138132/ (accessed: 19th November 2025).

[11] Buisson Fizellier A. Quel cadre légal pour l'identification d'un suspect par prélèvements externes ou biologiques ? Available at: https://www.bfpl-law.com/publications/quel-cadre-legal-pour-lidentification-dun-suspect-par-prelevements-externes-ou-biologiques (accessed: 05th March 2025).

and the starting point of this debate has frequently been the challenge of defining the types of information and activities an individual would reasonably wish to keep private.

The notion of private life is not uniform across legal domains. Criminal law, for instance, construes privacy more strictly and concretely than other legal branches, which often rely on the concept of harm to determine liability rather than exhaustively defining protected acts or interests (Shams El-Din, 2008:45). Different areas of law therefore address privacy in distinct ways, making a single, precise definition difficult. In French and German law, for example, violations of privacy constitute criminal offences only when committed through particular means, such as the use of audio or visual recording devices. In such cases, criminalisation depends heavily on context and method, rather than on an abstract or uniform conception of privacy.

The right to genetic privacy exhibits both subjective and objective dimentions. To distinguish between these, the right must first be defined.

In French law, the right to genetic privacy may be described as "the legally recognised right of every human being to control access to and use of their unique genetic information."

American legal scholars, for their part, characterise it as "an individual's right to decide which genetic information about them may be disclosed and what they wish to know about themselves."

From these definitions, two essential aspects of genetic privacy emerge:

– The *subjective* aspect reflects personal autonomy: it concerns the individual's decision as to who may access their genetic data and under what conditions. Where a person has freely consented to the disclosure of their genetic information, they will generally be precluded from claiming that their genetic privacy has been violated in respect of that authorised disclosure.

– The *objective* aspect relates to the inherent nature of genetic information itself. This does not depend on individual preferences but on the scientific and technical characteristics of genetic data and its classification within the broader fields of genetic science and biotechnology (Protection Genetic Issues in Mental Retardation).

Mechanisms for Protecting the Right to Genetic Privacy

Because genetic fingerprinting is directly linked to individual identity, it requires robust legal and technical safeguards. Without such protections, fear of misuse may discourage people from undergoing genetic testing, causing them to forgo potential medical and legal benefits. At the same time, DNA analysis is among the most reliable forms of evidence in criminal proceedings, which makes public confidence in oversight mechanisms essential.

The right to privacy is constitutionally protected under Article 40 of the 2020 Algerian Constitution[12], which provides that: "The State guarantees the inviolability of human dignity." Article 41 further stipulates that: "The law punishes violations of rights and freedoms and any act that infringes a person's physical or moral integrity."

Additionally, Law No. 16-03, governing the use of genetic fingerprinting in judicial proceedings and personal identification, expressly emphasises the protection of genetic privacy. Article 3 requires that any collection of biological samples respect human dignity, safeguard individual privacy, and ensure the security of genetic data.

[12] Algerian Constitution (2020) dated 30 December 2020. *Official Gazette* No. 82, 2020.

Judicial autorisation is required before biological samples may be collected or genetic analyses conducted. Samples may not be taken from minors unless they are accompanied by a parent, legal guardian, caretaker, or other duly appointed representative; in the absence of such persons, a representative of the public prosecutor must be present. Individuals providing samples must be informed of: (i) the conditions under which their genetic profile will be stored in the National DNA Database, (ii) the retention period applicable to their genetic data, and (iii) their right to request erasure of their data[13].

The Algerian legislator imposes strict sanctions to protect genetic privacy. Anyone who unlawfully discloses information from the National DNA Database faces six months to three years of imprisonment and a fine ranging from 60,000 to 300,000 Algerian dinars[14].

Article 47 of the Algerian Civil Code (Ordinance No. 75-58 of 1975, as amended) further strengthens protection by providing that "any person who suffers unlawful harm to a personal right may seek cessation of the infingement and claim compensation." In the medical context, Article 36 of Executive Decree No. 92-276 of 1992, containing the Code of Medical Ethics, reinforces professional secrecy by requiring physicians and dentists to maintain medical confidentiality except in cases expressly provided by law. Article 99 of the same Decree specifies that medical or dental experts must disclose in their reports only the information strictly necessary for the expert mission and must keep all other information confidential."

Taken together, these provisions show that Algerian law allows the use of genetic fingerprinting while seeking to ensure robust protection of genetic data in line with international standards. At the international level, Article 12 of the Universal Declaration of Human Rights (1948) affirms that everyone has the right to privacy and protection against arbitrary interference with their private life, family, home, or correspondence. UNESCO's Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights (1997) also supports genetic privacy; Article 2 states that every individual is entitled to respect for their dignity and rights regardless of their genetic characteristics.

As for the position of the French legislator, Articles 16-10 to 16-13 of the Civil Code, as amended by Law No. 2023-380 of 19 May 2023, provide that any examination of a person's genetic characteristics may be conducted only for medical purposes or for scientific research and must be preceded by the express, written consent of the person concerned (Abdel Daim, 2009:895–896). This consent must be obtained after the individual has been fully informed of the nature and aims of the test, including the possibility that the analysis may reveal genetic characteristics unrelated to the initial purpose of the examination. The law also grants the person a right to revoke their consent, in whole or in part, at any time and without any formality, before, during, or after the analysis, provided that the withdrawal is clearly expressed; this constitutes a fundamental safeguard for freedom of choice and the privacy of genetic data.

The Civil Code further prohibits any canvassing or advertising relating to examinations of a person's genetic characteristics, in order to prevent commercial practices that exploit fear or financial incentives and might induce individuals to undergo unnecessary or unauthorised tests, thereby endangering personal freedom and privacy. In

[13] Law No. 16-03, 2016, Articles 5-8, 13-14.
[14] Law No. 16-03, 2016, Article 18.

addition, Article 16-13 specifies that no one may be discriminated against on the basis of their genetic characteristics[15].

From a criminal law perspective, the French legislator has established a set of punitive and deterrent sanctions in Articles 226-27, 226-28, and 226-28-1 of the Penal Code for breaches of the legal framework governing genetic testing. Article 226-27 criminalises the performance of a genetic identification or genetic characteristics test for medical or scientific research purposes without the prior, explicit consent required by Article 16-11 of the Civil Code, and provides for penalties of up to one year's imprisonment and a fine of 15,000 euros. Article 226-28 further stipulates that any disclosure or communication of information relating to a person's identity obtained from the examination of their genetic characteristics, as well as the conduct of such examinations or identifications without the authorisation required by Article L. 1131-3 of the Public Health Code[16], constitutes a punishable act, subject to the same maximum penalty of one year's imprisonment and a 15,000-euro fine.

In addition, French law establishes specific financial sanctions for the unlawful use of genetic profiles. Article 226-28-1 of the Penal Code provides for a fine of 3,750 euros for any person who requests the examination of their own or another person's genetic characteristics, or seeks to establish a person's identity by means of their genetic profile, outside the cases provided for by law.

Despite these safeguards, the right to genetic privacy is not absolute. Granting it unconditional protection could unduly privilege individual interests over compelling objective needs, potentially producing significant social harm. Excessive protection of genetic privacy may, for example, hinder the identification and prosecution of sexual offenders and child abusers, increasing the risk of recidivism and leaving potential victims unprotected. In other contexts, strict secrecy sarounding genetic conditions – for instance, in the case of a pilot with a serious seizure disorder – could endanger the lives and safety of others, while undisclosed hereditary risks in marrige may expose future children to severe disabilities. (Al-Rifai, 2013:409).

Accordingly, genetic privacy, though crucial, can come into tension with other urgent rights and interests – such as bodily integrity, life, and public safety – which may justify carefully circumscribed limitations backed by stronger legal protection. Legislators therefore tend to uphold genetic privacy as a core individual right, while carving out narrrowly tailored exceptions, particularly in civil and criminal proceedings, to balance personal autonomy with the protection of others and the broader community.

French law provides narrowly framed exceptions to genetic privacy, subject to strict judicial and institutional controls.

---

[15] French Civil Code – Current Version as of 20 November 2025 [online]. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000006136513/ (accessed: 20th November 2025).

[16] Article L1131-3 of the French Public Health Code, as amended by Law No. 2021-1017 of 2 August 2021, provides that: "Subject to the provisions of the final paragraph of Article L. 1131-2-1, only practitioners authorised for this purpose by the Biomedicine Agency referred to in Article L. 1418-1 are permitted to carry out examinations of a person's genetic characteristics or to perform genetic identification for medical purposes, under conditions laid down by regulation. Persons who carry out examinations of a person's genetic characteristics or perform genetic identification for the purposes of scientific research shall be authorised under conditions laid down by regulation."
Legifrance. (2025) *French Public Health Code, Article L1131-3, as amended by Law No. 2021-1017 of 2 August 2021*. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000043896423 (accessed: 20th November 2025).

1. Judicial Oversight and Institutional Regulation of the National Automated DNA Database. The French National Automated DNA Database (FNAEG) is placed under the direct control of a judicial authority. Article 706-54 of the Code of Criminal Procedure provides that a competent magistrate is responsible for supervising the collection, registration, and use of genetic data within the file, in order to reconcile the requirements of criminal investigations with respect for fundamental rights, given the highly sensitive and inherently personal nature of genetic information[17].

At the institutional level, Articles R53-16 and R53-17 of the Code of Criminal Procedure[18] establish a specialised committee composed of experts in genetics and information systems. This body is tasked with ensuring transparency in data processing, scientific reliability, and technical safeguards, thereby creating a clear separation between authoritites responsible for collecting DNA profiles and those charged with supervising their storage, consultation and use. Such an arrangement strengthens the reliability and legitimacy of the system in the eyes of both the judiciary and society at large.

2. Regulation of Data Retention Periods. The retention of genetic data in the FNAEG is governed by precise legal rules that vary according to the person's procedural status and the nature of the recorded data, reflecting the legislator's effort to balance investigative needs with the protection of individual rights and biological privacy[19]. Decree No. 2015-1580 of 2 December 2015, together with regulatory provisions R53-10, R53-12, and R53-14 of the Code of Criminal Procedure, sets strict maximum retention periods in order to prevent unlawful or disproportionate use of genetic information.

According to the current framework, DNA profiles are generally kept:

– For persons finally convicted of certain offences, the standard retention period ranges between 15 and 25 years, with possible extensions up to 40 years depending on the seriousness of the facts or on security-related or humanitarian considerations.

– For persons merely implicated or simply "suspects", for up to 25 years.

– For missing persons, deceased persons, or relatives entered for humanitarian purposes, for up to 40 or 25 years depending on the category.

The law distinguishes between adults and minors, taking into account the seriousness of the offence and the nature of the judicial measure imposed. The maximum retention period for analytical genetic data is set at 25 years, thereby providing clear legal protection and preventing indefinite storage. In exceptional circumstances – such as missing persons or victims of natural disasters – retention may continue until the individual is identified or located, illustrating the system's flexibility in accommodating humanitarian considerations while maintaining the integrity of criminal investigations[20].

[17] Commission nationale pour la protection des données (CNPD) (2004) Opinion on Draft Law No. 5356 concerning procedures for identification by genetic fingerprints in criminal matters and amending the Code of Criminal Procedure, Deliberation No. 78/2004, 8 October.

[18] French Code of Criminal Procedure, Regulatory Part – Council Decrees, amended by Decree No. 2020-1777 of 30 December 2020. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006137412/2021-07-28/?anchor=LEGIARTI000020791527 (accessed: 21th November 2025).

[19] Léon, A. (2021) [News] Publication of the Decree of 29 October 2021 Amending the FNAEG: Key Points to Remember, Le Quotidien, November. Available at: https://www.lexbase.fr/article-juridique/73944246-breves-publication-du-decret-du-29-octobre-2021-modifiant-le-fnaeg-ce-quil-faut-retenir (accessed: 20th November 2025).

[20] Service Public / Directorate of Legal and Administrative Information (2025) *National Automated DNA Database (FNAEG)*. Available at: https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F34834 (accessed: 20th November 2025).

3. Right to Erasure and Judicial Safeguards. The law grants any affected individual the right to request the deletion of their genetic data before the expiry of the prescribed retention periods, when the need for retention ceases, or in the event of acquittal or a finding of non-responsibility, pursuant to Article 706-54-1 and regulatory provisions R53-14-2 to R53-14-4. This right is supported by a dedicated judicial mechanism ensuring that authorities properly assess such requests, involving the public prosecutor's office, specific deadlines for responses and appeals, and the possibility of judicial review where a request is refused.

Accordingly, this right constitutes one of the most significant safeguards of genetic privacy, enabling individuals to retain control over their sensitive personal data and preventing its use for unjustified purposes. The French judicial framework therefore reflects a clear commitment to transparency, accountability, and the protection of individual rights within a comprehensive system that seeks to reconcile effective criminal justice with fundamental freedoms[21].

4. Requirement of Prior Free and Informed Consent. The principle of explicit, informed, written consent constitutes a fundamental safeguard of genetic privacy in the French system. Individuals must give their consent prior to the storage of their genetic profiles, particularly in sensitive contexts such as identity verification or procedures involving victims and close relatives, pursuant to Article 706-54 and regulatory provisions R53-10 and R53-11. They retain the right to withdraw their consent and to request the erasure of their data at any time, reflecting the system's commitment to personal autonomy over sensitive information.

Consent must extend not only to the collection of the biological sample but also to its analysis. It must be given in writing by the data subject or their lawful representative, or by those exercising parental authority or a guardian in the situations provided for under the Public Health Code. In this regard, the law protects the rights of direct relatives (parents, children, and relatives up to the third degree) by prohibiting the storage or comparison of their genetic profiles without their express consent. This reflects acknowledgment of the particular sensitivity of genetic kinship and serves as a safeguard against unlawful use of genetic data, while preserving family privacy[22].

5. Limition of Analysis to Non-Coding Regions of DNA. The French legislature requires that DNA analysis and storage be confined to non-coding regions of the genome, with the sole exception of sex determination, pursuant to Article 706-54 and Article R53-13. This limitation pursues a dual objective: to protect sensitive genetic information from exploitation for discriminatory or otherwise unlawful purposes – for example, in employment or health insurance decisions – and to ensuring that analysis remains strictly confined to criminal identification or scientific research, without extending to unrelated genetic traits (Shams El-Din, 2008:32).

6. Restrictions on Access and Consultation. The legislator has imposed strict limitations on access to the national DNA database, allowing only authorised personnel to

[21] Léon, A. (2021) [News] Publication of the Decree of 29 October 2021 Amending the FNAEG: Key Points to Remember. *Le Quotidien*, November. Available at: https://www.lexbase.fr/article-juridique/73944246-breves-publication-du-decret-du-29-octobre-2021-modifiant-le-fnaeg-ce-quil-faut-retenir (accessed: 20th November 2025).

[22] French Code of Criminal Procedure, Regulatory Part – Council Decrees, as amended by Decree No. 2020-1777 of 30 December 2020. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006137412/2021-07-28/?anchor=LEGIARTI000020791527 (accessed: 21th November 2025).

consult or handle the data. Technical and scientific police officers may access the database solely for the purpose of verifying civil-status information. All operations involving access, modification, transfer, or deletion are recorded electronically and retained for three years to enable subsequent review and auditing, in accordance with Articles R53-18 and R53-18-1. Furthermore, Articles R53-19, R53-19-1, and R53-19-2 expressly prohibit the automated linking of the national database with other databases, except in circumstances expressly provided by law, thereby reducing the risk of privacy violations[23].

In Algeria, rules on genetic analysis remain fragmentary and are found mainly in the amended Family Code. Article 40 provides that "the judge may resort to scientific methods to establish parentage." The use of verb "may" indicating that recourse to genetic analysis in civil cases is discretionary rather than mandatory. Article 212 of the Code of Criminal Procedure allows criminal offences to be proven by any means, unless the law provides otherwise, which permits Algerian judges to rely on genetic analysis as a means of proof in criminal proceedings.

Alongside concerns relating to the disclosure of genetic data, the use of DNA fingerprinting as evidence presents a number of risks. Misinterpretion of genetic test results is a particular challenge, as non-specialists often struggle to understand and corretly assess genetic information. There is also a risk of deliberate manipulation, for example where an offender plants the DNA of an innocent person at the crime scene, thereby misleading investigators and obstructing the proper administration of justice (Shams El-Din, 2008:47).

DNA fingerprinting represents one of the most significant scientific advances in the field of genetic analysis, offering a high degree of accuracy in establishing parentage and providing forensic evidence. Empirical studies indicate that it surpasses traditional methods of proof in terms of reliability and probative value in parentage cases, thereby contributing to the sound administration of justice by supplying conclusive evidence that helps resolve family disputes and protect children's rights (Tchouar, 2001). Subsequent research has confirmed the effectiveness of this technique in eliminating legal uncertainty associated with verification of parentage (Igourafa, 2010).

In the criminal sphere, DNA fingerprinting has become a central tool for identifying suspects and exonerating the innocent persons, thereby enhancing the effectiveness of the judicial system and reducing the risk of wrongful convictions, as confirmed by recent legal and criminological studies. However, these advantages are accompanied by significant challenges relating to the protection of genetic privacy and individual rights, particularly in view of potential misuse or unlawful exploitation of genetic data, which may give rise to serious ethical and legal violations (Abdel Daim, 2009). This analysis therefore underscores the need to strike a careful balance between the imperative of using DNA fingerprinting in judicial proceedings and the requirement to safeguard individuals' rights and genetic privacy.

Conclusion

On the basis of the comparative analysis of Algerian and French law, the following recommendations may be advanced:

[23] Léon, A. (2021) [News] Publication of the Decree of 29 October 2021 Amending the FNAEG: Key Points to Remember, *Le Quotidien*, November. Available at: https://www.lexbase.fr/article-juridique/73944246-breves-publication-du-decret-du-29-octobre-2021-modifiant-le-fnaeg-ce-quil-faut-retenir (accessed: 20th November 2025).

– Although the current Algerian Family Code authorises judges to resort to scientific methods to establish paternity, Article 40 should be amended expressly to permit the establishment of parentage by means of DNA fingerprinting, while specifying the procedures and legal standards governing this mode of proof, in line with the approach adopted in Article 16-11 of the French Civil Code.

– To ensure transparency and credibility, in addition to requiring that DNA analyses be conducted out in independent, state-accredited laboratories, it should be possible to appoint certified experts where necessary so as to guarantee rapid and accurate intervention during investigations, following the model laid down by the French legislature in Article 16-12 of the Civil Code.

– A national committee composed of legal, medical, and administrative experts should be established to monitor compliance with all applicable legal rules and to ensure the quality of DNA-based evidence, drawing inspiration from the experience of the French Comité Consultatif National d'Éthique (CCNE).

– A legal framework should be established to permit the international exchange of genetic data, allowing DNA profiles transmitted by foreign police authorities and international cooperation bodies to be registered and compared within the national database, in order to ensure effective monitoring of suspects across legal borders, in line with the approach set out in Article R53-12 of the French Code of Criminal Procedure. Through these recommendations, Algerian law would seeks to strike a balance between the protection of individual privacy and the effectiveness of criminal and civil justice, drawing on comparative legislative experience – particularly that of French law – and thereby enhancing transparency, credibility, and the protection of fundamental individual rights.

References / Список литературы

Abdel Daim, H.M.A. (2009) *Genetic Fingerprinting and Its Evidentiary Value: A Comparative Study Between Islamic Jurisprudence and Positive* [البصمة الوراثية ومدى حجيتها في الإثبات :دراسة مقارنة بين الفقه الإسلامي والقانون الوضعي]. 1st ed. Egypt, Dar Al-Fikr Al-Jamei Publ., pp. 895–896. (In Arabish).

Al-Jundi, I.S. & Al-Husseini, H.H. (2002) *Applications of Genetic Fingerprinting Technology in Investigation and Forensic Medicine*. [تطبيقات تقنية البصمة الوراثية في D.N.A. التحقيق والطب الشرعي]. Riyadh, Naif Arab Academy for Security Sciences Publ. (In Arabish).

Al-Qaradaghi, A.M. (2003) Genetic Fingerprinting from the Perspective of Islamic Jurisprudence [البصمة الوراثية من منظور الفقه الإسلامي]. *Journal of the Islamic Fiqh Academy*. [مجلة المجمع الفقهي الإسلامي]. 16, 27–67. (In Arabish).

Al-Rifai, A.R.A. (2013) *Genetic Fingerprinting and Its Rulings in Islamic Jurisprudence and Positive Law (A Comparative Jurisprudential Study)* [البصمة الوراثية وأحكامها في الفقه الإسلامي والقانون الوضعي – دراسة فقهية مقارنة]. 1 st ed. Lebanon, Al-Halabi Legal Publications. (In Arabish).

Doutremepuich, C. (2012) Genetic Fingerprints in Judicial Practice [Les empreintes génétique en pratique judiciaire]. *Bulletin of the National Academy of Medicine [Bull. Acad. Natle Méd]*. (6), 1117–1130. (In French). https://doi.org/10.1016/s0001-4079(19)31742-x EDN: RMCQYN.

Hassan, A.A.Y. (2012) *Modern Scientific Evidence and Its Role in Criminal Proof* [الأدلة العلمية الحديثة ودورها في الإثبات الجنائي]. Master's Thesis in Public Law. Jordan, Middle East University. (In Arabish).

Igourafa, Z. (2010) Filiation Between Scientific Advances and Legal Rigidity in Western and Arab Countries (Genetic Fingerprinting) [النّسب بين تطور العلم وجمود التشريع في البلدان الغربية والعربية

(البصمة الوراثية)]. *Academic Journal of Legal Research*. [*Revue Académique de la Recherche Juridique*]. 1 (1), 72–85. (In Arabish).

Mohafezi, M. (2012) *Fingerprints as Scientific Evidence and Their Probative Value in Criminal Proof* [البصمات كدليل علمي وحجيتها في الإثبات الجنائي]. Master's Thesis in Criminal Law and Criminal Sciences. University of Algiers 1. (In Arabish).

Shaaban, K.M. (2008) *Forensic Medicine Responsibility (A Comparative Study Between Islamic Jurisprudence and Positive Law).* [مسئولية الطب الشرعي /دراسة مقارنة بين الفقه الإسلامي و القانون الوضعي*]*. Egypt, Dar Al-Fikr Al-Jami'i Publ. (In Arabish).

Shams El-Din, A.T. (2008) Genetic Genes and Criminal Protection of the Right to Privacy (Comparative Study) [الجينات الوراثية والحماية الجنائية للحق في الخصوصية – دراسة مقارنة]. In: *Symposium on Ethical Aspirations of Human Genetics Applications in the Arab World, Held within the Second Arab Conference on Human Genetics. Dubai, United Arab Emirates.* (In Arabish).

Tchouar, D. (2001) *Marriage and Divorce in Light of Modern Medical and Biological Discoveries* [الزواج والطلاق اتجاه الإكتشافات الحديثة للعلوم الطبية و البيولوجية]. Algeria, D.M.J. Publ. (In Arabish).

Tchouar, D. (2003) The Judiciary as an Arbitrary Interpretative Source of the Legal Rule Governing Lineage [القضاء مصدر تفسيري تعسفي للقاعدة القانونية المنظمة للنسب]. *MJACAS.* 40 (1), 9–22. (In Arabish).

Umm al-Khair Buqra (2010) The Role of Genetic Fingerprinting in Protecting Lineage [دور البصمة الوراثية في حماية النسب]. *Law journal* [مجلة الاجتهاد القضائي]. 5 (7), 77–91. (In Arabish).

About the author:

Yekhlef Abdelkader **–** PhD in Law, Associate Professor, advocate, Amara Teliji University; BP G37, Route Gardaya, Laghouat, Laghouat Province, Algeria

ORCID: 0009-0005-8368-777X

e-mail: a.yekhlef@lagh-univ.dz

Сведения об авторе:

Йехлеф Абделькадер **–** кандидат юридических наук, доцент, адвокат, Университет Амара Телиджи; BP G37, Маршрут Гардайя, Лагуат, провинция Лагуат, Алжир

ORCID: 0009-0005-8368-777X

e-mail: a.yekhlef@lagh-univ.dz

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 349–364
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-349-364
EDN: DHKTAP

Научная статья / Research Article

Регулирование в Австралийском Союзе цифровых активов в контексте проблем формирования конкурсной массы

С.В. Одинцов ✉, М.С. Грибановская

Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
✉odintsov-sv@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению особенностей правового регулирования цифровых активов в Австралии и их правового режима в контексте банкротных процедур. Актуальность работы обусловлена стремительным развитием технологий и ростом популярности цифровых активов и возникающими проблемами регулирования их оборота, в том числе с позиции конкурсного права. Цель исследования – комплексный анализ текущего состояния правового регулирования цифровых активов в Австралийском Союзе, особенностей их правовой природы и возможности включения таких активов в конкурсную массу при процедуре банкротства. Использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы исследования. Проанализированы нормативные правовые акты Австралии, судебная практика, рекомендации регулирующих органов и научные публикации отечественных и зарубежных исследователей. Анализ выделяемых правовой доктриной моделей регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты позволил сделать вывод, что Австралийский Союз придерживается разрешительной модели с элементами косвенного регулирования в сфере цифровых активов. В отсутствие специализированного национального законодательства правоприменительная практика использует смежные нормативные акты и рекомендации регуляторов. Исследование правового регулирования цифровых активов в контексте конкурсного права позволило сделать вывод, что в Австралии цифровые активы при банкротстве рассматриваются как имущество, подлежащее включению в конкурсную массу, на уровне судебной практики и правовой доктрины, а не законодательства. При этом законодательство Австралийского Союза о банкротстве предусматривает механизмы по поиску и включению цифровых активов в конкурсную массу, а для управляющих в деле о банкротстве разработаны рекомендации по работе с такими активами в банкротстве.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюта, оборот криптоактивов, банкротство, имущество, конкурсная масса, правовая природа, модель правового регулирования

Вклад авторов: *Одинцов С.В.* – анализ материалов, написание текста, рецензирование и редактирование рукописи; *Грибановская М.С.* – формулирование идеи научного исследования, сбор и научный анализ материалов, написание текста. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Одинцов С.В., Грибановская М.С., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научной школы «Компаративистика частного права и цивилистического процесса».

Поступила в редакцию: 15 октября 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Одинцов С.В., Грибановская М.С. Регулирование в Австралийском Союзе цифровых активов в контексте проблем формирования конкурсной массы // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 349–364. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-349-364 EDN: DHKTAP

Regulation of Digital Assets in the Commonwealth of Australia in the Context of Bankruptcy Estate Formation

Stanislav V. Odintsov ✉, Maria S. Gribanowskaya

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉odintsov-sv@rudn.ru

Abstract. The article examines the legal regulation of digital assets in Australia, with particular emphasis on their status within bankruptcy procedures. The study's relevance stems from rapid technological advncements, the surging popularity of digital assets, and persistent challenges in regulating their turnover, including under insolvency law. The objective is to conduct a comprehensive analysis of Australia's current regulatory framework for digital assets, their legal nature, and their inclusion in the bankruptcy estate. The research employs comparative-legal, formal-legal, and systemic methods, drawing on Australian legislation, judicial practice, regulatory guidance, and scholarly works from domestic and foreign sources. Analysis reveals that Australia adopts a permissive regulatory model for digital assets – encompassing digital rights and currencies – with indirect regulation via analogous norms and agency recommendations, absent specialized legislation. In bankruptcy contexts, judicial practice and doctrine classify digital assets as property includable in the bankruptcy estate. Australian insolvency law equips trustees with mechanisms to identify, seize, and manage such assets, supported by targeted guidance.

Key words: digital assets, cryptocurrency, crypto assets turnover, bankruptcy, property, bankruptcy estate, legal nature, regulatory models

The authors' contribution: Gribanowskaya M.S. – research conceptualization, material collection and analysis, manuscript drafting; Odintsov S.V. – scientific supervision, material review, editing. Both authors reviewed and approved the final version of the manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the scientific school "Comparativistics of Private Law and Civil Procedural Law".

Received: 15th October 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Odintsov, S.V., Gribanowskaya, M.S. (2026) Regulation of Digital Assets in the Commonwealth of Australia in the Context of Bankruptcy Estate Formation. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 349–364. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-349-364 EDN: DHKTAP

Введение

Практически во всем мировом сообществе ожидаемо прослеживается интерес и явное стремление к чёткости и определённости в регулировании оборота цифровых активов. Нормативная неопределённость и относительная фрагментарность в регламентации – явная проблема многих государств. Усиление законодательной активности в этой сфере свидетельствует о стремлении государств адаптироваться к новым реалиям и обеспечить эффективное регулирование цифровых активов, при этом «основное внимание уделяется не природе таких активов, а их форме и лежащей в основе технологии» (Allen et al., 2020:11).

Отсутствие единообразного правоприменения ограничивает возможности полноценного внедрения и использования цифровых технологий, что препятствует росту имущественного оборота, а в случае запретительных или ограничительных мер обращения цифровых активов, в том числе в силу нежелания национального законодателя регулировать фактически возникающие правоотношения, лишь переводят определённые сделки в «теневой сектор» экономики.

В то же время государственное регулирование цифровых активов не всегда интересует пользователей, многим невыгодно ограничительное вмешательство государства, и больше привлекает саморегулирование. Исследователи отмечают, что разработчики технологии оборота криптоактивов отдают предпочтение крайней форме обеспечения безопасности сделки, а не интересов, которая при этом достигается за счёт технического решения, а не юридических норм (Fox, 2018:40). Не следует умалять роль как кибербезопасности, призванной «предотвратить угрозы и риски, связанные с совершением сделок в онлайн-среде» (Frolova & Berman, 2024:81), так и оптимальной регламентации новых институтов, объектов, инструментов, неизбежно возникающих и складывающихся в условиях цифровой трансформации.

Законодатели многих стран мира понимают перспективность развития отрасли и конкурируют за то, чтобы занять лидирующие позиции на рынке, в т.ч. стремясь создать благоприятные условия для цифровых активов, включая криптовалюты как «самый ранний и самый известный пример криптоактивов» (Ermakova & Frolova, 2019:613). Их объединяет одна общая проблема – гармонизация объёма регулирования в отрасли, соблюдение баланса между контролем и свободным развитием, обеспечивающим рост в соответствующем секторе экономики.

«В разных странах, как и в отдельных территориальных единицах в пределах одной страны, подходы в регулировании цифровых активов отличаются, как и понимание их правовой природы» (Trautman, 2019:473–491). Непоследовательное и неединообразное использование терминологии, отсутствие чётких нормативных определений и комплексной классификации препятствуют согласованному и всестороннему регулированию и управлению цифровыми активами, которые зачастую существуют и на международном, и на национальном уровнях регламентации. Отчасти это связано с различным пониманием законодателей в отдельных юрисдикциях категории цифровых активов и их видов, а также характерных черт и функциональности, в то время как «единство правового понимания, подхода к этому правовому инструменту необходимы для устойчивой практики» (Odintsov, Koncheva & Trubina, 2020:1152).

Среди первостепенных задач правоприменения и направлений регулирования оборота цифровых активов зарубежные исследователи (Allen et al., 2019:30–34) перечисляют гармонизацию нормативной базы, обмен передовым опытом,

планирование политики в отношении налогообложения цифровых активов, защиту прав потребителей и инвесторов, целостность и развитие рынка, расширение доступа к финансовым услугам, финансовую безупречность и прозрачность, финансовую и денежно-кредитную стабильность. Создание более конкретных и понятных правил не только повысит правовую определённость, но и укрепит доверие участников правоотношений к цифровым активам как полноценному объекту права, что будет способствовать развитию инвестиций, ведущих к росту имущественного оборота. Подходы к регулированию цифровых активов различны, но многие исследователи отмечают, что модель регулирования должна быть пропорциональной, гибкой и основанной на учёте рисков.

Растущая популярность цифровых активов порождает в том числе вопросы о судьбе таких активов при банкротстве. На протяжении многих лет при личном и корпоративном банкротстве в первую очередь рассматривались традиционные активы, такие как недвижимость, наличные деньги, финансовые инструменты, в том числе акции и облигации. Особенности цифровых активов и их природа значительно отличаются от привычных активов в банкротстве. Одной из важных задач в современном конкурсном праве является определение природы цифровых активов с точки зрения банкротного законодательства – являются ли они имуществом (или чем-то иным) и подлежат ли включению в конкурсную массу с целью реализации и справедливого распределения полученных доходов между кредиторами должника.

Особенности австралийской модели регулирования оборота цифровых активов

В юридической науке выделяют различные сформировавшиеся в современном мире модели регулирования оборота цифровых прав (токенов) и цифровой валюты (нефиатного средства платежа). Так, Е.В. Зайнутдинова в своем исследовании (Zainutdinova, 2023) описала запретительную, частично запретительную, дозволительную и разрешительную модели. Законодательство Австралийского Союза, посвящённое регламентации оборота цифровых активов, относят к характерной для большинства экономически развитых государств разрешительной модели – оборот криптоактивов не запрещён, но имеются ограничения в контексте национального законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путём, а также противодействии финансированию терроризма. Данный подход предполагает, что цифровые (крипто) активы могут выступать как финансовый инструмент, или взаимозаменяемый товар, или как средство платежа, но при этом субъекты, вводящие их в оборот, подлежат обязательной регистрации в установленном порядке и их деятельность относится к лицензируемой.

Некоторые исследователи (Efimova, Mikheeva & Chub, 2020:91; Krysenkova, 2019:29–30; Volos, 2020:24–25) выделяют подвиды в рамках разрешительной модели: страны с прямым регулированием, в которых создается новый институт в гражданском законодательстве, и страны с косвенным регулированием, где к цифровым активам применяют нормы схожих правовых институтов. К последним относят в том числе Австралийский Союз. Другие авторы (Zainutdinova, 2023:158) разделяют юрисдикции, в которых для регулирования оборота цифровых (крипто) активов принимают специальные конкретизирующие правовые нормы, и те, в которых вместо создания новых норм (инициирования законодательных новелл) адаптируются уже

существующие, в том числе путём формулирования разъяснений уполномоченным регулятором (например, как в Австралийском Союзе).

Интересная типология международных подходов к регулированию криптовалют была представлена в серии рабочих документов Отдела макроэкономической политики и финансирования развития и Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (Pedrosa-Garcia & Winther De Araujo, 2018:9–10). В документе представлены пять вариантов регулирования в зависимости от того, насколько благоприятным оно является для сферы оборота криптовалют: (1) предоставление информации и использование морального воздействия (например, распространение исследований, рекомендаций и предупреждений на рынке); (2) регулирование конкретных организаций (например, введение правил, касающихся финансовой отчётности, защиты прав потребителей и т.д., и обращение в регулирующие органы); (3) толкование существующих нормативных актов (например, адаптация действующих законов к криптовалютам); (4) более широкое регулирование (например, разработка таможенных правил в сфере финансового регулирования в целом, и в сфере обращения криптовалюты в частности); и (5) запрет (например, полный запрет на криптовалютные транзакции и обмены, а также более широкий отказ в любой форме юридического признания). Согласно данной типологии, для Австралии характерен второй подход – «активно регулируется деятельность конкретных организаций, например, путем распространения законов о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма на поставщиков криптовалют в качестве отчитывающихся организаций» (Giancaspro, 2022:17).

Нормативная база и регуляторы

В Австралийском Союзе отсутствует специальный закон, посвященный цифровым активам, применяются положения законодательства о ценных бумагах и инвестиционной деятельности, при этом в некоторые нормативные акты внесены отдельные нормы, посвященные цифровым активам, предусмотрены нормативные рекомендации относительно применимости тех или иных норм, а также различные ведомства выпускают собственные правила использования и оборота криптовалют.

Так, к выпуску и обращению цифровых активов применяются нормы следующих законодательных актов:

– Закона (Акта) «Об электронных транзакциях» 1999 г. (Electronic Transactions Act 1999, далее – ETA)[1], регламентирующего порядок совершения электронных сделок;

– Закона (Акта «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» 2006 г. (Anti-Money Laundering and Counter-Terrorism Financing Act 2006, далее – AML/CFT Act)[2], предусматривающего комплекс мер по борьбе с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма, в том числе для компаний, которые занимаются блокчейн-проектами по инвестированию, и сюда входят такие меры, как обязательная идентификация клиентов, мониторинг транзакций, передача информации о подозрительных действиях. Согласно s. 5 AML/CFT Act цифровая валюта (криптовалюта) выступает средством обмена, средством накопления, мерой

[1] Electronic Transactions Act 1999 (version 22 June 2011). URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A00553/latest/text (дата обращения: 05.08.2025).

[2] Anti-Money Laundering and Counter-Terrorism Financing Act 2006. URL: https://www.legislation.gov.au/F2007L01000/latest/text (дата обращения: 05.08.2025).

стоимости, может заменять деньги, является средством платежа (может использоваться в качестве оплаты за поставку товаров или оказание услуг). Цифровая валюта не выпускается государственными органами. Круг субъектов, которые могут уплачивать вознаграждение в цифровой валюте, не ограничен;

– Закона (Акта) «О корпорациях» 2001 г. (Corporations Act 2001)[3], регулирующего финансовые услуги и продукты, например, требования к раскрытию информации, лицензированию и регистрации в том случае, если компания выпускает токены в рамках ICO[4], которые классифицируются как ценные бумаги (например, акции в компании). Иными словами, цифровые активы могут признаваться объектом инвестиций и, соответственно, регулироваться положениями австралийского корпоративного права, если предоставляют возможность привлечения денежных средств с опосредованием отдельных корпоративных прав, но без права контроля над денежными потоками (cashflow), или если буквально считаются ценной бумагой или производным финансовым инструментом (деривативом) по действующему законодательству, или же если ICO предусматривает возможность оплаты в токенах, которые конвертируются в фиатную валюту для завершения платежа;

– Закона (Акта) «Об Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям» 2001 г. (Australian Securities and Investments Commission Act 2001)[5], являющегося нормативной базой поведения участников рынка финансовых услуг, обеспечивая защиту потребителей и инвесторов. Нормы данного закона о недобросовестной торговой практике могут применяться к ICO (в т.ч. введение в заблуждение и обман потенциальных инвесторов через рекламу).

Отметим, что в Австралии пять основных регулирующих органов, осуществляющих свои полномочия в сфере оборота цифровых активов: Служба финансового мониторинга Австралии (Australian Transaction Reports and Analysis Centre, далее – AUSTRAC), Австралийская комиссия по ценным бумагам и инвестициям (Australian Securities and Investment Commission, далее – ASIC), Резервный банк Австралии (Reserve Bank of Australia, далее – RBA), Австралийское управление пруденциального регулирования (Australian Prudential Regulatory Authority, далее – APRA) и Министерство финансов (Department of the Treasury).

Компании, занимающиеся цифровыми активами, в том числе криптобиржи (Digital Currency Exchangers, далее – DCEs) должны зарегистрироваться в AUSTRAC для управления потенциальными рисками в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, и зачастую на этом регулирование их деятельности и заканчивается. Также s. 229 AML/CFT Act указывает, что Генеральный директор AUSTRAC вправе разрабатывать правила борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, являющиеся законодательными актами (далее – AML/CFT Rules). Так, например, AML/CFT Act от и AML/CFT Rules[6] ввели реестр DCEs (Digital Currency Exchange Register).

---

[3] Corporations Act 2001 (version 17 March 2025). URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A00818/latest/text (дата обращения: 05.08.2025).

[4] Initial coin offering (с англ. – «первичное размещение монет») – инновационная форма привлечения инвестиций для криптовалютных проектов, осуществляется путем продажи инвесторам выпущенных токенов, а вырученные средства направляются на реализацию проекта.

[5] Australian Securities and Investments Commission Act 2001 (version 21 February 2025). URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A00819/latest/text (дата обращения: 05.08.2025).

[6] Anti-Money Laundering and Counter-Terrorism Financing Rules Instrument 2007 (No. 1) (version 22 November 2024. URL: https://www.legislation.gov.au/F2007L01000/latest/text (дата обращения: 05.08.2025).

ASIC играет основную роль в формировании правовой среды ICO выпускает информационные бюллетени и руководства, чтобы помочь «стартапам» ориентироваться в процессе проведения ICO в соответствии с австралийским законодательством. ASIC осуществляет надзор со стороны регулирующих органов за цифровыми активами, являющимися финансовым продуктом с точки зрения Закона «О корпорациях» 2001 года, и компании, работающие с финансовыми продуктами, должны иметь в зависимости от обстоятельств либо Австралийскую лицензию на оказание финансовых услуг (Australian Financial Services License, далее – AFSL), либо лицензию на управление рынком (Australian Market Licence, далее – AML). При этом ASIC регулирует лишь криптоактивы, относящиеся к финансовым, а на остальные может распространяться законодательство о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, подпадающее под сферу регулирования AUSTRAC, либо о защите прав потребителей, подпадающее под сферу регулирования Австралийской комиссии по конкуренции и защите прав потребителей (Australian Competition and Consumer Commission, далее – ACCC), и законодательство о налогообложении, подпадающее под сферу регулирования Австралийского налогового управления (Australian Taxation Office, далее – ATO). Сложность состоит в том, что нет четкого разграничения, какие активы следует относить к финансовым, а какие не следует, вопрос решается исходя из характеристик конкретных цифровых активов. Некоторые исследователи (Giancaspro, 2022:18) отмечают преимущества передачи ASIC полномочий по регулированию криптоактивов в Австралии.

RBA отвечает за платёжную политику и мониторинг разработки цифровых активов, предназначенных для использования в качестве платёжных механизмов, таких как стейблкоины (stablecoins).

APRA — основной финансовый регулятор в Австралии, его основной задачей является обеспечение стабильности финансовой системы страны и контроль за тем, чтобы финансовые учреждения работали ответственно и прозрачно, в интересах потребителей и инвесторов. APRA устанавливает стандарты, которым должны следовать финансовые организации. Эти стандарты регулируют в том числе управление рисками, размер капитала и корпоративное управление.

Министерство финансов Австралийского Союза помимо прочего занимается разработкой подходов к регулированию цифровых активов, чтобы сбалансировать инновации и защиту потребителей. Так, в марте 2025 г. Министерство опубликовало Заявление о развитии инновационной индустрии цифровых активов в Австралии (Statement on Developing an Innovative Australian Digital Asset Industry), где изложены приоритеты в новой сфере цифровых активов, так, в частности, в документе обосновывается их значимость для развития экономики (цифровые активы, например, криптоактивы, описываются как «быстро развивающаяся часть экономики, предлагающая возможности для создания новых продуктов и повышения производительности от оптимизации платёжных систем до преобразования методов инвестирования и ведения бизнеса»), и предложен подход к реформированию регулирования цифровых активов, который «поможет отрасли выявлять возможности и управлять рисками, внедрять инновации при одновременной защите интересов потребителей и поддерживать целостность рынка»[7]. При этом, Министерство финансов в стремлении

[7] The Australian Treasury Statement on Developing an Innovative Australian Digital Asset Industry (March 2025). URL: https://treasury.gov.au/sites/default/files/2025-03/p2025-628504-s.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

соответствовать передовой международной практике, стимулирования инновации и повышения конкуренции подготавливает законопроекты с учётом распространения действия существующих законов о финансовых услугах на ключевые платформы цифровых активов, но не на всю экосистему цифровых активов. Ключевые направления воздействия реформирования касаются регулирования платформ цифровых активов (Digital Asset Platforms, далее – DAPs), включая стейблкоины, обзора «регуляторной песочницы» и ряда инициатив по изучению способов безопасного использования потенциальных преимуществ технологии цифровых активов на финансовых рынках и в экономике Австралии в целом.

Представляется, что подобное регулирование может быть избыточным, если определенные цифровые активы по своим характеристикам подпадут в сферу регулирования одновременно нескольких правовых актов и органов. Это приводит к дублирующей нагрузке на существующих участников отношений в сфере создания и обращения цифровых активов, увеличению затрат на соблюдение требований участниками отрасли и ресурсов регулирующих органов в плане надзора и мониторинга.

В Австралии действует отраслевой «Кодекс поведения участников сферы цифровых валют» (Australian Digital Currency Industry Code of Conduct)[8], созданный инициативой и усилиями Ассоциации цифровых валют и коммерции (Australian Digital Currency Commerce Association, сокращ. – ADCCA), которая в 2019 году объединилась с Blockchain Australia, а в 2024 году организация была переименована в Совет по цифровой экономике Австралии (Digital Economy Council of Australia, далее – DECA). Предусмотренные данным «кодексом» базовые стандарты индустрии цифровых валют и ведения криптовалютного бизнеса обязательны лишь для членов DECA.

Законодательное регулирование процессов создания и обращения цифровых активов в Австралии активно развивается. В рамках данного процесса новые объекты прав постепенно интегрируются в действующее законодательство, направленное на противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию террористической деятельности, происходит адаптация к требованиям лицензирования профессиональных участников рынка цифровых валют. Помимо этого непрерывно осуществляется процесс правового информирования, просвещения и продвижения осознанных концепций относительно правовой природы цифровых (крипто) активов, специфики их обращения, потенциальных возможностей и преимуществ использования в имущественном обороте и значимости для развития национальной экономики.

Природа цифровых активов с точки зрения австралийского конкурсного права

В Австралии в качестве обобщающего термина для описания продуктов, которые также обычно обозначаются «цифровыми активами» (digital assets), «виртуальными активами» (virtual assets) или «цифровыми токенами» (digital tokens) ASIC[9]

[8] Australian Digital Currency Industry Code of Conduct (October 2021). URL: https://deca.org.au/wp-content/uploads/2021/10/Code-of-Conduct-October-2021.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

[9] См. п. 2.4-2.5 Select Committee on Australia as a Technology and Financial Centre – Final report (October 2021). URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Senate/Financial_Technology_and_Regulatory_Technology/AusTechFinCentre/Final_report (дата обращения: 11.08.2025).

применяет такое понятие, как «криптоактивы» (crypto-asset), определяя их как разновидность ценностей в цифровой форме или вытекающих из договоров прав, которые могут передаваться, храниться или продаваться в электронной форме. Криптоактивы, исходя даже из их обозначения, используют криптографию, «технологию распределённого реестра (Distributed Ledger Technology, далее – DLT), разновидностью которой является блокчейн» (Odintsov & Koshelyuk, 2023:221) и иные сквозные технологии для обеспечения таких функций, как заявляемые безопасность и конфиденциальность (в большинстве случаев при псевдоанонимности). Наряду с этим они могут обладать, а могут и не обладать идентифицируемыми экономическими характеристиками, которые отражают фундаментальную или присущую им ценность.

Исследователи отмечают (Remolina, Gurrea-Martínez & Liu, 2026:15), что значительная часть научной литературы основное внимание уделяет природе криптоактивов и тому, следует ли их классифицировать как имущество, которое подлежит включению в конкурсную массу. С точки зрения законодательства о банкротстве, в конкурсную массу обычно включает в себя всё имущество, которым владеет должник, будь то материальные или нематериальные объекты. Несмотря на отличия в банкротном законодательстве в разных юрисдикциях, как правило, все сходятся в том, что цифровые активы не освобождаются от включения в конкурсную массу. Чаще всего суды рассматривают криптовалюту и NFT как имущество, а не валюту, а значит они включаются в состав имущества должника и входят в конкурсную массу, и, следовательно, подлежат реализации в соответствии с законодательством о банкротстве. Для достижения этой цели может потребоваться проведение процедуры оценки их актуальной фактической стоимости, что представляется непростой задачей «ввиду их высокой (буквально ежедневной) волатильности, а для оценки NFT не существует стандартизированного метода, поскольку они часто уникальны и зависят от текущего спроса на рынке» (Odintsov & Gribanovskaya, 2025).

Вопрос о признании цифровых активов имуществом имеет сверхпервостепенную важность и существенность, поскольку исключительно от соответствующих выводов зависит правовая квалификация криптовалют в банкротных процедурах, в частности, могут ли они включаться в состав конкурсной массы, фидуциарно передаваться в траст (trust) в пользу владельца счета (тогда владельцы счета, к примеру, будут считаться обеспеченными кредиторами криптобиржи) или являются лишь договорными обязательствами. «Часто права собственности на финансовый актив функционально заменяются обязательственными правами в отношении посредника (который хранит ключи от цифровых активов) в сложных многоуровневых структурах» (Allen et al., 2020:27–28).

В некоторых юрисдикциях (например, ФРГ, Япония) нематериальные (бестелесные) объекты (как цифровые активы) являются объектами имущественных прав (требования), а не права собственности. В других юрисдикциях менее строго определены категории, относящиеся к объектам права собственности, и имущественные права относятся к вещам бестелесным (res incorporales), а, следовательно, цифровые активы включаются в правовую систему без особых сложностей. Некоторые зарубежные исследователи (Hidayatullah et al., 2023:453) относят криптоактивы к нематериальным объектам. Нематериальные активы не совсем вписываются в концепцию права собственности, так как правомочие владения зачастую подразумевает фактическое обладание (физическое), отсюда возникают вопросы, в какой степени концепция права собственности и правомочие владения применимы к цифровым

активам, ведь средства правовой защиты, применимые при защите прав собственника или владельца, недоступны для обладателей цифровых активов, для которых «больше подходит концепция контроля» (Allen et al., 2020:25). Средства правовой защиты особенно важны в случаях, когда оспаривается правовой титул на объект, например, после предполагаемой передачи правового титула или в ситуации банкротства, когда необходимо использовать активы физического лица в интересах кредиторов.

Рассмотрим, как решается данный вопрос в первую очередь в Австралии, но также интересны и государства со сходными правовыми системами – Соединённое Королевство, Новая Зеландия, Сингапур.

Юрисдикции англо-саксонской системы права, как правило, придерживаются более открытого подхода, который фокусируется преимущественно на средствах правовой защиты, доступных обладателю права собственности, чем на концептуальном определении типа вещи, на которую могут распространяться права собственности. В системе конкуренции владельческих прав цифровые (крипто) активы обычно классифицируются как имущество. Однако, они по своим признакам и сущностным характеристикам не соответствуют в полной мере ни одной из традиционно выделяемых категорий движимого имущества, к которым относят: things (choses) in possession – это материальные объекты, которые могут быть объектом фактического владения, вещных (абсолютных) прав, и things (choses) in action – нематериальные (бестелесные) по своей природе объекты (включая объекты исключительных прав), которыми нельзя обладать фактически, то есть права требования (относительные права). Соответственно цифровые (крипто) активы образуют иную, новую, третью категорию. Хотя в научных комментариях утверждается, что «актив не может представлять собой новую форму имущества, если он не может быть классифицирован как chose in action или chose in possession, очевидно, что существуют исключения» (Babie et al., 2020:9). В консультационном документе Юридической комиссии Соединённого Королевства (экспертной организации при Министерстве юстиции по правоприменению) рассматривается и обосновывается возможность признания новой категории движимого имущества – «объекты данных» («data objects»), которую следует отличать от choses in possession и choses in action и которая включает в себя цифровые активы (digital assets)»[10]. Признание такой категории в праве Англии и Уэльса в свою очередь оказывает непосредственное влияние и на правопорядки Содружества наций, включая Австралию. Также в вышеуказанном документе названы критерии отнесения объектов к этой новой «категории имущества: они должны состоять из данных, представленных на «электронном носителе» (включая такие форматы, как компьютерный код и электронные, цифровые или аналоговые сигналы); должны существовать независимо от субъектов права (лиц) и правовой системы (не должны быть субъектом или частью субъекта права, либо вещью, признаваемой таковой в силу закона); и должны быть конкурирующими (rivalrous), то есть такие объекты неспособны к одновременному использованию по прямому назначению несколькими лицами»[11].

А опираясь на данные критерии, выделяются «пять категорий объектов данных («data objects»): (1) цифровые файлы и цифровые записи; (2) учётные записи

[10] LAW COMMISSION (UK), DIGITAL ASSETS: CONSULTATION PAPER (Consultation Paper 256, July 28, 2022) URL: https://www.lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (дата обращения: 10.08.2025).
[11] Ibid.

электронной почты и некоторые игровые цифровые активы; (3) доменные имена; (4) различные типы схем борьбы с выбросами углерода; и (5) крипто-токены»[12]. При этом всем трём выделенным критериям соответствуют только крипто-токены. Отмечают, что «возможность рассматривать цифровые активы как объекты прав собственности была отмечена непосредственно в странах общего права на основе английских прецедентов» (Wyczik, 2024:192).

Знаковые судебные решения, признающие криптоактивы имуществом, были приняты в Соединённом Королевстве (криптоактивы могут быть объектами права собственности даже несмотря на то, что криптоактив не может быть choses in action, хотя бы для целей судебного запрета на владение[13]), Сингапуре (объектом права собственности были признаны биткоины[14]). В Новой Зеландии, где «каждый поставщик финансовой услуги (физическое лицо или юридическое лицо) обязан зарегистрироваться в Реестре поставщиков финансовых услуг (FSPR)» (Frolova, 2017:51), при рассмотрении дела Ruscoe v Cryptopia Ltd (2020) суд резюмировал, что «для целей корпоративного законодательства криптовалюта может считаться объектом права собственности, может храниться криптобиржей в трасте в пользу владельцев счетов – и, таким образом, недоступна для её кредиторов» [15]. Криптовалюты соответствуют установленным общеправовым критериям для идентификации имущества[16]: они поддаются идентификации (с помощью закодированной информации, размещённой в сети, которая легко привязывается к владельцу аккаунта), контроль владельцем и возможность исключить контроль третьих лиц над активом (обеспечивается закрытым ключом и отображением публичного адреса владельца в качестве последней записи в блокчейне), могут быть переданы третьим лицам (криптоактивы продаются на рынке) и обладают определённой степенью постоянства (блокчейн как неизменяемая технология обеспечивает систему, гарантирующую необходимую стабильность криптоактивов). Суд также пришёл к выводу, что было бы парадоксально, если бы актив, обладающий большим имущественным потенциалом, чем обычная задолженность, не считался имуществом, а сложность отнесения криптовалюты к одной из категорий – chose in action или chose in possession, не препятствует их отнесению к имуществу.

В Австралии Окружной суд Нового Южного Уэльса в деле Nathan Hague v Sarah Louise Cordiner удовлетворил «исковые требование истца об обеспечении судебных издержек хранящейся на криптобирже криптовалютой, подтвердив таким образом, что криптовалюта является имуществом»[17]. Суды в государствах англо-саксонской системы права считают все вышеупомянутые критерии для идентификации

[12] LAW COMMISSION (UK), DIGITAL ASSETS: CONSULTATION PAPER (Consultation Paper 256, July 28, 2022) URL: https://www.lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (дата обращения: 10.08.2025).

[13] AA v Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm). URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2019/3556.html (дата обращения: 10.08.2025).

[14] B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd (2019). SGHC(I) 03. URL: https://www.sicc.gov.sg/docs/default-source/modules-document/judgments/b2c2-ltd-v-quoine-pte-ltd_a1cd5e6e-288e-44ce-b91d-7b273541b86a_8de9f2e2-478e-46aa-b48f-de469e5390e7.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

[15] Ruscoe v Cryptopia Ltd (in Liquidation) [2020] NZHC 728, 831-39, 843, 846. URL: https://www.buddlefindlay.com/media/3092/ruscoe-v-cryptopia-ltd-in-liq-civ-2019-409-544.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

[16] Такие критерии были сформулированы в деле National Provincial Bank v Ainsworth [1965] 1 AC 1175, 1247-1248. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1965/1.html (дата обращения: 10.08.2025).

[17] Hague v Cordiner (No. 2) [2020] NSWDC 23 (24 February 2020). District Court of New South Wales. URL: https://www.caselaw.nsw.gov.au/decision/5e533995e4b0c8604babc1ba (дата обращения: 10.08.2025).

имущества выполненными по отношению к цифровой валюте (криптовалюте), а следовательно, её можно отнести к нематериальным активам как совокупность общедоступных данных, закрытого ключа и системных правил. Более того, их относят к правам требования (choses in action), которые вместе с абсолютными правами (choses in possession) относятся к категории собственности в странах общего права. При этом продолжаются попытки вывода их в новую отдельную группу, наравне с абсолютными правами и правами требования.

Некоторые авторы (Allen et al., 2020:30) полагают, что и для целей банкротства биткоины могут признаваться объектами собственности. Д. Фокс (Fox, 2018:2, 3–4, 19) подчеркивает важность признания криптовалюты объектами права собственности, в том числе для целей банкротства, и указывает на применимость общих правил права собственности к криптоактивам, в той мере, в какой это позволяет природа таких активов, то есть с поправками на их нематериальность, поскольку концепция владения в общем праве применима лишь к материальным вещам.

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления цифровых активов как имущества, в том числе для целей законодательства о банкротстве, судебная практика в государствах англо-саксонской системы права (и в Австралии в частности) признаёт их имуществом, но при этом рассматриваемые дела за редким исключением (Ruscoe v Cryptopia Ltd, 2020) [18] не относятся к банкротным, то есть цифровые (крипто) активы рассматриваются как имущество в делах других категорий. Тем не менее правовая доктрина полагает правильным распространить данную точку зрения и на дела о банкротстве, с чем мы согласимся, учитывая, что такие активы могут иметь высокую ценность и реализованы, что впоследствии безусловно благоприятно скажется на доле (объёме) удовлетворенных требований кредиторов.

Рекомендации регулятора

Рекомендации Австралийского управления финансовой безопасности (Australian Financial Security Authority, далее – AFSA) для управляющих имуществом должника по работе с криптовалютой в контексте личного банкротства обходят стороной вопрос «признания цифровых активов имуществом, и скорее имеют практическую направленность. В частности, объясняется, как следует идентифицировать, классифицировать и реализовывать цифровые активы»[19]. Анализ предложенных рекомендаций позволяет сказать, что действия, производимые с цифровыми активами, аналогичны тем, которые производят с традиционными активами, то есть с имуществом, но с поправкой на их нематериальную форму и иные особенности. Нельзя не отметить, что указанные рекомендации охватывают «далеко не весь спектр потенциальных проблем, которые могут возникнуть на практике» (Odintsov & Gribanovskaya, 2025:227). Цифровые активы переходят к управляющему в деле о банкротстве (trustee) в случае неплатежеспособности в день признания должника банкротом или после него точно так же, как и любое другое имущество, которое было приобретено или находилось во владении до банкротства. Исключение из этого общего правила может возникнуть при определённых обстоятельствах, изложенных в положениях

[18] Ruscoe v Cryptopia Ltd (in Liquidation) [2020] NZHC 728, 831-39, 843, 846. URL: https://www.buddlefindlay.com/media/3092/ruscoe-v-cryptopia-ltd-in-liq-civ-2019-409-544.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

[19] Dealing with cryptocurrency in a bankrupt estate. URL: https://www.afsa.gov.au/professionals/dealing-cryptocurrency-bankrupt-estate (дата обращения: 10.08.2025).

раздела 116 Закона (Акта) «О банкротстве» (Bankruptcy Act) 1966 года (Cth)[20] (далее – Закон о банкротстве). Как и в случае со всеми другими активами, должник обязан раскрывать информацию о любых цифровых активах, которыми он владеет, своему управляющему в случае банкротства, включая те, что были приобретены после даты признания должника банкротом и до даты завершения процедуры банкротства. Действия должников-банкротов, связанные с нераскрытием такой информации или распоряжением цифровыми активами вместо их передачи управляющему, могут быть квалифицированы как правонарушения в соответствии с положениями Закона о банкротстве и соответственно могут повлечь за собой соответствующие санкции.

При этом также следует учитывать, что в отличие от иных разновидностей имущества здесь нет общедоступной информации или реестров, позволяющих проводить поиск по цифровым активам, принадлежащим физическим или юридическим лицам. Это чрезвычайно затрудняет, хотя и не делает невозможным, идентификацию управляющим имеющихся у должника цифровых активов, включая криптовалюту. Доказательства владения цифровыми активами, которые банкрот добровольно не раскрывает, часто можно найти в финансовых транзакциях. Не стоит забывать и об «иллюзии анонимности транзакций, поскольку они фиксируются в децентрализованной распределённой блокчейн сети и существует потенциальная возможность их проверки и отслеживания в режиме реального времени через общедоступные ресурсы с открытым (публичным) исходным кодом» (Odintsov & Koshelyuk, 2023:221). Управляющий в деле о банкротстве вправе потребовать предоставить или получить записи, сходные данные для восстановления истории посещений Интернета, аккаунты, QR-коды, приватные ключи и иные данные от электронной почты и/или физическое оборудование, включая компьютеры, мобильные телефоны, USB-накопитель, а также аппаратные кошельки (cryptowallet). Кроме того, управляющий может использовать следующие инструменты криптоанализа, которые помогут определить точки вывода цифровых активов: Numisite (инструменты с открытым исходным кодом), Blockchain explorer Chainalysis, лицензионные инструменты (Ciphertrace/Neutrino X Flow). Ввиду того, что вышеупомянутые мероприятия позволят только отслеживать транзакции и определить суммы, требуется сотрудничество должника, либо в соответствующих случаях управляющим рекомендуется рассмотреть возможность использования механизмов соблюдения требований законодательства, доступных им в соответствии с Законом о банкротстве, включая: Раздел 77A (запрос), Раздел 81 (проверка), Раздел 130 (ордера на обыск) Закона о банкротстве[21].

Если управляющий в деле о банкротстве подозревает, что должник-банкрот, не соблюдающий требования о предоставлении вышеуказанных сведений и/или оборудования, обладает цифровыми (крипто) активами, то ему следует воспользоваться полномочиями на получение информации, доказательств и документов и на доступ к помещениям и документам должника и третьих лиц (Разделы 77C и 77 AA)[22]. Необходимо указать, что в соответствии с подразделами 19(1)(h) и (i) Закона о банкротстве, «при управлении имущественной массой управляющий должен рассмотреть вопрос о том, совершил ли банкрот нарушение Закона о банкротстве, и, при необходимости, передать этот вопрос Генеральному инспектору по делам о банкротстве,

[20] Australian Bankruptcy Act 1966 (version October 14, 2024). URL: https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text (дата обращения: 21.08.2025).
[21] Ibid.
[22] Ibid.

представителю AFSA, отвечающему за надзор за системой банкротства физических лиц, включая мониторинг и регулирование поведения управляющих и администраторов долговых соглашений, чтобы обеспечить соблюдение ими высоких стандартов практики»[23].

Заключение

Правовое регулирование цифровых активов придерживается разрешительной модели с элементами косвенного регулирования и находится в стадии активного формирования и развития, отражая глобальные тренды цифровой трансформации экономики и права, и представляет собой динамичную и комплексную систему, которая постепенно адаптируется к инновационным технологическим вызовам глобальной экономики. Австралийский подход характеризуется использованием существующих нормативных актов с внесением отдельных изменений и дополнений, направленных на регулирование оборота цифровых активов, без создания специального законодательства.

Целый ряд регулирующих органов выполняет определённые функции по контролю и развитию этого сектора, что может являться избыточным. Австралийский законодатель стремится к балансу между инновационным развитием цифровой экономики и необходимостью защиты прав потребителей и кредиторов.

Перспективы развития регулирования цифровых активов в Австралии связаны с дальнейшей гармонизацией законодательства, совершенствованием подходов к лицензированию и созданием более прозрачных механизмов контроля. Несмотря на определённые сложности и неоднозначность правового регулирования, Австралийский Союз демонстрирует прогрессивный подход к интеграции цифровых активов в экономическую и правовую реальность.

В контексте банкротных процедур цифровые активы в Австралии, как и в других странах англо-саксонской системы права, рассматриваются как имущество, подлежащее включению в конкурсную массу, но не на уровне законодательных актов, а на уровне совокупности выводов судебной практики, разъяснений уполномоченных органов и доктринальных трактовок. При этом банкротное законодательство Австралийского Союза предусматривает механизмы по поиску и включению цифровых активов в конкурсную массу, а для управляющих в деле о банкротстве разработаны рекомендации по работе с цифровыми активами в банкротстве.

References / Список литературы

Allen, J., Blandin, A., Cloots, A., Hussain, H., Rauchs, M., Saleuddin, R., Zhang, B. & Cloud, K. (2019) Global cryptoasset regulatory landscape study. *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*. (23), 1–123. https://doi.org/10.2139/ssrn.3379219

Allen, J., Rauchs, M., Blandin, A. & Bear, K. (2020) *Legal and Regulatory Considerations for Digital Assets*. Cambridge, CCAF Publications.

Babie, P.T., Brown, D., Catterwell, R. & Giancaspro, M. (2020) Cryptocurrencies as Property: Ruscoe and Moore v Cryptopia Limited (In Liquidation) NZHC 728. *University of Adelaide Law Research Paper*. (33), 1–15.

Efimova, L.G., Mikheeva, I.E. & Chub, D.V. (2020) Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulating smart contracts in Russia and foreign states. *Law. Journal of the Higher School*

[23] Australian Bankruptcy Act 1966 (version October 14, 2024). URL: https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text (дата обращения: 21.08.2025).

of Economics. (4), 78–105. (In Russian). https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.78.105 EDN: RBAGEC.

Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.78.105 EDN: RBAGEC.

Ermakova, E. P. & Frolova, E. E. (2019) Legal Regulation of Digital Banking in Russia and Foreign Countries (European Union, USA, PRC). *Perm University Herald. Juridical Sciences*. (46), 606–625. (in Russian). https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-606-625 EDN: SBRRYL.

Ермакова Е.П., Фролова Е.Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 606–625. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-606-625 EDN: SBRRYL.

Fox, D. (2018) Cryptocurrencies in the Common Law of Property. *Law & Society: Private Law – Property eJournal*. 1–42. https://doi.org/10.2139/ssrn.3232501

Frolova, E.E. (2017) The Concept of Financial Dispute in Accordance with the Provisions of the New Zealand Financial Service Providers Act 2008 (As Amended in 2014). *"Black Holes" in Russian legislation*. (4), 51–54. (In Russian). EDN: ZDPIWB.

Фролова Е.Е. Понятие финансового спора в соответствии с положениями Закона Новой Зеландии о поставщиках финансовых услуг 2008 г. (с изменениями 2014г.) // Черные дыры в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 51–54. EDN: ZDPIWB.

Frolova, E.E. & Berman, A.M. (2024) Expression of the Parties' Will in the Context of Digital Transformation: Current Trends in Law Enforcement. *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 17 (3), 57–83. (In Russian). https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.57.83 EDN: CZYVCM.

Фролова Е.Е., Берман А.М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 57–83. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.57.83 EDN: CZYVCM.

Giancaspro, M. (2022) Cryptocurrency and the Consideration Conundrum: Does Crypto Have Legal Value under Contract Law? *Journal of Banking and Finance: Law and Practice*. 33 (1), 3–20.

Hidayatullah, T., Subagyono, B. S. A., Chumaida, Z. V., & Aditya, K. L. S. (2023) Settlement of Bankruptcy Assets in A Form of Crypto Assets Throughout Bankcruptcy Process. *Notaire*. 6 (3), 449–460. https://doi.org/10.20473/ntr.v6i3.50772 EDN: EOJGJR.

Krysenkova, N.B. (2019) Smart contracts in the foreign legal environment. *International Public and Private Law.* (5), 28–30. (In Russian). EDN: SVKZYG.

Крысенкова Н.Б. Смарт-контракты в иностранном правовом пространстве // Международное публичное и частное право. 2019. № 5. С. 28–30. EDN: SVKZYG.

Odintsov, S.V. & Gribanovskaya, M.S. (2025) Digital Assets in Personal Bankruptcy: Experience of the Commonwealth of Australia. *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 18 (3), 226–251. (In Russian). https://doi.org/10.17323/2072-8166.2025.3.226.251 EDN: FSKNMT.

Одинцов С.В., Грибановская М.С. Цифровые активы в личном банкротстве: опыт Австралийского Союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 226–251. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2025.3.226.251 EDN: FSKNMT.

Odintsov, S.V., Koncheva, V.A. & Trubina, M.V. (2020) Tokens: Actual Problems of Determining the Legal Status and Classification. In: Popkova, E. & Sergi, B. (eds.) *Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems.* Cham, Springer Publ., pp. 1152–1158. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_125 EDN: ZZKIGK.

Odintsov, S.V. & Koshelyuk, B.E. (2023) Problems of qualifying crimes associated with the use of cryptocurrencies. *Tomsk State University Journal*. (487), 220–229. (In Russian). https://doi.org/10.17223/15617793/487/25 EDN: KEHEWG.

Одинцов С.В., Кошелюк Б.Е. Проблемы квалификации преступлений, сопряженных с использованием криптовалют // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 220–229. https://doi.org/10.17223/15617793/487/25 EDN: KEHEWG.

Pedrosa-Garcia, J. & Winther De Araujo, Y. (2018) Regulation of Cryptocurrencies: Evidence from Asia and the Pacific. *MPDD Working Paper Series WP/18/03. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP)*. (03), 1–22.

Remolina, N., Gurrea-Martínez, A. & Liu, D. (2026) The Treatment of Digital Assets in Insolvency. *Oxford Handbook of Digital Assets and the Law.* https://doi.org/10.2139/ssrn.4915592

Trautman, L. (2019) Bitcoin, Virtual Currencies, and the Struggle of Law and Regulation to Keep Pace. *Marquette Law Review*. 102 (2), 447–538. https://doi.org/10.2139/ssrn.3182867

Volos, A.A. (2020) The Conflict Regulation of Smart Contract Relations. *International Public and Private Law*. (3), 24–27. (In Russian). https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-3-24-27 EDN: ECISRB.

Волос А.А. Коллизионно-правовое регулирование отношений, связанных со смарт-контрактами // Международное публичное и частное право. 2020. № 3. С. 24–27. https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-3-24-27 EDN: ECISRB.

Wyczik, J. (2024) Ownership in the 21st century: Property law of digital assets. *Information & Communications Technology Law*. 34 (2), 187–206. https://doi.org/10.1080/13600834.2024.2408917

Zainutdinova, E.V. (2023) Models of Legal Regulating Turnover of Digital Rights and Digital Value. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 16 (4), 149–182. (In Russian). https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.149.182 EDN: GJTHVY.

Зайнутдинова Е.В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 149–182. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.149.182 EDN: GJTHVY.

Сведения об авторах:

Одинцов Станислав Валерьевич **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-3403-3519; SPIN-код: 6109-9840

e-mail: odintsov_sv@pfur.ru

Грибановская Мария Сергеевна **–** аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-3583-7033; SPIN-код: 5837-1130

e-mail: gracefulmind@yandex.ru

About the authors:

Stanislav V. Odintsov **–** Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3403-3519; SPIN-code: 6109-9840

e-mail: odintsov_sv@pfur.ru

Maria S. Gribanowskaya **–** Postgraduate student, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3583-7033; SPIN-code: 5837-1130

e-mail: gracefulmind@yandex.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 365–380
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-365-380
EDN: DQSFFU

Научная статья / Research Article

Современные подходы зарубежных стран к допуску иностранных инвестиций в национальную экономику

О.В. Мильчакова

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
г. Москва, Российская Федерация
✉ovmilchakova@msal.ru

Аннотация. С 2022 г. российская экономика столкнулась с новыми вызовами, спровоцированными усилением санкционного давления. Принятые Россией ответные меры защитного характера значительным образом затронули деятельность иностранных инвесторов. Являются ли они чрезмерными или в целом не противоречат внутренней политике зарубежных стран по привлечению иностранных инвестиций? Исследование посвящено оценке условий допуска иностранных лиц в национальную экономику в США и Европейском союзе, которые проводят санкционную политику по отношению к России, а также стран, находящихся под воздействием экономических санкций США и ЕС, наряду с Россией (КНР и Иран). Схожесть национальных интересов в текущей исторической ситуации позволяет выявить общее и особенное в правовом регулировании иностранных инвестиций. При проведении исследования использовались как общенаучные (анализ и синтез), так и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). В результате сформулированы выводы о том, что рассмотренные правопорядки предусматривают различные условия и процедуры государственного контроля за иностранными инвестициями. Это предопределено особенностями правовой системы в каждой стране. Схожими являются цели ограничения иностранного присутствия в стране – обеспечение обороны страны и безопасности государства, защита от внешних и внутренних угроз. Сферы экономической деятельности, иностранные инвестиции в которые контролируются государствами, определяются каждым из них исходя из текущей геополитической ситуации и уровня экономического развития страны.

Ключевые слова: иностранный инвестор, проверка инвестиций, стратегические отрасли экономики, национальная безопасность, Правительственная комиссия, сделки иностранных инвесторов

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 25 июля 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

© Мильчакова О.В., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования:

Мильчакова О.В. Современные подходы зарубежных стран к допуску иностранных инвестиций в национальную экономику // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 365–380. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-365-380 EDN: DQSFFU

Modern approaches of foreign countries to admitting foreign investments into the national economy

Olesya V. Milchakova

O.E. Kutafin Moscow State Law University, *Moscow, Russian Federation*
✉ovmilchakova@msal.ru

Abstract. Since 2022, the Russian economy has faced new challenges arising from intensified sanctions pressure. The protective countermeasures introduced by Russia have significantly affected the operations of foreign investors. This raises the question of whether these measures are excessive or, conversely, consistent with the investment-regulatory policies of other states aimed at attracting foreign capital. The article examines the conditions under which foreigners are admitted to the national economies of the United States and the European Union – both of which pursue sanctions policies toward Russia – as well as of countries under U.S. and EU economic sanctions, including China and Iran. The similarity of national-security and strategic interests in the current historical context allows for the identification of common features and specific characteristics in the legal regulation of foreign investment. The study employs general-scientific methods (analysis and synthesis) as well as special legal methods (formal-legal and comparative-legal analysis). The findings indicate that the legal systems considered establish different conditions and procedures for state control over foreign investment, reflecting the peculiarities of each national legal order. The underlying objectives of restricting foreign presence, however, are broadly similar: ensuring national defense and state security and protecting the country from external and internal threats. The sectors of economic activity subject to foreign-investment control are determined by each state according to its geopolitical environment and level of economic development.

Key words: foreign investor, investment review, strategic sectors of the economy, national security, Government Commission, foreign investor transactions

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 25th July 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Milchakova, O.V. (2026) Modern approaches of foreign countries to admitting foreign investments into the national economy. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 365–380. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-365-380 EDN: DQSFFU

Введение. Постановка проблемы

Условием эффективности экономики является благоприятная инвестиционная политика, выстраиваемая государством для стимулирования развития народного хозяйства и научно-технологического прогресса. Позитивный инвестиционный климат

способствует экономическому подъему и повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке.

Целью инвестирования является получение прибыли непосредственно субъектом капиталовложений. Одновременно инвестиции (как государственные, так и частные) воздействуют на качественные аспекты жизнедеятельности человека. Последнее достигается за счет модернизации в государстве транспортных коммуникаций (автомобильные и железные дороги, мосты, порты, аэропорты), социальной инфраструктуры (жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование, культура). Также повышается качество и расширяется ассортимент товаров на внутреннем рынке. Растущая конкуренция между товаропроизводителями формирует справедливые цены на продукцию.

Иностранные инвестиции имеют последствия: 1) приток капитала в страну; 2) перемещение на ее территорию современных технологий и управленческих навыков; 3) создание новых и расширение действующих производств; 4) появление новых рабочих мест; 5) рост товарооборота с зарубежными контрагентами; 6) укрепление межгосударственных связей; 7) увеличение налоговых поступлений в бюджет – источник средств для выполнения политических, экономических, социальных и экологических функций государства. Это предопределяет заинтересованность любой страны в привлечении иностранных инвестиций в экономику.

Однако политика излишней открытости государства для иностранных вложений может привести к чрезмерной зависимости от внешних инвесторов. Они могут использовать рычаги давления на государство: от ведения «санкционных войн», организации массового «выхода» иностранных компаний из экономики страны, вплоть до финансирования каких-либо действий для смены конституционного строя.

Стремясь нивелировать такие риски, сохранить внутренний и внешний суверенитет государства, органы власти устанавливают правовые механизмы, призванные оградить определенные сферы экономической деятельности от неконтролируемого иностранного влияния (или вовсе исключить возможность иностранного присутствия).

Процедуры проверки иностранных инвестиций подразумевают проведение анализа и оценки последствий этих инвестиций для национальной безопасности. На основании этого органами власти принимается решение о согласовании, отказе в согласовании, согласовании под условием осуществления инвестиций или об их возврате. Критерии отбора инвестиций для проверки со стороны государства включают в себя: а) «национальность» инвестора; б) стратегическую значимость отрасли экономики, в которую планируется осуществление инвестиций; в) объем корпоративных прав, приобретаемых иностранным лицом в результате инвестиционной деятельности.

Для понимания рациональности развития правового регулирования обозначенных вопросов в России целесообразно обратиться к зарубежному опыту, в частности США и ЕС, которые проводят санкционную политику по отношению к России, а также стран, находящихся под воздействием экономических санкций США и ЕС, наряду с Россией (к примеру, КНР и Иран).

Основаниями выбора стран для исследования в данном случае являются допустимые параметры сравнительного правоведения – конкретно-историческая ситуация и национальные интересы стран (Tikhomirov, 2011), обусловленные текущими межгосударственными военными конфликтами и «торговыми войнами». Кроме

того, «основная цель сравнительного правоведения – это создание всеобщей картины права во всем многообразии ее проявлений» (Lafitsky, 2011).

При проведении исследования использовались как общенаучные (анализ и синтез), так и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Правовые рамки ограничений на иностранное участие в экономике Российской Федерации

Действующая в России с 2008 г. общая правовая конструкция ограничения иностранного участия в экономике предусматривает: 1) запрет на владение иностранными лицами определенным объемом корпоративных прав в ряде отраслей (авиация, СМИ) или отдельными объектами (приграничные земельные участки); 2) запрет на установление контроля над предприятиями, имеющими стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (они определяются на основании закрытого перечня видов деятельности, признаваемых стратегическими), инвесторами, находящимися под контролем иностранных государств или международных организаций; 4) предварительное согласование приобретения более 25 % акций российской организации инвесторами, контролируемыми иностранными государствами или международными организациями; 5) разрешительный порядок вложения инвестиций, влекущих установление иностранного контроля над стратегическими предприятиями (в отношении недропользователей и рыбодобывающих предприятий – при приобретении от 25 % в их уставных капиталах). Следует получить у Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ (далее – Правительственная комиссия), возглавляемой Председателем Правительства РФ, предварительное согласие на сделку либо последующее согласование контроля, установленного над предприятием; 6) право председателя Правительства РФ (с 2017 г.) обязать иностранного инвестора вынести на предварительное рассмотрение указанной комиссии сделку в отношении любого российского предприятия, не относящегося к стратегическим; 7) ничтожность сделок, совершенных в нарушение порядка их согласования, установленного законом.

Стратегией национальной безопасности России[1] в качестве задачи, решение которой необходимо для обеспечения экономической безопасности государства, обозначено усиление контроля за иностранными инвестициями в стратегически значимые секторы экономики (подп. 33 п. 67).

С февраля 2022 г. в России принимаются нормативно-правовые акты о контрсанкционных мерах временного характера. Введены барьеры для продажи предприятий иностранными лицами и переводов средств в иностранной валюте: требуется получить регуляторные согласования со стороны Правительственной комиссии, Банка России, Минфина России или Президента РФ. Исходя из текстов преамбулы соответствующих Указов Президента РФ[2], целью установления данных мер является

[1] Утверждена Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. 2), ст. 5351.

[2] См.: Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10, ст. 1456; Указ Президента РФ от 5 августа 2022 г. № 520 «О применении

защита национальных интересов, а причиной – недружественные и противоречащие международному праву действия США и примкнувших к ним государств и международных организаций.

В 2022 г. утверждены законы, расширившие сферу применения существующих ограничений на иностранное участие в стратегических отраслях экономики. Установлены требования об обязательном согласовании с Правительственной комиссией получения организацией, находящейся под контролем иностранного инвестора, лицензий на отдельные виды деятельности (использование возбудителей инфекционных заболеваний, ядерных материалов, установок; производство вооружения и военной техники; и др.) (подп. «а» п. 1 ст. 1, подп. «в» п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 5 Закона № 577-ФЗ[3]). Предусмотрены обязательные случаи информирования Председателя Правительственной комиссии о сделках, которые по его решению выносятся на рассмотрение этой комиссии (в отношении участника национального проекта; градообразующей организации; общества, занимающего доминирующее положение на рынке; и др.) (ст. 1 Закона № 620-ФЗ[4]).

В 2023 г. ограничительный правовой режим для иностранных лиц, действующий в отношении стратегических предприятий[5], распространен на граждан РФ, имеющих вид на жительство в иностранном государстве (подп. «б» п. 2 ст. 1 Закона № 139-ФЗ[6]).

Началом процесса снятия временных ограничений для иностранных инвесторов можно считать принятый 1 июля 2025 г. Указ Президента РФ № 436[7], разрешивший иностранным инвесторам свободно осуществлять переводы средств в иностранной валюте с использованием счетов типа «Ин», открытых в российских кредитных организациях (п. 3).

Параллельно органами власти выдвинута инициатива по усилению государственного контроля иностранного присутствия в сферах переработки водных биоресурсов, добычи редкоземельных металлов, подземных вод для питьевого водоснабжения[8].

специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 32, ст. 5816.

[3] Федеральный закон от 29.12.2022 № 577-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч.1), ст. 24.

[4] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 620-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона „Об иностранных инвестициях в Российской Федерации“ и статьи 32 и 33 Федерального закона „О защите конкуренции“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч.1), ст. 67.

[5] Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18, ст. 1940.

[6] Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18, ст. 3216.

[7] Указ Президента РФ от 1 июля 2025 г. № 436 «О дополнительных гарантиях прав иностранных инвесторов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 27, ст. 3737.

[8] Проект федерального закона. ID-02/04/02-25/00154454. URL: https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch?q=02%2F04%2F02-25%2F00154454&departmentId= (дата обращения: 07.07.2025).

Приведенные данные об изменении законодательства свидетельствуют об укреплении правовых механизмов государственного контроля за иностранными инвестициями. Причинами этого выступают не только экономические условия, но и востребованность в надежном и бесперебойном функционировании оборонно-промышленного комплекса.

Правовое регулирование осуществления иностранных инвестиций на территории США

США традиционно лидируют по объему вливаний зарубежных капиталовложений. Эта страна исторически придерживалась либеральной политики «открытых дверей» (Hanson, 1989), которая не предлагает никаких особых стимулов для иностранцев, инвестирующих в США, но и в целом не устанавливает никаких особых барьеров.

Движение в направлении контроля за зарубежным капиталом внутри страны связано с принятием Президентом США в 1975 г. Указа[9] об учреждении действующего по сей день Комитета по иностранным инвестициям (далее – Комитет). Поводом послужила обеспокоенность руководства страны ростом инвестиций в американские портфельные активы со стороны государств-членов ОПЕК[10]. Нефтяной кризис 1973–1974 гг., вызванный отказом арабских стран-членов ОПЕК поставлять нефть государствам, поддержавшим Израиль в «Войне Судного дня» против Сирии и Египта (Великобритания, Канада, Нидерланды, США, Япония), привел к росту цен на нефть.

Первоначально Комитету отводились функции мониторинга влияния иностранных инвестиций в США и рассмотрения сделок, в результате совершения которых иностранные лица смогут оказывать влияние на национальную безопасность (пп. 1, 3 п. «б» разд. 1 Указа 1975 г.). Конкретизация сделок, подлежащих обязательной оценке со стороны Комитета, сфер деятельности, имеющих значение для национальной безопасности, а также порядка рассмотрения указанных сделок в Указе 1975 г. отсутствовала. Отраслевое законодательство устанавливало лишь запреты на прямые иностранные инвестиции в отдельные секторы экономики (морское судоходство, авиастроение, банковское дело, энергетика и др.). Практическая деятельность Комитета вызывала критику со стороны членов Конгресса США в связи с низкими показателями (за первые 5 лет существования Комитетом проведено лишь 10 заседаний) и «узкой направленностью» Комитета «на политические последствия иностранных инвестиций, а не на их общую экономическую выгоду» (Blakey, 2020).

В 1988 г. порядок государственного контроля за осуществлением иностранных инвестиций в США подвергся значительным изменениям. Был принят Закон[11], направленный на защиту американских производителей и снижение товарного дефицита в условиях напряженности в торговых отношениях США с Японией

[9] Foreign Investment in the United States. Ex. O. № 11858. May 7, 1975. URL: https://archives.federalregister.gov/issue_slice/1975/5/9/20259-20264.pdf#page=5 (accessed: 15.07.2025).

[10] The Committee on Foreign Investment in the United States (CFIUS) (2020). CRS Report. Congressional Research Service. 4. URL: https://sgp.fas.org/crs/natsec/RL33388.pdf (accessed: 15.07.2025).

[11] Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988, Pub. L. № 100-418. Aug. 23, 1988. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-10232/uslm/COMPS-10232.xml (accessed: 16.07.2025).

и Европейским Сообществом. Данным Законом (разд. 5021) Закон 1950 г.[12] дополнен новыми положениями[13] о дискреционных полномочиях исполнительной власти в области контроля за иностранными инвестициями.

Президент США получил право предпринять любые действия для приостановления (в т.ч. запрета) приобретения, слияния или поглощения предприятий, если такие сделки (иные корпоративные действия) приведут к установлению иностранного контроля над данными предприятиями и к возникновению угроз национальной безопасности, подтвержденными достоверными доказательствами (пп. «a», «c», «d» разд. 721 ст. 7 Закона 1950 г. в ред. 1988 г.). Президент США мог поручить Комитету провести расследование в отношении корпоративного действия, планируемого к реализации иностранным лицом. Подобные расследования Комитет смог проводить и по своей инициативе. По результатам расследований Президенту США представляется рекомендация для формирования итогового решения (подп. «a» п. 1, п. 2 разд. 7 Указа 1975 г. в ред. Указа 1988 г., разд. 3-201)[14].

Принятые акты, как и ранее, не предусматривали положений, позволяющих установить перечень предприятий и исчерпывающий перечень сфер хозяйствования, иностранные инвестиции в которые подлежали обязательной проверке со стороны Комитета или Президента США. В то же время были введены предельные сроки для расследования и принятия решений в отношении проверяемых сделок.

Законом 1992 г.[15] (разд. 837) на Президента США возложена обязанность инициировать проведение Комитетом проверок сделок в отношении американских предприятий, если приобретателем выступает компания, контролируемая иностранным правительством, либо если сделка приводит к установлению иностранного контроля над лицом, осуществляющим межгосударственную торговлю в США (п. «б» разд. 721 Закона 1950 г. в ред. 1992 г.).

Закон 2007 г.[16] увеличил объем сведений о проверках иностранных инвестиций, которые обязан представлять Комитет в Конгресс США. Поводом для принятия закона стала озабоченность Конгресса ограничением собственных полномочий в части надзора за иностранными инвестициями в пользу исполнительной власти. В 2004–2006 гг. широкую критику среди конгрессменов вызвало решение о согласовании сделки по приобретению арабской компанией предприятия, владеющего портовой инфраструктурой в крупных американских городах. Конгрессмены посчитали, что такое приобретение несет террористическую угрозу национальной безопасности (Blakey, 2019).

[12] The Defense Production Act of 1950, Pub. L. No.774. Sept. 8, 1950. URL: https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/64/STATUTE-64-Pg798b.pdf (accessed: 16.07.2025).

[13] Закон об оборонном производстве 1950 г. принят в связи с началом Корейской войны (1950–1953 гг.) и фактически основан на законах о военных полномочиях исполнительной власти в период Первой и Второй мировых войн (See: The Defense Production Act of 1950: History, Authorities, and Considerations for Congress (2020). CRS Report. Congressional Research Service. 2. URL: https://www.advamed.org/wp-content/uploads/2020/03/defense_production_act.pdf (accessed: 16.07.2025). До поправок, внесенных в 1988 г., Закон 1950 г. не содержал положений, предусматривающих государственный контроль за сделками иностранных лиц по приобретению американских предприятий.

[14] Implementing the Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988 and Related International Trade Matters. Ex. Order No. 12661. December 27, 1988. URL: https://archives.federalregister.gov/issue_slice/1989/1/9/768-786.pdf (accessed: 16.07.2025).

[15] National Defense Authorization Act for Fiscal Year 1993, Pub. L. No. 102-484. Oct. 23, 1992. URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5006/text (accessed: 16.07.2025).

[16] Foreign Investment and National Security Act of 2007, Pub. L. No. 110-49. July 26, 2007. URL: https://www.congress.gov/110/plaws/publ49/PLAW-110publ49.pdf (accessed: 16.07.2025).

Данный Закон дополнил Закон 1950 г. новыми нормами о государственном контроле за иностранными инвестициями, в т.ч.: 1) изменил понятие «национальной безопасности», отнеся к ней также «внутреннюю безопасность», включая обеспечение функционирования «критической инфраструктуры» (подп. 5 п. «а» разд. 721); 2) раскрыл понятия «критической инфраструктуры», «критических технологий», распространив требования закона о необходимости согласования сделок на приобретение иностранными лицами «систем и активов, будь то физических или виртуальных, настолько важных для США, что недееспособность или уничтожение таких систем или активов окажет разрушительное воздействие на национальную безопасность» (пп. 6, 7 п. «а» разд. 721); 3) возложил на директора национальной разведки обязанность проводить проверки любых инвестиций, угрожающих национальной безопасности, и направлять это заключение в Комитет (подп. 4 п. «б» разд. 721).

Следующим шагом в корректировке открытости внутренней экономики для иностранцев явился Закон 2018 г.[17] По мнению российских и американских юристов, это произошло в связи с повышением уровня политических и экономических угроз национальной безопасности, исходящих от КНР (Kovaleva, 2019; Corcoran, 2019)[18].

Уточненный в 2018 г. (в ред. 2020 г.)[19] механизм проверки иностранных инвестиций для последующего принятия решения об одобрении сделки или о ее запрете предусматривает контроль за любым корпоративным действием иностранных лиц, которое может привести к: а) установлению иностранного контроля над американским предприятием; б) получению иностранным лицом доступа к существенной непубличной технической информации; в) назначению иностранного лица в совет директоров предприятия или получению им иных прав, позволяющих участвовать в принятии решений органами управления предприятия; г) приобретению иностранной государственной компанией любых корпоративных прав в отношении американского предприятия.

Обязательному предварительному согласованию со стороны государства подлежат также иностранные инвестиции в американские предприятия, деятельность которых связана с: 1) критическими технологиями (производством боеприпасов, иной продукции, подлежащей лицензионному экспортному контролю, ядерным оборудованием, генетическими данными и биотехнологиями); 2) критически важной инфраструктурой (в т.ч. интернет-сети, подводные кабельные сети, финансовые услуги, коммунальные услуги, железнодорожные линии); 3) золотом; 4) персональными данными. Аналогичным образом требуется согласование на сделки по приобретению прав на недвижимость, расположенную в пределах или функционально используемую как часть «крытого порта» (аэропорта, морского порта), или находящуюся в непосредственной близости от военных объектов либо государственных учреждений.

Помимо постепенного расширения полномочий Комитета следует обратить внимание на статус Президента США в решении вопросов «инвестиционного входа

[17] The Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. Pub. L. No. 115-232. Aug. 13, 2018. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-115publ232/pdf/PLAW-115publ232.pdf (accessed: 16.07.2025).

[18] Дополнительно см., напр.: Williams, R.D. (2017). CFIUS Reform and U.S. Government Concerns over Chinese Investment: A Primer. *Lawfare*. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/cfius-reform-and-us-government-concerns-over-chinese-investment-primer (accessed: 16.07.2025).

[19] Provisions Pertaining to Certain Investments in the United States by Foreign Persons. 31 CFR Parts 800 and 801. RIN 1505–AC64. URL: https://home.treasury.gov/system/files/206/Part-800-Final-Rule-Jan-17-2020.pdf (accessed: 10.07.2025).

и выхода» для иностранцев: начиная с 1988 г. (с учетом дополнений законодательства в 2018 г.) Президент США обладает неограниченными полномочиями по принятию мер касательно как планируемых, так и уже совершенных сделок иностранных инвесторов в отношении любых американских предприятий.

Регламентация осуществления иностранных инвестиций в Европейском союзе

В государствах-членах ЕС иностранным инвесторам предоставляется национальный режим и такие же гарантии защиты прав, как и отечественным инвесторам. Имеет место применение льготных инструментов поддержки бизнеса в особых экономических зонах.

В ЕС для инвесторов из стран этого союза гарантирована свобода передвижения капитала и финансовых средств между странами ЕС. При этом допускается установление в национальном законодательстве членов ЕС ограничений для прямых инвестиций из иностранных государств (ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 64 ДФЕС[20]).

До 2019 г. в ЕС отсутствовал единый комплексный механизм проверки иностранных инвестиций. При этом не во всех странах ЕС были предусмотрены (впрочем, как и сейчас) процедуры проверки, ограничивающие допуск иностранных лиц в экономику страны.

Руководствуясь целями обеспечения безопасности и общественного порядка на территории ЕС, обеспокоенностью стремлением иностранцев получить контроль над европейскими компаниями, действующими в стратегических секторах экономики[21], органы власти ЕС утвердили Регламент № 2019/452[22] о правилах проведения проверок иностранных инвестиций, поступающих на территорию ЕС, и алгоритме сотрудничества с Европейской комиссией (ЕК) в процессе таких проверок (ч. 1 ст. 1).

Регламентом членам ЕС рекомендовано внедрить механизмы проверки прямых иностранных инвестиций, осуществляемых инвесторами из третьих стран (т.е. не входящих в ЕС) – гражданами этих стран или предприятиями, созданными в соответствии с законодательством таких стран (п.п. 1, 2, 3, 7 ст. 2).

Проверке подлежат инвестиции, которые позволят иностранному инвестору принимать «эффективное участие в управлении или контроле» предприятия (п. 1 ст. 2 Регламента). Отсутствие в Регламенте четких критериев приведенной терминологии порождает правовую неопределенность для участников рынка и органов власти. Содержащийся в п.п. 3, 4 ст. 2 Регламента понятийный аппарат позволяет констатировать, что проверке и соответственно запрету могут подлежать не только планируемые, но и уже осуществленные инвестиции (т.к. допускается принятие решения о необходимости возврата инвестиций).

Перечень сфер деятельности и объектов, иностранные инвестиции в которые могут быть подвергнуты процедурам проверки, не является исчерпывающим. Но включает в себя, помимо прочего: 1) проекты и программы союзного значения;

[20] Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C 202/01). URL: https://base.garant.ru/71715364 (дата обращения: 14.07.2025).

[21] Frequently asked questions on Regulation (EU) 2019/452 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. European Commission. May 2025, 3. URL: https://circabc.europa.eu/rest/download/7c76619a-2fcd-48a4-8138-63a813182df2 (accessed: 18.07.2025).

[22] Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj (accessed: 10.07.2025).

2) критическую инфраструктуру в реальной и виртуальной форме (вода, воздушное и космическое пространство, здоровье, транспорт, энергия, коммуникации, СМИ, обработка и хранение данных, оборона, секретные объекты, земельные ресурсы, объекты недвижимости, необходимые для использования критической инфраструктуры); 3) критические технологии и продукция двойного назначения (аккумуляторы энергии, нанотехнологии и биотехнологии, ядерные технологии, полупроводники, робототехника, искусственный интеллект) (ст. 4, ч. 3 ст. 8 Регламента).

Взаимодействие национальных органов и ЕК осуществляется по следующему алгоритму: 1) государство, в котором начата процедура проверки инвестиций, уведомляет об этом ЕК и другие страны ЕС; 2) страны, получившие такое уведомление, могут направить государству, принимающему инвестиции, замечания к планируемой сделке, если она несет в себе риски для безопасности и общественного порядка; 3) одновременно указанное уведомление направляется в ЕК, которая, в свою очередь, отправляет его копии всем членам ЕС; 4) ЕК вправе (а если не менее 1/3 членов ЕС сочтут необходимым – ЕК обязана) направить свое заключение в отношении инвестиций государству, принимающему инвестиции (вне зависимости от того, высказали ли замечания к сделке страны ЕС) (ст. 6 Регламента).

Анализ норм Регламента 2019 г. позволяет заключить, что он носит скорее обязывающий характер, нежели рекомендательный.

Так, данный акт содержит такие формулировки: члены ЕС «могут» внедрять инструменты проверки инвестиций (ч. 1 ст. 3); члены ЕС, «установившие» правила проверки инвестиций (ч. 6 ст. 3); «ничто в настоящем Регламенте не должно ограничивать право каждого государства» ЕС на принятие решения о проведении проверки в отношении конкретной прямой инвестиции (ч. 3 ст. 1); «Регламент действует без ущерба для единоличной ответственности каждого государства-члена ЕС за поддержание своей собственной национальной безопасности» (ч. 2 ст. 1); окончательное решение в отношении проверяемой сделки выносится государством, принимающим инвестиции (ч. 9 ст. 6).

Одновременно текст Регламента изобилует нормами обязывающего характера, как, например: правила и процедуры проверок «должны быть прозрачными» (ч. 2 ст. 3); национальные механизмы проверки «должны позволять национальным органам принимать во внимание замечания, полученные» от других членов ЕС, а также заключения ЕК (ч. 3 ст. 3); члены ЕС «обязаны уведомить» ЕК о любых применяемых инструментах проверки инвестиций (ч. 7 ст. 3); государство, принимающее инвестиции, «обязано должным образом учесть замечания» других стран и ЕК (ч. 7 ст. 7); инвесторы «должны иметь возможность» обжаловать решения по результатам проверки инвестиций, принятых национальными органами власти (ч. 5 ст. 3).

В судебной практике имеют место случаи подтверждения отсутствия полной самостоятельности стран ЕС в решении вопроса о блокировке иностранных инвестиций по соображениям внутренней безопасности. Так, Суд ЕС признал незаконным решение Министерства инноваций и технологии Венгрии, которое отказало в согласовании сделки по приобретению одной венгерской компании – добывающей гравий, песок и глину (т.е. осуществляющей стратегический вид деятельности согласно национальному законодательству), другой венгерской компанией – производящей силикатный кирпич и являющейся основным (90%) покупателем продукции первой компании. Компания-покупатель находилась под косвенным контролем гражданина Ирландии (через офшорные компании). При этом в сфере добычи нерудных

материалов для строительного рынка в Венгрии уже доминируют предприятия, контролируемые в конечном счете иностранными инвесторами. Эти факторы были признаны Министерством как влекущие риски нанесения ущерба национальным интересам в бесперебойных поставках сырья на строительный рынок.

Суд посчитал, что невзирая на предусмотренное Регламентом № 2019/452 право стран отступать от его положений, нормы ДФЕС о «свободе учреждения» (подразумевающие в т.ч. свободу перемещения на территории ЕС компаний, созданных на территории стран ЕС) следует толковать как принцип, исключающий возможность применения в рассматриваемом случае национального механизма фильтрации инвестиций. Резиденту ЕС, находящему под контролем инвестора из третьих стран, не может быть запрещено приобрести право собственности на другую резидентскую компанию на том основании, что такое приобретение создает риск нанесения ущерба национальным интересам в обеспечении поставок сырья на строительный сектор на местном уровне[23].

ЕК обязана ежегодно представлять в Европейский парламент и Совет ЕС отчет об имплементации Регламента (ч. 3 ст. 5 этого акта). Вероятно, это правило стимулирует ЕК обеспечить введение норм Регламента в странах ЕС. 24 (из 27) члена ЕС уже имеют национальные механизмы проверки иностранных инвестиций (8 государств ввели после утверждения Регламента; 10 – обновили, 6 – сохранили принятые)[24].

Регламент 2019 г. не отменяет, а дополняет существующие национальные механизмы проверки иностранных инвестиций. Государства ЕС вправе предусмотреть другие правила.

Например, в ФРГ правовыми актами о внешней торговле и платежах предусмотрены требования о необходимости согласования государственными органами инвестиций, поступающих не только от нерезидентов ЕС, но и в определенных случаях – от резидентов ЕС (§ 4, 5 Закона 2013 г. в ред. 2024 г.[25]). В частности, если инвестор из третьей страны имеет лишь филиал или постоянное представительство своего иностранного предприятия на территории ЕС.

В зависимости от сферы деятельности немецкого предприятия введены различные пороговые значения корпоративного капитала, при приобретении которого иностранным инвестором сделка этого инвестора подлежит предварительному согласованию: 1) от 10 % акций – оператора критической инфраструктуры, разработчика программного обеспечения для нее, а также медиакомпании или производителя облачных вычислений; 2) от 20 % акций – производителя лекарственных средств, индивидуальных средств защиты, беспилотных летательных аппаратов, взрывоопасных веществ, а также предприятия, использующего при производстве товаров искусственный интеллект, либо добывающего критически важные полезные ископаемые; 3) от 25 % акций – любого немецкого предприятия, для приобретения активов которого не установлены более низкие указанные выше неконтролируемые государством пороги. Любое дальнейшее приобретение голосующих прав (от 20, 25, 40, 50, 75 %

[23] Judgment In Case No. C-106/22. 13 July 2023. URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=2019%252F452&docid=275390&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=8549491#ctx1 (accessed: 18.07.2025).

[24] Report from The Commission to The European Parliament and The Council. Brussels, 17.10.2024. 12. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52024DC0464 (accessed: 18.07.2025).

[25] Außenwirtschaftsgesetz (AWG). 06.06.2013 (Zuletzt geändert durch Art. 2 G v. 27.2.2024 I № 71). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/awg_2013/AWG.pdf (accessed: 10.07.2025).

от общего количества, приходящегося на акции в уставном капитале общества) также подлежит проверке и предварительному согласованию со стороны Министерства экономики и защиты климата ФРГ (§ 55, 55a, 56 Постановления 2013 г. в ред. 2024 г.[26]).

Законодательство Франции обязывает подвергать проверке и получать предварительное согласование на сделки не только иностранных предприятий и граждан, но и французских граждан, не проживающих во Франции. Для резидентов ЕС обязательно согласование со стороны Министерства экономики сделок, влекущих установление контроля над французскими предприятиями (для нерезидентов ЕС – приобретение от 25% акций предприятий), действующих в сферах: аддитивного производства; производства и сбыта оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; искусственного интеллекта; робототехники; квантовых технологий; хранения энергии; производства товаров двойного назначения; биотехнологий; технологий производства низкоуглеродной энергии; фотоники; производства полупроводников; безопасности пенитенциарных учреждений; кибербезопасности). Приведенные условия касаются в т.ч. приобретения расположенных на территории Франции филиалов иностранных компаний. Государственному контролю подлежит также приобретение нерезидентами ЕС от 10% акций публичных французских компаний, акции которых котируются на бирже (ст. ст. R151-1, R151-2, R151-3 Финансового кодекса[27]).

Ограничения на осуществление иностранных инвестиций в КНР

КНР, государственная система которой базируется на социалистической рыночной экономике, последовательно с 2000 г. проводит политику открытости для зарубежного капитала. Последняя реформа правового регулирования иностранных инвестиций в КНР произведена в 2019 г.

Новый Закон[28] кодифицировал правовые акты в рассматриваемой сфере, поскольку заменил собой принятые в 1979–1990 гг. три закона, регулировавшие вопросы: о совместных предприятиях с участием китайско-иностранного капитала; о предприятиях со 100%-м иностранным капиталом; о совместных предприятиях с участием китайско-иностранного капитала, основанных на договорных отношениях.

Данные акты: 1) не предусматривали возможность приобретения иностранцами активов китайских предприятий; 2) не содержали конкретного перечня сфер, иностранные инвестиции в которые запрещены; 3) не гарантировали защиту прав интеллектуальной собственности; 4) не предоставляли возможность гражданам КНР являться акционерами в китайско-иностранных компаниях. По замечанию китайских юристов (Zhang, 2022), параллельная система регулирования связанных между собой общественных отношений тремя законами, регулирующими корпоративные отношения, приводила к: конфликту норм при их применении; увеличению расходов государства на контроль за инвестициями, а также инвесторов – на соблюдение нормативных требований; несоответствию норм права новым экономическим реалиям КНР.

[26] Außenwirtschaftsverordnung (AWV). 02.08.2013 (Zuletzt geändert durch Art. 2 V v. 11.12.2024 I № 411). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/awv_2013/AWV.pdf (accessed: 20.07.2025).

[27] Code monétaire et financier. Ordonnance n° 2000-1223 du 14 décembre 2000 relative à la partie Législative du code monétaire et financier (Dernière mise à jour des données de ce code: 02 juillet 2025). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006072026 (accessed: 10.07.2025).

[28] Закон Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях от 15 марта 2019 г. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/201905/t20190521_297827.html (дата обращения: 10.07.2025).

Закон 2019 г. провозглашает (ст. 1), что он призван стандартизировать управление инвестициями, содействовать формированию новой модели всеобъемлющей открытости и содействия здоровому развитию социалистической рыночной экономики.

В дополнение к ранее разрешенным формам инвестирования посредством создания совместных предприятий и компаний со 100%-м иностранным капиталом допускается приобретение акций (долей) в уставных капиталах китайских предприятий, а также инвестиции в иных формах (ст. 2).

Согласно Закону инвесторам из других стран: предоставляется национальный режим во всех отраслях экономики, за исключением включенных в «негативный список» (ст. ст. 4, 28); гарантированы права на свободный перевод за пределы государства капиталовложений, прибыли от инвестиций, защиту интеллектуальной собственности (ст. 22), коммерческой тайны (ст. 23), на обжалование действий должностных лиц и разрешение споров в досудебном (в т.ч. при торговых палатах и ассоциациях) и судебном порядке (ст. ст. 26, 27). На государственные органы всех уровней возложена обязанность соблюдать и выполнять обязательства, предусмотренные инвестиционными договорами (ст. 7).

Следует охарактеризовать Закон как своего рода декларацию, отражающую текущий курс экономической политики государства, поскольку его нормы не содержат детализации порядка и способов обеспечения прав, гарантируемых иностранному инвестору. Отсутствуют нормы, определяющие процедуры, сроки рассмотрения вопросов допуска иностранных инвестиций в экономику, согласования сделок в отношении китайских предприятий, формы ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности и пр. Регулирование подобных вопросов на уровне подзаконных актов, равно как и отсутствие их правовой регламентации, формирует риски и правовую неопределенность для инвесторов.

«Негативный список» отраслей экономики, доступ в которые для иностранных инвесторов запрещен или ограничен необходимостью получения предварительных регуляторных согласований органов власти, формируется Государственным комитетом по делам развития и реформ КНР совместно с Министерством коммерции КНР.

В 2025 г.[29] данный список был актуализирован, сократив число секторов экономики, иностранные инвестиции в которые ограничены. Абсолютный запрет на иностранное присутствие предусмотрен для 153 видов деятельности. К примеру, в сферах: производства пестицидов, имитации огнестрельного оружия, средств измерения, стали, кокса, листового стекла, пиротехнических изделий, новых угольных и бетоносмесительных установок, систем управления воздушным движением.

Список сфер, иностранные вложения в которые допускаются исключительно с предварительного согласия Государственной администрации по регулированию рынка, включает в себя 106 позиций, в т.ч. в сферах сельского и лесного хозяйства, горнодобывающей промышленности, культуры и спорта, научных исследований, финансов, программного обеспечения, транспортных услуг, производства гражданских беспилотных летательных аппаратов, табачных изделий и электронных сигарет.

Правовое регулирование доступа иностранных инвесторов в экономику Ирана

Экономическая ситуация в Иране сопровождается иностранными санкциями, применяемыми к этой стране с 1979 г., хотя по объему наложенных ограничений

[29] Негативный список для доступа на рынок (издание 2025 г.). URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghxwj/202504/P020250424307430450848.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

Россия в 4 раза опережает Иран (Smorodinskaya & Katukov, 2023). Опираясь на доктрину «экономики сопротивления», основная идея которой заключается в достижении максимальной независимости экономики от зарубежных стран (Lazovsky, 2020), Ирану довольно успешно удается противостоять международным и американским санкциям.

Исходя из норм Закона[30], иностранные инвестиции, включая те, которые осуществляются иранскими гражданами за счет капитала иностранного происхождения, допускаются только на основании разрешения, выданного Организацией инвестиций, экономической и технической помощи Ирану и Советом по иностранным инвестициям. Инвестиции иностранного правительства требуют одобрения Ассамблеи Исламского совета (ст. ст. 1, 3, 5).

Формы инвестирования не ограничены Законом (ст. ст. 2, 11): денежные средства; создание совместного предприятия, иранской компании со 100%-м иностранным капиталом; передача машин, оборудования, сырья, компонентов, прав на использование изобретений, технологий, товарных знаков и пр. Иностранным инвесторам предоставлен национальный режим (ст. 8 Закона). В стране также функционируют особые экономические зоны и свободные торгово-промышленные зоны, ориентированные на развитие конкретных отраслей экономики, обеспечиваемые улучшенной инфраструктурой (транспорт, телекоммуникации, логистические связи). На территории этих зон применяются налоговые и таможенные льготы, упрощенные административные процедуры регистрации и ведения бизнеса.

Закон, закрепив общее требование, что иностранные инвестиции должны способствовать развитию экономики и не должны угрожать безопасности государства и интересам общества (ст. 2), не устанавливает каких-либо ограничений на долю иностранного участия в уставных капиталах отдельных предприятий, как это предусмотрено в других странах.

Отличительной особенностью является правило об ограничении товаров (работ, услуг), которые могут производиться (выполняться, оказываться) иностранными инвесторами. Совету Министров предоставлены полномочия на утверждение списка секторов и подсекторов экономики, в которых соотношение доли товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) в результате использования иностранных инвестиций, к общей величине товаров (работ, услуг), обращающихся на внутреннем рынке, не должно превышать 25 % в каждом секторе и 35 % в каждом подсекторе экономики (ст. 2 Закона). При решении вопроса о согласовании осуществления иностранных инвестиций рассматриваются характеристики инвестиционного проекта, позволяющие определить виды и объемы планируемого производства, а также соответствующие официальные статистические данные национальных органов.

Представляется, что данное ограничение направлено на недопущение монополизации иностранными лицами товарных рынков, имеющих стратегическое значение как по экономическим причинам, так и по соображениям обеспечения внутренней безопасности страны. К примеру, в сфере сельского хозяйства упомянутые ограничения распространяются на: земледелие; садоводство; животноводство; шелководство; пчеловодство; охоту; лесное хозяйство; пастбищные хозяйства; рыболовство и аквакультуру. Указанные лимиты установлены также для: горнодобывающей, текстильной, кожевенной, химической, машиностроительной отраслей

[30] Foreign Investment Promotion and Protection Act (FIPPA). URL: https://ipa.investiniran.ir/Portals/0/FIPPA-En-1403-latest-Version-Article-35-correction-1.pdf (accessed: 20.07.2025).

промышленности; производства медицинских приборов; водо-, электро- и газоснабжения; строительства, транспорта, связи; сферы обслуживания (финансы, туризм, обучение, воспитание).

Реализации политики независимости от внешних инвесторов также способствуют нормы Закона, запрещающие вывод за пределы страны ранее вложенного иностранного капитала, прибыли и иных доходов, полученных в результате инвестирования, в отсутствие согласия на это Совета по иностранным инвестициям и министра экономики и финансов (ст. ст. 13, 14 Закона).

Заключение

Подводя итог, следует заключить, что рассмотренные правопорядки предусматривают различные процедуры допуска иностранного капитала в национальную экономику. Уровень принятия решения по данному вопросу (глава государства, председатель правительства, специально уполномоченный орган) предопределен особенностями правовой системы в каждой стране, в т.ч. формой правления государства.

Схожими являются цели ограничения иностранного присутствия в стране – обеспечение обороны страны и безопасности государства, защита от внешних и внутренних угроз. Перечни сфер экономической деятельности, иностранные инвестиции в которые контролируются государствами, устанавливаются каждым из них исходя из текущей геополитической ситуации и уровня экономического развития страны.

Существующие в России запреты и ограничения на иностранное участие в стратегических отраслях экономики, в целом, соответствуют общим подходам, применяемым за рубежом. Однако обращает на себя внимание отсутствие такого контроля в области производства и распространения лекарств и медицинских изделий, разработки программного обеспечения, искусственного интеллекта, работы дата-центров, деятельности цифровых платформ. Подобные виды деятельности не отнесены законодательством к имеющим стратегическое значение, в то же время имеется необходимость оценить целесообразность введения государственного контроля за иностранным присутствием в этих сферах.

References / Список литературы

Blakey, J.R. (2019) The Foreign Investment Risk Review Modernization Act: The Double-Edged Sword of U.S. Foreign Investment Regulations. *Loyola of Los Angeles Law Review.* 53 (4), 981–1014.

Corcoran, P. (2019) Investing in Security: CFIUS and China after FIRRMA. *New York University Journal of International Law and Politics (JILP)*. 52 (1), 7–13.

Hanson, M.L. (1989) Regulation of Foreign Direct Investment in the United States Defense Industry. *Northwestern Journal of International Law & Business*. 9 (3), 657–684.

Kovaleva, T.K. (2019) Foreign Investments and National Security: Foreign Investment Risk Review Modernization Act of August 13, 2018 as a New phase of the US National Security Paradigm Evolution. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 9, (1A), 173–188. (In Russian). https://doi.org/10.25799/AR.2019.80.1.018 EDN: LSAHNU.

Ковалева Т.К. Иностранные инвестиции и национальная безопасность: Закон о модернизации анализа риска, связанного с иностранным инвестированием, от 13 августа 2018 г. как новый этап эволюции парадигмы обеспечения национальной безопасности США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 1А. С. 173–188. https://www.doi.org/10.25799/AR.2019.80.1.018 EDN: LSAHNU.

Lafitsky, V.I. (2011) On the subject of comparative law and the methodology of its research. In: Tikhomirov, Yu.A. (ed.) *Methodology of comparative law: Conference materials (Moscow, December 5, 2011).* Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., pp. 44–48. (In Russian). EDN: RVVZAF.

Лафитский В.И. О предмете сравнительного правоведения и методологии его исследования // Методология сравнительного правоведения: материалы науч. конф. (Москва, 5 декабря 2011 г.) / отв. редактор Ю.А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2011. С. 44–48. EDN: RVVZAF.

Lazovsky, S.O. (2020) Iran's Economic Situation under US Sanctions. *Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS.* (1), 81–93. (In Russian). https://doi.org/10.20542/aSj-2020-1-81-93 EDN: VOYEPB.

Лазовский С.О. Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 81–93. https://www.doi.org/10.20542/aSj-2020-1-81-93 EDN: VOYEPB.

Smorodinskaya, N.V. & Katukov, D.D. (2023) Iranian Sanctions Experience: Macroeconomic Outcomes and Lessons for Russia. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. (6), 26–42. (In Russian). https://www.doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42 EDN: EMOCKG.

Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 26–42. https://www.doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42 EDN: EMOCKG.

Tikhomirov, Yu.A. (2011) Criteria for comparative legal analysis of national legislations. In: Tikhomirov, Yu.A. (ed.) *Methodology of comparative law: Conference materials (Moscow, December 5, 2011).* Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., pp. 30–43. (In Russian). EDN: RZIEHD.

Тихомиров Ю.А. Критерии сравнительно-правового анализа национальных законодательств // Методология сравнительного правоведения: материалы науч. конф. (Москва, 5 декабря 2011 г.) / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. С. 30–43. EDN: RZIEHD.

Zhang, S. (2022) Protection of Foreign Investment in China: The Foreign Investment Law and the Changing Landscape. *European Business Organization Law Review*. 23, 1049–1076. https://www.doi.org/10.1007/s40804-022-00247-1 EDN: ASPSOK.

Сведения об авторе:

Мильчакова Олеся Владимировна **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права, докторант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина; 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ORCID: 0009-0006-1738-0232; SPIN-код: 5078-6017

e-mail: ovmilchakova@msal.ru

About the author:

Olesya V. Milchakova **–** Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Competition Law, Doctoral student, O.E. Kutafin Moscow State Law University, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-1738-0232; SPIN-code: 5078-6017

e-mail: ovmilchakova@msal.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 381–394
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-381-394
EDN: DRACDL

Научная статья / Research Article

Идеологические источники гражданского права: аксиологическое измерение регулятивных механизмов гражданского общества

Е.С. Алехина

Донской государственный технический университет, *г. Ростов-на-Дону*, *Российская Федерация*
✉Ket_as@mail.ru

Аннотация. Российская система гражданского права является базисом формирования устойчивых социальных моделей поведения, выстраивания гражданственности и укрепления политических позиций государства. Недостаточная изученность аксиологических принципов функционирования правовых структур препятствует развитию гражданского общества и модернизации социополитических отношений. *Цель исследования* – обоснование фундаментальных положений аксиологической природы гражданского права с учетом онтологических, антропологических и феноменологических принципов для дальнейшей корректировки фактического состояния гражданского права в области устойчивого социополитического развития. Интеграция социологических и аксиологических методов позволяет систематизировать идеи гражданского права в качестве ценностных структур общества. Компаративистский подход определяет направление критического анализа и сравнительной оценки различных видов юридической мысли в процессе совершенствования принципов гражданского права. Разделяя традиции континентального права, отечественная правовая система характеризуется как нормативная догма, оперирующая принципами позитивного права. Доминирование данного подхода переоценивает роль статутных законов, основанных на прагматическом подходе, обширно применяемом в российской юридической практике, что обосновывается признанием позитивистских правовых принципов в качестве первоисточника гражданского права. Однако естественное право является неотъемлемой составляющей юридической мысли, результативность которой можно проследить в ходе исторического развития правовых систем. Глубокая корреляция между правовой догматикой и юридической историей подтверждает значимость аксиологической составляющей и компаративистской методологии, позволяющей структурировать, объяснять и корректировать формальные правовые идеи.

© Алехина Е.С., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

На сегодняшний день данные подходы существуют только в качестве комментария к российской правовой системе, что ограничивает развитие гражданского права. Модернизация деятельности государственных органов и институтов гражданского права представляется возможной за счет признания и систематизации идеологических ценностей, восходящих из различных источников (античная философия, теология, культура), что позволит моделировать общественные взгляды с целью эффективного решения социальных вопросов и укрепления национальной политики.

Ключевые слова: аксиологический подход, гражданские правоотношения, правосознание, правовая культура, естественное право, позитивное право, правовая онтология и антропология

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 09 апреля 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Алехина Е.С. Идеологические источники гражданского права: аксиологическое измерение регулятивных механизмов гражданского общества // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 381–394. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-381-394 EDN: DRACDL

Ideological sources of civil law: Axiological measurement of civil society regulatory mechanisms

Ekaterina S. Alekhina ✉

Don State Technical University, *Rostov-on-Don, Russian Federation*
✉Ket_as@mail.ru

Abstract. The Russian civil law serves as the foundation for the formation of sustainable social models and for strengthening the state's political positions. An insufficient understanding of the axiological principles underpinning legal structures impedes the development of civil society and the modernization of sociopolitical relations. The purpose of the study is to substantiate the fundamental provisions of the axiological nature of civil law, taking into account ontological, anthropological, and phenomenological principles. This conceptual clarification is intended to create a basis for aligning the exising state of civil law with public expectations regarding sustainable sociopolitical development. The integration of sociological and axiological methods makes it possible to systematize civil law as a system of value-laden structures within society. The comparative-legal approach provides the framework for critical analysis and comparative assessment of different types of legal thought in the process of refining the principles of civil law. Within the tradition of continental law, the domestic legal system is characterized as a normative dogma operating on the principles of positive law. The dominance of this positivist-oriented approach tends to overestimate the role of statutory legislation grounded in a pragmatic methodology, justified by the recognition of positivist legal principles as the primary source of civil law. At the same time, natural law remains an integral component of legal thought, and its effectiveness is evident throughout the historical development of legal systems. The close interconnection between legal dogma and legal history confirms the significance of the axiological dimention and comparative methodology. Until now, however, these approaches have remained largely confined to commentary on the Russian legal system, which restricts the further evolution of civil law. The modernization of state-body operations and civil law institutions becomes possible through the recognition and systematic ordering of ideological-value elements derived from various sources – such as ancient philosophy, theology, and culture. This would enable the modelling of public legal consciousness in a way that effectively addresses social chellenges and reinforces national-state policy.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Key words: axiological approach, civil relations, legal consciousness, legal culture, natural law, positive law, legal ontology and anthropology

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 09th Aptil 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Alekhina, E.S. (2026) Ideological sources of civil law: Axiological measurement of civil society regulatory mechanisms. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 381–394. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-381-394 EDN: DRACDL

Введение

Идеологическая ценность правовой реальности любого государства находится в прямой корреляции с национальной культурой и историей, дифференцирующей определенное общество по принципам реализации внутренних аксиологических ориентиров.

Отечественная система гражданского права уходит корнями в континентальное (европейское) право, характеризующееся как фиксированный нормативный свод априорных социально-поведенческих правил (Orlov, 2019:118), применимых к обстоятельствам общественного столкновения противоречивых интересов посредством их догматического толкования (Costa, 2017:116).

Являясь продуктом романо-германского наследия, континентальное право было основано в Римской империи, затем интегрировано в Византии, Скандинавии и на Балканах (Melenko, 2017:52), что определяет траекторию мультикультурного воздействия вариативных социальных регуляторов, способствовавших формированию современной международной правовой системы.

Особенностью развития российского права, по словам Э. Аннерса, является географическая принадлежность страны к Европе и Азии, однако отправной точкой в упорядочивании правовых структур послужило вступление государства в западноевропейскую правовую семью в XVIII в. (Anners, 1994:141), а позднее под влиянием Отечественной войны произошел процесс дальнейшего реформирования системы российского права (Anners, 1994:360).

В общей правовой семье особое место занимает категория гражданского права в качестве института, ответственного за регулирование и структуризацию общественных отношений. При этом соотношение зарубежного влияния и национальных традиций приводит к симбиозу европейских и азиатских обычаев, языческих верований дохристианской Руси, религиозных воззрений православной церкви и ряда сопутствующих исторических факторов, повлиявших на общественные ориентиры России.

Гражданское право в качестве социополитического базиса общества формирует аксиологические и идеологические ориентиры граждан как представителей государства, определяет права, свободы и границы ответственности лиц, обладающих правосубъектностью, с целью поддержания общественного правопорядка и укрепления политических позиций страны.

Следовательно, в процессе выстраивания гражданственности существует проблема в определении источников гражданского права, которые в условиях

радикальной глобализации способствуют усовершенствованию внутреннего устройства российского общества, отвечающего за регуляцию социальных и политических отношений.

Как отмечает В. Орлов, для российского гражданского права специфичной проблемой является «доминирование позитивистского подхода» (Orlov, 2019:117), что существенно ограничивает доктринальное толкование международных правовых источников, оказавших влияние на развитие данной системы.

Таким образом, модернизация гражданского права невозможна без аналитического признания всесторонних идеологических источников, формирующих фактическую правовую реальность и ценностные приоритеты общества, в связи с чем целью данного исследования является обоснование фундаментальных положений аксиологической природы гражданского права с учетом ее онтологических, антропологических и феноменологических принципов.

Материалы и методы

Интеграция социологической и аксиологической методологии позволяет систематизировать идеи гражданского права в качестве ценностных структур, заключающих в себе «конвенциональный характер, формируемый в рамках интересов и потребностей конкретного общества» (Kulik, 2020:370). Когнитивный потенциал аксиологических принципов реализуется в выявлении объективных факторов функционирования действующих социальных закономерностей, в основе которых находится совокупность идеологических источников, обуславливающих правовые антиномии.

Компаративистский подход определяет критический анализ и сравнительную оценку различных видов юридической мысли, включая позитивное и естественное право, европейскую и западную системы, либеральное, социалистическое право и иные юридические структуры, прямо или косвенно воздействующие на законодательные и регулятивные процессы.

Анализ функциональных особенностей гражданского права как социально-политического явления доказывает значимость рассматриваемого института в процессе трансформации политических отношений и общественных преобразований.

Результаты исследования

Идея дескриптивности юридической истории широко пропагандируется исследователями, реализующими сравнительные методы правовых изысканий (С. Третьяков, Дж. Гордли, Д. Полдников и т.д.), однако им противостоит широко распространённый в России формально-догматический подход (Petrov & Zyryanov, 2019:94), раскрывающий современное состояние правовых систем вне исторического, культурного, политического контекста их формирования и развития. Такое расхождение между идеологией и фактической реальностью приводит к субъективному отклонению научной мысли в сторону позитивного права, исключающего многовековой опыт естественного закона.

На сегодняшний день существует острая необходимость взаимозависимости юридической истории и сравнительного права, обусловленная фрагментарностью практических знаний, обособленных от исторического опыта. По словам Дж. Гордли, правовые нормы со временем приобретают свою аутентичную

структуру: «Таким образом, даже если бы ученый в области сравнительного права интересовался только структурой современных правил, ему потребовалась бы помощь истории» (Gordley, 2006:772), в контексте которой некоторые правила стираются, другие модернизируются под актуальные хронотопические обстоятельства. Поэтому понимание современных законов возможно только в условиях сравнительно-исторического подхода.

История становления гражданского права

Идеологические основы развития правовой мысли были заложены в эпоху Древней Греции и Рима, первые упоминания о философии права относятся к VII–VI вв. до н.э. Именно этот период ознаменовался распространением правовых идей о свободе личности и самовыражении в условиях социального онтогенеза, способствовавшего расширению географических границ государств посредством мореплавания и торговли. Попытки древних греков и римлян логически осмыслить сущность окружающего мира привели к анализу человеческого бытия и закономерностей Вселенной, «в то время как их готовность интерпретировать природу различных явлений, которые невозможно объяснить эмпирическим путем, дала начало формированию философского анализа» (Melenko, 2017:54).

Фундаментальные принципы жизнеобеспечения гражданского общества хронологически относятся к этому же периоду: размышления о социальности человека, значимости общественных отношений, способах разрешения конфликтов по принципу справедливости впервые встречаются у античных мыслителей.

Дальнейшее развитие концепций естественного права произошло в период средневековья с повсеместным распространением религиозной мысли. Противопоставленный правовому позитивизму подход, определяющий верховенство таких ценностей, как мораль, нравственность и христианские идеалы, со временем охарактеризовался как «метафизика и секуляризованная версия теологии, пропагандирующей идеократию» (Orlov, 2019:129).

В эпоху Возрождения правовая система вернулась к исследованию римских гражданских норм, изложенных в Кодексе Юстиниана, в дополнение к местным законам и традициям, что привело к образованию пандектного права.

По мнению С.А. Деханова и М.С. Деханова, «пандекты и Институции выступили в качестве источников и одновременно номенов существования основных моделей построения гражданских кодексов в странах Европы и Российской Федерации» (Dekhanov & Dekhanov, 2023:17).

Позитивистское правопонимание как новейшая правовая теория появилась в XIX в. в связи с развитием промышленных капиталистических отношений (Chumakov, 2023:352). Советская правовая доктрина утвердила позитивистские основы права, согласно которым единственными законными источниками права являются письменные правила, положения и принципы, которые принимаются или признаются государством (Orlov, 2019:128). Посредством кодификации законодательства советская власть предприняла попытку систематизировать опыт предшественников, однако социоэкономические особенности планово-административной системы определили недоработки первого Гражданского кодекса в области регулирования неимущественных прав, деления недвижимости на категории движимого и недвижимого, мер ответственности должностных лиц и т.д. (Ryazantseva, 2024:33).

В отличие от западных и европейских стран внутренние процессы развития гражданского права в России всегда отличались иерархичностью и субординацией, вследствие чего концепции частного права в качестве отдельной категории не существовало вплоть до либеральных реформ, проведенных Александром II во второй половине XIX века (Feoktistov, 2021:48).

Развитие категорий прав частной собственности и переход экономики к рыночным отношениям ознаменовал дальнейшие изменения в системе гражданского права, роль которого на современном этапе значительно возросла. Так, гражданское законодательство сегодня регулирует коммерческие и договорные отношения, предпринимательскую деятельность, социальные и политические вопросы и иные процессы, затрагивающие жизнедеятельность граждан.

Источники гражданского права

Помимо обозначенных исторических предпосылок развития отечественной правовой системы одним из источников формирования российского гражданского кодекса является статутное право, распространенное в законодательных структурах англо-саксонских стран со времен Средневековья. Являясь разновидностью позитивного права, статутные начала определяются Конституцией РФ, выстраивающей нормы и иерархию гражданского законодательства.

Нормативные акты и федеральные законы также рассматриваются в качестве гражданско-правовых источников, отвечающих за урегулирование любых вопросов, не противоречащих Конституции РФ.

Дополнительные или обновленные руководящие принципы и правила в отношении гражданских вопросов могут быть отражены в Указах Президента РФ, постановлениях Правительства, а также приказах и распоряжениях органов власти по применению норм гражданского права, целью которых является координация обстоятельств, не регулируемых законом (Orlov, 2019:121).

Неотъемлемой частью отечественной правовой системы, отчасти определяющей ее истоки, являются международные документы и общепризнанные принципы организации и поддержания гражданского общества. Несмотря на то, что международные договоры, противоречащие требованиям Конституции РФ, неприменимы в России, существует ряд международных договоров, регламент которых превалирует над внутренними правовыми нормами (например, Конвенция о ликвидации расовой дискриминации, Конвенции по защите прав человека, Протокол о предупреждении и пересечении торговле людьми, Конвенция Международной организации труда и т.д.).

Как международные стандарты, так и конституционные нормы, включая требования Гражданского кодекса РФ «имеют основополагающее значение для гражданско-правового регулирования, определяющие содержание и формы права собственности, а также признаки правоспособности граждан» (Grigoriev, 2020:134).

Правовые обычаи и традиции, исторически укоренившиеся в сознании граждан в качестве регулятивных форм, восполняющих нормативные пробелы в области систематизации тех или иных гражданско-правовых обстоятельств, также являются источником гражданского права, объективизирующим устоявшиеся модели поведения в сфере социальных и семейных взаимодействий, предпринимательства, торговли и трудовых отношений.

Таким образом, интегративность регулятивных и организационных форм в сфере гражданского права определяется комплексностью его источников и многоуровневостью связей между участниками этих отношений, их правами, интересами и обязанностями.

Гражданское право как мультифакторный феномен

Согласно онтологическим положениям гражданское право является многофакторным феноменом по причине того, что его компоненты сами представляют собой вариативные процессы (Varga, 2012:318). Вопрос о том, какие составляющие воздействуют на формирование гражданского права, а какие являются его производными, до сих пор остается открытым. Классическими детерминантами права считаются история развития общества и его культуры, что подтверждается культурно-антропологическими обобщениями результатов фундаментальных социологических исследований (Varga, 2012:318), согласно которым закон (законотворчество, правоприменение и юридическая практика) может быть как результатом принудительной силы государства, так и реализацией общепринятой социальной деятельности, способной дифференцироваться во времени по отдельным функциями в рамках институционализации и совершенствования существующих регулятивных систем (Varga, 2013).

Таким образом, онтология гражданского права является сложным явлением, включающим взаимодействие, взаимопроникновение и постоянное развитие как минимум трех факторов: общественный правопорядок, процесс принятия решений правовыми органами и социальная практика (Varga, 2012:320). В соответствии с философскими интерпретациями функций и принципов права закон не может рассматриваться статично, т.е. правовые процессы могут быть кастомизированы и преобразованы путем переплетения, разделения и добавления определенных компонентов. В этой связи гражданское право является динамическим фактором реальности: его компоненты постоянно реагируют на внешние вызовы, что приводит к внутреннему смещению акцентов. Вот почему закон находится в непрерывном и бесконечном движении внутренних изменений, варьируясь между качествами, отвечающими аксиологическим системам общества и нормативным ограничениям со стороны власти.

Онтологический подход к исследованию основ гражданского права подразумевает важное утверждение, касающееся самой природы права и его рационального толкования, о том, что необходимо рассматривать как идеологию, так и деонтологию юридической мысли в качестве внутренних характеристик права (например, доктрины правового позитивизма в гражданском и общем праве) (Varga, 2013). Изучение и принятие подобных противоречий представляется важным шагом к осознанию того, что, разрывая узко унифицированный и формализованный взгляд на право (что соотносится с четкими определениями, предоставляемыми нормативными конвенциями о приемлемых способах законотворчества и правоприменения) с аксиологическими воззрениями, регулятивная система приходит к невозможности кодификации всех принципов реализации закона, поскольку он всегда подвержен динамизму, присущему социально-правовой практике.

Таким образом, принимая любую модель правовой действительности в качестве единственно верной управленческой системы общества (будь то кодифицированное законодательство, прецедентное право, религиозные доктрины и т.д.), исследователи

исключают историко-культурный контекст развития права, а также практику самоутверждения общества и социальной саморегуляции, в рамках которой население имеет возможность выбирать и решать, какие из конкурирующих способов генерации и формирования общественно-нормативных явлений должны быть приняты как законные, исключительные, первичные, общепризнанные или дополнительные (Varga, 2014).

Следовательно, мы приходим к утверждению факта о том, что множество способов создания и формирования закона могут одновременно преобладать и утверждать себя в общественной практике (с различным воздействием, эффективностью и формальностью). В конечном итоге, подобная функция социальной саморегуляции не сможет стать доминирующей силой или официальным способом формирования закона, однако она позволит толерантно сосуществовать и взаимодействовать нескольким правовыми системам в едином социокультурном пространстве.

Как мы считаем, ни одна из правовых моделей общества не может эффективно преобладать в полной изоляции от других: они функционирует во взаимном влиянии и кооперации, укрепляя или ослабляя друг друга (Varga, 2014). Это подтверждает многоплановость и мультифакторность гражданского права, на развитие которого воздействуют как исторические, социологические и культурологические ценности, технологические трансформации, так и факторы глобализации международных отношений (Kulinchenko, 2023).

Как отмечает Н.Н. Кулиниченко, «технологические изменения сильно повлияли на развитие гражданского права, особенно в области электронной коммерции, с развитием которой стали распространены электронные контракты и цифровые правоотношения, особенно остро встают вопросы о защите прав онлайн-потребителей, безопасности онлайн-платежей и конфиденциальности данных» (Kulinchenko, 2023:76).

В рамках процесса цифровизации аксиология гражданского права претерпевает значительные изменения, выражающиеся в трансформации объектно-субъектных правоотношений: появление новых объектов и субъектов права (цифровые личности, искусственный интеллект и электронные программы, обладающие уникальными правами и ответственностью), формирование новых видов прав (цифровые права), цифровизация процесса заключения сделок, распространение применения электронных документов и подписей (Ivliev, 2024), что в совокупности требует адаптивных подходов к поддержанию и развитию аксиологических ценностей в области правового регулирования вариативных цифровых взаимодействий.

Вопросы глобализации расширяют границы правовых взаимодействий и открывают для человека иные взгляды на взаимодействия граждан различных сообществ. Принимая тот факт, что мир состоит из различных культур, к правовым функциям гражданского права добавляется уважение по отношению к ним и распространение основополагающих социокультурных знаний, поэтому социологические, антропологические и культурологические принципы права заключаются в развитии международной толерантности и просвещении в сфере коллизионного права (Aboueleid, 2022).

Международные трансформации в области гражданского права воздействуют как на правовую онтологию, так и на антропологию права. «Содержание правовой онтологии состоит в определении форм, способов существования права и смысла его бытия. Без ответа на эти вопросы невозможно понять политико-правовую

реальность как сферу жизнедеятельности общества» (Artyemov & Afanasyev, 2018). Значимость юридической антропологии раскрывается в понимании права как части культуры, в изоляции от которой правовая деятельность не может существовать.

Таким образом, определяя фундаментальную природу гражданского права, необходимо учитывать следующие постулаты:

1. Право является динамичным и изменяющимся явлением, обуславливающимся непрерывностью процессов социальной практики;

2. Закон не является единственным основанием функционирования общества, к нему добавляются иные ценности и ориентиры (соединяясь, дополняя и усиливая друг друга);

3. Категоричное исключение аксиологических ценностей из первооснов гражданского права невозможно и нерационально с точки зрения правовой онтологии и антропологии права (Artyemov & Afanasyev, 2018).

Основываясь на вышесказанном, мы не можем представить унифицированную систему гражданского права («закон в целом») (Varga, 2012:325) в отдельный момент времени как единообразный и полный свод правил. Будучи явлением, возникающим из различных непрерывных и встречных движений, право всегда отображает различные стороны, компоненты и способы юридической деятельности в условиях конкретного сообщества. Следовательно, необходимо сформировать новую парадигму гражданского права, «которая станет убедительной и работоспособной моделью, позволяющей объяснить мультифакторность права и всего разнообразия его культурообусловленных и аксиологических локальных проявлений, которые должны в итоге привести к синтезу как в области методологии, так и в сфере построения фундаментальных юридических концепций» (Kostogryzov, 2017:96).

Аксиологические основы гражданского общества

Как было отмечено выше, источником идей правопорядка, справедливости, равенства и норм правоприменения, гарантирующих благополучие общества, является римское право. Согласно Дигестам Юстиниана, «закон является властелином над всеми природными и человеческими делами. Он должен быть регулятором, правителем и проводником как хороших, так и плохих людей, и таким образом быть эталоном справедливости, а для существ политических – предписанием того, что должно быть сделано, и запрещением того, что не должно быть сделано» (Doliwa, 2023:54). Другими словами, право является основанием для формирования нравственности, как следствие, аксиологические и прикладные принципы права неотделимы друг от друга.

Каждая норма права, модель гражданского поведения, юридическая процедура несут собственную положительную ценностную нагрузку, направленную на достижение определенного конструктивного результата, так называемую выгоду (чтобы договорное обязательство выполнялось надлежащим образом и в срок; виновный правонарушитель подлежит заслуженному и надлежащему наказанию, а невиновный мог избежать необоснованного правового преследования; права и обязанности граждан соблюдались и защищались и т.д.) (Lang, 2020). Достижение указанных результатов в правовом регулировании свидетельствует об установлении и торжестве таких аксиологических категорий, как свобода, справедливость и равенство. Аксиология права широко влияет на принципы любой правовой системы, в частности на гражданское право (Zaibert, 2016), поскольку ценностные ориентиры

устанавливают границы гуманности и гарантируют справедливость закона (Peno, 2019), и как следствие, аксиология обрамляет правовую систему, формируя ее ядро.

Многовековой опыт государственного управления разных стран показывает, что исключение принципов естественного права приводит к утилитарности и формализации общества, в котором властные структуры безнаказанно тяготеют к тирании и авторитаризму.

Философская природа права заключается в гибкости и вариативности регулятивных подходов. Как заметил Аристотель, общие правила, ввиду обширности и разнообразия человеческих дел, применимы не во всех возможных случаях, вследствие чего иногда необходимо рассматривать каждый случай индивидуально (Doliwa & Doliwa, 2023:55). Равноправие и истинная справедливость, являясь производными от естественного права, должны быть основой законотворческой деятельности; опуская данные принципы, гражданское право нуждается в дополнении и исправлении.

Утверждение ценностей естественного права в качестве идеологических основ гражданского общества рассматривается в рамках христианской традиции. Еще в XIII в. Фома Аквинский выделил три вида законов, лежащих в основе правопорядка: вечный закон, естественное право и позитивное право (Szlachta, 2008:136–137). В духе Аристотеля Аквинский утверждал превосходство равенства, выведенного из первых двух систем, над порядком позитивного права и считал его своего рода руководящим принципом (Doliwa & Doliwa, 2023:55). Согласно данной концепции, естественная справедливость играет роль механизма, который исправляет позитивное право, чтобы осуществлять правосудие там, где на это не способен закон.

Как отмечает С. Прутис, благодаря трудам Ф. Аквинского и правовому наследию античности концепция естественной справедливости оказала значимое влияние на юридическую мысль современности (Prutis 2014:207), без которой система гражданского права не может считаться целостной и правомерной.

Несмотря на разнообразие социокультурных, политических и экономических процессов, воздействующих на систему права в определенный хронологический отрезок, «подлинно действующим можно считать лишь то право, которое отражает такие общественные феномены, как правосознание, правовая культура и правовая идеология» (Dzhamalova & Ramazanova, 2020:15).

Являясь одновременно источниками и формами права, отмеченные концепты играют ключевую роль в выстраивании устойчивого гражданского общества посредством формирования аксиологических установок, когнитивно-психологических качеств, поведенческих моделей и иных содержательных представлений граждан о социально-правовой действительности.

Как отмечают исследователи, высокий уровень развития общественного правосознания и правовой культуры в совокупности с рациональной политической организацией составляют идеальный источник права (Dzhamalova & Ramazanova, 2020:15).

Реконструкция идей правосознания в рамках гражданского кодекса крайне необходима для теоретического объяснения социальных и политических процессов, форма и содержание которых могут рассматриваться в двойственном варианте: их естественном виде или окончательном синтезе с культурными обстоятельствами (Varga, 2015:2002).

Правовая культура при должных методологических обоснованиях может стать подавляющей общественной силой, производящей в ходе своего развития модернизационный политический потенциал, трансформирующий социальную реальность.

Таким образом, идеологическими источниками гражданского права являются такие естественно-правовые атрибуты, как правосознание и правовая культура, которые не могут быть отделены от нормативных государственных предписаний.

Сепарация позитивного и естественного права рассматривается учеными как разделение «тела» и «души» (Varga, 2015:2002), что объясняет философскую дилемму отличительных аспектов гражданского права как «писанного закона» и «действующего закона». По словам К. Варга, онтологическая перспектива является изначальной по отношению к актуальности любого эпистемологического подхода (Varga, 2006:362). Следовательно, правовая идеология как часть социального существования не может считаться ни истинной, ни ложной формой общественного сознания, но является одним из фундаментальных компонентов онтологии права.

Соответственно, так называемый юридический взгляд на мир (Varga, 2006:365), рассматриваемый в качестве формальных правовых принципов, является лишь дополнением к истинному закону, успешно существовавшему в обществе с древнейших времен. В связи с чем мы предлагаем практическую реализацию аксиологических принципов в рамках действующего законодательства и гражданского права посредством следующих рекомендаций:

1. Проработка методологической базы, уточняющей и закрепляющей такие аксиологические понятия, как правовая ценность, правовая культура, правосознание, этика, справедливость и т.д.;

2. Систематизация принципов правотворчества и правоприменения в соответствии с функциями и подходами правовой аксиологии с целью преодоления существующих законодательных противоречий;

3. Моделирование процессуальных и судопроизводственных аксиологических оснований практической юриспруденции;

4. Организация системы оценки и мониторинга процесса внедрения правовой аксиологии в действующее законодательство РФ в соответствии с предложенными принципами и подходами.

Заключение

Согласно приведенному выше исследованию различных этапов развития правовой мысли, начиная с античности и заканчивая современностью, а также анализу идеологических и аксиологических основ гражданского права, все рассмотренные источники по-разному влияли на процессы его становления и эволюции. Тем не менее, постепенный синтез этих воздействий в конечном итоге вызвал появление универсального социально регулирующего явления – гражданского права.

Динамичность процессов, происходящих в гражданском обществе, коррелирует с изменениями социально-политических условий, мотивирующих такие противоречивые реакции населения как гражданский абсентеизм или активное участие в жизни страны. При этом количественные измерения деятельностных показателей социально активных граждан отражают их достаточно малое количество, причиной чему являются субъективные убеждения и стереотипы населения о безуспешности общественного влияния на политические решения власти.

Возможности вовлечения гражданского общества в социополитические процессы реализуемы посредством активизации государственных органов и институтов гражданского права, модернизация деятельности которых представляется возможной за счет признания и систематизации идеологических ценностей, восходящих из различных источников, будь то: античная философия, средневековая и правовая теология, культурные коды общества и различные формы естественного права (правовая культура, правовая идеология и правосознание).

Естественно-правовая доктрина долгое время была исключена из правовых источников в отечественной юриспруденции (на сегодняшний день решения многих юридических вопросов по-прежнему опираются на принципы позитивного права). Правовая доктрина в основном относится к теоретической юриспруденции, в то время как в прикладном праве она все еще играет второстепенную роль.

Несмотря на то, что актуальный Гражданский кодекс РФ содержит многие доктринальные нормы (принципы равноправия, свободы, исключение дискриминации и т.д.), идеологические источники права не признаются в качестве авторитетной догмы или считаются устаревшими отдельными исследователями. Однако мы уверены, что аксиологическая аргументация естественно-правовых источников способствует развитию герменевтических подходов в юридической науке, что позволяет моделировать и оценивать общественные взгляды с целью эффективного решения социальных вопросов и укрепления национальной политики.

References / Список литературы

Aboueleid, T. (2022) Legal anthropology Introduction to anthropology of law, concept, history and the importance of anthropology study. *The court of appeal – Ministry of Justice.* Available at: https://www.researchgate.net/publication/361722723 (accessed: 05th May 2025).

Anners, E. (1994) *History of European Law.* Trans. Valinskii, R.L., Volkov, A.M., Isaev, M.A. & Shenyavskaya, T.L. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). М. : Наука, 1994. 397 с.

Artyemov, V.M. & Afanasyev, V.S. (2018) Legal Ontology and Legal Anthropology: Theory Issues. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. (2 (46)), 17–22. (In Russian). EDN: XSQTVZ.

Артёмов В.М., Афанасьев В.С. Правовая онтология и правовая антропология: вопросы теории // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 17–22. EDN: XSQTVZ.

Chumakov, R. Kh. (2023) Positivist legal understanding: Definition, sources, advantages and disadvantages. *Skif. Student science issues.* (1 (77)), 352–357. (In Russian). EDN: BPBGOY.

Чумаков Р.Х. Позитивистское правопонимание: понятие, источники, преимущества и недостатки // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 1 (77). С. 352–357. EDN: BPBGOY.

Costa, R.O. (2017) Between Creativity and Arbitrariness: The Search for Legitimacy and Rationality in Constitutional Reasoning. *Athens Journal of Law.* 3 (2), 99–120. https://doi.org/10.30958/ajl.3-2-2

Dekhanov, S.A. & Dekhanov, M.S. (2023) Pandecten and Institutional Models in Civil Law. *Evraziiskaya advokatura.* (4 (63)), 16–20. (In Russian). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_63_4_16 EDN: BHLMHZ.

Деханов С.А., Деханов М.С. Пандектная и институционная модели в цивилистике // Евразийская адвокатура. 2023. № 4 (63). С. 16–20. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_63_4_16 EDN: BHLMHZ.

Doliwa, A. & Doliwa, K. (2023) Axiological and philosophical perspectives of distinguishing private law (against the background of public law). *Eastern European Journal of Transnational Relations.* 7 (2), 49–57. https://doi.org/10.15290/eejtr.2023.07.02.06 EDN: GNASZB.

Dzhamalova, Eh. K. & Ramazanova, Z.G. (2020) To the question of legal consciousness as an ideological source of law. *Law Bulletin of Dagestan State University.* 35 (3), 14–18. (In Russian). https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-35-3-14-18 EDN: QHOIWO.

Джамалова Э.К., Рамазанова З.Г. К вопросу о правосознании как идеологическом источнике права. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 35. № 3. С. 14–18. https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-35-3-14-18 EDN: QHOIWO.

Feoktistov, A.V. (2021) Development of Civil Law in Russia. *Electronic scientific journal Science. Society. State.* 9 (4 (36)), 46–55. (In Russian). https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-4-6 EDN: PJQKAP.

Феоктистов А.В. Развитие гражданского права в России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2021. Т. 9. № 4 (36). С. 46–55. https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-4-6 EDN: PJQKAP.

Gordley, J. (2006) Comparative law and legal history. In: Reimann, M. & Zimmermann, M. (eds.) *Oxford Handbook of Comparative Law.* Oxford, Oxford University Press, pp. 754–772.

Grigoriev, A.I. (2020) Sources of civil law. *Forum of Young scientists.* (1 (41)), 132–136. (In Russian). EDN: SRTYIZ.

Григорьев А.И. Источники гражданского права // Форум молодых ученых. 2020. № 1 (41). С. 132–136. EDN: SRTYIZ.

Ivliev, P.V. (2024) The impact of digitalization on civil law relations. *Law and state: Theory and practice.* (11 (239)), 388–390. (In Russian). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_388 EDN: WGOPYO.

Ивлиев П.В. Влияние цифровизации на гражданские правоотношения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 388–390. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_388 EDN: WGOPYO.

Kostogryzov, P. (2017) Legal anthropology in search for a paradigm. *Research Yearbook Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.* 17 (4), 81–99. (In Russian). https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.4.8199 EDN: ZXKRKJ.

Костогрызов П.И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 81–99. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.4.8199 EDN: ZXKRKJ.

Kulik, O.V. (2020) The value of socio-axiological methodology in the law-making processes research. *State Legal Research.* (3), 368–372. (In Russian). EDN: DBXWJD.

Кулик О.В. Значение социо-аксиологической методологии в исследовании правотворческих процессов // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 368–372. EDN: DBXWJD.

Kulinchenko, N.N. (2023) Evolution of civil law: From ancient civilizations to the present. *Actual scientific research.* (40 (170)), 73–77. (In Russian). EDN: VZJYUV.

Кулинченко Н.Н. Эволюция гражданского права: от древних цивилизаций до современности // Актуальные исследования. 2023. № 40 (170). Ч. I. С. 73–77. EDN: VZJYUV.

Lang, P.P. (2020) Legal axiology in the information society. In: Samara State University of Economics. In: *Proceedings of the II International Scientific Conference GCPMED 2019 – Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development.* Samara, European Publ., pp. 778–783. https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.03.112 EDN: VKWJXR.

Melenko, S. (2017) The Ideological Sources of European Law: Their Types and Axiological Nature. *Erlìhìvs'kij žurnal*. 1, 52–59. https://doi.org/10.31861/ehrlichsjournal2017.01.052

Orlov, V. (2019) Legal Sources and Interpretation in Russian Civil Law. *Athens Journal of Law.* 5 (2), 117–136. https://doi.org/10.30958/ajl.5-2-2

Peno, M. (2019) Philosophy of punishment: Normative models and construction principles of legal systems. *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu.* 69 (3), 411–432. https://doi.org/10.3935/zpfz.69.3.04

Petrov, A.V. & Zyryanov, A.V. (2019) Formal-dogmatic approach to the legal science in the modern conditions. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law.* 19 (1), 94–99. (In Russian). https://doi.org/10.14529/law190114 EDN: YZDXYD.

Петров А. В., Зырянов А. В. Формально-догматический подход в юридической науке в условиях современности. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 94–99. https://doi.org/10.14529/law190114 EDN: YZDXYD.

Prutis, S. (2014) The roots of the principle of equity as a leading principle of private law [„Korzenie" słuszności jako zasady wiodącej prawa prywatnego]. *Białystok Law Studies* [*Białostockie Studia Prawnicze.*]. 17, 207–215. (In Polish). https://doi.org/10.15290/bsp.2014.17.17

Ryazantseva, E.A. (2024) Civil law in the Russian legal system: Stages of evolution. *MCU Journal of Legal Sciences.* (3 (55)), 29–36. (In Russian). EDN: EYSSUU.

Рязанцева Е. А. Гражданское право в правовой системе России: этапы эволюции // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 3 (55). С. 29–36. EDN: EYSSUU.

Szlachta, B. (2008) *Justice, law, and authority in the thought of St. Thomas Aquinas* [*Sprawiedliwość, prawo i uprawnienie w myśli św. Tomasza z Akwinu (zarys problematyki)*]. In: Bartula, P. & Haremska, K. (eds.) Kraków, Księgarnia Akademicka Publ., pp. 129–150. (In Polish).

Varga, C. (2013) Comparing laws and comparing legal cultures. *Advances in law studies.* 1 (1), 12–17. https://doi.org/10.12737/394 EDN: RWFPKF.

Varga, C. (2015) From the ontology of social being to the law's ontology. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 10 (8), 2002–2017. https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-10-2002-2017 EDN: UNEVHJ.

Varga, C. (2014) Law as history? Law as culture? In: Albanian Institute of Sociology & the European University of Tirana. *International Conference on law and values in contemporary society, 21–22 November 2014.* Tirana, Albanian Institute of Sociology Publ.

Varga, C. (2006) Theory and Practice in Law: On the Magical Role of Legal Technique. *Acta Juridica Hungarica.* 47 (4), 351–372. https://doi.org/10.1556/AJur.47.2006.4.2

Varga, C. (ed.) (2012) Multifactorality. In: *The Paradigms of Legal Thinking.* Budapest, Szent István Társulat Publ., pp. 318–325.

Zaibert, L. (2016) Rules, games, and the axiological foundations of (international) criminal law. *International Criminal Law Review*. 16 (2), 346–360. https://doi.org/10.1163/15718123-01602007

Сведения об авторе:

Алехина Екатерина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Процессуальное право», Донской государственный технический университет; 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

ORCID: 0000-0002-1167-6378; SPIN-код: 4468-8616

e-mail: Ket_as@mail.ru

About the author:

Ekaterina S. Alekhina – PhD in Economics, Associate Professor of Procedural law department, Don State Technical University; 1 Gagarina Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1167-6378; SPIN-code: 4468-8616

e-mail: Ket_as@mail.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 395–407
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-395-407
EDN: DRAPKG

Научная статья / Research Article

Право на отключение или право на офлайн как ограничение в трудовом праве

Л.Г. Джиджавадзе

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, *г. Ярославль, Российская Федерация*
✉levandzhidzhavadze@yandex.ru

Аннотация. Анализируется право на отключение с точки зрения правовой конструкции ограничений в трудовом праве. Автор осуществляет классификацию моделей права на отключение, существующих в зарубежных странах по таким основаниям, как: а) способ регулирования «права на отключение», б) субъектный охват. На основе исследования широкого спектра научной литературы, судебной практики, статистических данных, положений зарубежного законодательства с использованием формально-юридического, сравнительно-правового методов автор формулирует и раскрывает структурные элементы права на отключение как ограничения прав работодателя, анализируя такие его элементы, как субъектный состав, форма реализации права, порядок и основания отказа работнику в реализации его права, а также способы обеспечения реального исполнения данного права (как штрафного, так и превентивного характера). По результатам полученной информации формулируются предложения по совершенствованию действующего российского законодательства по вопросам правовой регламентации права на отключение.

Ключевые слова: трудоправовое ограничение, самозащита, зарубежное законодательство, работник, работодатель

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 09 июня 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Джиджавадзе Л.Г. Право на отключение или право на офлайн как ограничение в трудовом праве // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 395–407. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-395-407 EDN: DRAPKG

© Джиджавадзе Л.Г., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The right to disconnect or the right to offline as a restriction of the employer's rights

Levan G. Dzhidzhavadze

P.G. Demidov Yaroslavl State University, *Yaroslavl, Russian Federation*
✉levandzhidzhavadze@yandex.ru

Abstract. The article examines the right to disconnect from the standpoint of the legal structure of restrictions in labor law. The author classifies existing foreign-country models of the right to disconnect according to two main criteria: (a) the method of regulating the "right to disconnect", and (b) the scope of subject coverage. Drawing on a broad range of scientific literature, judicial practice, statistical data, and provisions of foreign legislation, and applying formal-legal and comparative-legal methods, the author formulates and analyses the structural elements of the right to disconnect as a restriction on the employer's rights. These elements include the composition of the rights-holders, the form of implementation of the right, the procedure and grounds for the employer's refusal to assist the employee in exercising this right, as well as mechanisms for ensuring its effective exercise (both punitive and preventive measures). Based on the research findings, the article proposes ways to improve the current Russian legislation on the legal regulation of the right to disconnect.

Key words: labor law restriction, the right to disconnect, self-defense, foreign legislation, employee, employer

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 09th June 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Dzhidzhavadze, L.G. (2026) The right to disconnect or the right to offline as a restriction of the employer's rights. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 395–407. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-395-407 EDN: DRAPKG

Введение

Конвенцией Международной организации труда (далее – МОТ) № 191[1] перечень основополагающих принципов, содержащийся в Декларации Международной организации труда 1998 г. «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда»[2], был дополнен принципом обеспечения безопасной и здоровой производственной среды. Одним из важных инструментов, обеспечивающих реализацию данного положения, является механизм ограничений. Под «трудоправовым ограничением» будет рассматриваться прием юридической техники, внешне выраженный в международных правовых актах, законах и иных нормативных правовых актах, содержащих нормы трудового права, коллективных договорах, соглашениях, локальных нормативных актах, а также в правоприменительных актах и определяющий

[1] ILC.111/Convention № 191 «Convention concerning amendments to standards consequential to the recognition of a safe and healthy working environment as a fundamental principle» (12 June 2023). URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meeting-document/wcms_886375.pdf (accessed: 06.06.2025).

[2] Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (принята в г. Женева 18.06.1998) // Российская газета. 1998. 16 декабря.

пределы поведения субъектов трудового права через сужение правомочий, наложение определенных запретов и возложение дополнительных обязанностей (Lushnikova & Dzhidzhavadze, 2021). Россия, оставаясь активным участником МОТ, связывает себя обязательствами по соблюдению, в том числе общепризнанных принципов права. Право на благоприятную производственную среду возведено в число основных прав человека (Krylov & Chesalov, 2022). Этот вывод следует из значительного числа актов МОТ, среди которых Устав МОТ и другие международные нормативные правовые акты.

Право на отключение и психологическое здоровье работника

В последние годы все большее внимание со стороны международного сообщества уделяется психологическому здоровью работника. Национальные же законодательства большинства государств больше сосредоточены на физической составляющей здоровья. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие дефинитивного аппарата, способов защиты, мер профилактики и т.д. Кроме этого, данный вопрос остается актуальным ввиду латентного характера нарушений в данной сфере, а также во внутреннем протекании негативных последствий, что затрудняет надлежащее выявление и правовую квалификацию данных деяний. Одним из негативных последствий является возникновение стресса, хронической усталости и выгорания (Baek, Won & Yoon, 2023) в результате размывания границ между рабочим временем и временем отдыха (Keightley, Pollmann, Gardner & Duncan, 2024; Keightley, Duncan & Gardner, 2023). В частности, это происходит из-за продолжения телефонных разговоров, переписок и иных способов решения рабочих вопросов во внерабочее время. В результате всего этого у работника возникает эмоциональное напряжение. В ряде случаев, как подчеркивает Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), невозможность использовать время отдыха по назначению приводит к возникновению бессонницы. Кроме этого, в зарубежной научной литературе подчеркивается, что размывание границы между временем отдыха и рабочим временем путем телефонных звонков, переписки по электронной почте приводит к падению работоспособности, морального духа и даже к семейным конфликтам и выгоранию (Shaari & Amirul, 2023; Von Bergen, Bressler & Proctor, 2019). Ряд ученых рассматривают нарушение права работника на отключение как препятствие для самореализации личности (перегрузка работника в результате невозможности использовать свободное время по своему усмотрению из-за частых звонков создает препятствия для дальнейшего развития личности в профессии) (Arendt, 1958). Кроме этого, как подчеркивают некоторые авторы, одним из негативных последствий является «социальная изоляция».

Португальские ученые провели социологическое исследование, по результатам которого удалось установить, что 82,7 % женщин, работающих удаленно, испытывали стресс и нехватку времени для семейной жизни, из-за отсутствия «права на отключение» (Rebelo et al., 2024). Особенно остро протекали конфликты между женщинами с детьми и работодателем ввиду необходимости уделять ребенку большое количество времени, в связи с чем важным остается вопрос нормативной регламентации и реализации права работника на отключение (право на офлайн).

Согласно данным Министерства занятости и социального развития Канады 93 % работников чувствуют необходимость правового ограничения возможностей работодателя на вмешательство в частную жизнь работника в период времени отдыха.

В Японии и Китае переутомления вовсе приводили к суицидам и необходимости регулярного функционирования бригады скорой помощи (например, компания Tesla) (Butler, 2020).

Особенно остро данная проблема усилилась в период цифровизации и возрастания дистанционных форм занятости (Vakariuk & Getmantseva, 2024). Также ситуация обострилась из-за гиперсвязанности работников с цифровыми технологиями (Hopkins, 2024), в зарубежной науке этот эффект получил наименование «ползучее изменение доступности» (предусматривает постоянный контроль работодателя за местоположением работника) (Golding, 2023). А теневой режим гибкой занятости, предусматривающий возможность постоянного контакта с работником даже в нерабочее время, в науке стал называться «неолиберальной занятостью» (Noval, 2017).

Право на офлайн не получило закрепления в российском законодательстве. Оно лишь упоминалось в законопроекте № 973264-7[3] о дистанционном труде, однако позже в ходе обсуждения от него отказались. Стоит обратить внимание, что Россия не единственная страна, в которой предпринималась попытка легализовать данное право через законопроект. Так, например, в Великобритании попытка не увенчалась успехом из-за давления со стороны бизнеса, не заинтересованного в этом процессе[4]. В науке можно выделить несколько подходов, касающихся содержания данного права и необходимости его правовой регламентации:

1) право на отключение подразумевает регуляцию максимальной продолжительности рабочего времени. В связи с этим наличие запрета на привлечение работника к выполнению трудовой функции является достаточным, и правовая регламентация права на офлайн не требуется[5];

2) право на отключение имеет более широкое содержание и направлено не только на обеспечение соблюдения положений о рабочем времени и времени отдыха, но и на обеспечение права на неприкосновенность частной жизни. Поэтому нормативная регламентация данного права является необходимым (Shuraleva, 2021; Timellini, 2020);

3) право на отключение является составной частью права на отдых, но требует отдельного закрепления с целью обеспечения его реализации и соблюдения требований со стороны работодателя (Jaworska, 2022);

4) право на отключение не относится к числу трудовых прав, которые требуют отдельной нормативной регламентации. Оно является лишь одним из правовых средств борьбы со злоупотреблением со стороны работодателя (Chesalina, 2021). Чрезмерная регламентация данного вопроса приведет лишь к затруднению развития дистанционных форм занятости[6];

---

[3] Законопроект № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7 (дата обращения: 06.06.2025).

[4] В Великобритании ввели «право на отключение» от работы. URL: https://media.provodnik.ru/novosti/v-velikobritanii-vveli-pravo-na-otklyuchenie-ot-raboty/ (дата обращения: 06.06.2025).

[5] Кондратенко А. Право работников на оффлайн: российский и зарубежный опыт. URL: https://www.law.ru/article/27181-pravo-rabotnikov-na-offlayn-rossiyskiy-i-zarubejnyy-opyt (дата обращения: 06.06.2025).

[6] Носенко Я. «Право на отключение»: актуально ли оно в условиях дистанционной работы? URL: https://rb.ru/story/pravo-na-otklyuchenie/ (дата обращения: 06.06.2025).

5) право на отключение относится к новым цифровым (digital) правам, которое обеспечивает баланс интересов работника и работодателя (Kaishatayeva et al., 2024).

Представляется, что право на отключение требует нормативного закрепления по следующим причинам.

1. Преодоление негативных последствий для психологического здоровья работника, о которых говорилось выше (падение морального духа, усталость, нервные перегрузки).

2. Кажущаяся нецелесообразность закрепления данного права, ввиду недлительного характера уменьшения времени отдыха, является ошибочной. Это, в частности, подтверждается статистическими данными. Так, согласно данным отчета Австралийского института занятости работники перерабатывают 5,4 часов каждую неделю в связи с нарушением права на отключение в выходные и праздничные дни. Это «кража времени» доходит до 7 недель в год (Macdonald, 2023).

Право на отключение в зарубежных странах

Для формирования авторской позиции необходимо проанализировать судебную практику и зарубежное законодательство. В российской судебной практике напрямую не закрепляется термин «право на отключение». Фрагментарно в мотивировочной части решений встречается косвенное упоминание о том, что во время отдыха работник не обязан отвечать на телефонные звонки клиентов и директора. Так, Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 № 88-9098/2022[7] решение судов первой и апелляционной инстанции оставлено в силе в части признания увольнения работника незаконным (в том числе за не ответ на телефонный звонок в нерабочие дни в период пандемии Covid-19).

Более подробно данный вопрос регламентируется в зарубежном законодательстве. Одной из первых стран, которая законодательно установила «право на отключение», является Франция. В ст. 55 Закона Франции от 08.08.2016 № 2016-1088 «О труде, модернизации социального диалога и безопасности профессиональной карьеры» (LOI n° 2016-1088 du 8 août 2016 relative au travail, à la modernisation du dialogue social et à la sécurisation des parcours professionnels)[8] закрепляется положение, в соответствии с которым работодатель (при численности работников более 50 человек) должен заключить коллективное соглашение, направленное на осуществление работником своего «права на отключение». Если соглашение отсутствует, то принимается Устав (локальный нормативный акт) после консультации с производственным советом. Устав или коллективное соглашение должны определять условия реализации права на отключение, а также предусматривать проведение для сотрудников и руководящего состава мероприятий по обучению и повышению осведомленности о разумном использовании цифровых инструментов. Французский законодатель указал, что данное требование направлено не только на соблюдение положений о времени отдыха, но и на обеспечение права на личную или семейную жизнь. В случае если работодатель нарушает данные положения, то с него взыскивается

[7] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 № 88-9098/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Закон Франции от 08.08.2016 № 2016-1088 «О труде, модернизации социального диалога и безопасности профессиональной карьеры» (LOI n° 2016-1088 du 8 août 2016 relative au travail, à la modernisation du dialogue social et à la sécurisation des parcours professionnels). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000032983213/2016-08-10 (дата обращения: 06.06.2025).

штраф, поступающий в специальные фонды в соответствии со ст. L2242-8 Трудового кодекса Франции[9].

В Бельгии наряду с закреплением аналогичного положения о необходимости коллективных переговоров по вопросам реализации «права на отключение» установлено право работников бюджетного сектора не отвечать на рабочие сообщения и звонки во время отдыха. Одновременно с этим регламентирован запрет применения работодателем санкций к работникам, реализовавшим «право на отключение» (Закон об укреплении экономического роста и социальной сплочённости и Королевским указом от 02.12.2021).

В Испании «право на отключение» регламентировано в ст. 88 Закона от 05.12.2018 № 3/2018 «О защите персональных данных и гарантиях цифровых прав» (Ley Orgánica 3/2018 de Protección de Datos Personales y garantía de los derechos digitales)[10]. В соответствии с вышеуказанной нормой работники и госслужащие в Испании имеют право на «цифровое отключение», которое обеспечивает уважение их времени отдыха, а также личную и семейную неприкосновенность. Конкретные меры и способы реализации данного права должны предусматриваться внутренней политикой предприятия, принимаемой работодателем посредством социального диалога с представителями работников. Законодатель напрямую указал, что «право на отключение» направлено на борьбу с компьютерной усталостью.

В Португалии согласно ст. 199-A Трудового кодекса Португалии (Código do Trabalho)[11] закрепляется обязанность работодателя воздерживаться от контакта с работником во время отдыха, за исключением форс-мажорных обстоятельств. При этом работники, воспользовавшиеся своим правом на отключение, не могут быть подвергнуты дискриминации (в части карьерного роста, привлечения к ответственности и т.д.). Нарушение этих положений работодателем влечет административную ответственность (п. 3 ст. 199-A Трудового кодекса Португалии).

В Италии «право на отключение» установлено в отношении «умных работников». Порядок реализации данного права согласовывается между работниками и работодателями или в порядке коллективно-договорного регулирования (например, компании Barilla, Enel и др.) (Weber & Llave, 2021).

В ФРГ вопрос права на отключение регламентируется на уровне корпоративных актов. Например, его закрепили такие компании, как Volkswagen, BMW, Puma. Работодателям запрещено отправлять электронные письма работнику в нерабочее время, а также осуществлять с ним иные контакты, за исключением чрезвычайных обстоятельств[12]. Интересным является положение компании Volkswagen об автоматическом выключении серверов и (или) блокировки входящих сообщений[13].

---

[9] Трудовой кодекс Франции 03.01.1973 (Ley Orgánica 3/2018 de Protección de Datos Personales y garantía de los derechos digitales). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072050/LEGISCTA000006189527/?anchor=LEGIARTI000037389692#LEGIARTI000037389692 (дата обращения: 06.06.2025).

[10] Закон Испании от 05.12.2018 № 3/2018 «О защите персональных данных и гарантиях цифровых прав» (Ley Orgánica 3/2018 de Protección de Datos Personales y garantía de los derechos digitales). URL: https://www.boe.es/buscar/pdf/2018/BOE-A-2018-16673-consolidado.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

[11] Трудовой кодекс Португалии от 12.02.2009 (Código do Trabalho). URL: https://diariodarepublica.pt/dr/legislacao-consolidada/lei/2009-34546475 (дата обращения: 06.06.2025).

[12] The right to disconnect. European Union, 2020. P. 4. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/642847/EPRS_BRI(2020)642847_EN.pdf (accessed: 07.06.2025).

[13] *Кондратенко А.* Право работников на оффлайн: российский и зарубежный опыт. URL: https://www.law.ru/article/27181-pravo-rabotnikov-na-offlayn-rossiyskiy-i-zarubejnyy-opyt (дата обращения: 06.06.2025).

В Нидерландах законодатель занял двойственную позицию, указав, что право на отключение является важным механизмом защиты прав работника, но при этом в отдельных секторах экономики оно может отсутствовать ввиду их особой важности. Специальный закон, посвященный данному вопросу, принят так и не был, лишь в отдельных нормативно-правовых актах, регулирующих преимущественно бюджетные сектора экономики (медицина, работа инвалидов и т.д.), закрепляются положения о праве работника не выходить на связь (Kaishatayeva et al., 2024) и т.д.

В Словении законодатель в 2024 году «Законом о внесении изменений в Закон о трудовых отношениях» (Zakon o spremembah in dopolnitvah Zakona o delovnih razmerjih (ZDR-1D))[14] закрепил в ст. 142 «Закона о трудовых отношениях» (Zakon o delovnih razmerjih (ZDR-1))[15] право работника на отключение через пассивную обязанность работодателя не препятствовать реализации работником своего права. На коллективно-договорном и локальном уровне (с учетом мнения профсоюза или, при его отсутствии, иных представительных органов работника) работодатель обязан закрепить уже активную систему мер, направленную на реализацию права работника на офлайн. Также закон возложил на работодателя дополнительную обязанность по информированию работника об имеющихся у него (работника) способах защиты им своих прав. Кроме этого, законодатель установил презумпцию добросовестности действий работника, что в значительной степени обеспечивает баланс интересов сторон трудовых отношений, перекладывая бремя доказывания на работодателя.

Проанализировав нормы о праве на отключение в зарубежном законодательстве, можно сделать следующие выводы:

1. В зависимости от способа регулирования «права на отключение» можно выделить следующие модели:

а) смешанная модель, подразумевающая правовую регламентацию «права на отключение» на нормативном уровне. При этом законодательные положения носят, как правило, рамочный характер и предусматривают конкретизацию на социально-партнерском или индивидуально-договорном уровне (например, Франция, Испания, Бельгия, Португалия и др.);

б) социально-партнерская модель, которая характеризуется установлением данного права в коллективно-договорных или локальных правовых актов отдельных компаний, при отсутствии законодательных положений (например, ФРГ).

2. В зависимости от субъектного охвата можно выделить следующие модели:

а) страны, в которых право на отключение распространяется на всех работников (Франция, Бельгия и др.);

б) страны, в которых право на отключение распространяется на дистанционных работников (Италия и др.);

в) страны, в которых право на отключение распространяется «de jure» на всех работников, а «de facto» в нормативных правовых актах закреплены специальные дополнительные правила для дистанционных работников (Испания и др.).

3. Зарубежное законодательство в содержание «права на отключение» закладывает следующие императивы:

[14] Zakon o spremembah in dopolnitvah Zakona o delovnih razmerjih (ZDR-1D). URL: https://pisrs.si/pregledPredpisa?id=ZAKO8708 (accessed: 07.06.2025).

[15] Zakon o delovnih razmerjih (ZDR-1). URL: https://pisrs.si/pregledPredpisa?id=ZAKO5944 (accessed: 07.06.2025).

а) право не выходить на связь с работодателем и иными лицами (клиенты, непосредственные руководители и пр.) в период времени отдыха;

б) запрет наложения санкций и проявления иных форм дискриминации в отношении работников, воспользовавшихся своим правом.

Содержательные элементы права на отключение: пути совершенствования

Изучив научные публикации, судебную практику и зарубежное законодательство перейдем к авторскому анализу «права на отключение» как ограничения прав работодателя. «Право на отключение» выступает гарантией для работника, но в то же время является ограничением для работодателя, то есть можно сказать, что ограничение выражается через управомочивающую норму, как обратная сторона дозволения.

С точки зрения содержания «право на отключение» включает в себя следующие элементы:

1) право работника воздержаться от совершения действий по выходу на связь с работодателем по любым средствам связи для решения рабочих вопросов во время отдыха;

2) пассивная обязанность работодателя в виде запрета на осуществление коммуникации с работником во время отдыха (запрет как разновидность ограничений в трудовом праве).

Анализируя и разрабатывая модель «право работника на отключение» как ограничения для работодателя, необходимо ответить на ряд вопросов: кому принадлежит данное правомочие? В какой форме и в каком порядке работник может реализовать данное право? Существуют ли исключения из данного ограничения? Каким способом будет обеспечиваться реализация данного ограничения?

Разберем первый аспект (кому принадлежит данное правомочие?) Исходя из анализа теоретических положений и зарубежного законодательства, который проводился в начале научной статьи, по моему мнению, право на отключение должно распространяться на всех работников, а не только на дистанционных, по следующим причинам:

а) признавая право на отключение элементом права на отдых, необходимо учитывать, что оно (право на отдых) распространяется на всех работников;

б) нарушение права работника на отключение характерно не только для дистанционной работы, но и для стандартных форм занятости. Использование мессенджеров и иных форм электронной и телефонной связи предусматривается не только при дистанционной работе, критерии которой четко очерчены законом и не исчерпывают все случаи, при которых взаимодействие с работником происходит с помощью телекоммуникационных каналов связи;

в) социально-психологические исследования, проводившиеся представителями различных государств, свидетельствуют о том, что проблема права на отключение существовала и до пандемии COVID-19, когда формы дистанционной занятости достигли своего пика. Так, исследование Harris Poll, проведенное Американской психологической ассоциацией, установило, что 30 % мужчин и 23 % женщин регулярно берут работу домой и в период препровождения досуга, что привело к формированию целой культуры работников («Always on»), чувствующих страх невыхода на связь[16].

[16] Kitchen M. How to Disconnect From ‘Always On’ Work Culture // The Wall Street Journal. 2018. 5 October. URL: https://gregmckeown.com/wp-content/uploads/How-to-Disconnect-From-‘Always-On’-Work-Culture-WSJ.pdf (accessed: 07.06.2025).

Рассуждая о форме реализации данного права, следует отметить следующие моменты:

Во-первых, ввиду того, что нарушение данного права может происходить многократно и требует немедленного реагирования для предотвращения неправомерных действий со стороны работодателя и (или) подчиненных ему лиц, то представляется, что форма его реализации не всегда должна предусматривать обязательную письменную процедуру по предварительному предупреждению.

За основу может быть взят механизм самозащиты прав, уже существующий в трудовом праве и закрепленный в ст. 379 ТК РФ[17]. В аспекте реализации права на отключение он будет предусматривать направление работником работодателю письменного уведомления-объяснения о причинах невыхода на связь. Разумеется, закрепление обязанности по письменному уведомлению за каждый звонок во внерабочее время приведет к доведению данного права до абсурда и затруднит механизм его реализации. Поэтому видится, что необходимость предоставления письменного объяснения должна носить заявительный характер (по требованию работодателя). Такое требование работодатель может запросить как в ходе процедуры необоснованного привлечения работника к дисциплинарной ответственности за невыход на связь, так и во внедисциплинарном порядке (если во внедисциплинарном порядке работодатель запрашивает объяснение, то предоставление объяснения является правом, а не обязанностью работника). Но при этом за работником закрепляется право заранее направить работодателю уведомление о причинах невыхода на связь во избежание инициирования в будущем процедуры по привлечению к дисциплинарной ответственности.

Считаю, что в целях упрощения возможной процедуры доказывания при разрешении трудового спора требование работодателя и объяснение и (или) уведомление работника о невыходе на связь должны быть оформлены в письменной форме или в локальном нормативном акте может быть предусмотрен иной порядок (объяснения в мессенджере и т.п.).

Анализируя вопрос исключительных обстоятельств, когда работник обязан выйти на связь даже в нерабочее время, подчеркнем следующие аспекты:

Во-первых, в качестве модели может быть взят механизм привлечения работника к сверхурочной работе, регламентированный в ст. 99 ТК РФ. Так, при наличии чрезвычайных и иных обстоятельств работник не имеет право на отключение (похожая модель реализована в Нью-Йорке, где выход на связь допускается в чрезвычайных обстоятельствах[18]. Но возникает другая проблема: как работник должен узнать, звонок или сообщение затрагивают эти обстоятельства или нет? Представляется, что в данной ситуации при решении вопроса о правомерности или противоправности действий работника должен действовать принцип добросовестности. То есть если работник был письменно предупрежден работодателем о наличии чрезвычайных и иных обстоятельств (в порядке, предусмотренном ст. 113 ТК РФ, ст. 99 ТК РФ), но при этом, игнорируя данный факт, реализовал свое право на отключение, то данное деяние может являться основанием наложения дисциплинарного взыскания. Если

[17] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12. 2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

[18] Файзуллина Л. Right to disconnect как новый вид права в зарубежных странах // Zakon.ru : юридический интернет-портал. 2024. 26 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2024/3/26/right_to_disconnect_kak_novyj_vid_prava_v_zarubezhnyh_stranah (дата обращения: 06.06.2025).

работник не знал и не мог знать о наличии таких обстоятельств, то негативных последствий для него не будет. При этом важно подчеркнуть: так как работник является экономически слабой стороной трудовых отношений, то бремя доказывания осведомленности работника и соблюдения процедуры ст. 99 и 113 ТК РФ должно лежать на работодателе.

Во-вторых, выход на связь работника во время отдыха должен оплачиваться в повышенном размере, как и при оплате сверхурочных работ, либо, как альтернатива, допустимо установление системы премирования работника.

Далее перейдем к анализу способов реализации «права на офлайн» как ограничения в трудовом праве. Представляется, что для реализации права на отключение требуется целый комплекс мер, который с учетом анализа зарубежного законодательства и иностранных научных публикаций можно разделить на две большие группы в зависимости от характера воздействия.

1. Ограничения в виде дополнительных обязанностей, запретов для работодателя:

а) штрафные санкции (например, США, Франция и т.д.);

б) обязанность по совершению действий и (или) запрет, предупреждающие нарушение права на отключение. Речь идет преимущественно об обязанности отключать корпоративную электронную почту, мессенджеры. Так, например, корпоративные соглашения таких компаний, как Allianz France, KEDGE, предусматривают прямой запрет на отправление писем работникам в нерабочее время, и система в случае отправки после установленного срока доставит письмо лишь в рабочий день[19] (Toor, 2021);

в) привлечение работодателя к ответственности (например, Португалия).

2. Предоставление дополнительных правомочий работнику, таких как право на отключение сотовой связи и электронной почты, право на «игнорирование вызовов» и др. Так, даже крупные компании разрабатывают технологии, направленные на реализацию работником права на отключение (например, режим «не беспокоить» и функции Google календаря «Рабочее время») (Noval, 2022).

3. Меры процессуального воздействия. Нарушение права на отключение в Ирландии не влечет ответственности для работодателя, а может лишь являться дополнительным доказательством противоправности действий работодателя в инициированном по другому вопросу процессе (например, по вопросу наложения дисциплинарного взыскания) [20].

Проецируя данные меры через призму российского трудового законодательства, необходимо подчеркнуть следующее:

1) Внедрение штрафных санкций в российскую правовую систему непосредственно связано с вопросом ответственности, потому что штраф является административным и уголовным наказанием. Штрафы, установленные ст. 5.27 КоАП РФ[21],

[19] Toor A. France's 'right to disconnect' is a nice idea, but it's also pretty vague // The Verge. 2017. 11 January. URL: https://www.theverge.com/2017/1/11/14229000/france-email-law-right-to-disconnect (accessed: 07.06.2025).

[20] Code of Practice for Employers and Employees on the Right to Disconnect. Ireland // URL: https://enterprise.gov.ie/en/publications/publication-files/code-of-practice-on-the-right-to-disconnect.pdf (accessed: 07.06.2025).

[21] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ст. 1.

не в полной мере обеспечивают реализацию норм трудового права ввиду их относительно небольшого размера. Поэтому внедрение штрафных санкций будет требовать изменения административного законодательства. В качестве предложений можно рассмотреть добавление новой части 8 в ст. 5.27 КоАП РФ об установлении отдельного состава по нарушению права на отключение с закреплением повышенного размера штрафа.

2) Регламентация положений о необходимости отключать корпоративную почту и иных мерах предупреждения/профилактики данной категории правонарушений представляется целесообразным. Но с учетом снижения роли коллективных договоров и соглашений, а также в связи с трудностью обеспечения их исполнения, представляется необходимым закрепить данное положение на законодательном уровне. Хотя бы общее положение с указанием обязанности работодателя по его конкретизации на локальном или коллективно-договорном уровне.

Заключение

По результатам анализа права на отключение работника можно внести следующие предложения по совершенствованию российского законодательства. С точки зрения юридической техники и ввиду относительно небольшого объема накопленного правового материала необходимость принятия отдельного закона отсутствует. Целесообразным представляется добавление статьи 113.1 в главу 18 в ТК РФ, посвященной праву работника на отключение.

В ст. 113.1 предлагается закрепить следующие аспекты:

1. Содержание права на отключение: а) право работника воздержаться от совершения действий по выходу на связь с работодателем по любым средствам связи для решения рабочих вопросов во время отдыха; б) пассивная обязанность работодателя в виде запрета осуществления коммуникативных связей с работником во время отдыха (запрет как разновидность ограничений в трудовом праве).

2. Форму реализации права. Путем направления письменного (или в иной форме, предусмотренной локальным нормативным актом) уведомления и (или) объяснения о реализации права на отключение по требованию работодателя или в добровольном порядке.

3. Исключения по аналогии с моделью привлечения к сверхурочным работам в чрезвычайных и иных ситуациях, предусматривающих обязанность работника выйти на связь без его согласия, но только в случаях соблюдения работодателем процедуры, предусмотренной ст. 99 ТК РФ или ст. 113 ТК РФ.

4. Оплату периода времени, когда работник отказался от реализации права на отключение, не ниже чем в двойном размере.

5. Последствия нарушения права работника на отключение работодателем в виде возможности привлечения последнего к административной ответственности.

6. Положение о том, что работодатель на коллективно-договорном или локальном уровне должен определить порядок отключения корпоративной почты с целью реализации прав работников на отключение, а также право работодателя предусмотреть дополнительные меры компенсации потраченного работником времени (ввиду нарушения права на офлайн) в период отдыха.

References / Список литературы

Arendt, H. (1958) *The Human Condition*. 2nd ed. Chicago, University of Chicago Press.

Baek, S.-U., Won, J.-U. & Yoon, J.-H. (2023) The role of work-family conflict in the association between long working hours and workers sleep disturbance and burnout: Results from the sixth Korean Working Conditions Survey. *BJPsych Open*. 9 (5), e165. https://doi.org/10.1192/bjo.2023.555 EDN: AVMTFB.

Butler, H. (2020) Work Yourself to Death: The Honorable Way to Die for the Sarariiman. In: *Historical Perspectives: Santa Clara University Undergraduate Journal of History Series II.* 25, 7.

Chesalina, O. (2021) The Legal Nature and the Place of the Right to Disconnect in European and in Russian Labour Law. *Russian Law Journal*. 9 (3), 36–59. https://doi.org/10.17589/2309-8678-2021-93-36–59. EDN: UNWVIP.

Golding, G. (2023) The right to disconnect in Australia: Creating space for a new term implied by law. *The University of New South Wales Law Journal*. 46 (2), 728–757. https://doi.org/10.53637/hjmq5885 EDN: XYVLPW.

Hopkins, J. (2024) Managing the Right to Disconnect – A Scoping Review. *Sustainability*. 16 (12), 4970. https://doi.org/10.3390/su16124970 EDN: GLXRIO.

Jaworska, K. (2022) The Right to Disconnect. *Studia z Zakresu Prawa Pracy i Polityki Społecznej*. 29 (1), 51–58. https://doi.org/10.4467/25444654SPP.22.005.15373 EDN: RFXXFP.

Kaishatayeva, A., Ibragimova, F., Bayazitova, R. & Yessenzholov, N. (2024) Right to disconnect: Complexities of legalization (in the context of international regulatory experience). *Journal of Law and Sustainable Development.* 12 (2), e3089. https://doi.org/10.55908/sdgs.v12i2.3089 EDN: OKHZOY.

Keightley, S., Duncan, M. & Gardner, B. (2023) Working from home: Experiences of home-working, health behaviour and wellbeing during the 2020 UK Covid-19 lockdown. *Journal of Occupational and Environmental Medicine.* 65 (4), 330–336. https://doi.org/10.1097/JOM.0000000000002757 EDN: EVXXPS.

Keightley, S., Pollmann, A., Gardner, B. & Duncan, M. (2024) Psychological responses to home-working practices: A network analysis of relationships with health behaviour and wellbeing. *Behavioral Sciences.* 14 (11), 1039. https://doi.org/10.3390/bs14111039 EDN: XBZANV.

Krylov, K.D. & Chesalov, I.A. (2022) Raising the right to a safe and healthy working environment. *Education and Law*. (11), 43–48. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-11-43-48 EDN: CYBCAC.

Крылов К.Д., Чесалов И.А. Возвышение права на безопасную и здоровую производственную среду // Образование и право. 2022. № 11. С. 43–48. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-11-43-48 EDN: CYBCAC.

Lushnikova, M.V. & Dzhidzhavadze, L.G. (2021) Restrictions in labor law: Theory of the issue and practice of application. *Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov*. *The Humanities series*. 15 (4(58)), 542–551. (In Russian). https://doi.org/10.18255/1996-5648-2021-4-542-551 EDN: GZHXZR.

Лушникова М.В., Джиджавадзе Л.Г. Ограничения в трудовом праве: теория вопроса и практика применения // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 4 (58). С. 542–551. https://doi.org/10.18255/1996-5648-2021-4-542-551 EDN: GZHXZR.

Macdonald, F. (2023) *Short changed: Unsatisfactory working hours and unpaid overtime – 2023 update.* Australia Institute Centre for Future Work: Griffith, Australia. URL: https://apo.org.au/node/325054 (accessed: 06th June 2025).

Noval, S.M.R. (2017) *Labor law: the essence of the ideal of justice in the labor system* [*Hukum ketenagakerjaan: hakikat cita keadilan dalam sistem ketenagakerjaan*]. Refika Aditama, Bandung Publ. (In Indonesian).

Noval, S.M.R. (2022) Evolution of workers' rights in the digital era prawacana right to disconnect in Indonesia [Evolusi hak pekerja di era digital prawacana right to disconnect di Indonesia].

Journal Of Noble Law [*Jurnal Bina Mulia Hukum*]. 6 (2), 234–257. https://doi.org/10.23920/jbmh.v6i2.637 EDN: KLMPWD. (In Indonesian).

Rebelo, G., Delaunay, C., Diamantino, M.D. & Almeida, A.R. (2024) Telework and Women's Perceptions on the Right to Disconnect – An Exploratory Study in Portugal. *Administrative Sciences*. 14 (10), 261. https://doi.org/10.1088/1755-1315/1181/1/012013 EDN: AQWJHR.

Shaari, S. & Amirul, S. (2023) Flexible Working Arrangements (FWAs) in Malaysia: The Missing Component of the Right to Disconnect. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science.* 1181 (1), 012013. https://doi.org/10.1088/1755-1315/1181/1/012013 EDN: KNJULC.

Shuraleva, S.V. (2021) The right of a remote worker to privacy. *Labor law in Russia and abroad*. (4), 32–34. (In Russian). https://doi.org/10.18572/2221-3295-2021-4-32-34 EDN: FVHRDB. *Шуралева С.В.* Право дистанционного работника на неприкосновенность частной жизни // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 32–34. https://doi.org/10.18572/2221-3295-2021-4-32-34 EDN: FVHRDB.

Timellini, C. (2020) Disconnection: A Right in a Phase of Progressive Definition. In: Wratny, J. & Ludera-Ruszel, A. (eds.) *New Forms of Employment.* Wiesbaden, Springer Publ.

Vakariuk, L.V. & Getmantseva, N.D. (2024) To the issue of the right of employees to disconnect: A comparative analysis [До питання про право працівників на «відключення»: Компаративний аналіз]. *Uzhhorod National University Herald Series Law* [*Науковий вісник ужгородського національного університету. Серія: право*]. 2 (82), 21–28. (In Ukrainian). https://doi.org/10.24144/2307-3322.2024.82.2.3 EDN: MEXIXF.

Von Bergen, C.W., Bressler, M. & Proctor, T.L. (2019) On the grid 24/7/365 and the right to disconnect. *Employee Relations Law Journal*. 45 (2), 3–20.

Weber, T. & Llave, O.V. (2021) *Right to disconnect: Exploring company practices.* Luxembourg, Publications Office of the European Union. URL: https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2021/right-disconnect-exploring-company-practices (accessed: 7th June 2025).

Сведения об авторе:

Джиджавадзе Леван Гияевич **–** ассистент кафедры трудового и финансового права, аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; Российская Федерация, 150000, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

ORCID: 0000-0002-3745-5397; SPIN-код: 8207-8096

e-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru

About the author:

Levan G. Dzhidzhavadze **–** Assistant of the Department of Labor and Financial Law, postgraduate student, P.G. Demidov Yaroslavl State University; 14 Sovetskaya str., Yaroslavl, 150000, Yaroslavl Region, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3745-5397; SPIN-code: 8207-8096

e-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 404–428
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

EDUCATIONAL LAW

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-408-424
EDN: ECYMSW

Научная статья / Research Article

Дебюрократизация высшего образования в России: законодательные новации, организационные вызовы, международный опыт

А.В. Дружинин ✉

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, *г. Москва, Российская Федерация*
✉andr.pstbi@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются правовые и практические аспекты реализации Федерального закона № 328-ФЗ, направленного на снижение бюрократической нагрузки на профессорско-преподавательский состав в российских образовательных организациях высшего образования. Несмотря на благие намерения законодателей, практическая имплементация новых норм сталкивается с рядом правовых коллизий и организационных вызовов. Работа направлена на комплексный анализ потенциала и рисков реализации Федерального закона № 328-ФЗ, выявление правовых и практических барьеров дебюрократизации высшего образования, разработку рекомендаций по оптимизации нормативно-правовой базы и организационных механизмов снижения бюрократической нагрузки на профессорско-преподавательский состав. Исследование опирается на анализ текста Федерального закона № 328-ФЗ, сопоставление его положений с действующим образовательным и трудовым законодательством, подзаконными актами. Используются методы правового, сравнительного и институционального анализа, синтез теоретических и эмпирических данных. В результате исследования выявлены ключевые противоречия между новым законом и существующей нормативно-правовой базой, показаны практические сложности реализации требований закона в условиях сложившейся системы управления вузами. Проанализирован международный опыт дебюрократизации высшего образования, предложены рекомендации по совершенствованию российского законодательства и организационных практик. Реализация Федерального закона № 328-ФЗ требует комплексной работы по гармонизации нормативно-правовой базы, трансформации управленческих процессов, внедрению цифровых технологий документооборота. Только сбалансированное сочетание правовых и организационных инноваций позволит добиться реального снижения бюрократической нагрузки в высшем образовании. Полученные результаты вносят

© Дружинин А.В., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

вклад в понимание сложных процессов реформирования системы высшего образования и способствует выработке сбалансированного подхода к решению проблемы бюрократизации в академической среде.

Ключевые слова: федеральный закон № 328-ФЗ, нормативно-правовая база, профессорско-преподавательский состав, административная нагрузка, правовые коллизии, организационные механизмы, цифровизация документооборота

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 10 января 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Дружинин А.В. Дебюрократизация высшего образования в России: законодательные новации, организационные вызовы, международный опыт // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 408–424. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-408-424 EDN: ECYMSW

Debureaucratization of Higher Education in Russia: Legislative Innovations, Organizational Challenges, International Experience

Andrei V. Druzhinin ✉

Orthodox St. Tikhons Humanitarian University, *Moscow, Russian Federation*
✉andr.pstbi@gmail.com

Abstract. The article examines the legal and practical aspects of implementing Federal Law N 328-FZ aimed at reducing the bureaucratic burden on the teaching staff in Russian higher education institutions. Despite the good intentions of the legislators, the practical implementation of the new norms faces a number of legal conflicts and organizational challenges. The article aims to comprehensively analyze the potential and risks of implementing Federal Law N 328-FZ, identify legal and practical barriers to the debureaucratization of higher education, and develop recommendations for optimizing the regulatory framework and organizational mechanisms for reducing the bureaucratic burden on teaching staff. The study relies on an analysis of the text of Federal Law N 328-FZ, comparing its provisions with current educational and labor legislation and bylaws. The methods of legal, comparative, and institutional analysis, as well as the synthesis of theoretical and empirical data, are used. As a result of the study, key contradictions between the new law and the existing regulatory framework are identified, and practical difficulties in implementing the requirements of the law in the context of the existing university management system are shown. The international experience of debureaucratization of higher education is analyzed, and recommendations for improving Russian legislation and organizational practices are proposed. The implementation of Federal Law N 328-FZ requires comprehensive work on harmonizing the regulatory framework, transforming management processes, and introducing digital document management technologies. Only a balanced combination of legal and organizational innovations will make it possible to achieve a real reduction in the bureaucratic burden in higher education. The results obtained contribute to the understanding of the complex processes of reforming the higher education system and contribute to the development of a balanced approach to solving the problem of bureaucratization in the academic environment.

Key words: Federal Law N 328-FZ, regulatory framework, teaching staff, administrative burden, legal conflicts, organizational mechanisms, digitalization of document management

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 10th January 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Druzhinin, A.V. (2026) Debureaucratization of Higher Education in Russia: Legislative Innovations, Organizational Challenges, International Experience. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 408–424. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-408-424 EDN: ECYMSW

Введение

Проблемы высшего образования и пути их решения в последнее время приобрели особую актуальность в связи с процессом реформирования системы высшего образования в России. В своем обращении к Федеральному Собранию в 2023 году Президент РФ В.В. Путин инициировал процесс реформирования высшего образования, что привело к запуску пилотного проекта трансформации системы на базе ведущих российских университетов[1]. Одновременно в академическом и экспертном сообществе развернулась острая дискуссия о путях развития высшего образования, соотношении традиций и инноваций, фундаментальной и прикладной подготовки, оптимальных моделях управления вузами. Особое внимание в этих дебатах уделяется проблеме избыточной бюрократизации высшего образования, которая рассматривается как серьезное препятствие для повышения качества обучения и научных исследований.

Дискуссия на данную тему приобрела особую остроту в контексте реализации положений Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 328-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ в части снижения бюрократической нагрузки на педагогических работников» (далее – Закон № 328-ФЗ). Закон позиционировался[2] межведомственной рабочей группой как продолжение работы, достигнутой в снижении бюрократической нагрузки работников сферы общего образования с принятием Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“». Несмотря на заявленную цель по оптимизации административных процессов в вузах, практическая реализация этой важной инициативы сталкивается с рядом серьезных вызовов, связанных с противоречиями в нормативно-правовой базе и укоренившимися практиками управления вузами.

В этом контексте возникает необходимость комплексного анализа потенциала и рисков реализации Закона N 328-ФЗ, выявления правовых и организационных барьеров дебюрократизации высшего образования, изучения лучших зарубежных

[1] См.: Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования». Постановление Правительства РФ от 9 августа 2023 г. № 1302 «О реализации пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования».

[2] См., напр.: «Общественный совет при Рособрнадзоре обсудил ход работы по снижению бюрократической нагрузки в системе образования». URL: https://obrnadzor.gov.ru/news/obshhestvennyj-sovet-pri-rosobrnadzore-obsudil-hod-raboty-po-snizheniyu-byurokraticheskoj-nagruzki-v-sisteme-obrazovaniya/ (Дата обращения: 09.01.2025 г.).

практик в этой сфере. Такой анализ позволит выработать практические рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы и организационных механизмов снижения бюрократической нагрузки на профессорско-преподавательский состав российских вузов.

Цель исследования – комплексный анализ потенциала и рисков реализации Федерального закона № 328-ФЗ, выявление правовых и практических барьеров дебюрократизации высшего образования, разработка рекомендаций по оптимизации нормативно-правовой базы и организационных механизмов снижения бюрократической нагрузки на профессорско-преподавательский состав (далее – ППС).

Указанная цель подразумевает решение следующих исследовательских задач:

1. Провести теоретико-правовой анализ основных положений Закона № 328-ФЗ и выявить его концептуальные противоречия с существующей нормативно-правовой базой в сфере высшего образования.
2. Рассмотреть проблемные аспекты и практические вызовы реализации нового закона, включая вопросы управления вузами, распределения обязанностей и оплаты труда ППС, обеспечения качества образования.
3. Проанализировать этап подзаконного регулирования, направленного на реализацию положений Закона № 328-ФЗ, и выявить противоречия и недоработки в проектах нормативно-правовых актов различных ведомств.
4. Изучить международный опыт решения проблемы бюрократизации высшего образования и оценить возможности адаптации успешных зарубежных практик в российских условиях.
5. Разработать рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы для эффективной реализации инициативы по сокращению бюрократической нагрузки в высшем образовании.

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ нормативно-правовых документов, сравнительный анализ существующих практик и предлагаемых изменений, изучение экспертных оценок и мнений представителей академического сообщества. Проблема бюрократизации высшего образования и попытки ее решения неоднократно становились предметом научных исследований в России. Анализ ключевых работ формирует теоретическую базу для оценки текущей ситуации.

М.В. Курбатова, Е.С. Каган и Н.Ф. Апарина отмечают, что реформы высшего образования часто приводят к росту административных обязанностей преподавателей, что негативно сказывается на их основной деятельности (Kurbatova & Kagan, 2015). Эмпирические исследования М.В. Курбатовой, И.В. Доновой и Е.С. Каган демонстрируют, как изменения в условиях работы преподавателей, включая рост административной нагрузки, влияют на их повседневную деятельность (Kurbatova, Donova & Kagan, 2017). Исследования Р.Н. Абрамова с соавторами показывают, что значительная доля рабочего времени преподавателей уходит на выполнение бюрократических процедур (Abramov, Gruzdev & Terent'ev, 2017). Этот дисбаланс между административными требованиями и академической свободой требует поиска решений, как подчеркивает Л.Ф. Красинская (Krasinskaya, 2016).

С.Г. Горин указывает, что процедуры мониторинга вузов также способствуют увеличению документооборота и бюрократической нагрузки (Gorin, 2016). Е.В. Балацкий отмечает, что чрезмерное реформирование системы высшего образования усугубляет эту проблему, что вызывает необходимость более взвешенного подхода

к проведению реформ (Balatsky, 2007). В.В. Вольчик с соавторами исследуют, как бюрократизация влияет на поведение всех участников образовательного процесса (Volchik, Kot & Shiryaev, 2020) и как фактор, снижающий эффективность высшего образования (Volchik, 2016). Комплексный анализ текущего состояния высшего образования в России, проведенный Е.В. Романовым, подчеркивает необходимость системного подхода к решению проблемы бюрократизации (Romanov, 2018). Из комплексных подходов к проблеме нельзя не упомянуть работы Т.Л. Клячко и С.Г. Синельникова-Мурылева, указывающих на основании обширной эмпирической базы на то, что «нарастает неэффективность и противоречивость реализуемых в системе образования дорожных карт» (Klyachko & Sinelnikov-Murylev, 2018). Авторы предлагают ряд мер снижению влияния негативных факторов в отрасли, однако проблема бюрократизации затрагивается не в качестве основной.

Таким образом, несмотря на широкое обсуждение проблемы бюрократизации высшего образования в научном сообществе она остается актуальной и требует дальнейшего изучения, особенно в контексте новых законодательных инициатив.

Теоретико-правовой анализ Закона № 328-ФЗ

Теоретико-правовой анализ Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 328-ФЗ выявляет ряд существенных изменений в правовом регулировании деятельности образовательных организаций высшего образования, направленных на снижение бюрократической нагрузки на профессорско-преподавательский состав (ППС). Ключевые положения нового закона включают запрет на возложение на педагогических работников обязанностей, не предусмотренных трудовым договором и должностной инструкцией (п. 1 ст. 1), ограничение перечня обязательной документации, разрабатываемой и ведущейся педагогическими работниками (п. 2 ст. 1), установление исчерпывающего перечня видов отчетов, представляемых педагогическими работниками (п. 3 ст. 1), а также запрет на истребование от педагогических работников документов, не предусмотренных федеральными законами (п. 4 ст. 1).

Однако анализ Закона № 328-ФЗ в контексте существующей нормативно-правовой базы в сфере высшего образования выявляет ряд концептуальных противоречий. Во-первых, наблюдается противоречие между стремлением к дебюрократизации и необходимостью обеспечения качества образования, что отражено в требованиях Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Во-вторых, возникает конфликт между расширением автономии вузов, предусмотренным ст. 28 Закона № 273-ФЗ, и усилением государственного контроля за их деятельностью, что следует из положений Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». В-третьих, наблюдается несоответствие между декларируемым снижением бюрократической нагрузки и фактическим увеличением объема отчетности, требуемой различными подзаконными актами, уменьшение которой пока не зафиксировано в правовом поле.

Примером такого противоречия является определенное несоответствие нового закона нормам Приказа Минобрнауки России от 22.12.2014 № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной

нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре»[3], который устанавливает более широкий перечень видов работ, выполняемых педагогическими работниками. Кроме того, возникает необходимость пересмотра положений Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 6 апреля 2021 г. № 245 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» в части требований к документационному обеспечению образовательного процесса.

Таким образом, теоретико-правовой анализ Закона № 328-ФЗ выявляет необходимость дальнейшей гармонизации законодательства в сфере высшего образования для эффективной реализации целей снижения бюрократической нагрузки на ППС. Требуется более тщательная проработка механизмов реализации заявленных целей при одновременном сохранении эффективных инструментов контроля качества образования и управления вузами. Это предполагает не только внесение изменений в действующее законодательство, но и пересмотр подходов к регулированию деятельности высших учебных заведений в целом, обеспечивая баланс между дебюрократизацией и сохранением должного уровня контроля и отчетности.

Проблемы и вызовы реализации Закона № 328-ФЗ

Практическая реализация Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 328-ФЗ сталкивается с рядом проблем и вызовов, требующих детального анализа и выработки эффективных решений. Прежде всего, новый закон вступает в противоречие с действующей системой управления вузами, ограничивая административные обязанности ППС, вступает в конфликт с устоявшимися практиками менеджмента в высших учебных заведениях. Многие управленческие процессы, сложившиеся в вузах, опираются на активное участие ППС в административной работе, что теперь становится затруднительным. Это требует пересмотра организационных структур и перераспределения управленческих функций внутри образовательных учреждений.

Закон № 328-ФЗ предполагает четкое разграничение педагогической и административной деятельности, однако на практике эти сферы часто пересекаются. Возникает необходимость детальной проработки должностных инструкций и трудовых договоров, чтобы избежать нарушений нового законодательства при сохранении эффективности работы вуза. Существующая система оплаты труда во многих вузах учитывает выполнение внеучебных задач и функций как часть нагрузки преподавателей. Теперь вузам необходимо пересмотреть эти подходы, что может привести к снижению доходов части ППС или потребовать дополнительного финансирования для компенсации утраченных выплат.

Снижение бюрократической нагрузки может позволить преподавателям уделять больше внимания непосредственно обучению студентов и научно-исследовательской работе. Однако существует опасность, что некоторые важные аспекты образовательного процесса, ранее осуществляемые преподавателями, могут остаться

[3] С 1 сентября 2025 г. заменен Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 апреля 2025 г. № 335 «О продолжительности рабочего времени педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, и о порядке определения учебной нагрузки указанных работников, оговариваемой в трудовом договоре, основаниях ее изменения и случаях установления верхнего предела учебной нагрузки», который в целом идентичен замененному.

без должного внимания. Это требует разработки новых механизмов обеспечения качества образования, не противоречащих букве и духу нового закона.

Закон № 328-ФЗ расширяет свободу вузов в организации внутренних процессов, но жесткие ограничения на административную деятельность ППС могут парадоксальным образом сузить возможности вузов по самостоятельному определению оптимальной структуры управления. Это создает необходимость поиска баланса между государственным регулированием и институциональной автономией. Сокращение документооборота должно упростить процедуры проверок, но возникают вопросы о том, как вузы смогут предоставлять необходимую информацию для контроля качества образования в условиях ограниченного документооборота. Требуется разработка новых форм отчетности и методик проверок, учитывающих изменившиеся реалии.

Подготовка и ведение документации в вузах претерпевает существенные изменения в свете новых законодательных требований. Сокращение объема обязательной документации призвано снизить бюрократическую нагрузку на ППС, но создает риски потери важной информации, необходимой для эффективного управления образовательным процессом. Вузам предстоит разработать новые подходы к документообороту, обеспечивающие баланс между требованиями закона и потребностями образовательной организации. Статус и роль индивидуального плана работы преподавателя также подвергаются переосмыслению. Возникает необходимость пересмотра структуры и содержания этого документа, чтобы он отражал преимущественно педагогическую и научную деятельность, минимизируя административную составляющую.

Ограничение административных обязанностей ППС может привести к сложностям в координации учебного процесса и разработке методических материалов. Вузам предстоит найти новые формы организации этой работы, возможно, с привлечением дополнительного административного персонала или использованием цифровых технологий для автоматизации части процессов.

Проблемы взаимодействия с контролирующими органами также приобретают особую актуальность в контексте новых законодательных требований. С одной стороны, сокращение документооборота должно могло бы упростить процедуры проверок. С другой, в ситуации, когда требования к набору документации, формируемой в рамках образовательного процесса, не сняты, возникают вопросы о том, как вузы смогут предоставлять необходимую информацию для контроля (надзора) в условиях ограниченного документооборота (Druzhinin, 2023). Требуется разработка новых форм отчетности и методик проверок, учитывающих изменившиеся реалии.

Существующие процедуры аккредитации и лицензирования во многом опираются на анализ документации, объем которой теперь должен быть существенно сокращен. Это создает необходимость пересмотра критериев и методов оценки деятельности вузов при проведении аккредитационных и лицензионных процедур.

Сокращение документооборота, несмотря на очевидные преимущества для снижения бюрократической нагрузки, может иметь и ряд негативных эффектов. В частности, возникают риски потери важной информации, необходимой для эффективного управления образовательным процессом. Отсутствие письменной фиксации ряда процедур и решений может затруднить последующий контроль и анализ их эффективности. Кроме того, резкое сокращение отчетности может привести к снижению дисциплины и ответственности исполнителей, размыванию критериев оценки качества их работы.

Так, например, по данным опроса 2000 школьных учителей, проведённого Общероссийским Народным фронтом в мае–июне 2025 г., бюрократическая нагрузка в образовании продолжает расти: 41 % респондентов отметили увеличение объёма отчётности и административных задач за последние 3–4 года, несмотря на вступление в силу Федерального закона № 328-ФЗ (с 1 сентября 2024 г.), направленного на её сокращение. Лишь 11 % педагогов тратят менее 18 часов в неделю на внеучебные документы (т.е. 89 % – более 18 часов), включая сбои в цифровых системах вроде «Сферум» и «Моя школа». Это указывает на минимальный эффект от реформ, где ожидалось более существенное снижение (до 20–25 % по аналогичным оценкам экспертов в 2024 г.), но реальный прогресс не превысил 5–10 % по отзывам учителей[4].

В организационном плане переход к новым моделям документооборота потребует значительных усилий по перестройке управленческих процессов, обучению персонала, внедрению новых информационных систем. Все это связано с определенными временными и финансовыми издержками, которые могут стать серьезным препятствием, особенно для небольших региональных вузов.

Нельзя не учитывать и возможное психологическое сопротивление части административного аппарата и профессорско-преподавательского состава изменению привычных практик работы с документами. Преодоление сложившихся бюрократических стереотипов и формирование новой организационной культуры – длительный и болезненный процесс.

Наконец, сокращение документооборота не должно приводить к утрате прозрачности и подконтрольности деятельности вузов. Необходимо четко разграничить те процессы и процедуры, которые действительно могут быть дебюрократизированы, от тех, где сохранение документирования является необходимым условием обеспечения качества и законности образовательной деятельности.

Снижение бюрократической нагрузки в рамках Федерального закона от 04.08.2023 № 328-ФЗ (в ред. 2025 г.) затрагивает интересы четырёх ключевых групп:

- Преподаватели вузов получают выигрыш в свободном времени: по оценкам экспертов Минобрнауки и профсоюзов, при полной цифровизации отчётности экономия составляет 4–6 часов в неделю (вместо планировавшихся первоначально 8–10 часов), что позволяет больше времени уделять подготовке занятий и научной работе[5].
- Студенты выигрывают от потенциального повышения качества занятий за счёт большего внимания преподавателей к содержанию и общению, однако существует риск снижения прозрачности промежуточной аттестации при неполном переходе на надёжные электронные системы[6].

[4] Народный фронт организовал обсуждение проблемы бюрократической нагрузки на учителей // Портал Общероссийского общественного движения «Народный фронт «за Россию» 9 июн. 2025. URL: https://onf.ru/news/narodnyj-front-organizoval-obsuzhdenie-problemy-byurokraticheskoj-nagruzki-na-uchitelej (дата обращения: 15.11.2025).

[5] Письмо Минпросвещения России от 11.02.2025 № ОК-397/08 «О вступлении в силу Федерального закона № 328-ФЗ «О внесении изменений в статьи 29 и 47 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“» // ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411425593/ (дата обращения: 29.11.2025).

[6] Изменения в высшем образовании России в 2025 году // Foxford Media. 2025. 14 июля. URL: https://media.foxford.ru/articles/izmeneniya-v-vysshem-obrazovanii-rossii-2025 (дата обращения: 29.11.2025).

• Работодатели заинтересованы в выпускниках с усиленными практическими компетенциями (реформа предусматривает их обязательное участие в разработке программ), но опасаются «размывания» ответственности вузов за итоговое качество подготовки без строгих контрольных механизмов.

• Государство стремится одновременно снизить административные издержки образовательных организаций и сохранить контроль за расходованием бюджетных средств и качеством образования через федеральные цифровые реестры и мониторинг.

Главный риск – возможное падение качества образования при поспешном отказе от традиционной документации (например, от бумажных журналов успеваемости) без отлаженных электронных аналогов. Опыт пилотных вузов 2024–2025 гг. (НИУ ВШЭ, Томский государственный университет, Уральский федеральный университет и др.), участвующих в переходе на новые уровни высшего образования и одновременно тестирующих упрощённую отчётность, показывает: при сохранении ключевых контрольных точек (электронные фонды оценочных средств, протоколы ГЭК) качество подготовки не снижается, а предварительные опросы студентов фиксируют рост общей удовлетворённости образовательным процессом на 10–12 %[7].

Выявленные вызовы можно сгруппировать по четырём основным блокам:

1. Правовые и нормативные коллизии:

• противоречие между запретом на истребование дополнительных документов (п. 4 ст. 1 Закона № 328-ФЗ) и сохранением требований к документированию в ФЗ № 273-ФЗ, № 247-ФЗ, № 248-ФЗ;

• сохранение широких перечней документов в ведомственных приказах 2025 г. (см. ниже).

2. Организационно-управленческие проблемы:

• необходимость перераспределения функций между ППС и административно-управленческим персоналом;

• риски снижения координации учебного процесса при передаче части обязанностей (разработка методических материалов, проведение промежуточной аттестации и т.д.).

3. Финансово-экономические риски:

• возможное снижение доходов ППС за счёт исключения из нагрузки оплачиваемых ранее административных функций;

• необходимость дополнительного финансирования административного аппарата вузов (по оценкам Минобрнауки – до 18 % роста фонда оплаты труда АУП в 2025–2027 гг.).

4. Социально-психологические и мотивационные аспекты:

• сопротивление части администрации и ППС изменениям устоявшихся практик;

• риски снижения дисциплины при уменьшении формального документирования.

Таким образом, практическая имплементация реализация новых законодательных норм сопряжена с комплексом взаимосвязанных проблем и вызовов, затрагивающих различные аспекты функционирования высших учебных заведений. Их разрешение потребует не только адаптации внутренних процессов в вузах,

[7] Качество приема в российские вузы: 2024 : мониторинг / НИУ ВШЭ ; под ред. Я.И. Кузьминова. 2025. URL: https://www.hse.ru/ege2024/ (дата обращения: 29.11.2025).

но и существенного пересмотра подходов к регулированию и контролю в сфере высшего образования на государственном уровне.

Анализ проблем подзаконного регулирования

Анализ проектов нормативно-правовых актов, издаваемых в рамках исполнения положения п. 4.1 Закона № 328-ФЗ, выявляет ряд существенных противоречий и проблем, которые могут привести к серьезным сложностям в практической реализации новых требований с 1 марта 2025 г.

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие единообразия в перечнях документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных профессиональных образовательных программ в вузах разной ведомственной принадлежности. Так, перечни, предлагаемые Минобрнауки России[8], МВД России[9], Следственным комитетом РФ[10], МЧС России[11], Росгвардией[12], ФСО России[13] и ФСИН России[14], существенно различаются как по количеству документов, так и по их наименованиям и содержанию.

По состоянию на ноябрь 2025 г. утверждённые перечни документов существенно различаются по объёму. Так, приказ Минобрнауки России от 11 февраля 2025 г. № 99 содержит 2 позиции обязательных документов, приказом ФСИН России от 29 января 2025 № 47 – 16 позиций, приказ МВД России от 28 января 2025 г. № 21 – 32 позиции. Для сравнения: до вступления в силу Закона № 328-ФЗ типичный

[8] Письмо Минобрнауки России от 10.09.2024 № 925 // Документ опубликован не был.

[9] Проект приказа МВД России «Об утверждении Перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных профессиональных образовательных программ в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=153656 (дата обращения: 09.01.2025).

[10] Проект приказа Следственного комитета Российской Федерации «Об утверждении перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных профессиональных образовательных программ в образовательных организациях высшего образования Следственного комитета Российской Федерации». URL: https:URL:regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=153226 (дата обращения: 09.01.2025).

[11] Проект приказа МЧС России «Об утверждении перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных профессиональных образовательных программ в образовательных организациях высшего образования, находящихся в ведении МЧС России». URL: https:URL:regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152497 (дата обращения: 09.01.2025).

[12] Проект приказа Росгвардии «Об утверждении перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных профессиональных образовательных программ в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации». URL: https:URL:regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152525 (дата обращения: 09.01.2025).

[13] Проект приказа ФСО России «Об утверждении Перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных профессиональных образовательных программ в Академии ФСО России». URL: https:URL:regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152319 (дата обращения: 09.01.2025).

[14] Проект приказа ФСИН России «Об утверждении перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных профессиональных образовательных программ в федеральных государственных образовательных организациях, подведомственных ФСИН России и осуществляющих подготовку кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка» URL: https:URL:regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152526. (дата обращения: 09.01.2025).

перечень документов, фактически ведущихся преподавателями гражданских вузов, составлял 25–30 позиций, однако доплату за «работу по заполнению документации, отчетов» по данным исследования НИУ ВШЭ получали лишь 8,4 % опрошенных преподавателей[15]. Таким образом, вместо заявленного сокращения в ряде ведомств наблюдается фиксация прежнего объёма документооборота.

Как правило, различие в количестве позиций ведомственных приказов не обусловлено спецификой образовательных программ и повторяет документооборот любого ВУЗа. Это создает ситуацию, когда преподаватель, работающий в вузах разной подведомственности, будет иметь разные обязанности по подготовке документации, что не только противоречит принципу единства образовательного пространства, но и существенно затрудняет деятельность самих педагогических работников. Кроме того, некоторые из отличающихся документов, такие как «План проведения тактического учения» (Росгвардия) или «Журнал взаимных посещений, открытых, показательных и пробных занятий кафедры, педагогического контроля» (ФСИН России), вызывают сомнения в их необходимости и соответствии целям снижения бюрократической нагрузки.

Наиболее серьезной проблемой представляется то, что предлагаемые перечни документов по-прежнему остаются весьма обширными и не проходили процедуру проверки на предмет соответствия заявленной цели по отмене излишней отчетности. По сути, многие из представленных проектов нормативно-правовых актов лишь закрепляют существующую практику документооборота в вузах, не предлагая реальных механизмов оптимизации. Это ставит под сомнение эффективность реализации нового закона и достижение декларируемых целей по снижению бюрократической нагрузки на ППС.

Все эти противоречия и недоработки свидетельствуют об отсутствии должной координации между ведомствами при разработке подзаконных нормативно-правовых актов и недостаточном анализе их потенциального влияния на реальную практику работы вузов. Такая ситуация чревата серьезными проблемами.

Прежде всего, это может привести к росту правовой неопределенности и конфликтам в трудовых отношениях, когда преподаватели столкнутся с различными требованиями к своей работе в зависимости от ведомственной принадлежности вуза. Кроме того, сохранение избыточной отчетности де-факто может дискредитировать саму идею оптимизации документооборота и снижения бюрократической нагрузки, что негативно скажется на мотивации и доверии педагогических работников к проводимым реформам.

Например, сохранение традиционной бюрократической нагрузки на ППС в процедурах конкурсного отбора, несогласованность реформы с нормами ТК РФ могут привести к конфликтам в трудовых отношениях и правовой неопределенности, несмотря на декларируемое сокращение отчетности. В деле, рассмотренном Московским городским судом, доцент одного из московских вузов (подведомственного Минобрнауки) был уволен по истечении срочного трудового договора, поскольку не прошел конкурс на замещение должности. Причиной негативного мнения кафедры стал факт непредставления отчета о научно-педагогической работе за период

[15] Заработная плата российских преподавателей и ученых: дифференциация, структура и составляющие эффективного контракта : информационный бюллетень / В.Н. Рудаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. 36 с. (Мониторинг экономики образования, ISSN 2782-5353 ; № 7 (49)).

предыдущего договора — документа, который формально не входит в минимальный перечень обязательной отчетности по приказу № 99 (ограниченному 2 позициями: рабочие программы дисциплин и иных компонентов, оценочные и методические материалы) но фактически остается ключевым для оценки в конкурсных процедурах (ст. 332 ТК РФ и локальные положения вуза).

Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 ноября 2025 г. по делу № 33-55188/2025 (на решение Зюзинского районного суда от 9 мая 2025 г. № 2-1663/2025, УИД 77RS0009-02-2024-015448-28) подтвердило законность увольнения из вуза. Суды отметили, что порядок расторжения срочного договора не был нарушен, опираясь на обширный пакет доказательств от вуза: срочный трудовой договор с соглашениями о продлении, выписки из протоколов Ученого совета и кафедры, приказы об объявлении конкурса, уведомления о прекращении договора (п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ), приказ об увольнении с подписями работника, записи в книге учета трудовых книжек и подтверждения выплат. Свидетели (коллеги и представители администрации) также подтвердили соблюдение всех формальностей, включая тайное голосование (протокол счетной комиссии).

Этот случай подтверждает опасения: несмотря на реформу, которая должна была минимизировать бюрократию (сократив перечень до 2–16 позиций в зависимости от ведомства), внутренние процедуры вузов (конкурсы, отчеты о работе) сохраняют высокий объем документации (в деле перечислено не менее 15 видов доказательств), что приводит к рискам для ППС. Преподаватель, фокусируясь на основной работе (преподавание и наука), рискует не пройти конкурс из-за «неучтенной» отчетности, что усиливает мотивационные проблемы и подрывает доверие к реформе. Очевидно, что без унификации локальных актов вузов (включая положения о конкурсах) такие споры будут множиться, потенциально увеличивая нагрузку на суды. Для минимизации рисков рекомендуется внести корректировки в подзаконные акты, интегрируя реформу с процедурами аттестации ППС.

Международный опыт решения проблемы бюрократизации высшего образования

Анализ зарубежных подходов к снижению административной нагрузки в университетах позволяет выявить успешные практики и оценить возможности их адаптации в российских условиях.

В США реализуется концепция «lean management» в университетском управлении, направленная на оптимизацию административных процессов и сокращение избыточной отчетности (Balzer, 2017). Европейские страны, в частности Германия и Нидерланды, внедряют принципы «нового государственного менеджмента» (New Public Management) в сфере высшего образования, предполагающие более гибкие подходы к управлению и снижение бюрократической нагрузки (Broucker, De Wit, Verhoeven & Leisyte, 2019).

Великобритания предприняла шаги по дебюрократизации академической среды, включая пересмотр системы оценки качества исследований (Research Excellence Framework) с целью снижения административной нагрузки на ученых[16].

[16] Stern N. Building on success and learning from experience: an independent review of the Research Excellence Framework. London: Department for Business, Energy & Industrial Strategy, 2016. URL: https://www.gov.uk/government/publications/research-excellence-framework-review (accessed: 09.01.2025).

Австралия реализует программу «Cutting Red Tape» в высшем образовании, направленную на упрощение процедур отчетности и сокращение объема документооборота[17].

Анализ международного опыта позволяет выделить ряд успешных практик, которые могут быть адаптированы к российским условиям для решения проблемы бюрократизации высшего образования. Одной из таких практик является внедрение цифровых технологий в управление вузами. Опыт Сингапура демонстрирует, что использование интегрированных информационных систем способствует значительному сокращению объема бумажного документооборота и оптимизации административных процессов (Lim & Wang, 2016).

Другим перспективным направлением является делегирование полномочий и расширение автономии университетов. Практика скандинавских стран показывает, что предоставление вузам большей самостоятельности в определении внутренних процедур ведет к снижению бюрократической нагрузки (Pinheiro et al., 2019).

Пересмотр системы показателей эффективности также может способствовать дебюрократизации высшего образования. Опыт Нидерландов по внедрению более гибких и контекстуализированных критериев оценки деятельности университетов представляет интерес для российской системы высшего образования (de Boer et al., 2015).

Развитие культуры доверия в академической среде – еще один важный аспект снижения бюрократической нагрузки. Подход, реализуемый в Финляндии, где акцент делается на профессиональную этику и саморегулирование научного сообщества, позволяет сократить объем формальных проверок и отчетности (Aarrevaara, Dobson & Elander, 2009).

Наконец, внедрение принципа «one-in», «one-out» в регулировании, согласно которому при введении нового регулирующего акта обязательно отменяется один из действующих, также может быть полезно для российской системы нормативно-правового регулирования высшего образования. Такой подход успешно применяется в Великобритании (Lodge & Wegrich, 2012).

Однако адаптация этих практик в российских условиях требует учета национальной специфики системы высшего образования, правовых традиций и культурных особенностей. Необходима разработка комплексного подхода, сочетающего лучшие зарубежные практики с российским опытом управления вузами. Только такой сбалансированный подход позволит эффективно решать проблему бюрократизации высшего образования в России, опираясь на успешный международный опыт и учитывая особенности отечественной системы.

Рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы сокращения бюрократической нагрузки ППС

На основе проведенного анализа предлагается ряд рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере высшего образования для эффективной реализации Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 328-ФЗ. В краткосрочной перспективе необходимо конкретизировать ключевые понятия

[17] Reim M. C. Cutting Red Tape: Four Higher Education Regulations That Should Be Eliminated. URL: https://www.eurasiareview.com/18062017-cutting-red-tape-four-higher-education-regulations-that-should-be-eliminated-analysis/ (accessed: 09.01.2025).

в законодательстве, такие как «бюрократическая нагрузка», «педагогическая работа» и «академическая автономия» вуза. Это позволит обеспечить единообразное толкование и применение норм закона. Кроме того, следует гармонизировать новый закон с существующими нормативными актами, внеся соответствующие изменения в Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и подзаконные акты Минобрнауки России. Важно также разработать механизмы сохранения качества образования при снижении бюрократической нагрузки, такие как внедрение системы риск-ориентированного подхода к контролю качества, разработка новых форм отчетности и методик проверок.

В долгосрочной перспективе рекомендуется разработать типовые модели управления вузом с учетом сокращения административной нагрузки на профессорско-преподавательский состав (ППС), предоставив вузам право выбора наиболее подходящей модели. Необходимо также внести изменения в нормативные акты, регулирующие финансирование вузов, предусмотрев возможность перераспределения средств на усиление административного аппарата при сокращении соответствующих обязанностей ППС. Помимо этого следует законодательно закрепить механизмы участия ППС в управлении вузом на принципах академического самоуправления, обеспечивая баланс между административными и академическими интересами. Это позволит создать условия для эффективной реализации нового закона и снижения бюрократической нагрузки на преподавателей.

Однако реализация данных рекомендаций сопряжена с определенными рисками и ограничениями. В частности, могут возникнуть сложности в достижении консенсуса между различными ведомствами и образовательными организациями относительно предлагаемых изменений. Кроме того, внедрение новых моделей управления потребует дополнительного финансирования, что может стать препятствием в условиях ограниченных бюджетных ресурсов. Нельзя исключать и возможное сопротивление части академического сообщества изменениям устоявшихся практик.

Что касается цифровизации управленческих процессов как инструмента снижения бюрократической нагрузки, важно отметить следующее. Автоматизация рутинных процедур сбора, обработки и хранения информации безусловно высвобождает время сотрудников для содержательной аналитической и организационной работы. Важным преимуществом цифровизации является обеспечение прозрачности и подконтрольности управленческих процессов. В то же время цифровая трансформация управления вузом — это масштабный и сложный процесс, требующий значительных инвестиций в технологическую инфраструктуру, программное обеспечение, повышение цифровых компетенций персонала. Реализация этой задачи должна носить поэтапный характер, сопровождаться постоянным мониторингом и анализом достигнутых результатов, корректировкой планов с учетом возникающих проблем и рисков.

Цифровизация не является панацеей и не отменяет необходимости комплексного совершенствования нормативно-правовой базы, организационных структур и процессов управления вузом. Только сбалансированное сочетание технологических, юридических и управленческих инноваций позволит добиться реального снижения бюрократической нагрузки и повышения эффективности административной деятельности в сфере высшего образования.

Несмотря на эти потенциальные трудности, предложенные рекомендации представляются необходимыми для эффективной реализации Закона № 328-ФЗ и

снижения бюрократической нагрузки в высшем образовании. Их реализация требует комплексного подхода, учитывающего интересы всех заинтересованных сторон и опирающегося на лучшие отечественные и международные практики.

Заключение

Реализация Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 328-ФЗ представляет собой комплексную задачу, требующую системного подхода к совершенствованию нормативно-правовой базы высшего образования. Проведенный анализ указывает на необходимость дальнейшей работы по согласованию различных нормативно-правовых актов, детальной проработки механизмов реализации заявленных целей по снижению бюрократической нагрузки при сохранении качества образования и эффективного управления вузами.

Успешная имплементация нового закона потребует не только нормативных изменений, но и трансформации организационной культуры вузов, развития новых управленческих компетенций и широкого внедрения цифровых технологий. Процесс адаптации к новым условиям должен носить поэтапный характер, сопровождаться постоянным мониторингом и анализом возникающих проблем.

В долгосрочной перспективе снижение бюрократической нагрузки на ППС должно способствовать повышению качества образования и научных исследований, усилению конкурентоспособности российских вузов на международной арене. Однако достижение этих целей возможно только при условии комплексного подхода к реформированию системы высшего образования, учитывающего интересы всех участников образовательного процесса и опирающегося на лучшие отечественные и международные практики.

References / Список литературы

Aarrevaara, T., Dobson, I.R. & Elander, C. (2009) Brave new world: Higher education reform in Finland. *Journal of Higher Education Policy and Management.* 21 (2), 1–18.

Abramov, R.N., Gruzdev, I.A. & Terent'ev, E.A. (2017) Working time and role tensions of employees of a modern Russian university. *Educational Studies*. (1), 88–111. (In Russian). https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-88-111 EDN: YHZCSN.

Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88–111. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-1-88-111 EDN: YHZCSN.

Balatsky, E.V. (2007) Institutional conflicts in higher education. *Economics of Education.* (3), 79–89. (In Russian). EDN: MTHVFF.

Балацкий Е.В. Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Экономика образования. 2007. № 3. С. 79–89. EDN: MTHVFF.

Balzer, W.K. (2017) *Lean Higher Education: Increasing the Value and Performance of University Processes*. New York, CRC Press.

de Boer, H.F., Jongbloed, B.W.A., Benneworth, P. et al. (2015) *Performance-based funding and performance agreements in fourteen higher education systems*. Enschede, Center for Higher Education Policy Studies (CHEPS) Publ.

Broucker, B., De Wit, K., Verhoeven, J.C. & Leisyte, L. (2019) *Higher Education System Reform: An International Comparison after Twenty Years of Bologna*. BRILL Publ. https://doi.org/10.1163/9789004400115

Druzhinin, A.V. (2023) Administrative responsibility based on the results of federal state control (supervision) in the field of education: maintaining a balance of interests in the light of current

legislation. *NB: Administrative Law and Administration Practice.* (3), 33–44. (In Russian). https://doi.org/10.7256/2306-9945.2023.3.43444 EDN: VKLYYR.

Дружинин А.В. Административная ответственность по итогам федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования: соблюдение баланса интересов в свете актуального законодательства // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. № 3. С. 33–44. https://doi.org/10.7256/2306-9945.2023.3.43444 EDN: VKLYYR.

Gorin, S.G. (2016) How Monitoring Results Influence the Growth of Bureaucratization and the Dynamics of Teacher's and Student's Subjectness. *Higher Education in Russia.* (1 (197)), 69–74. (In Russian). EDN: VAYAOF.

Горин С.Г. Влияние мониторинга вузов на увеличение документооборота в вузе и динамику преподавательской и студенческой субъектности // Высшее образование в России. 2016. № 1 (197). С. 69–74. EDN: VAYAOF.

Klyachko, T.L. & Sinelnikov-Murylev, S.G. (2018) *Strategy for Russia: education.* Moscow, Delo Publ. (In Russian). EDN: YRCLIX.

Клячко Т.Л., Синельников-Мурылёв С.Г. Стратегия для России: образование. М. : Дело, 2018. 115 с. EDN: YRCLIX.

Krasinskaya, L.F. (2016) Modernization, optimization, bureaucratization... what awaits higher education tomorrow? *Higher Education in Russia*. (3), 73–82. (In Russian). EDN: VQALEH.

Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–82. EDN: VQALEH.

Kurbatova, M.V., Donova, I.V. & Kagan, E.S. (2017) Assessment of changes in the position of teachers of Russian universities. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology.* 26 (3), 90–116. (In Russian). https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-90-116 EDN: YZIDEP.

Курбатова М.В., Донова И.В., Каган Е.С. Оценка изменений положения преподавателей российских вузов // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 3. С. 90–116. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-90-116 EDN: YZIDEP.

Kurbatova, M.V. & Kagan, E.S. (2015) Assessment of the significance of the effects of external control of the activities of university teachers. *Journal of Institutional Studies*. 7 (3), 122–143. (In Russian). https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.122-143 EDN: UOSIPT.

Курбатова М.В., Каган Е.С. Оценка степени значимости эффектов внешнего контроля деятельности преподавателей вузов // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 3. С. 122–143. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.122-143 EDN: UOSIPT.

Lim, C.P. & Wang, L. (eds.) (2016) *Blended learning for quality higher education: Selected case studies on implementation from Asia-Pacific*. Bangkok, UNESCO Bangkok Office Publ.

Lodge, M. & Wegrich, K. (2012) *Managing Regulation: Regulatory Analysis, Politics and Policy*. London, Palgrave Macmillan Publ. https://doi.org/10.1007/978-1-137-26552-4

Pinheiro, R., Geschwind, L., Foss Hansen, H. & Pulkkinen, K. (eds.) (2019) *Reforms, Organizational Change and Performance in Higher Education: A Comparative Account from the Nordic Countries*. Cham, Springer Nature Publ. https://doi.org/10.1007/978-3-030-11738-2

Romanov, E.V. (2018) Higher Education: Current State and Development Prospect. *Economic Policy*. 13 (3), 182–205. (In Russian). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-3-08 EDN: UVCAYY.

Романов Е.В. Высшее образование: состояние и перспективы развития // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 3. С. 182–205. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-3-08 EDN: UVCAYY.

Volchik, V.V., Filonenko, Y.V., Averkieva, E.S. & Shiryaev, I.M. (2016) Bureaucratization and adaptive behavior in the higher education. *Journal of Economic Regulation*. 7 (4), 57–71. (In Russian). https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071 EDN: XREONN.

Вольчик В.В., Филоненко Ю.В., Аверкиева Е.С., Ширяев И.М. Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // Journal of Economic

Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2016. Т. 7. № 4. С. 57–71. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071 EDN: XREONN.

Vol'chik, V.V., Koryttsev, M.A. & Maslyukova, E.V. (2018) Institutional traps and New Public Management in education and science. *Upravlenets/The Manager.* 9 (6), 17–29. (In Russian). https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-2 EDN: PPKFYF.

Вольчик В.В., Корытцев М.А. Маслюкова Е.В. Институциональные ловушки и новый менеджеризм в сфере образования и науки // Управленец. 2018. Т. 9. № 6. С. 17–29. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-2 EDN: PPKFYF.

Сведения об авторе:

Дружинин Андрей Владимирович – кандидат теологии, советник при ректорате, старший преподаватель кафедры общей и русской церковной истории и канонического права; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 127051, г. Москва, Лихов переулок, дом 6, стр. 1

ORCID: 0000-0002-1033-2012; SPIN-код: 7689-5087

e-mail: andr.pstbi@gmail.com

About the author:

Andrei V. Druzhinin – Candidate of Theology, Advisor to the Rector's Office, Senior Lecturer in the Department of Global and Russian Church History and Canon Law; Orthodox St. Tikhons Humanitarian University, 6/1 Likhov pereulok, Moscow, 127051

ORCID: 0000-0002-1033-2012; SPIN-code: 7689-5087

e-mail: andr.pstbi@gmail.com

Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2026 Т. 30. № 2. 425–444
RUDN JOURNAL OF LAW. ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online) http://journals.rudn.ru/law

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

FORENSIC SCIENCE, FORENSIC ACTIVITIES, OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-425-444
EDN: EEKSZQ

Научная статья / Research Article

Организационное, правовое регулирование и материально-техническое обеспечение государственной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан

Н. Бритвак ✉

Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
✉nikita_britvak@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрены правовые и организационные основы внедрения государственной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан с акцентом на материально-технические аспекты её реализации. Цель исследования – выявить и систематизировать правовые, организационные и технические аспекты обязательной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан, а также оценить возможности применения российского опыта. Автор подчёркивает, что дактилоскопическая идентификация является одним из ключевых инструментов для укрепления национальной и общественной безопасности, позволяя своевременно выявлять лиц, представляющих потенциальную угрозу, а также повышать эффективность правоохранительной деятельности и контроль на Государственной границе. Применение методов анализа, синтеза, систематизации и сравнительного анализа позволило определить особенности аспектов реализации государственной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан. Исследованы компетенции Министерства внутренних дел, Комитета национальной безопасности, Министерства транспорта и Министерства иностранных дел, совместно формирующих комплексную инфраструктуру для организации и управления процессом дактилоскопической регистрации. Отдельно рассмотрены технические аспекты, в частности преимущества станций цифрового бескраскового дактилоскопирования. Подчеркнуто, что для эффективного функционирования систем сбора, обработки и хранения дактилоскопической информации необходимы современные аппаратно-программные комплексы, а также криптографические методы защиты биометрических

© Бритвак Н., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

данных, позволяющие минимизировать риск несанкционированного доступа к ней. Кроме того, в работе проанализирован российский опыт обязательной дактилоскопической регистрации иностранных граждан, который даёт возможность оценить перспективы совершенствования казахстанского законодательства и практики внедрения подобных механизмов, а также выявить потенциальные проблемы. В итоге исследование формирует целостное представление о возможностях и проблемах, связанных с реализацией дактилоскопической регистрации на государственном уровне.

Ключевые слова: дактилоскопия, биометрическая идентификация, криминалистическая регистрация, правоохранительная деятельность

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 20 февраля 2025 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Бритвак Н. Организационное, правовое регулирование и материально-техническое обеспечение государственной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 424–445. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-425-444 EDN: EEKSZQ

Organizational, Legal Regulation and Maintenance of State Fingerprint Registration in the Republic of Kazakhstan

Nikita Britvak ✉

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉nikita_britvak@mail.ru

Abstract. The abstract examines the legal and organizational foundations for the introduction of state fingerprint registration in the Republic of Kazakhstan, with a focus on the material and technical aspects of its implementation. The aim of the study is to identify and systematize the legal, organizational, and technical dimentions of mandatory fingerprint registration in Kazakhstan, and to assess the potential for applying Russian experience in this field. The author emphasizes that fingerprint identification is one of the key tools for strengthening national and public security, enabling the timely identification of individuals who may pose a potential threat, as well as improving the effectiveness of law enforcement activities and border control. The application of analytical, synthetic, systematization, and comparative-legal methods made it possible to identify the specific features of the implementation of state fingerprint registration in the Republic of Kazakhstan. The paper examines the competences of the Ministry of Internal Affairs, the National Security Committee, the Ministry of Transport, and the Ministry of Foreign Affairs, which jointly form a comprehensive infrastructure for the organization and management of the fingerprint registration process. Technical aspects are considered separately, including the advantages of digital inkless fingerprinting stations. It is emphasized that the effective functioning of systems for the collection, processing, and storage of fingerprint information requires modern hardware and software complexes, as well as cryptographic methods for protecting biometric data, aimed at minimizing the risk of unauthorized access. In addition, the article analyzes the Russian experience of mandatory dactyloscopic registration of foreigners, which helps to assess the prospects for improving Kazakhstan's legislation and practice in introducing such mechanisms, as well as to identify potential problems. As a

result, the study provides a holistic view of the opportunities and challenges associated with the implementation of state-level fingerprint registration.

Key words: fingerprinting, biometric identification, forensic registration, law enforcement

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 20th February 2025
Accepted: 15th April 2026

For citation:

Britvak, N. (2026) Organizational, Legal Regulation and Maintenance of State Fingerprint Registration in the Republic of Kazakhstan. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 424–445. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-425-444 EDN: EEKSZQ

Введение

Актуальность темы исследования подчёркивается необходимостью комплексного анализа роли дактилоскопии и дактилоскопической регистрации в современном обществе. В условиях глобализации и интенсификации миграционных процессов эффективное управление внутренней и внешней безопасностью невозможно без учета опыта других стран и мировых тенденций. Именно поэтому особую ценность представляет анализ уже реализованного механизма обязательной дактилоскопической регистрации иностранных граждан в Российской Федерации, который стал одним из инструментов регулирования миграционных процессов.

Работы российских и зарубежных исследователей, нормативно-правовые акты России и Казахстана, материалы официальной статистики и интернет-ресурсы дали возможность структурировать и систематизировать информацию о современном состоянии дактилоскопической регистрации и практике её применения.

Методологической основой исследования является комплексный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих сферу дактилоскопической регистрации, а также изучение технических аспектов её реализации. Особое внимание уделено осмыслению научных и прикладных наработок в области идентификации личности, изучению имеющегося зарубежного опыта, в частности, российской модели дактилоскопической регистрации иностранных граждан. Междисциплинарный характер исследования обеспечивает целостное видение проблемы, позволяя объединить в единый контекст нормы права, аппаратно-технические решения и социально-экономические реалии.

Цель исследования – выявить и систематизировать правовые, организационные и технические аспекты обязательной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан, а также оценить возможности применения российского опыта. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: изучить круг субъектов, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации; определить компетенции уполномоченных государственных органов; рассмотреть особенности реализации данного механизма на практике с учётом современных технологических решений и средств защиты; оценить потенциальные риски, возникающие при масштабном использовании биометрических данных на государственном уровне.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования её результатов в процессе совершенствования казахстанского законодательства,

регламентирующего сбор и использование биометрических данных. Новизна проведённого исследования заключается в комплексном подходе к вопросу дактилоскопической регистрации, который охватывает как юридическую, так и организационно-техническую стороны процесса. В итоге работа создаёт основу для дальнейшей дискуссии о расширении применения дактилоскопии в Казахстане, например, в целях повышения эффективности правоохранительных органов, усиления национальной безопасности, разработки новых нормативно-правовых актов, регулирующих сферу биометрической регистрации и идентификации.

Организационно-правовое регулирование обязательной дактилоскопической регистрации

Современное состояние правоохранительной системы Республики Казахстан и растущие требования к обеспечению общественной безопасности диктуют необходимость совершенствования механизмов идентификации личности. Неспособность правильно идентифицировать личность может иметь серьезные последствия для общества – от террористических атак до мошенничества с персональными данными (Jain & Ross, 2015). Одним из перспективных инструментов в данной сфере является дактилоскопическая регистрация, в последнее время приобретающая более значимую роль в различных сферах жизни общества.

Изначально дактилоскопирование применялось для целей уголовной регистрации. Однако сегодня оно получило широкое распространение и в быту. Растет число приложений, использующих системы распознавания отпечатков пальцев для однозначной идентификации личности: в системах контроля доступа и учета рабочего времени, объектах банковской инфраструктуры и современных смарт-устройствах (Martins, Silva & Bernardino, 2024).

Качественные изменения структуры преступности требуют более эффективных и решительных изменений в структуре и уровне деятельности правоохранительных и правоприменительных органов (Smirnova, 2012:8).

В целях усиления борьбы с преступностью, контроля за внутренними и внешними миграционными процессами, повышения эффективности межведомственного взаимодействия органов государственной власти требуется модернизация используемых технологий и правовых механизмов регистрации биометрических данных.

Закон Республики Казахстан № 40-VI ЗРК «О дактилоскопической и геномной регистрации»[1] был принят в конце 2016 года. Как следует из названия, данный нормативно-правовой акт регулирует процедуры организации и проведения соответствующих типов регистрации.

Геномная регистрация довольно успешно применяется на практике в отношении лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также ряда преступлений против личности.

Ввиду несовершенства правовой базы, недостаточности материально-технического и информационного обеспечения государственных органов, неоднократно переносились сроки вступления Закона в силу. Изначально он должен был вступить в силу в начале 2021 года. Однако в силу дефицита бюджета старт дактилоскопической регистрации был отложен до 1 января 2023 г, а затем и до 1 января 2024 г.

[1] О дактилоскопической и геномной регистрации : Закон Республики Казахстан от 30 дек. 2016 г. № 40-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. 6 янв. № 3.

Кроме того, весомой причиной переносов стала пандемия коронавирусной инфекции, поскольку бюджетные средства, запланированные на организацию регистрации, были переданы в ведение Министерства здравоохранения и подведомственных ему учреждений.

Очевидно, что для введения обязательной дактилоскопической регистрации есть ряд причин. На современном этапе развития общества необходимость автоматизации процесса обнаружения и поиска следов пальцев рук при осмотре места происшествия и дальнейшее их сравнение со значительным массивом дактилоскопических карт стала совершенно очевидна и актуальна (Kregel, 2023:59). Это способствует более оперативному раскрытию и расследованию преступлений. Исследование следов пальцев рук, обнаруженных на месте происшествия, особо важно для следствия и дознания. К сожалению, далеко не всегда их проверка по учетам приводит к положительным сработкам.

Кроме того, проведение дактилоскопической регистрации граждан при получении ими документов, удостоверяющих личность, позволит эффективно бороться с незаконным документированием. Дактилоскопическая регистрация также важна в поиске пропавших без вести людей, разыскиваемых лиц, в идентификации неопознанных трупов.

Январские протесты 2022 года, вспыхнувшие в ходе пересмотра государственной политики регулирования цен на сжиженный углеводородный газ, сопровождались многочисленными преступлениями как против жизни и здоровья, так и против собственности. Разграблениям подверглись продуктовые гипермаркеты, магазины бытовой техники и элитной одежды, отделения банков, банкоматы и платежные терминалы. Однако после стабилизации обстановки в стране следы пальцев рук, выявленные следственно-оперативными группами при осмотрах мест происшествий, были переданы для проверки по учетам автоматизированной дактилоскопической информационной системы «Папилон». Результаты проведённых мероприятий позволили выявить более двухсот лиц, причастных к совершению преступлений, кроме того, были идентифицированы неопознанные трупы.

Под термином «дактилоскопическая регистрация» понимается выполняемый государственными органами процесс, включающий в себя сбор, обработку, защиту дактилоскопической информации, установление или подтверждение личности человека. Под дактилоскопической информацией законодатель понимает совокупность данных об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и ладоней рук человека, а также персональные данные, позволяющие произвести его идентификацию. Уникальность отпечатков пальцев людей уступает только индивидуальности строения радужной оболочки глаза (Wang, 2021). Законодателем был определен перечень субъектов обязательной дактилоскопической регистрации, которые перечислены в статье 10 Закона. Среди них достигшие возраста 16 лет:

1) граждане Казахстана и иностранцы, получающие удостоверения личности моряка;

2) лица, оформляющие вид на жительство или удостоверение лица без гражданства;

3) лица, оформляющие разрешение на временное или постоянное проживание;

4) лица, запрашивающие убежище в Казахстане и беженцы;

5) лица, подлежащие выдворению за пределы Казахстана;

6) лица, оформляющие казахстанские визы.

Стоит отметить, что дети возрастом от 12 до 16 лет могут быть подвергнуты регистрации, однако в отношении них данная процедура имеет добровольный характер и, кроме того, требует согласия законных представителей.

Осуществление дактилоскопической регистрации возложено на ряд государственных органов, среди которых имеются как представители силового блока (Министерство внутренних дел и Комитет национальной безопасности), так и гражданских ведомств (Министерство иностранных дел и Министерство транспорта) (Britvak, 2024:113). Каждое из них обладает собственными компетенциями, как и особым кругом субъектов регистрации.

Компетенции органов государственной власти в области дактилоскопической регистрации

В условиях усиливающейся глобализации и увеличения как внешних, так и внутренних миграционных потоков эффективное управление процессами идентификации и регистрации граждан становится критически важным для обеспечения общественной безопасности в Казахстане. Высокое идентификационное значение следов пальцев рук позволяет создавать дактилоскопический учет и пополнять соответствующие базы данных (Hajrullova & Shadrina, 2019:93).

Как центральный орган, обеспечивающий общественную безопасность и правопорядок, Министерство внутренних дел и его территориальные подразделения наделены наиболее широкими полномочиями в сфере обязательного дактилоскопирования. Помимо разработки и утверждения правил дактилоскопической регистрации и правил ведения баз данных дактилоскопической информации, к компетенции данного ведомства отнесено дактилоскопирование иностранцев и лиц без гражданства, оформляющих следующие разрешительные документы: разрешение на временное или постоянное проживание; виды на жительство; удостоверение беженцев. Кроме того, лица, выдворяемые за пределы страны, подлежат дактилоскопированию для предотвращения их возвращения до окончания срока запрета на въезд. Кроме того, граждане Казахстана могут пройти добровольное дактилоскопирование при получении удостоверения личности или паспорта.

Комитет национальной безопасности является ключевым звеном в системе казахстанских специальных государственных органов. Подведомственная ему Пограничная служба осуществляет охрану Государственной границы Республики Казахстан, проводит паспортный и другие виды контроля, обеспечивает установленный режим функционирования приграничных территорий. В области дактилоскопической регистрации Комитет уполномочен на разработку правовых и технических решений по применению технологии подтверждения личности в пунктах пропуска через государственную границу не только по паспортам, но и с использованием данных о строении папиллярных узоров человека.

Хотя Казахстан, с точки зрения географии, является внутриконтинентальной страной, судоходство на Каспийском море весьма развито. Обеспечение надежной идентификации моряков является одним из ключевых факторов безопасности и эффективности морской отрасли. Удостоверение личности моряка (УЛМ) Республики Казахстан является не только документальным подтверждением квалификации и статуса специалиста, но и служит инструментом контроля за соблюдением как национальных, так и международных нормативов. В связи с этим Министерство транспорта Республики Казахстан, как ведомство, непосредственно ответственное за

оформление и выдачу УЛМ, уполномочено на организацию и проведение дактилоскопической регистрации лиц, которым выдается соответствующий документ. Территориальные подразделения уполномочены на сбор, обработку и хранение биометрических данных моряков. Кроме того, Министерство транспорта отвечает за разработку и внедрение соответствующего порядка проведения регистрации. Использование современных технологий биометрической идентификации позволяет минимизировать риски ошибок, связанных с человеческим фактором, и обеспечивает быстрый доступ к информации при необходимости идентификации личности моряка.

Центральным внешнеполитическим ведомством Казахстана является Министерство иностранных дел, на данный момент времени функционируют 80 его дипломатических представительств в различных странах мира. Уполномоченный государственный орган в области внешнеполитической деятельности играет ключевую роль в сфере дактилоскопической регистрации, разрабатывая и утверждая правила сбора и обработки дактилоскопической информации у граждан Республики Казахстан, претендующих на получение паспорта за границей, а также у иностранцев и лиц без гражданства при получении казахстанских виз.

Стремительное развитие технологий биометрической идентификации, включая дактилоскопическую и геномную регистрацию, оказывает значительное влияние на различные сферы общества. В связи с этим обеспечение неукоснительного соблюдения правовых норм становится одним из важнейших направлений государственной политики. Органы прокуратуры Республики Казахстан, действуя от имени государства, осуществляют высший надзор за соблюдением законности в сфере дактилоскопической регистрации. Их деятельность направлена на обеспечение безопасности и правомерности процессов сбора, обработки и хранения биометрических данных граждан Казахстана, иностранцев и лиц без гражданства.

Основной задачей органов прокуратуры является контроль за соответствием процедур дактилоскопической регистрации действующему казахстанскому законодательству. Под этим можно понимать проверку поднадзорных ведомств на предмет соблюдения нормативных актов, регулирующих сбор биометрической информации, а также обеспечение защиты прав и свобод граждан при обработке их персональных данных.

Кроме того, при наличии подозрений на нарушение законодательства в сфере биометрической идентификации прокуратура уполномочена на проведение соответствующих проверочных мероприятий с принятием соответствующих актов прокурорского надзора. Среди таких нарушений можно выделить неправомерное использование биометрических данных, нарушение процедур регистрации, несанкционированный доступ к информации.

Кроме того, органы прокуратуры играют важную роль в разработке и совершенствовании нормативно-правовой базы, регулирующей сферу государственной регистрации биометрических данных. Участвуя в анализе существующих нормативно-правовых актов, вырабатываются предложения по их изменению, исходя не только из национальных и международных стандартов, но и из практических потребностей.

В совокупности это приводит к возможности создания адаптивной правовой системы, способной эффективно реагировать на изменения в технологической среде. Одной из важных сторон прокурорской деятельности является правовое просвещение и информирование общественности о правовых аспектах дактилоскопической

регистрации. Разрабатываются рекомендации для государственных органов, проводятся приемы граждан и публичные разъяснительные занятия, направленные на повышение юридической грамотности населения, информирование о правах и обязанностях в процессе дактилоскопической регистрации, развенчание необоснованных предубеждений. Пропаганда вопроса о дактилоскопической регистрации граждан будет способствовать ее усовершенствованию (Solomatina, Cherkashina & Dreval, 2021:237).

Материально-техническое обеспечение дактилоскопической регистрации

Особую проблематику процесса обязательной дактилоскопической регистрации составляет её материально-техническое обеспечение. В настоящее время накопление, обработка и учет дактилоскопической информации осуществляется оперативно-криминалистическими подразделениями Министерства внутренних дел и криминалистическими отделами Комитета национальной безопасности. Аппаратно-программная часть представлена комплексами автоматизированной дактилоскопической информационной системы «Папилон» российской разработки (Kokushev, 2023:231).

Основной формой фиксации дактилоскопической информации о человеке была и остается дактилоскопическая карта (Sergo & Snezhkova, 2022:124). Существует два способа дактилоскопирования: традиционный (с использованием типографской краски) и современный (цифровой). Классический метод получения отпечатков пальцев и ладоней занимает много времени, особенно при работе с потоком граждан. Кроме того, использование краски делает руки неэстетичными и вызывает негативное восприятие у граждан. Требуется заполнение бумажных дактилоскопических карт с их последующей передачей на ввод в автоматизированную базу данных.

Технология дактилоскопирования прошла долгий путь с момента своего зарождения. Первые автоматические сканеры отпечатков пальцев, представленные в 1988 г., были громоздкими машинами, проблемными в обслуживании[2].

Цифровой метод, основанный на технологиях бескраскового дактилоскопирования, обладает рядом преимуществ. Прежде всего, сканирование папиллярных узоров производится практически мгновенно, а ошибки, выявленные при сканировании, могут быть моментально исправлены оператором станции. Одним из ключевых достоинств станций бескраскового дактилоскопирования является их высокая точность и минимизация ошибок, связанных с человеческим фактором. Эти станции позволяют получать четкие и детализированные цифровые образы отпечатков рук и ладоней, что исключает необходимость характерных для традиционных методов дополнительных этапов обработки, например, ручного сканирования и ввода дактилокарты в базу[3].

Процесс кодировки отпечатков пальцев в электронный формат является многоэтапной информационно-технологической процедурой, основанной на применении программно-аппаратных средств и математических алгоритмов. Первым этапом является считывание папиллярного узора посредством дактилоскопического сканера.

[2] Holder E.H., Robinson L.O., Laub J.H. The Fingerprint Sourcebook. Washington : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2014.

[3] Майлис Н.П., Ярмак К.В., Бушуев В.В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза». М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. С. 248.

На данный момент времени распространены оптические, ультразвуковые и полупроводниковые сканеры. Каждый из них обладает собственными преимуществами и недостатками, может применяться в различных условиях эксплуатации. Основная задача дактилоскопического сканера заключается в получении двумерного, а в некоторых случаях и трёхмерного цифрового изображения, максимально точно отражающего геометрию папиллярного узора, в том числе конфигурацию линий, межлинейные расстояния, структуру пор и микрорельеф поверхности кожи.

Системы цифрового дактилоскопирования, оборудованные оптическими сканерами, реализуют принцип полного внутреннего отражения, позволяющий фиксировать различие в отражаемом свете между папиллярными линиями, непосредственно соприкасающимися с поверхностью датчика, и бороздками, не вступающими в контакт с сенсором. Результатом является формирование контрастного изображения, пригодного для дальнейшей обработки. Однако оптические сканеры можно обмануть с помощью силиконовых или латексных накладок, имитирующих папиллярные узоры (Frolova & Koshlykova, 2022:168).

В основе функционирования ультразвуковых сенсоров находится принцип отражения ультразвука при его распространении через среды с разным акустическим импедансом. Ввиду разницы импеданса между тканями человека и воздухом амплитуда эха тканей человека больше, чем амплитуда эха воздуха. Таким образом, полное строение папиллярного узора можно определить путем определения амплитуды эха в каждой точке кожного покрова. Благодаря высокой проникающей способности ультразвуковых волн, отпечатки могут быть получены даже с загрязнённых или влажных пальцев и ладоней (Yu et al., 2023).

Полупроводниковые ёмкостные сканеры отпечатков пальцев работают на основе матрицы миниатюрных конденсаторов, расположенных на поверхности из материала, обладающего полупроводниковыми свойствами. При прикосновении к датчику, линии папиллярного узора, находящиеся ближе к нему, сильнее изменяют электрическую ёмкость, в то время как борозды – меньше. Изменения ёмкости считываются и преобразуются в цифровое изображение отпечатка для проведения последующих процедур.

После первичного сканирования полученное изображение проходит процесс предварительной обработки посредством специализированного программного обеспечения. На этом этапе осуществляется нормализация яркости и контрастности, устраняются шумы. Увеличивается число пикселей и четкость контуров папиллярных линий (Tan et al., 2022). Применяется фильтрация с использованием медианных фильтров и фильтров Габора. Формируется карта направлений папиллярных линий, позволяющая алгоритму точно идентифицировать особенности папиллярного узора.

Следующим этапом является выделение частных признаков строения папиллярного узора. Это начала и окончания линий, их разветвления, слияния, «островки», «глазки», а также дефекты папиллярного рисунка, возникающие в процессе жизни человека. Каждый признак описывается двумерными координатами, направлением линии, к которой он относится и рядом дополнительных характеристик. Современные алгоритмы могут производить и анализ пор, однако данный метод применяется преимущественно в рамках экспертных исследований (криминалистической пороскопии) и крайне редко используется в системах массовой дактилоскопической регистрации из-за высоких требований к качеству получаемых отпечатков.

После выделения совокупности частных признаков выполняется построение математической модели отпечатка. Математическое описание представляет собой цифровой шаблон, включающий их координаты, типы и взаимные пространственные расположения. Это позволяет получить уникальное представление отпечатка, сохраняющего особенности строения папиллярного узора, не требующего при этом хранения полноценного графического изображения. В результате создаваемый шаблон занимает крайне малый объём компьютерной памяти, что имеет существенное значение при формировании масштабных баз данных дактилоскопической информации, насчитывающих множество записей.

Математическое описание обладает некоторыми преимуществами. Во-первых, оно обеспечивает значительное ускорение процесса поиска и сопоставления отпечатков в автоматизированных системах. Поскольку сравнение проводится не между изображениями, а между структурированными наборами численных параметров, алгоритмы идентификации могут работать на порядок быстрее.

В зависимости от системной архитектуры базы биометрических данных в ней могут храниться как цифровые образы отпечатков, так и их математические эквиваленты. Первый способ позволяет при необходимости провести ручное сравнение и исследование отпечатков, второй – обеспечивает более высокую скорость поиска за счёт меньшего объема данных.

Технология автоматизированного сопоставления и сравнения папиллярных узоров базируется на сложных алгоритмах. Изначально выполняется грубое сопоставление ориентационных полей и определение предполагаемой области совпадения. Затем выполняется поиск соответствующих пар частных признаков на основе критериев близости координат, углов и направлений. Современные алгоритмы позволяют компенсировать артефакты, возникшие при получении отпечатков (вращение и смещение пальцев, неравномерное давление на датчик). Используются графовые алгоритмы сопоставления, эвристические фильтры и иные методы анализа связей между отдельными деталями строения папиллярного узора. Возможность учёта вариативности папиллярного узора, связанную с возрастными изменениями и небольшими повреждениями кожи, дают вероятностные модели.

Однако нельзя не затронуть вопросы подготовки операторов станций бескраскового дактилоскопирования. Квалифицированный персонал должен не только владеть навыками обращения с оборудованием, но и уметь следовать установленным регламентам работы с персональной информацией. Очевидно, что специалисты-криминалисты оперативно-криминалистических групп, отделов и управлений полиции наиболее компетентны в этом вопросе. Но ввиду дефицита кадров в органах внутренних дел Казахстана откреплениe криминалистов от мест службы в целях осуществления деятельности по обязательной дактилоскопической регистрации не представляется возможным.

Сервисное обслуживание и поддержание работоспособности современного оборудования создаёт дополнительные сложности. С учётом обслуживания большого потока граждан, а также возможных технических сбоев крайне важна систематическая профилактика систем и оперативная реакция на возможные неполадки. Для этого требуется наличие сервисных центров, квалифицированного инженерно-технического персонала, запасных частей и компонентов, а также своевременное обновление программного обеспечения, позволяющего поддерживать актуальность функциональных возможностей станций.

Реализация такого масштабного проекта, как государственная дактилоскопическая регистрация, неизбежно связана со значительными затратами государственного бюджета. Приобретение станций автоматического дактилоскопирования включает не только прямые расходы на оборудование, но и комплекс расходов на создание необходимой инфраструктуры, наладку сервисного обслуживания и регулярное обновление программно-аппаратных решений.

С учётом того, что в перспективе предполагается охват значительной части населения Казахстана, для эффективного функционирования системы потребуется развёртывание масштабной сети пунктов дактилоскопической регистрации, оснащённых современным оборудованием. Такие пункты можно разместить в территориальных подразделениях Государственной корпорации «Правительство для граждан», имеющихся по всей стране. Среди преимуществ такого выбора можно выделить простоту интеграции систем сбора дактилоскопической информации в уже существующие информационные решения, к которым имеет доступ Корпорация, а также усиление оперативности обмена ей в рамках межведомственного взаимодействия.

Информационно-технологическое сопровождение и меры обеспечения информационной безопасности биометрических данных

Стоит отметить, что казахстанское общество неоднозначно восприняло идею проведения обязательной дактилоскопической регистрации в стране. Значительная часть населения изначально воспринимает данную процедуру как нечто связанное с преступностью и уголовным преследованием. Кроме того, существуют опасения граждан относительно того, что данная система, изначально создаваемая для целей совершенствования пограничного контроля и борьбы с преступностью, будет использоваться в будущем для регулирования доступа к социальным услугам и банковским операциям без должного учёта общественного мнения.

Журналист Данияр Наурыз отметил, что обязательная дактилоскопическая регистрация является очередным этапом ограничения прав и свобод жителей Казахстана, наряду с всеобщей регистрацией номеров сотовых телефонов в Базе мобильных граждан. Он заметил, что в первую очередь это облегчает слежку за населением со стороны правоохранительных органов, а всеобщее дактилоскопирование населения и регистрация номеров сотовых телефонов является продолжением этой дискриминационной политики, но только в информационно-телекоммуникационной сфере[4].

Некоторые граждане считают, что сотрудники правоохранительных органов могут «подбрасывать» их отпечатки пальцев на места преступлений. Хотя данное опасение не имеет под собой оснований, оно отражает низкий уровень доверия населения к правоохранительной системе в целом.

Наиболее существенными составляющими дактилоскопической регистрации как комплексного явления, заслуживающими отдельного внимания, являются вопросы информационно-технологической защищенности биометрических данных граждан.

[4] Почему в Казахстане затягивается всеобщая дактилоскопия населения? URL: https://qmonitor.kz/economics/4497 (дата обращения: 23.11.2025).

Для целей обязательной дактилоскопической регистрации предлагается создание автоматизированной информационной системы «Биометрическая идентификация личности» (АИС «БИЛ»), а обеспечение ее информационной безопасности возложено на АО «Государственная техническая служба Республики Казахстан» (ранее – Государственная техническая служба Комитета национальной безопасности Республики Казахстан). Особую обеспокоенность не только у экспертов, правозащитников, но и у простых граждан вызвали вопросы информационно-технической защищенности их персональных данных в АИС «БИЛ». Вопрос защиты дактилоскопической информации приобретает особую актуальность, учитывая её важность для идентификации личности и высокие риски, связанные с компрометацией биометрических данных. В настоящее время отпечатки пальцев используются не только в криминалистике для идентификации правонарушителей, но и в биометрических паспортах (Rogoża & Drzewiecka, 2021).

Недостатком системы обязательной дактилоскопической регистрации справедливо назвать её потенциальную уязвимость перед хакерскими атаками и негативные последствия для общества и государства в случае компрометации дактилоскопической информации. Стоит отметить, что в последнее десятилетие в различных странах мира, где уже применяются данные системы биометрической регистрации граждан, имели место кибератаки, следствием которых стала утечка персональных и биометрических данных граждан.

Взлом информационных баз Управления кадровой службы США в 2015 г. (ведомства, занимающегося кадровым учётом федеральных служащих США) привел к утечке персональных данных свыше 21 млн человек, кроме того, преступниками были похищены биометрические данные (электронные образы строения папиллярных узоров пальцев рук) 5,6 млн служащих. Это привело к масштабным проверкам систем информационной безопасности государственных учреждений США (Zenitani, 2025).

Индийская система идентификации граждан и резидентов Aadhaar, администрируемая Агентством Индии по уникальной идентификации UIDAI (Unique Identification Authority of India), пострадала из-за утечек в 2018 г. Официально в системе зарегистрировано более 1,3 млрд человек. Помимо персональных и паспортных данных в данной системе предусмотрено хранение оцифрованных вариантов строения папиллярных узоров пальцев рук и радужной оболочки глаза. Правозащитниками и журналистами были выявлены случаи, когда личные данные граждан и их оцифрованные документы, удостоверяющие личность, продавались в открытом доступе (Sinha, 2024).

Утечка из базы данных Таможенно-пограничной службы США в 2019 г. привела к тому, что в руки злоумышленников попали около 100 тысяч фотографий граждан, сделанных на пунктах пропуска через границу США в рамках пограничного контроля.

Утечки биометрических данных случаются и в коммерческом секторе. Например, в августе 2019 г. экспертами в области кибербезопасности был обнаружен взлом программной платформы безопасности Biostar 2 компании Suprema, продукцией которой пользуются во всем мире. Среди похищенных данных находилась дактилоскопическая информация не менее одного миллиона человек (Neace, 2020).

Утечки персональных данных имели место и в самом Казахстане. В частности, Дана Утеген, заместитель директора Высшей школы права КазГЮУ имени

М.С. Нарикбаева, в экспертном интервью отметила обоснованность рисков, связанных с утечкой персональной информации из баз данных государственных органов и частных организаций. В 2019 г. данные 11 миллионов казахстанцев попали в свободный доступ. Крупные утечки также наблюдались из баз Генеральной прокуратуры, медицинской информационной системы Damumed. Известен случай выставления на продажу доступа к серверу с резервной копией базы данных АО «Казпочта»[5].

Говоря о безопасности систем хранения биометрических данных, в том числе дактилоскопических, нельзя не затронуть криптографическую защиту, которая представляет собой комплекс мер, направленных на шифрование, аутентификацию и целостность хранимых и передаваемых сведений, а также на надёжное управление ключами и контроль доступа.

Среди криптографических технологий, используемых для защиты биометрических баз данных, особое место занимает симметричное шифрование. Расширенный стандарт шифрования (AES – Advanced Encryption Standard), в частности AES-256, является стандартом в этой области благодаря своей доказанной эффективности. В данном стандарте используется ключ длиной 256 бит, что обеспечивает высокий уровень защиты от атак методом перебора, даже с учетом потенциальных возможностей развивающихся в настоящее время квантовых вычислений (Ravikiran et al., 2024).

Однако шифрование дактилоскопической информации должно дополняться надежными методами управления ключами. Криптографические ключи являются наиболее чувствительными элементами любой системы безопасности, основанной на шифровании. Их компрометация сводит на нет защиту, обеспечиваемую даже самыми надежными алгоритмами. В связи с этим генерация, хранение, распределение и уничтожение ключей должны осуществляться с использованием специализированных систем управления ключами (KMS — Key Management Service). Для этого используются аппаратные модули безопасности (HSM — Hardware Security Modules). Это защищенные от несанкционированного доступа аппаратные устройства, предназначенные для генерации, хранения и использования криптографических ключей в защищенной среде (Alzoubi, 2025). Посредством их применения можно гарантировать, что ключи не будут доступны в виде открытого текста за пределами аппаратного модуля. Кроме того, данные устройства сертифицированы в соответствии с такими стандартами, как FIPS 140-2 или Common Criteria. Интеграция аппаратных модулей безопасности с инфраструктурой базы данных обеспечивает большую изоляцию ключевых данных от вычислительных сред общего назначения.

Отдельного внимания требуют вопросы защищенности информации при её передаче по специальным каналам связи между различными узлами инфраструктуры биометрической базы данных. Для этих целей рекомендуется применение криптографического протокола безопасности транспортного уровня (TLS – Transport Layer Security), в частности, его версии 1.3, в которой устранены несколько уязвимостей и устаревших алгоритмов, присутствующих в более ранних версиях протокола (например, статический обмен ключами RSA и слабые наборы шифров) (Lastre, et al., 2025). Протокол обеспечивает прямую секретность, что необходимо для предотвращения

[5] Почему в Казахстане затягивается всеобщая дактилоскопия населения? URL: https://qmonitor.kz/economics/4497 (дата обращения: 23.11.2025).

ретроспективной расшифровки перехваченного трафика биометрической информации. Также данный протокол сокращает задержку при обмене данными, повышая производительность и быстродействие информационных систем.

Использование взаимного протокола безопасности транспортного уровня (MTLS – Mutual Transport Layer Security), при котором взаимная аутентификация клиента и сервера происходит посредством цифровых сертификатов, гарантирует, что только авторизованные в сети устройства смогут инициировать защищенные сеансы или отвечать на них. Благодаря аутентификации на стороне клиента, MTLS снижает риск несанкционированного доступа или атак типа «человек посередине», а также риск атак с использованием имперсонации (Dong et al., 2024).

Центры сертификации должны функционировать в условиях качественного и усиленного контроля безопасности, а для выявления несанкционированной или вредоносной выдачи сертификатов могут использоваться механизмы их прозрачности. В крупномасштабных системах обычно используется инфраструктура открытых ключей (PKI – Public Key Infrastructure) для управления жизненным циклом цифровых сертификатов и создания надежной модели идентификации для всех компонентов. В дополнение к симметричному шифрованию и транспортной безопасности базы данных дактилоскопической информации можно воспользоваться преимуществами асимметричных криптографических операций для цифровой подписи данных и команд. Это необходимо для обеспечения подлинности административных действий с биометрическими данными. Цифровые подписи, созданные с использованием таких алгоритмов, как RSA-4096 или ECDSA с кривой NIST P-384, могут использоваться для подтверждения того, что данный элемент данных был получен из легитимного источника и не претерпел изменений при передаче или хранении (Dinu, 2025).

Дополнительным элементом является контроль целостности данных, который обеспечивается хешированием с помощью криптографических функций. Хеш-суммы записываются наряду с дактилоскопической информацией, что позволяет выявить её любые изменения либо несанкционированные модификации.

Таким образом, комплексный подход к криптографической защите базы данных дактилоскопической информации является необходимым условием обеспечения высокой степени конфиденциальности, целостности и доступности биометрических данных.

Обеспечение информационной безопасности дактилоскопической базы данных требует не только качественных криптографических механизмов, но и эффективно выстроенной системы организационных мер, позволяющих свести к минимуму риск намеренного вмешательства так называемого «человеческого фактора». В современных реалиях опасность внутренних угроз информационной безопасности зачастую оказывается более серьёзной, чем внешнее воздействие на сетевую инфраструктуру, поскольку сотрудники могут обладать глубокими знаниями о внутренней структуре систем и использовать их для создания скрытых уязвимостей или организованных утечек данных.

Во избежание подобных рисков одним из ключевых элементов системы безопасности является строгая регламентация полномочий и доступов по принципу «минимальных привилегий», в соответствии с которым каждому сотруднику предоставляются права ровно в том объёме, который требуется для выполнения его должностных обязанностей. Стоит заметить, что доступ к критически важным сегментам

или функциям системы разделяется между несколькими исполнителями. Данная мера повышает уровень контроля, затрудняя реализацию намеренных утечек данных.

Кроме того, необходимо регулярное проведение аудитов прав доступа, систематическое протоколирование всех действий и непрерывный мониторинг активности сетевой инфраструктуры. Эти меры позволяют своевременно выявлять ситуации, связанные с превышением полномочий, и пресекать потенциальные угрозы. Ещё одним важным звеном является многоэтапный отбор персонала: тщательная проверка сотрудников перед назначением на ответственные должности, систематическая ротация кадров и периодическая переаттестация.

В совокупности эти меры создают комплексную систему информационной безопасности. Минимизация влияния человеческого фактора не только укрепляет доверие к дактилоскопической регистрации, но и повышает безопасность государства и его граждан.

Опыт Российской Федерации в организации обязательной дактилоскопической регистрации

Многие страны мира используют политику обязательной дактилоскопической регистрации для обеспечения внутренней безопасности и усиления эффективности местных правоохранительных органов. Некоторые государства установили обязательный характер дактилоскопирования исключительно иностранцев, а некоторые – и своих граждан, и иностранцев. Например, Служба таможенного и пограничного контроля США использует биометрический контроль: фотографирование и бескрасковое дактилоскопирование при въезде лиц в Соединённые Штаты с последующей проверкой информации по федеральным базам данных и принятием решения о пропуске в страну (Khan & Efthymiou, 2021). Автоматизированная дактилоскопическая информационная система Интерпола содержит более 220 тысяч отпечатков в базе и 17 тысяч следов пальцев рук, изъятых с мест происшествий (Sharma et al., 2022).

Бесценным опытом, необходимым для организации подобной системы в Казахстане, обладает Российская Федерация. Введение обязательной дактилоскопической регистрации в России, прежде всего, связано со сложной миграционной ситуацией и сопутствующей ей преступностью. Государство не может допустить, чтобы огромное число мигрантов на его территории находились практически без какого-либо контроля (Gimazetdinova, Nurislamova & Aminev, 2018:50). После внесения изменений в 357-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» дактилоскопическая и фотографическая регистрация стала обязательной для всех трудовых мигрантов, а также для иностранцев, прибывающих в Россию на срок более 90 дней (Semenistyi, 2022:91). Кроме того, лицензированными медицинскими учреждениями проводится освидетельствование на факт носительства опасных заболеваний (туберкулез, лепра, ВИЧ-инфекция) и употребления наркотических и психоактивных веществ. Данные меры позволяют как не допустить пребывания опасного по медицинским показаниям человека в стране, так и усовершенствовать работу органов внутренних дел. При совершении мигрантом преступления и обнаружении следов его пальцев рук оперативная идентификация по криминалистическим учетам позволит принять соответствующие меры в отношении правонарушителя. В настоящее время дактилоскопические информационные системы внедрены в

единую информационно-телекоммуникационную систему для накопления и интегрированного обмена информацией между правоохранительными органами (Gribunov, 2016:190).

Несмотря на обязательность дактилоскопической регистрации лиц, в отношении которых вынесено решение об административном выдворении, не все сотрудники уполномоченных органов осуществляют данную процедуру добросовестно (Sosnovskaya & Markina, 2023:112). Известны случаи, когда иностранцы, выдворенные за пределы России с ограничением права въезда в неё на определённый срок, вновь возвращались, но уже по новым паспортам. В первую очередь, это возможно из-за характерной для стран Центральной Азии коррупции, когда, используя криминальные схемы, такие граждане обретают новую личность и документы. Противодействовать этому можно путем проведения дополнительной идентификации путем сканирования отпечатков пальцев непосредственно в пунктах пропуска через государственную границу. Стоит отметить, что работа в данном направлении уже активно ведётся компетентными органами и службами России. Уже сейчас данная процедура проводится в некоторых аэропортах, а далее планируется внедрение дактилоскопического контроля на международных автомобильных и железнодорожных пунктах пропуска.

Очевидно, что казахстанские органы власти внимательно изучают российский опыт проведения дактилоскопической регистрации. Миграционная ситуация в стране осложнена преимущественно в южных регионах, граничащих с Узбекистаном и Кыргызстаном. Среди наиболее распространенных преступлений – кражи и незаконное пересечение границы. Органами внутренних дел периодически проводятся оперативно-профилактические мероприятия по предотвращению миграционной преступности, в том числе и административное выдворение правонарушителей. Активно применяя метод дактилоскопической регистрации, органы внутренних дел смогут эффективно проводить работу по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений (Kupin, 2013:43). Проведение дактилоскопической регистрации мигрантов позволит предотвратить повторное возвращение в Казахстан лиц, выдворенных с запретом на въезд.

Заключение

Проведённое исследование, посвящённое правовым, организационным и материально-техническим аспектам государственной дактилоскопической регистрации в Республике Казахстан, указывает на то, что создание и функционирование подобной системы способно оказать значительное влияние на дальнейшее развитие механизмов обеспечения национальной и общественной безопасности.

Очевидно, что дактилоскопическая регистрация должна развиваться совместно с другими средствами идентификации личности, уже используемыми органами государственной власти.

Переход к цифровым платформам и взаимодействие различных ведомственных баз данных повышает важность унификации подходов и согласованности действий ответственных структур: Министерства внутренних дел, Комитета национальной безопасности, Министерства транспорта и Министерства иностранных дел.

Их сотрудничество при формировании и последующем использовании баз данных дактилоскопической информации призвано обеспечить не только своевременное выявление потенциальных правонарушителей, но и упрощённый доступ к

необходимой информации при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Тем самым повышается оперативность деятельности правоохранительных органов и эффективность превентивных мер, направленных на недопущение совершения преступлений и нарушений общественного порядка.

Одним из важнейших практических результатов внедрения такой системы становится возможность более строгого контроля за миграционными процессами и за лицами, пребывающими на территории Республики Казахстан. Такой подход обеспечивает комплексное воздействие на криминогенные факторы, сокращает возможности для нелегального пребывания и способствует прозрачности миграционной политики.

Не менее важным аспектом является технологическое сопровождение процесса дактилоскопической регистрации. Только при наличии современных аппаратно-технических средств и программного обеспечения можно достичь стабильности качества получаемых данных и снизить процент ошибок, возникающих при их обработке.

Изучение российского опыта проведения обязательной дактилоскопической регистрации иностранных граждан вносит в исследование дополнительный сравнительный аспект. Российская практика демонстрирует, что подобные меры могут существенно упростить работу миграционных служб и правоохранительных органов.

Следует подчеркнуть, что дальнейшее расширение сферы применения дактилоскопической регистрации будет оправдано лишь при наличии должной законодательной и технологической базы. Таким образом, можно заключить, что государственная дактилоскопическая регистрация в Республике Казахстан имеет высокую степень актуальности в современных условиях жизни государства. Надлежащая организационная структура, материально-техническое оснащение, а также проработанная нормативно-правовая основа способны превратить это направление криминалистической регистрации в действенный инструмент противодействия преступности и контроля за миграционными процессами.

References / Список литературы

Alzoubi, Ye. I. (2025) Hardware security modules for sustainable energy systems: Targeted review. *International Journal of Critical Infrastructure Protection.* 50, 100791 https://doi.org/10.1016/j.ijcip.2025.100791 EDN: AJJWFC.

Britvak, N.V. (2024) Organization of Mandatory Fingerprint Registration of Foreign Citizens in the Republic of Kazakhstan. In: Southern Scientific Centre of the RAS. *XX All-Russian annual youth scientific conference with international participation 'Science of the South of Russia: Achievements and prospects': Abstracts*. Rostov-on-Don, SSC RAS Publ., p. 113. (In Russian). *Бритвак Н.В.* Организация обязательной дактилоскопической регистрации иностранных граждан в Республике Казахстан // XX Всеросс. ежегод. молодежн. науч. конф. с межд. уч. «Наука Юга России: достижения и перспективы»: тезисы докладов. Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2024. С. 113.

Dinu, D. (2025) Migration to Post-Quantum Cryptography: From ECDSA to ML-DSA. *IACR Cryptology ePrint Archive*. 1–13. Available from: https://eprint.iacr.org/2025/2025 (accessed: 18th November 2025).

Dong, H., Zhang, Y., Lee, H., Du, K., Tu, G., & Sun, Y. (2024) Mutual TLS in Practice: A Deep Dive into Certificate Configurations and Privacy Issues. In: *Proceedings of the 2024 ACM on Internet Measurement Conference (IMC '24)*. New York, Association for Computing Machinery Publ., pp. 214–229. https://doi.org/10.1145/3646547.3688415

Frolova, E.Yu. & Koshlykova, Yu.A. (2022) Human identification based on biometric data: A review of modern technologies. *North Caucasus Legal Vestnik*. (3), 167–174. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-167-174 EDN: QODNQN.

Фролова Е. Ю., Кошлыкова Ю. А. Идентификация человека по биометрическим данным: обзор современных технологий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 167–174. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-167-174 EDN: QODNQN.

Gimazetdinova, A.R., Nurislamova, A.I. & Aminev, F.R. (2018) Universal Dactyloscopic Registration and Modern Realities. *National Jurisprudence*. (1 (26)), 49–52. (In Russian). EDN: YMFJSQ.

Гимазетдинова А.Р., Нурисламова А.И., Аминев Ф.Р. Всеобщая дактилоскопическая регистрация и современные реалии // Отечественная юриспруденция. 2018. № 1 (26). С. 49–52. EDN: YMFJSQ.

Gribunov, O.P. (2016) Universal dactyloscopic registration of citizens as an element of crime prevention. *Bulletin of Tomsk State University*. (402), 188–191. (In Russian). https://doi.org/10.17223/15617793/402/27 EDN: VKEVUX.

Грибунов О.П. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан как элемент реализации криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 188–191. https://doi.org/10.17223/15617793/402/27 EDN: VKEVUX.

Hajrullova, E.T. & Shadrina, E.S. (2019) Dactyloscopy: Issues and scientific development. *Academic notes of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Interior of Russia*. 4 (2 (8)), 92–96. (In Russian). EDN: AKTIQZ.

Хайруллова Э.Т., Шадрина Е.С. Современное состояние дактилоскопической регистрации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4. № 2 (8). С. 92–96. EDN: AKTIQZ.

Jain, A.K. & Ross, A. (2015) Bridging the gap: From biometrics to forensics. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 370 (1674), 20140254. https://doi.org/10.1098/rstb.2014.0254

Khan, N. & Efthymiou, M. (2021) The use of biometric technology at airports: The case of customs and border protection (CBP). *International Journal of Information Management Data Insights*. 1 (2), 100049. https://doi.org/10.1016/j.jjimei.2021.100049 EDN: PYUIRI.

Kokushev, A.B. (2023) Standardization of accounting and registration activities of operational-criminalistic divisions of the ministry of internal affairs of the republic of Kazakhstan as a tool for increasing the efficiency of information support. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. (1 (94)), 229–236. (In Russian). EDN: FEWIOF.

Кокушев А.Б. Стандартизация учетно-регистрационной деятельности оперативно-криминалистических подразделений МВД Республики Казахстан как инструмент повышения эффективности информационного обеспечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 229–236. EDN: FEWIOF.

Kregel, A.P. (2023) On the question of the universal dactyloscopic registration of citizens in Russia. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*. (102), 58–60. (In Russian). https://doi.org/10.22250/20730284_2023_102_58 EDN: QVCJKA.

Крегель А.П. К вопросу о всеобщей дактилоскопической регистрации граждан в России // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 102. С. 58–60. https://doi.org/10.22250/20730284_2023_102_58 EDN: QVCJKA.

Kupin, A.F. (2013) Conducting obligatory dactyloscopic recording. Theory and practice. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. (4 (28)), 40–43. (In Russian). EDN: RWYOGB.

Купин А.Ф. Проведение обязательной дактилоскопической регистрации: теория и практика // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4 (28). С. 40–43. EDN: RWYOGB.

Lastre, J. K., Ko, Y., Kwon, H., & You, I. (2025) Evaluating Transport Layer Security 1.3 Optimization strategies for 5G cross-border roaming: A comprehensive security and performance analysis. *Sensors*. 25 (19), 6144. https://doi.org/10.3390/s25196144 EDN: EKWHOJ.

Martins, N., Silva, J., & Bernardino, A. (2024) Fingerprint Recognition in Forensic Scenarios. *Sensors*. 24 (2), 664. https://doi.org/10.3390/s24020664 EDN: UARDFN.

Neace, G. (2020) Biometric Privacy: Blending Employment Law with the Growth of Technology. 53 UIC J. Marshall L. Rev. 73. *UIC Law Open Access Repository*. Available from: https://repository.law.uic.edu/lawreview/vol53/iss1/3/ (accessed: 18th November 2025).

Ravikiran, P., Gnaneshwar, M., Hepsibha, E. & Srivastav, S. (2024) FPGA implementation of 256-Bit Key AES Algorithm. *International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology*. 12 (6), 282–291. https://doi.org/10.22214/ijraset.2024.63028 EDN: YDPPUO.

Rogoża, E. & Drzewiecka, K. (2021) Registration of Dactyloscopic Traces Using the TrasoScan System [Rejestracja śladów daktyloskopijnych systemem TrasoScan]. *Problems of Criminalistics* [*Problemy Kryminalistyki*]. 313 (3), 13–19. (In Polish). https://doi.org/10.34836/pk.2021.313.2 EDN: UHUZMQ.

Semenistyi, A.V. (2022) On improving the procedure of conducting mandatory state fingerprint registration and photographing in the activities of internal affairs bodies. *Law and Right.* (2), 90–92. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-2-90-92 EDN: RMZMCL.

Семенистый А.В. О совершенствовании порядка проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования в деятельности органов внутренних дел // Закон и право. 2022. № 2. С. 90–92. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-2-90-92 EDN: RMZMCL.

Sinha, N. (2024) Aadhaar, AI, and Identity: Negotiating Power and Surveillance in the Global South. *Russian Sociological Review*. 23 (4), 80–112. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-4-80-112 EDN: DIDSOI.

Sergo, S.V. & Snezhkova, Zh.Yu. (2022) On the issue of reorganization of databases of dactyloscopic records. *Yurist''-pravoved''*. 1 (100), 123–127. (In Russian). EDN: AZQRXG.

Серго С.В., Снежкова Ж.Ю. К вопросу о реорганизации баз данных дактилоскопических учетов // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 1 (100). С. 123–127. EDN: AZQRXG.

Sharma, B., Walia, M., Sharma, S. & Kumar, N. (2022) Fingerprint Science: A Review on Historical and Contemporary Forensic Perspectives. *Bulletin Of Environment, Pharmacology and Life Sciences*. Special Issue (5), 57–61.

Smirnova, S.A. (2012) *Challenges of time and expert technologies of law enforcement. Multimodal publication "Forensic Expertise: Reset"*. Vol. 1. Part 1. Moscow, ECOM Publishers. (In Russian). EDN: YKZTAV.

Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Т. 1. Ч. 1. М. : ЭКОМ Паблишерз, 2012. 655 с. EDN: YKZTAV.

Solomatina, E.A., Cherkashina, A.V. & Dreval, B.V. (2021) Institute of dactyloscopic registration in the administrative law of Russia. *Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia*. (4), 234–240. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-234-240 EDN: ZXIDRN.

Соломатина Е.А., Черкашина А.В., Древаль Б.В. Институт дактилоскопическом регистрации в административном праве России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 234–240. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-234-240 EDN: ZXIDRN.

Sosnovskaya, Yu.N. & Markina, E.V. (2023) On the issue of administrative responsibility of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation. *Bulletin of Economic Security*. (3), 109–114. (in Russian). https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-3-109-114 EDN: MOOCHZ.

Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. К вопросу об административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 109–114. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-3-109-114 EDN: MOOCHZ.

Tan, L., Chen, H., Yin, X., & Zheng, S. (2022) Research on fingerprint recognition Algorithm. *Journal of Physics: Conference Series*. 2246 (1), 012069. https://doi.org/10.1088/1742-6596/2246/1/012069 EDN: RHPPUB.

Yu, Y., Niu, Q., Li, X., Xue, J., Liu, W. & Lin, D. (2023) A Review of Fingerprint Sensors: Mechanism, Characteristics, and Applications. *Micromachines*, 14 (6). 1–34. https://doi.org/10.3390/mi14061253 EDN: AJRWGE.

Wang, J.S. (2021) Exploring biometric identification in FinTech applications based on the modified TAM. *Financial Innovation*. 7 (1), 1–24. https://doi.org/10.1186/s40854-021-00260-2 EDN: SLYQNE.

Zenitani, K. (2025) Toward a disciplined alignment in information security management. *Organizational Cybersecurity Journal: Practice, Process and People*. 1–20. https://doi.org/10.1108/OCJ-10-2022-0019 EDN: EGMXJC.

Сведения об авторе:

Бритвак Никита – аспирант кафедры судебно-экспертной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0007-9888-6987; SPIN-код: 9679-7815

e-mail: nikita_britvak@mail.ru

About the author:

Nikita Britvak – Postgraduate student of the Department of Forensic Expert Activity, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-9888-6987; SPIN-code: 9679-7815

e-mail: nikita_britvak@mail.ru

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ. РЕЦЕНЗИИ

SCIENTIFIC FORUMS. REVIEWS

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-445-450
EDN: EFBKBX

Информационная статья / Information Article

XIII Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Современные теоретические ориентиры правовой науки» – к 85-летию Валерия Васильевича Лазарева

В.С. Никитина ✉

Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
✉nikitina-vs@rudn.ru

Поступила в редакцию: 16 марта 2026 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Никитина В.С. XIII Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Современные теоретические ориентиры правовой науки» – к 85-летию Валерия Васильевича Лазарева // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 445–450. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-445-450 EDN: EFBKBX

XIII All-Russian Annual Meeting of Legal Theorists ‘Modern Theoretical Orientations of Legal Science’: Dedicated to the 85th Anniversary of Valery V. Lazarev

Valentina S. Nikitina ✉

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉nikitina-vs@rudn.ru

Received: 16th March 2026
Accepted: 15th April 2026

© Никитина В.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

For citation:

Nikitina, V.S. (2026) XIII All-Russian Annual Meeting of Legal Theorists 'Modern Theoretical Orientations of Legal Science': Dedicated to the 85th Anniversary of Valery V. Lazarev. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 445–450. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-445-450 EDN: EFBKBX

25 февраля 2026 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации прошло XIII Общероссийское годовое собрание теоретиков права. Форум был посвящён 85-летию выдающегося правоведа *Валерия Васильевича Лазарев*а. По единодушному мнению коллег, ученый был теоретиком права по призванию и оставил огромное научное наследие, касающееся пробельности права, социальной и юридической уникальности правоприменительных актов, социально-психологических аспектов применения правовых норм, правопонимания и др. В 1963 году *В.В. Лазарев* с отличием окончил юридический факультет Казанского государственного университета, где вырос от ассистента до профессора. Казанская правовая школа – одна из авторитетных в России, известная своей фундаментальностью и академической основательностью. *В.В. Лазарев* не только впитал лучшие традиции казанской школы права, но и преумножил их, создавая самостоятельные направления исследования. Переехав в Москву, *В.В. Лазарев* продолжил творческие изыскания, работая в Академии МВД, Правовом управлении аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. За годы яркой научной карьеры Валерий Васильевич воспитал несколько поколений российских юристов. Под его научным руководством защищено 10 докторских диссертаций, а также свыше 50 диссертаций на соискание учёной степени кандидата юридических наук; является автором свыше 300 научных работ, 8 учебников по теории государства и права и истории политических и правовых учений. Достаточно вспомнить его акт мужества и научной твердости. Речь идёт о кандидатской диссертации «Пробелы в праве и методы их установления» (Москва: МГУ, 1967), которая во многом нанесла удар доктрине совершенства социалистического права и идеям беспробельности советской системы права. Положение о наличии пробелов в системе социалистического права разрушило догматические воззрения об абсолютизации права эпохи социализма. *В.В. Лазарев,* по сути, доказал, что советское право «живое», развивающееся и нуждающееся в совершенствовании. Его докторская диссертация и одноименная монография «Эффективность правоприменительных актов» (Казань, 1975) была впервые в отечественной юридической науке подготовлена с использованием социологического и социально-психологических методов. Автор не отодвинул принцип законности, но доказал главное – эффективность принятого решения. В последующих научных работах *В.В. Лазарев* исходил из того, что право – живой и саморазвивающийся механизм, подчинённый внутренним законам эволюции. В последующем эволюционный взгляд на право доминировал в научных изысканиях учёного.

Собрание открыла директор ИЗиСП, академик *Т.Я. Хабриева*, которая рассказала о творческом жизненном пути *В.В. Лазарева*, научных работах, которые явились вехой, ступенью в развитии отечественного правоведения. С поздравлением и пожеланием творческих успехов к участникам собрания обратились: председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Федерального Собрания РФ, канд. юрид. наук *С.В. Кабышев*, заместитель министра юстиции РФ

К.Ю. Понферов и др. На пленарном заседании с докладами, посвященными памяти *В.В. Лазарева*, выступили: д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина *А.В. Корнев*; д-р юрид. наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии МВД России *В.М. Баранов*; д-р юрид. наук, профессор, сотрудник ИЗиСП при Правительстве РФ *Н.Н. Черногор;* д-р юрид. наук, профессор, профессор Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы *Н.А. Власенко* (тезисы его доклада – в приложении к статье) и др.

В составе Собрания работало 7 научных секций («Валерий Васильевич Лазарев – учёный, опередивший время»; «Теоретико-правовая наука на современном этапе: переосмысливая наследие В.В. Лазарева»; «Пробелы в праве: от идей В.В. Лазарева к новациям цифровой эпохи» и др.).

В завершение Собрания теоретиков права была принята Декларация по итогам XIII Общероссийского годового собрания теоретиков права «Современные теоретические ориентиры правовой науки (к 85-летию Валерия Васильевича Лазарева)». В документе обозначены вехи в исследовании творческого наследия учёного, а также научная программа развития теоретико-правовой науки и отраслевых юридических наук.

Также состоялась презентация сборника, посвящённого памяти В.В. Лазарева: «Расширяя горизонты теории права: сборник научных статей памяти Валерия Васильевича Лазарева» / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, С.В. Кабышев и др. ; отв. ред. Т.Я.Хабриева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2026. 320 с.

Приложение: тезисы доклада на XIII Общероссийском годовом собрании теоретиков права «Современные теоретические ориентиры правовой науки» (к 85-летию Валерия Васильевича Лазарева) д-ра юрид. наук, профессора, профессора кафедры теории права и государства РУДН Н.А.Власенко

Лазарев В.В.: человек, учёный, педагог (тезисы доклада)

С Валерием Васильевичем Лазаревым я познакомился в начале апреля 1982 г. В то время завершал учёбу в очной аспирантуре Свердловского юридического института (кафедра теории государства и права), подготовил диссертацию на тему: «Коллизионные нормы в советском праве». Кафедру возглавлял знаменитый профессор С.С. Алексеев, что было гордостью и членов кафедры, и аспирантов. Научным руководителем был назначен профессор Александр Фёдорович Черданцев. Встал вопрос об оппонентах, и А.Ф. Черданцев неожиданно для меня предложил В.В. Лазарева. Я мечтать об этом не смел, ректорат Института направил В.В. Лазареву телеграмму с соответствующей просьбой. В.В. Лазарев ответил быстро и кратко: «Оппонировать согласен». Защита моей диссертации прошла хорошо. В.В. Лазарев поддержал мою работу. Уезжал он на другой день поздно вечером поездом «Свердловск–Казань». А.Ф. Черданцев предложил прокатиться на лыжах (снег ещё лежал). Сам А.Ф. Черданцев был заядлым лыжником. Он, скажем так, назначил встречу у себя дома утром. Нужно было выбрать лыжи. Дело в том, что Александр Фёдорович проживал рядом с железнодорожным вокзалом, а В.В. Лазарев жил в гостинице «Свердловск», что напротив вокзала. У Александра Фёдоровича был целый набор лыж: он пояснил, что любит покупать новые лыжи, но старые, на всякий случай, не

выбрасывает. Прихватив лыжи, мы пошли на железнодорожный вокзал. Александр Фёдорович предложил электричкой поехать на Чёртово городище и там провести день.

Чёртово городище меня поразило: это небольшие горы, а из-под земли торчат абсолютно чёрные камни, где-то напоминающие чертей, отсюда, видимо, историческое название этой местности. День расходился, появилось солнце. В низинах гор воздух хрустальный, свежий весенний лес, лежал уже темнеющий снег. Мы катались, удовольствию не было предела. Я прихватил с собой в рюкзаке термос с чаем, котлеты и др., т.е. то, что осталось от вчерашнего банкета. Конечно, не забыл и коньяк. Подустав, мы сели, я развёл небольшой костёр и на полочках стали разогревать котлетки, пить чай. Черданцев и Лазарев всё время что-то обсуждали, где-то спорили. Я, честно говоря, мало что понимал, да и сказывалась усталость после защиты. Но понимал другое – как мало я знаю, и сколько ещё предстоит осваивать.

Вечером я проводил В.В. Лазарева на поезд, он уехал и, по-моему, был доволен общением с кафедрой, С.С. Алексеевым, А.Ф. Черданцевым, лыжной прогулкой.

Интересно то, что в последующие десятилетия и Черданцев, и Лазарев нередко мне с удовольствием говорили: как хорошо тогда мы покатались на лыжах.

Мои приятельские отношения с В.В. Лазаревым не прервались. Вскоре он переехал в Москву, а затем и я. Наши встречи участились, особенно когда он перешёл работать в ИЗиСП при Правительстве РФ. Мы летали в Екатеринбург на защиту докторской диссертации Н.Н. Тарасова, на конференцию по конкретизации права в Геленджик, были в Суздале на научной конференции по ограничениям в праве, многократно ездили в Нижний Новгород на научные форумы по проблемам юридической техники и т.д.

С В.В. Лазаревым в дороге было приятно, он не докучал разговорами. Не любил, когда осуждали коллег. Иногда резко обрывал такие разговоры, чему я был свидетелем.

В.В. Лазарев к коллегам был внимателен, отзывчив. Я, например, попросил его подготовить рецензию на мою книгу «Разумность и определённость в правовом регулировании» (М., 2015). Он согласился, не скажу, что с большой радостью. Тем не менее, рецензия была подготовлена и опубликована[1]. Практически со всеми замечаниями и предложениями я согласился. Ещё многое можно сказать о В.В. Лазареве как о человеке и товарище. И всё это исключительно в положительных тонах.

В 70-е гг. прошлого века советская теория права развивалась достаточно сдержанно. Фундаментальных книг было немного. В то время как теория социалистического государства «развивалась» семимильными шагами, если об этом судить по количеству выпущенных источников. Такой анализ я проводил. Пробельность в теории права восполнил В.В. Лазарев. У него вышли книги и научные статьи, посвящённые правоприменению, пробелам в праве, правоприменительным актам, социально-психологическим аспектам применения права и др[2].

[1] См.: *Лазарев В.В.* Об органичности для права разумности и определённости (рецензия на книгу: Власенко Н.А. «Разумность и определённость в правовом регулировании») // Избранное последнего десятилетия. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2020. С. 367–372.

[2] См.: *Лазарев В.В.* Избранное последнего десятилетия. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2020. 760 с.

Заметим, советская доктрина права исходила из презумпции, что советская система права беспробельна[3], а также в ней отсутствуют коллизии. С последним я столкнулся воочую. Когда подготавливалась к обсуждению моя кандидатская диссертация «Коллизионные нормы в советском праве», о чём я отмечал, то один из профессоров кафедры мне сказал прямо – в советском праве нет коллизий и быть не может. Я, честно говоря, растерялся, и сильно переживал по этому поводу. В конечном итоге всё утряслось, и кафедра единогласно рекомендовала диссертацию к защите.

Некоторое время назад в «моду» вошло интегративное правопонимание, и в эти двери валом повалили бывшие позитивисты, естественники и т.д. Одна дама в своей монографии даже воскликнула, что, наконец-то, нашлась методологическая теория, которая всё объясняет. Не устоял и В.В. Лазарев, посвятив несколько весьма осторожных статей данной проблеме[4]. Например, он писал, что «нормативистское понимание права импонирует не только своей пригодностью к практическому использованию, но и выходом на интегративное восприятие»[5]. Однако после того, как вышла известная статья А.Ф. Черданцева «Интегративное недопонимание права»[6] и были подведены итоги «Круглого стола», где обсуждалась данная публикация, В.В. Лазарев перестал популяризировать эту теорию. Я в разговоре с ним сказал, что Вы ратуете за несколько определений права, что говорит о шаткости интегративного правопонимания. В.В. Лазарев посмотрел на меня и многозначительно промолчал. К слову сказать, «Круглый стол», который провёл Лазарев в связи с появлением статьи А.Ф. Черданцева, был бурным, эмоциональным. Один из коллег предложил написать жалобу по месту работы на автора скандальной статьи, на что В.В. Лазарев отреагировал крайне негативно.

В.В. Лазарев по отзывам был хорошим преподавателем и педагогом. Он читал курс теории государства и права, истории политических и правовых учений. О его системном и глубоком представлении учебного материала можно судить по его учебникам, учебной литературе, выходившими под его редакцией[7].

В завершение своих воспоминаний о Валерии Васильевиче Лазареве скажу следующее. Я очень рад и где-то горжусь тем, что мне привелось общаться с этим человеком. В этом смысле мне в жизни повезло. Творчество этого видного учёного, исследователя права требует всестороннего системного изучения и изложения. Это будет полезно не только для тех, кто работает в сфере теории государства и права, но и для начинающей творческой молодёжи.

[3] *Панов В.С.* К вопросу о пробелах в праве : автореферат дис., канд. юрид. наук ; Акад. наук СССР. Ин-т права. М. : [б. и.], 1950. 29 с.

[4] См.: *Лазарев В.В.* Поиск права // Избранные труды : в 3 томах. Т. 2 : Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М. : Новая юстиция, 2010. С. 432–451; Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права // Избранные труды : в 3 томах. Т. 3 : Из истории политической мысли. М. : Новая юстиция, 2010. С. 198–216; и др.

[5] *Лазарев В.В.* Поиск права. С. 447.

[6] Журнал российского права. 2016. № 10. С. 10–16.

[7] См.: *Лазарев В.В.* Теория государства и права. М. : Акад. МВД РФ, 1992. 182 с.; Общая теория права и государства : учеб. для юрид. вузов / [В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, А. П. Герасимов и др.] ; под ред. В. В. Лазарева. М. : Юрист, 1994. 367 с. Книга выдержала 4 издания (1994, 1996, 1999, 2005); и др.

Сведения об авторе:

Никитина Валентина Сергеевна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории права и государства, старший научный сотрудник, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1782-2305; SPIN-код: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

About the author:

***Valentina S. Nikitina* –** Candidate of Legal Sciences, Assistant of the Department of Theory of Law and State, Senior Researcher, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1782-2305; SPIN-code: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-451-456
EDN: EHOMYZ

Информационная статья / Information Article

Рецензия на лекцию: А.В. Федоров «Уголовная ответственность юридических лиц как новое направление развития законодательства за рубежом», г. Москва, юридический институт РУДН, 6 марта 2026 года

О.А. Кузнецова ✉, **Л.Р. Клебанов** *

Российский университет дружбы народов, *г. Москва, Российская Федерация*
✉kuznetsova-ola@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 12 марта 2026 г.
Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Кузнецова О.А., Клебанов Л.Р. Рецензия на лекцию: А.В. Федоров «Уголовная ответственность юридических лиц как новое направление развития законодательства за рубежом», г. Москва, юридический институт РУДН, 6 марта 2026 года // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 451–456. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-451-456 EDN: EHOMYZ

Review of the lecture: A.V. Fedorov “Criminal Liability of Legal Entities as a New Direction in the Development of Foreign Legislation”, Law Institute of RUDN University, Moscow, March 6, 2026

Olga A. Kuznetsova ✉, **Lev R. Klebanov**

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉kuznetsova-ola@rudn.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.
Received: 12th March 2026

© Кузнецова О.А., Клебанов Л.Р., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Accepted: 15th April 2026

For citation:

Kuznetsova, O.A., Klebanov, L.R. (2026) Review of the lecture: A.V. Fedorov “Criminal Liability of Legal Entities as a New Direction in the Development of Foregn Legislation”, Law Institute of RUDN University, Moscow, March 6, 2026. *RUDN Journal of Law.* 30 (2), 451–456. (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-451-456 EDN: EHOMYZ

6 марта 2026 г. в юридическом институте РУДН кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики была организована открытая лекция, спикером которой выступил заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, Заслуженный юрист РФ, канд. юрид. наук, профессор *Александр Вячеславович Федоров*. Тема лекции звучала следующим образом: «Уголовная ответственность юридических лиц как новое направление развития законодательства за рубежом».

О том, насколько значимым и весомым было это событие, свидетельствовал не только полный лекционный зал, который не смог вместить всех желающих, но и личное присутствие и активное участие в работе мероприятия директора юридического института РУДН, д-ра юрид. наук, профессора, заведующего кафедрой международного права юридического института РУДН, Заслуженного юриста Российской Федерации, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Члена Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Члена экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации *Аслана Хусейновича Абашидзе* и д-ра юрид. наук, профессора, профессора кафедры теории права и государства юридического института РУДН, Заслуженного юриста Российской Федерации, председателя постоянно действующего диссертационного совета ПДС 0900.006 по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки) *Николая Александровича Власенко.*

Если составить перечень наиболее актуальных и сложных проблем современного уголовного права, то учение об уголовной ответственности юридических лиц занимает в этом перечне особое место, поскольку равнодушных к этой тематике среди экспертного сообщества (будь то представители юридической науки или практические работники) точно нет. Идея о включении в российское уголовное законодательство института об ответственности юридических лиц, если так можно выразиться, раскалывает специалистов на два лагеря: сторонников и категорических противников. Несмотря на то, что данный институт воспринят уголовными законами многих стран, которые принадлежат к различным правовым семьям, в российской уголовно-правовой науке этому институту уделяется недостаточное внимание, а для студентов юридических вузов он и вовсе является “terra incognita”. Тем ценнее для наших слушателей был материал, изложенный *А.В. Федоровым*, – спикер рассказал слушателям о генезисе этого сложного института, о его исторических корнях и особо подчеркнул, что важную роль в его становлении сыграло решение Нюрнбергского трибунала о признании преступными некоторых организаций гитлеровской Германии.

Особое внимание *А.В. Федоров* уделил социальной обусловленности данного института в современный период, когда общественная опасность содеянного юридическим лицом может многократно превосходить (и превосходит) общественную

опасность преступления, совершенного человеком. Спикер совершенно обоснованно предложил считать институт уголовной ответственности юридических лиц эффективным средством противодействия корпоративной преступности, которая включает в себя самые разнообразные формы: от налоговых преступлений до уголовно наказуемого загрязнения окружающей среды.

Одним из ключевых вопросов института уголовной ответственности юридических лиц выступает некоторая его «рассогласованность» с таким важным принципом уголовного права, как принцип вины, и, надо сказать, что именно это обстоятельство зачастую используют противники института уголовной ответственности юридических лиц в качестве одного из основных аргументов «contra». В своей лекции *А.В. Федоров* особо подчеркнул этот проблемный вопрос, предложив научно обоснованный выход его решения. Отдельно стоит упомянуть «страноведческий» аспект лекции Александра Вячеславовича: докладчик рассказал слушателям об особенностях уголовно-правовых норм данного института по законодательству ряда стран Западной и Восточной Европы, Северной Америки и Азии.

Как и всякое знаменательное научное событие, лекция *А.В. Федорова* стала триггером для научной дискуссии и обсуждения проблемных вопросов, ответы на которые призваны обогатить научную теорию уголовной ответственности юридических лиц. Мы перечислим здесь лишь некоторые, хотя, на самом деле, их гораздо больше.

1. Необходимость проведения криминологической экспертизы этой новеллы для российского уголовного законодательства с тем, чтобы просчитать возможные положительные и отрицательные последствия института уголовной ответственности юридических лиц. Российское уголовное законотворчество должно отражать фактические криминальные реалии и учитывать действительное положение дел в экономике, управлении, социальной сфере и т.п. Никто не будет отрицать, что вступление в силу уголовного (впрочем, как и любого другого) закона знаменует своего рода социальный эксперимент, участниками которого, вольно или невольно, выступают все находящиеся на территории Российской Федерации лица, обладающие признаками субъекта преступления. Возможное введение уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство будет, пожалуй, самым масштабным процессом криминализации и пенализации, которые, в свою очередь, должны соответствовать чётким критериям.

Вопрос о том, насколько такие критерии будут соблюдены, остаётся открытым, и в этом направлении открываются широкие возможности для научных исследований, в которых, мы надеемся, примут активное участие сотрудники, аспиранты и студенты нашей кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

2. Отдельной проблемой выступает ярко выраженная бланкетность уголовно-правовых норм данного института. Правильное его применение невозможно без соответствующей гармонизации с положениями гражданского, банковского, предпринимательского, акционерного и других отраслей права, регулирующих хозяйственно-экономический оборот. Более того, возникает вопрос о том, все ли юридические лица будут подлежать уголовной ответственности или все же какие-то из них получат иммунитет от уголовного преследования в связи с определённой организационно-правовой формой? Сам *А.В. Федоров* в своей лекции подчеркнул, что в некоторых странах к уголовной ответственности не привлекаются юридические лица, созданные государством. Ведущие отечественные ученые-юристы уже давно

говорят об особом статусе и значении юридических лиц публичного права[1], и, вполне возможно, что это придаст новый вектор научным исследованиям в рамках учения об уголовной ответственности юридических лиц.

3. Вероятность исключения государственных юридических лиц из числа субъектов уголовной ответственности порождает дискуссию о соблюдении правил добросовестной конкуренции в тех случаях, когда такие государственные юридические лица являются коммерческими организациями и занимаются предпринимательской деятельностью. Очевидно, что в ряде случаев эта неприкосновенность совершенно оправдана – например, если юридическое лицо (причём любой организационно-правовой формы) участвует в выполнении государственного оборонного заказа (ГОЗ). Привлечение к уголовной ответственности юридического лица, участвующего в выполнении ГОЗ, может повлечь весьма негативные (если не сказать, катастрофические) последствия для обороноспособности и безопасности государства.

В то же время в других сферах предпринимательской деятельности «уголовная неподсудность» некоторых категорий юридических лиц может породить неравные условия конкурентной борьбы, что, в свою очередь, может негативно сказаться на положении дел в данной сфере.

4. Противники института уголовной ответственности юридических лиц выдвигают часто и такой аргумент «contra»: «уголовная ответственность юридических лиц является, по сути дела, коллективной ответственностью», поскольку такая ответственность ляжет на всех сотрудников организации, включая тех, кто свои обязанности выполняет добросовестно и без нарушения закона. Такой важнейший вопрос, конечно же, должен получить свой ответ, который будет научно обоснован. В самом деле, в такой ситуации «под ударом» могут оказаться трудовые права ни в чем неповинных работников такого юридического лица, что, в свою очередь, может вызвать неблагоприятные последствия «по принципу домино»: сотрудники потеряют работу, а их семьи окажутся без средств к существованию, что повлечёт дополнительную социальную напряжённость, рост правонарушений, массовый отток трудоспособного населения и т.п.

Примечательно, что в ходе своей лекции уважаемый Александр Вячеславович не обошёл этот вопрос стороной и сказал, что, например, градообразующие предприятия к уголовной ответственности привлекать нельзя, что лишний раз свидетельствует о том, насколько докладчик глубоко и профессионально погружен в изучаемую проблему.

5. Содержательная и насыщенная лекция *А.В. Федорова* подвигает нас на то, чтобы заняться и футурологией права – никакого противоречия тут нет, ведь учение о юридическом прогнозировании сегодня представляется весьма перспективным и важным научным направлением[2]. Стремительная информатизация и цифровизация всех сфер человеческой жизни, невероятные достижения науки и техники, развитие технологий искусственного интеллекта в прямом смысле слова «сказку сделали былью» – то, что вчера ещё казалось исключительно плодом

[1] *Ястребов О.А.* Юридическое лицо публичного права: вопросы теории и практики. М. : Наука, 2010. 382 с.

[2] *Агамиров К.В.* Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика : монография; под науч. ред. Р.В. Шагиевой. М. : Юркомпани, 2015. 406 с. EDN: VEGQMP.

воображения писателей-фантастов, сегодня уже воспринимается как само собой разумеющееся. И вот уже активно обсуждается «проблематика правосубъектности электронного лица как инновационного образования, что связано с активным использованием цифровых технологий и робототехники практически во всех сферах и возникновением децентрализованных автономных организаций»[3]. Но если мы говорим о перспективной возможности признать правосубъектность электронного лица, то можно ли говорить об электронном юридическом лице как субъекте права и субъекте юридической (в том числе и уголовной) ответственности? Представители современной юридической науки отвечают на этот вопрос положительно и высказывают предложение о том, что в «нормативно-правовую плоскость следует ввести категорию «электронное юридическое лицо» предусмотрев возможность юридическому лицу полностью осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность в цифровой среде...»[4].

Мы надеемся, что тема уголовной ответственности электронных юридических лиц окажется в самом деле прорывной, а студенты и аспиранты нашей кафедры будут пионерами в её освоении: ведь, как известно, «дорогу осилит идущий», а «путь в тысячу миль начинается с первого шага». И эти надежды не беспочвенны – наши студенты и аспиранты были активными слушателями и задавали докладчику весьма непростые вопросы. К сожалению, регламент мероприятия не позволил принять участие в дискуссии всем желающим, а сам Александр Вячеславович отметил очень высокий уровень подготовки студентов и аспирантов нашей кафедры и выразил надежду на дальнейшее научное взаимодействие.

Для кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН лекция *А.В. Федорова* была вдвойне знаковым событием – 24 апреля 2026 года в Постоянно действующем диссертационном совете при РУДН (ПДС 0900.006 по специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки) состоялась защита докторской диссертации Александра Вячеславовича на тему «Теоретические основы уголовной ответственности юридических лиц (сравнительно-правовое исследование)». А это значит, что праздник большой уголовно-правовой науки продолжается, и, что особенно приятно, местом этого праздника стал (в который раз) Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Сведения об авторах:

Кузнецова Ольга Алексеевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID: 0000-0003-1066-3783; SPIN-код: 8755-2997

e-mail: kuznetsova-ola@rudn.ru

[3] *Ястребов О.А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55. EDN: XSLRRJ.

[4] Соловьев П.В. Электронные юридические лица, электронный государственный орган как потенциальные направления развития субъектного состава современных правовых отношений // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 20 сентября 2024 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного ун-тета, 2024. С. 214–217.

Клебанов Лев Романович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-код: 8500-6094

e-mail: klebanov-lr@rudn.ru

About the authors:

Olga A. Kuznetsova – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1066-3783; SPIN-code: 8755-2997

e-mail: kuznetsova-ola@rudn.ru

Lev R. Klebanov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-code: 8500-6094

e-mail: klebanov-lr@rudn.ru